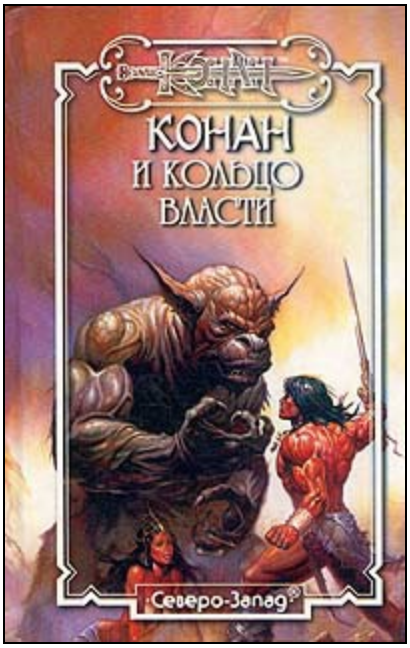
•



Крис Уэйнрайт

Кольцо власти

(«Северо-Запад», 1998, том 43 «Конан и Кольцо Власти»)

Часть первая

РОКОВАЯ ОХОТА

Глава первая

Таких медведей барону видеть еще не приходилось. Невероятное зрелище! Оскаленная морда огромного матерого зверюги, вставшего на задние лапы, доставала до нижних веток вековых сосен, а ведь под ними мог свободно проехать всадник.

Все было хорошо подготовлено умелыми людьми герцога Бьергюльфа, ничто не предвещало несчастья. Вельможные охотники, оставив коней в паре лиг отсюда, где был

разбит лагерь, подошли в сопровождении двух десятков егерей к заранее разысканной берлоге. Вооруженные тяжелыми боссонскими луками, они встали полукругом на предварительно вытоптанном снегу, изготовившись для стрельбы. Выжлятники с рогатинами и кольями двинулись вперед и окружили огромный бугор, заваленный снегом. Главный егерь дал команду подвести собак, которые залились звонким лаем, почуяв медведя. Псы рвались на поводках, отбрасывая снег задними лапами. Несколько человек подошли ко входу в берлогу и стали осторожно ворошить кольями сучья, стремясь потревожить зверя. Изнутри раздалось глухое ворчание, но медведь не показывался. Тогда охотники стали тыкать палками более энергично, но их усилия оставались тщетными. Спустили собак, они с лаем бросились к слегка раскрытому входу в убежище зверя, а люди, осмелев, подошли еще ближе и рогатинами стали отбрасывать ветки и сучья, расширяя лаз.

Все произошло стремительно и совершенно неожиданно для охотников. Зверь появился совсем не там, где его ожидали, а чуть в стороне от основного входа в свое убежище. Вдруг сугроб сбоку от толстого замшелого ствола старой ели взметнулся вверх, и мгновение спустя бурый великан с грозным рыком вырос на фоне заснеженного леса. Это был гигантский медведь, вздыбленная шерсть увеличивала его размеры до совершенно невероятных. Вид зверя напугал даже специально обученных охоте на медведя собак, которые присмирели, и их свирепый доселе лай сорвался на испуганный визг. Разъяренное чудовище, раскидывая по сторонам сучья, отбросило нескольких находившихся ближе всего к нему людей, словно это были тряпичные куклы. Кольцом окружившие берлогу охотники в страхе отпрянули в стороны.

Разбуженный от спячки великан был в ярости, из его оскаленной пасти вырвался оглушительный рев, повергший всех в ужас. Охотники опешили и на мгновение замерли. Даже Амальрик, бывалый человек, многое повидавший в своей жизни, почувствовал, как у него похолодело внутри. Первым опомнился Гутторм. Он припал на одно колено и спустил тетиву лука. Свист стрелы остался неслышным среди криков людей, рычания зверя и собачьего визга. Стальной наконечник, скользнув по голове медведя, вырвал клок шерсти, не причинив зверю особого вреда. Амальрик выстрелил следом. Он попал, куда метил, — под левую переднюю лапу, но и его стрела не смогла пробить шкуру великана, застряв в необъятной туше медведя.

Эту рану зверь, видимо, почувствовал. Взревев, он бросился вперед. Егеря пытались остановить его рогатинами, но он переломил их, как хворостинки, попутно снеся голову одному из охотников ударом лапы.

— Коли его сзади! — успел крикнуть Бьергюльф, стреляя из лука.

Несколько дротиков вонзились в спину медведя. Собаки, натравляемые псарями, повисли на его задних лапах. Это спасло благородных охотников от неминуемой гибели, потому что до них оставалось не более десятка шагов. Медведь присел и, развернувшись, бросился на собак, стряхивая свирепых псов, словно мелких докучливых насекомых. С жалобным визгом отлетали они в стороны.

Снег окрасился кровью. Большинство осталось лежать без движения, но некоторые, ведомые охотничьим инстинктом, вскакивали и вновь кидались на зверя, но, отброшенные могучей лапой, взмывали в воздух уже с распоротыми животами или перебитыми хребтами. Вокруг кровавой круговерти суетились егеря, пытаясь поразить зверя остриями кольев и рогатин. Но движения лесного владыки были столь стремительны, что удары либо попадали вскользь, либо вообще не доставали гигантское животное.

— Отходи в сторону! — взревел Амальрик, делая несколько шагов вперед.

Бьергюльф и Гутторм последовали за ним, расходясь чуть по сторонам и сжимая в руках копья. Они придвигались к месту схватки, но не решались ударить, боясь поразить егерей. Медведь, раскидав собак, поднялся во весь свой громадный рост, сбил с ног еще нескольких человек и стремительно бросился в чащу, ломая ветки. Амальрик метнул вдогонку копье, но промахнулся. Треск ломаемого дерева и злобный рев медведя еще некоторое время стояли над лесом, потом шум затих где-то вдали.

— Нергал мне в печень! — Амальрик в ярости бросил перчатку на снег. — Ушел!

Бьергюльф прижал ладони к лицу, словно пытаясь избавиться от наваждения. Все произошло так стремительно и неожиданно, что он даже не успел воспользоваться своим копьем с широким длинным наконечником, которое не один раз решало дело, нанося смертельный удар. Добыча ускользнула. Те, кому повезло избежать встречи с могучими когтистыми лапами, занялись ранеными. Несколько егерей лежали на снегу, не подавая признаков жизни. Другие, стеная и охая, пытались приподняться, но вновь валились наземь, не в силах двигаться самостоятельно. Изуродованные тела десятка собак довершали картину побоища.

— Соберите раненых и идите в деревню, — распорядился Гутторм, подозвав старшего егеря. — Собак добейте.

Он еще раз оглядел вспаханную схваткой, покрытую многочисленными пятнами крови поляну средь вековых сосен и, вздохнув, подошел к Амальрику с Бьергюльфом, которые возбужденно обменивались короткими фразами.

— Теперь, когда зверя подняли, его необходимо убить, иначе не оберешься бед, — кивнул Гутторм в сторону пролома, где скрылся лесной гигант.

Управляющий Бьергюльфа был, безусловно, прав: разбуженный от зимней спячки медведь не заляжет снова и до самого лета станет шататься по окрестностям, наводя страх на жителей деревень, убивая скотину, а при случае и людей. — А! — махнул рукой Бьергюльф. — Задерет пару коров у крестьян, и все. Может быть, и свою смерть встретит.

— Не скажи, — ответил Амальрик, рассматривая след зверя, величиной в две человеческих ступни, — этого людям взять не под силу. Нет ли здесь какого чародейства? Что-то прежде я не встречал медведей столь громадных размеров.

Собеседники обменялись настороженными взглядами, в которых читались невысказанные опасения.

— О чем вы, месьор? — испуганно спросил Гутторм. — Я никогда не слышал о заколдованных медведях в наших лесах…

— Помолчи! — прикрикнул на него Бьергюльф. — Барон, скорее всего, прав. Ты же сам видел: этого не достать ничем — ни стрелой, ни копьем. Шкура словно из железа…

— Да еще из какого железа! — подхватил Амальрик. — Заметь: с расстояния, что били егеря, латы пробить можно. А тут три или четыре дротика попали, а ему хоть бы что…

— Непостижимо! — Бьергюльф никак не мог прийти в себя. — Что-то здесь явно нечисто…

До лагеря шли молча. Происшедшее заставило каждого задуматься о своем. Они не первый раз вместе охотились в богатых лесных угодьях герцогства Хельсингер, и немало медвежьих шкур и лосиных голов с ветвистыми рогами украшало стены замков добычливых охотников. А вот такая неудача выпала на их долю впервые.

Все трое были крепкими, мужественными и умелыми воинами и не раз одерживали

верх в жарких схватках не только на охоте, но и в битвах против врагов о двух ногах. Сегодняшнее происшествие, когда один зверь вышел победителем против трех десятков охотников и целой своры натасканных собак, повергло людей в глубокое уныние. Никто не мог найти разумного объяснения случившемуся. Разве лишь то, что высказал барон Амальрик. Похоже, он был прав: без магии здесь не обошлось.

«Может, на самом деле, — размышлял про себя Гутторм, ведя коня на поводу по узкой дороге вслед за господами, — появление такого зверя должно что-то означать. Только что именно и для кого? Вот в чем вопрос…»

Он почесал бороду и усмехнулся своим мыслям. В этих затерянных в предгорной глуши землях Немедии, в герцогстве Хельсингер, происходило много необычного, что могло быть истолковано лишь присутствием потусторонних сил. Да если послушать стариков, то окажется, что почти в каждом роду случалось нечто таинственное, о чем вспоминали с крайней неохотой. Рано или поздно отголоски давних событий, возникнув из глубины веков, отзывались болью и невосполнимыми утратами для потомков, ведать не ведавших о прегрешениях своих предков и за что им кара сия. В заснеженных краях Хельсингера происходило немало темного и непонятного, а в каждом странном случае при желании можно было увидеть то или иное предзнаменование, посланное неведомыми силами.

Взять хотя бы неожиданную смерть герцога Гюннюльфа. Крепкий здоровый мужчина, еще и пяти десятков ему не было… Гутторм вспомнил, как почти два года назад, поздней весной, он провожал своего господина на охоту в эти же леса, что простирались от Блудова Болота до земель Пограничного Королевства. Сам он тогда был оставлен герцогом присмотреть за крестьянами одного из подвластных селений, которые восстанавливали свои постройки после опустошительного пожара.

Они расставались всего лишь на неделю, но больше никогда Гутторм не увидел своего господина, как, впрочем, и человек десять отправившейся вместе с ним челяди. Все сгинули без следа. Сколько ни искали, сколько ни прочесывали окрестные леса и болота, не нашли ничего — ни малейшего клочка ткани от одежд, ни оброненной стрелы, ни углей от костров. Как будто дюжина человек с конями и поклажей вознеслась на небо, не задев ни одной ветки старого замшелого леса.

Тайна? Еще какая!

Даже маги и колдуны окрестных селений не смогли ничего обнаружить по своим старым свиткам или чародейским предметам. Ничего! Кто знает, может быть, этот гигантский зверь связан темными силами с неупокоившимся духом пропавшего владельца замка и не зря именно его подняли в неурочный час? Все случившееся покрыто мраком так же, как зимой завалены снегом бескрайние лесные пространства, и не стоит ломать себе голову над тем, что уму человеческому неподвластно!

Гутторм поплотнее запахнул на себе теплый, подбитый мехом кафтан и уперся взглядом в нетронутый снег, обрамлявший белым валом утоптанную тропу. Снег уже немного потемнел, сугробы слегка осели под своей тяжестью.

«Скоро весна, — подумал старый управляющий Хельсингера, — и тогда вряд ли здесь проедешь верхом. Топи разверзнутся непролазные».

Он опять усмехнулся. Непролазные! Вот там, откуда он был родом, топи так топи! Еще больше болот, и леса более глухие. Забытая всеми глушь… Гутторм происходил из старого немедийского рода, чьи владения находились на рубежах с Бритунией и Пограничным Королевством, на самом севере дикого края. Вести из Нумалии, не говоря уж о Бельверусе,

доходили туда через одну-две луны после того, как что-то происходило. В тех краях появление чудовищного медведя навеяло бы совсем другие мысли! Местные жители, в числе которых было много бритунцев, верили, что повелителем их лесов является бог Локис, принявший облик огромного медведя. Гугторму пришла на ум старинная легенда из далекого детства: о Хозяине Лесов, Неспящем Медведе, бродящем по лесам круглый год, и зимой и летом. Все живое вокруг подчиняется его воле, и ничто не ускользнет от всевидящего взора.

Гутторм содрогнулся, вспомнив гигантского зверя, его огромные лапы и морду, величиной с бочонок для вина, вздыбленную шерсть и ужасную оскаленную пасть с желтыми клыками. Нет, этот медведь не может быть Локисом, тот же никогда не спит! Эта мысль несколько успокоила старого управляющего, и он вновь вернулся к воспоминаниям об отчем доме. Давно он не был на родине, да и не ждет его там никто. Двоюродные братья, завладевшие баронством, вряд ли особенно обрадуются появлению кузена. Покинул родные края — значит, так было угодно богам, да и на наследство претендентов меньше. Хотя доля его была небольшой, совсем небольшой, все же вряд ли родственничкам придется по вкусу хоть чем-то поделиться с ним. Да он и думать об этом давным-давно перестал, что толку!

Гутторм вздохнул, бросил рассеянный взгляд на идущих впереди барона и Бьергюльфа и вновь вернулся к своим мыслям. Перед глазами чередой промелькнули события давних лет. Коринфия, Офир — достаточно пришлось наглотаться дорожной пыли, пока судьба не свела воина с бароном Амальриком. Гутторм женился на двоюродной сестре всесильного вельможи, и барон устроил ему место управляющего у герцога. Удачная женитьба, ничего не скажешь. Управляющий Хельсингера! Это много значило для скитальца и солдата, каким был Гутторм в те времена. И вот уже больше двадцати лет он живет в замке, верно служа сначала старому герцогу, потом его старшему сыну, а теперь вот младшему — Бьергюльфу, вступившему на престол совсем недавно.

От воспоминаний Гутторма отвлекли раздавшиеся скорбные вопли. Крестьяне высыпали встречать охотников, сняв шапки и кланяясь господам. Сразу же заголосили женщины, увидев, что на шедших за всадниками волокушах везут окровавленные тела изувеченных медведем мужчин из их деревни. Люди столпились вокруг саней. Мрачный Бьергюльф, не отвечая на приветствия подданных, спрыгнул с коня и прошел в большой добротный дом, где жил деревенский староста. Амальрик и Гутторм последовали за ним. В просторном зале с деревянным сводом, закопченном дымом факелов, наверное, столетиями освещавших помещение, господам подали пива. Усевшись на длинные дубовые скамьи, трое мужчин молча склонились над своими кружками.

— Где Ивар? — повернулся герцог к Гутторму.

— Три дня назад был в Хельсингере, — привстав, ответил управляющий.

Ивар, его сын, был подающим блестящие надежды молодым человеком. Он всегда сопровождал Бьергюльфа в столицу или к другим вельможам, и даже барон Амальрик, который редко о ком отзывался хорошо, считал молодого человека украшением герцогской свиты.

— Хорошо, — прихлебывая пиво, бросил герцог, — не отпускай его никуда, он мне понадобится в ближайшее время.

Мрачное настроение, сопровождавшее их по пути в селение, постепенно проходило. Неудачная охота. Что ж, бывает и такое, не предаваться же унынию всю оставшуюся жизнь! Погибло несколько человек? Женщины новых нарожают, да еще крепче прежних!

Через некоторое время колонна всадников покинула деревню, направляясь в замок.

Глава вторая

Амальрик, плотно сжав тонкие губы, молча ехал рядом с герцогом, разглядывая невысокие холмы, окружавшие дорогу, петляющую среди полей, разделенных небольшими рощицами. Кое-где на склонах, обращенных к югу, уже чувствовалось дыхание приближающейся к здешним краям весны — снег почернел, а местами и вовсе сошел, обнажив буровато-желтую прошлогоднюю траву.

— Скоро весна! — поймал его взгляд Гутторм, приблизившийся к господам, но державшийся чуть поодаль, приотставая на полкорпуса лошади.

Барон, оглянувшись на управляющего, только кивнул в знак согласия, ничего не ответив. Он был занят своими мыслями, с недавних пор не дававших ему покоя. Король Нимед спешно вызвал Альмарика из Аквилонии, где барон являлся послом Нимедии при королевском дворе Вилера, чтобы направить своего вассала в северные земли. Видно, совсем неуверенно чувствует себя худосочный владыка Трона Дракона, если не нашел никого поблизости от двора, кому стоило доверить столь деликатное дело. Задача состояла в том, чтобы сделать здесь то, что Амальрик несколько лет назад совершил в Бельверусе.

Ему следовало извести в Нумалии и близлежащих владениях всяческую нечисть: чернокнижников, последователей Сета, да и всех прочих, для которых выполнение заветов Митры не является высшим смыслом жизни. На севере страны таких, в чем имел возможность убедиться Амальрик, было полным-полно. Здесь, где живет много выходцев из Бритунии или Пограничного Королевства, продолжают верить во всякую чушь, вроде этого медвежьего Локиса, а самое главное, поклоняются своим богам, не ведая и не исполняя законов Светлоликого Повелителя.

Барон привык действовать с размахом, но быстро убедился, прибыв в Нумалию, что для того, чтобы выполнить поручения короля, ему придется послать на костер чуть не половину всех местных жителей. Поэтому он ограничился тем, что с помощью местных служителей Митры и доносчиков, коих всегда, если поискать, найдется достаточно, выявил наиболее злостных хулителей Пресветлого и учинил несколько показательных сожжений отступников.

Согнанные на зрелище жители Нумалии могли насладиться видом нескольких десятков костров, в которых, вопя от нестерпимой боли, корчились в огне несчастные. Нагнав таким образом страху на жителей северной столицы, Амальрик со своим отрядом направился в близлежащие окрестные земли, а Хельсингерский замок сделал на некоторое время своим пристанищем и тюрьмой, куда свозили с окрестных селений пойманных отступников веры. Предоставив своему подручному, Орасту, заниматься пленниками, Амальрик принял приглашение герцога поохотиться на медведя. Барон был когда-то в хороших отношениях с отцом нынешнего владетеля Хельсингера, да и брата его знал неплохо, а вот с самим Бьергюльфом раньше судьба не сводила. За те несколько дней, что он провел с герцогом, тот показался ему достаточно грубым и невежественным, как, впрочем, и все северяне. Теперь, после неудачной охоты, предстояло вернуться к своим прямым обязанностям.

«Способный юноша Ораст, — усмехнулся барон, — уж он-то вытащит из каждого ровно

столько, сколько нам необходимо». По правде говоря, Амальрику было абсолютно наплевать, поклоняется кто-нибудь в этих баронствах и герцогствах Митре или же хулит Светлоликого. Ему также было наплевать и на самого Нимеда, и вообще на Немедию — он был бароном Торским, и это значило для него куда больше, чем все остальное вместе взятое. Когда-то провинция Торен была частью Аквилонии, и ее жители говорил на аквилонском не хуже, чем на немедийском, а обычаи их были куда ближе к утонченным и благородным заповедям Эпимитреуса, чем привычкам неотесанных северян. Вообще, считал барон, Тора, как и Атталус с Пуантеном, должны быть самостоятельными государствами, не подчиняющимися ни Немедии, ни Аквилонии. Но это вопрос будущего.

«Это вообще не вопрос, — Барон Торский был на самом деле совершенно в этом уверен. — Придет время, когда я скину с шатающихся тронов обоих этих слабаков: и Вилера, и Нимеда, и тогда никто не станет сомневаться, под чьим суверенитетом Торен и Пуантен. Под властью моей империи, и это будет ясно каждому».

Он вытащил ноги из стремян, чтобы немного расслабить затекшие мышцы, и вновь предался приятным думам о будущем.

«Тогда и Коринфия с Офиром вроде бы не будут нужны как самостоятельные государства. И от Бритунии можно будет кое-какой кусок отрезать, — продолжал размышлять барон. — Впрочем, — поморщился он, — на кой она мне, страна этих сосновых чурбанов? Мало мне этой бычеглазой деревенщины, тауранцев…»

Он коротко вздохнул, уселся поудобнее в седле и взглянул на своих спутников. Лицо Бьергюльфа было бесстрастно, но барон чувствовал нутром, что неудачная охота и, собственно, даже не она, а само появление этого гигантского медведя произвело на герцога тягостное впечатление.

«Что, дружище? — мысленно спросил он хозяина Хельсингера. — Веришь в этих бритунских богов-зверей? Или чего другого боишься? Надо будет поискать, нет ли за тобой чего-нибудь, что может не понравиться владыке Дракона, этому ублюдку Нимеду. Поищем, — усмехнулся он. — Ораст уже, наверное, набрал достаточно твоих подданных, кого не преминет отправить на костер. Возможно, кое-кто из них пожелает рассказать и о господине. Чего не сделаешь, дабы смягчить свою участь или просто заслужить быструю смерть…»

Барону Амальрику, который взялся за трудное и опасное предприятие, были нужны верные сторонники. В одиночку королевский трон не свалить! Он знал по своему опыту, что лучшими соратниками будут те, кого он держит стальными пальцами за горло. До поры до времени, конечно, лучшими. Как только жертва почувствует, что причин бояться его, Амальрика, больше нет, она предаст. Как пить дать, предаст. Тут надо не зевать! Это уже его забота, одна из самых главных. Власть над людьми доставляла барону одно из сильнейших наслаждений в его жизни. Что за победа взять город с помощью хорошо вооруженной армии? Это и дурак сможет, если армия большая и обученная осадным действиям. Здесь же требуется куда более тонкая работа. Надо набрасывать на жертву паутину так, чтобы она не чувствовала, как со всех сторон обволакивают ее клейкие нити. Постепенно, виток за витком, петля за петлей, обездвиживая противника, лишая его собственной воли. Жертва еще полна уверенности, надменна и властна, но ее час уже пробил. Смотришь, и, спеленутая, словно кокон, она уже молит о пощаде, падает ниц — куда только подевались спесь и гордость знатного нобиля! Будет служить, будет! Как Ораст, например. Амальрик выпрямился в седле, улыбаясь своим мыслям и разминая затекшие плечи.

— Подъезжаем! — повернулся он к Бьергюльфу, указывая на показавшиеся вдали

очертания древних башен.

— Да! — вздрогнул герцог, словно очнувшись от глубокого сна. — Слава богам, дом близко!

Миновав небольшую дубовую рощу, почти насквозь просматривающуюся из-за отсутствия подлеска, кавалькада по подъемному мосту, перекинутому через ров, въехала под высокую арку главной башни Хельсингера. Перед самым замком расстилалось обширное открытое пространство, оставленное для того, чтобы к цитадели нельзя было приблизиться незамеченным с высоты укрепленных стен.

Замок стоял обнесенный двойной крепостной стеной, с башнями по всей длине и на углах. Вторая стена была намного выше первой, а между ними на всю ширину вырыт ров, заполненный водой. Неприятелю, пожелавшему завладеть укреплением, понадобилось бы очень много сил и старания. Даже преодолев первую стену, враг неминуемо попадал под обстрел защитников со второй, более высокой стены, низ которой у самой воды был обнесен частоколом толстых железных прутьев, расщепленных на концах.

В центре этого двойного кольца стен стоял замок Хельсингер — группа зданий, построенных в разное время и соединенных между собой многочисленными переходами и галереями. Вся эта мешанина построек громоздилась вокруг странного сооружения — то ли одной башни, составленной из трех овальных выступов, то ли трех высоких башен, касающихся друг друга стенами.

Башни эти, в отличие от остальных построек, были сложены из более светлого камня и возвышались над всем замком, словно гигантская сахарная голова. Почти все окна замка выходили во внутренний двор, снаружи оставались лишь узкие бойницы да кое-где открытые балконы галерей.

Замок был древним, очень древним. Имена его первых владельцев и строителей так же терялись во тьме веков, как подножия наружных стен в обнимавшей камень мшистой земле. Почти каждый герцог, правивший этими землями, добавлял к первоначальным постройкам что-нибудь свое, и теперь множество башен, разнообразных по форме и величине, придавали облику крепости нечто сказочное и причудливое. Замковый двор, куда въехали всадники, был вымощен громадными каменными плитами с изъеденными краями, кое-где растрескавшимися от времени. Седой мох пробивался сквозь щели мостовой, оттеняя белизну снега, лежащего вдоль стены, куда его сгребли лопаты усердных слуг.

Бьергюльф соскочил с коня и, бросив поводья подбежавшему конюху, быстрыми шагами направился к крыльцу, коротко бросив слуге:

— Парную!

Амальрик и Гутторм последовали за ним. Высыпавшие на крыльцо обитатели замка хотели было кинуться с расспросами и поздравлениями с удачной охотой, но, увидев мрачное лицо герцога, прикусили языки. Они молча расступились, пропуская господ внутрь. Барон и герцог поднялись по ступенькам, а Гутторм остался на улице, обнимая вышедших встретить его сына и дочь, Жена Гутторма умерла давно, когда Сюнниве, их дочери, было всего пять лет, и дети выросли, воспитанные отцом. Мать они почти не помнили. Ивар, высокий, как Гутторм, но более худощавый и гибкий, с красивым надменным лицом, на котором выделялись светлые усы, подстриженные и подкрученные по последней моде, склонившись к отцу, тихо спросил:

— Что-то случилось?

— Случилось, — вздохнул Гутторм, ласково проводя по волосам дочери, девушки,

светлыми рыжеватыми волосами и спокойным взглядом серых широко поставленных глаз напоминавшей ему жену. — Неудачная охота, — он понизил голос, — человек десять медведь задрал.

— Боги! — испуганно вскрикнула девушка.

— Не женское дело — обсуждать охоту! — обняв ее за плечи правой рукой, буркнул Гутторм. — Пусть тебя это не волнует. — Он обернулся к сыну и сказал ему на ухо, чтобы не слышали другие: — Медведь ушел, и, может быть, это и не зверь был вовсе.

— А кто же? — с недоверчивой усмешкой спросил юноша,

— Локис, вот кто! — отрезал отец.

— Так я и знал, — скривил губы Ивар. — Стоит оказаться в окрестностях Блудова Болота, как сразу всем мерещатся бритунские духи. И когда вы перестанете верить во всякую чушь?

Ивар в свое время провел два года в храме Митры в Бельверусе, где служители Светлоликого обучали отпрысков нобилей различным премудростям, и поэтому почитал себя человеком образованным и просвещенным. Разные народные поверья и легенды, вроде тех, что рассказывают крестьяне и простолюдины о Боге-Олене или Боге-Медведе, он считал досужими выдумками, в которые могут верить лишь люди старшего поколения вроде его отца или герцога. Что с них взять, они, кроме ратных дел да охоты на зверя, в этой жизни ничего и не видели толком!

— Много ты понимаешь со своей ученостью, — не желая продолжать старый спор, отмахнулся Гутторм. — Кстати, герцог приказал, чтобы ты никуда не отлучался. Наверное, собирается куда-то.

— Куда? — оживился Ивар, которому до смерти надоело торчать в глуши среди неотесанных помещиков, грубых крестьян и тупых рабов, вдали от блеска столичных залов. Он считал себя созданным для гораздо более утонченного общества. Приезд образованного и прекрасно знавшего светскую жизнь барона Амальрика несколько скрасил его унылое существование в Хельсингере, который в глубине души сын Гутторма почитал замшелой провинцией. Но скоро гость герцога Бьергюльфа покинет замок, а он, Ивар, даже не успеет как следует впитать дух столичной жизни…

— Куда? — повторил он свой вопрос, заглядывая в глаза отцу.

Вот если бы герцогу пришла в голову мысль съездить в Бельверус! А может быть, и в Аквилонию? Ивар, завороженный рассказами барона о жизни тарантийской знати, спал и видел себя в ярко освещенных залах, где вместо каменных плит и медвежьих шкур пол устлан деревянным паркетом и пушистыми коврами, где вместо каменных плит и медвежьих шкур пол устлан деревянным паркетом и пушистыми коврами, где прекрасные дамы…

— Не знаю, — отрезвил его голос Гутторма, и Ивар, печально вздохнув, направился вслед за отцом к резным дверям главного входа.

Глава третья

— Еще! Еще поддай! — Бьергюльф, довольно похохатывая, подставлял бока под удары

дубовых веников, которыми его от души хлестали две здоровые девки с раскрасневшимися лицами.

Амальрик, лежа на длинной деревянной лавке, позволял двум другим девицам разминать свое мощное тело, но взгляды, которые он искоса бросал на ржущего, подобно застоявшемуся жеребцу, герцога, не выражали особого одобрения.

Этот, перенятый от бритунцев и перенесенный герцогом в Хельсингер способ мыться в жарко натопленном деревянном помещении, где легкие с трудом вбирали горячий влажный воздух, не очень нравился барону. В цивилизованных местах, как, например, в Торе и Аквилонии, все было обустроено не так. То ли дело — его большая бронзовая ванна, в которую рабы наливали теплую воду, добавив туда ароматной соли, и где так приятно было лежать, предаваясь неспешным размышлениям. Тихо, спокойно, без суеты И идиотского ржания. Чтобы не обидеть хозяина, Амальрик направился вместе с ним в это душное помещение, но никакого восторга от этой процедуры не испытывал.

По команде герцога одна из девиц плеснула полведра настоянной на можжевельнике воды прямо на раскаленные камня, и из печи вырвалось очередное облако жаркого пара, от которого у Амальрика перехватило дыхание. Хорошо еще, что он остался здесь, внизу, а не лежал вместе с герцогом на деревянном настиле под самым потолком. Как только эти северяне могут вытерпеть жар, по сравнению с которым пустыни в Хорайе представляются просто оазисом? К тому же его совершенно не привлекало то, что для похотливого герцога составляло едва ли не главную прелесть подобного омовения.

Бьергюльф испытывал истинное наслаждение, когда вокруг него мелькали нагие тела крепких стройных девушек, а их ловкие руки нежно и предупредительно трудились над его телом. Амальрик взглянул на герцога. Тот с плотоядной ухмылкой, вытянув руки за голову, тискал груди склонившейся над ним служанки, в то время как другая продолжала нахлестывать его ноги и живот пучком дубовых веток.

— Ух! Давай еще! — постанывал от удовольствия владелец Хельсингера, кося на барона полузакрытым в истоме глазом.

«Тьфу! — выругался про себя Амальрик. — Вот уж действительно, неотесанные чурбаны эти северяне! Что они находят в этом приятного?»

Однако массаж, который старательно делали ему две молоденькие служанки, все же доставлял некоторое удовольствие, несмотря на то что к женщинам барон был совершенно равнодушен. Вот мальчики — совсем другое дело! Он старался вести себя так, чтобы другие не знали о его расположении к юным отпрыскам мужского пола.

Барон заставлял себя сыпать комплиментами в беседах с придворными дамами, одаривая их дерзкими испепеляющими взглядами, хотя испытывал глубокое равнодушие, если не сказать больше — отвращение к этим безмозглым, как он считал, существам. Однако чего не сделаешь ради того, чтобы добиться своих целей! Амальрик поморщился, но промолчал, когда девица, встав над ним на колени, принялась водить напряженными сосками грудей по его спине и плечам.

— Ну, как тебе моя парная? — Урча от удовольствия, Бьергюльф растянулся на животе на своем помосте, поглядывая сверху вниз на барона.

«А, чтоб тебя!» — в очередной раз ругнулся про себя Амальрик, но в ответ на вопрос хозяина поднял большой палец вверх, демонстрируя свое искреннее удовольствие.

— Это еще не все! — Герцог сгреб обеих прислуживавших ему девиц длинными волосатыми руками. — Тебе надо почаще бывать в нашей парной. Очень полез но, знаешь ли,

для здоровья!

Барон отвернулся, чтобы не наблюдать за непристойностями, которыми герцог Хельсингерский с нескрываемым удовольствием занялся с двумя девушками. Он смотрел на небольшое, вырубленное в стене оконце, и продолжал размышлять о своем.

«Завтра, когда примемся с Орастом за допрос местных ведьм и колдунов, — напомнил он себе, — надо будет постараться вытрясти все, что они знают про герцога. Чует мое сердце, за ним не может не быть каких-нибудь сомнительных деяний».

Руки девушек, разминавших его тело, остановились. Амальрик недовольно поднял голову и увидел, как они, повернув головы, таращатся широко раскрытыми глазами на что-то с другой стороны. Барон, чуть приподнявшись, обернулся и увидел Бьергюльфа с рабынями в пяти шагах от себя. Видимо там, наверху, стало слишком жарко и вся компания спустилась пониже. То, что предстало его глазам, было совершенно непостижимо даже для него, повидавшего немало, пока жил в разных странах.

«Да, редкостный жизнелюб! — брезгливо усмехнулся он, отворачиваясь. — На костер бы тебя — вот уж поурчал бы тогда от удовольствия!»

Амальрик с радостью отправил бы в огонь это развратное животное, но пока подобное деяние было не в его силах. К тому же не следовало забывать, что Бьергюльф еще может пригодиться. Владелец Хельсингера все-таки являлся самым могущественным вельможей на севере Немедии и пользовался поддержкой всех местных нобилей.

До самых рубежей с Бритунией и Пограничным Королевством имя герцога Хельсингерского произносили с уважением, а если кто и не любил его, то старательно скрывал это. Амальрик еще раз взглянул на сплетенный клубок нагих тел, где волосатая, как у обезьяны, кожа мужчины резко выделялась среди гладкой и упругой плоти служанок.

«Отец его был поприличней, да и брат тоже, — подумал барон, — Правда, в парной мне с ними мыться не приходилось, — поправил он себя. — Все северяне — дикари и неотесанные чурбаны». — В очередной раз придя к этому выводу, он вдруг почувствовал, что девицы вновь принялись за него, видимо, достаточно налюбовавшись на проделки своего господина.

«Нет, пожалуй, я не совсем прав, — продолжил Амальрик, причем порхавшие над его телом женские руки ничуть не отвлекали его от размышлений. — Гутторм, хоть родом из еще большей глуши, производит гораздо лучшее впечатление. Конечно, — спохватился барон, — он кое-где побывал, видел другие страны, а не только Немедию и Бритунию. А его сынок, Ивар, совсем неглупый молодой человек. И явно томится в этом захолустье. Надо будет поговорить с герцогом, пусть отпустит юнца со мной в столицу. Пристрою там при дворе. Не помешает иметь лишнего доверенного человека в королевском окружении…»

— Уф! Хорошо! — Довольный голос герцога и шум воды снова оторвали Амальрика от раздумий.

Барон повернул голову в сторону владельца замка. Тот сидел на скамье, а служанки с двух сторон лили на него прохладную воду из больших деревянных сосудов с широким горлом. Герцог, фыркая, словно лошадь, обеими руками хлопал себя по мокрому телу. Отлетавшие брызги, попадавшие на разгоряченную кожу барона, заставили вельможу брезгливо поморщиться.

— Ну как? — хохотал герцог. — Нравится в моей парной? Это тебе не у изнеженных аквилонцев! Ха-ха-ха! Жаль, ты не захотел погреться наверху! Но ничего, в следующий раз попробуешь, — пообещал он, вновь принимаясь хватать за груди и бедра своих прислужниц.

Девушки притворно повизгивали, но было видно, что игра эта им нравится. Гримасничая, они дразнили розовыми язычками своих товарок, приставленных к барону: подружкам, по их мнению, не так повезло сегодня, как им самим.

— Ну что, барон, пора и за стол? — предложил Бьергюльф, вставая наконец со скамьи. — Наверное, нас уже заждались в обеденном зале!

Они прошли в соседнюю комнату, где расторопные девицы вытерли их большими кусками шершавой ткани и умастили тело маслянистой жидкостью с приятным свежим запахом. Амальрик с удовольствием потянул носом, чувствуя, как его тело словно окуталось душистым пряным облаком.

— Приятный запах, верно? — вновь засмеялся довольный хозяин, перехватив его взгляд. — Видишь, мы не такие дикие, как думают о нас многие!

— Кто тебе это сказал? — поднял брови барон.

— А то я не знаю! — махнул рукой Бьергюльф. — Как только появишься во дворце в Бельверусе, так все эти придворные лизоблюды сразу начинают морщить нос. Подумаешь, получили воспитание в Аквилонии! Позвольте, проходите, покорно благодарю. — Он расшаркался, передразнивая манеры, принятые в королевском дворце. — Ерунда все это! Таких крепких и здоровых мужчин, как здесь на севере, там не найдешь, а в них вся мощь нашего королевства!

Вид голого волосатого герцога, разводящего руками в стороны и отвешивающего поклоны, словно придворная дама, рассмешил Амальрика, и он расхохотался вслед за хозяином.

— Да, ты, наверное, не так уж далек от истины, — согласился барон.

«Надо же, похоже, он не так глуп, как мне показалось, — подумал он. — Пожалуй, если привлечь герцога на свою сторону, будет несомненная польза».

Они оделись и, пройдя несколько каменных полутемных галерей, поднялись в большой зал, где толпа слуг и рабов суетилась, накрывая длинный стол, стоявший около помоста, покрытого старыми медвежьими шкурами.

— Садись, друг мой! — герцог жестом пригласил Амальрика опуститься на шкуры и сам развалился на помосте, подложив руку под голову. — Давай! — махнул он рукой дворецкому, склонившемуся в поклоне.

Трапезная замка находилась в основании трех сомкнутых башен и представляла собой высокий круглый зал с тремя овальными углублениями. В одном из этих альковов стояли стол и помост, на котором разместились Бьергюльф и барон, в углублении справа от них пылали бревна в огромном, высотой в три человеческих роста, камине, с первого взгляда напоминающем вход в пещеру. В алькове слева от стола на деревянном возвышении настраивали свои струны несколько музыкантов. Прямо перед сидящими была единственная дверь, ведущая в другие помещения замка. Дверь, впрочем как и все в этом зале, была гигантских размеров. Ее створки, вырезанные очень давно каким-то искусным резчиком из толстых дубовых досок, изображали сцены битв прошлых веков и вполне могли бы служить мостом через небольшую реку, настолько были мощными и широкими. Над дверями висел герб герцогства, изображавший пять подков на щите, обвитом двумя сосновыми ветками. На старонемедийском наречии слово «Хельсингер» и означало «пять подков». Говорили, что давным-давно на этом месте была деревня, где жил знаменитый на всю округу кузнец, давший своим ремеслом имя селению, а потом замку и всем окрестным землям. Герб, выполненный из бронзы и недавно начищенный, сверкал в пляшущем пламени факелов,

оттеняя своим блеском мрачноватый цвет каменных серых стен. Потолок зала был настолько высоким, что свет едва достигал его свода, а поскольку факелы чадили, то его покрытая черной копотью поверхность со временем стала совершенно неразличима для глаз. Казалось, в зал, словно на дно гигантского колодца, просто заглядывает черное небо.

— Ну, где вы там?! — радостно заорал герцог, увидев входящих в зал людей: Гутторма с детьми, стройного молодого человека с черными глазами и сопровождаемую несколькими служанками герцогиню Хельсингерскую Гунхильду — высокую женщину, на вид лет тридцати с небольшим, сохранившую в свои годы великолепную фигуру и густую копну светлых, отливающих рыжиной волос. Ее глаза, цветом напоминающие яркие изумруды, с нескрываемой любовью взирали на восседавшего на помосте герцога.

— И где вас носит? — грубовато повторил Бьергюльф свой вопрос, обнимая за плечи герцогиню.

Женщина, припав к его груди, тут же отстранилась и, слегка надув губы, ответила:

— Это твоя вина, что ужин задерживается. Слишком долго вы с бароном пробыли в парной!

— Ну уж, и помыться с дороги нельзя, — подмигнул Амальрику герцог и сочно поцеловал супругу прямо в полные чувственные губы. — Ничего, сейчас наверстаем упущенное, клянусь Митрой! — захохотал он, оглядывая стол.

А взглянуть там было на что. Поесть в Хельсингере любили и делали это обильно и со вкусом, что трудно было предположить, зная простые нравы северян. Впрочем, Амальрика сегодняшнее пиршество не удивляло, поскольку бывал он здесь уже не раз. Подали знаменитый хельсингерский пирог, начиненный разными сортами рыбы, выловленной в горных речушках, которые во множестве сбегали на равнину. Его аппетитно подрумяненная корка выделялась на круглом блюде посередине стола, дразня нос изысканно пряным ароматом. Рядом с пирогом появилось изысканное оленье рагу, приправленное чесноком. Груда великолепных кабаньих окороков с розовато-белым сочным мясом и желтоватыми прослойками прозрачного жира возвышались, как крепостные башни над равниной. Белые, присыпанные толченым орехом круглые булочки, начиненные нежным филе из дичи, были так вкусны, что могли показаться лакомством, даже если бы их пришлось запивать простой водой. Но на столе было отличное темное немедийское пиво, которое хельсингерцы предпочитали всем другим напиткам, а специально для высокого гостя подали производившееся в одной из провинций Аквилонии великолепное амилийское вино, чей тонкий аромат, напоминающий запах миндаля, создал ему славу среди знатоков.

— Что у нас новенького? — набив рот олениной, обратился хозяин к высокому стройному человеку, который сел справа от Гунхильды.

Это был наставник его падчерицы Хайделинды. Эрленду, так звали молодого человека, было двадцать пять лет. Высокий, с волнистыми темными волосами, выдававшими примесь южной крови, и пронзительным взглядом темных глаз, он выделялся своим обликом среди остальных обитателей замка, внешность которых указывала, что все они — чистокровные северяне. Действительно, отец Эрленда был уроженцем Аргоса, переселившимся впоследствии в Немедию. Несмотря на изящество фигуры, чувствовалось, что Эрленд обладает немалой силой.

И это на самом деле было так. Аргосец не раз удивлял зрителей, когда, участвуя в забавах герцога, одним взмахом меча чисто перерубал толстенный деревянный кол, в то время как после удара могучего Бьергюльфа с треском переломанная жердь оставляла кучу

щепок. 3 его обязанности, помимо обучения юной герцогини, входило также ведение всех сложных дел герцогства, требовавших грамотности и учености. Ни сам Бьергюльф, ни его управляющий Гутторм в особой склонности к знаниям замечены не были и с трудом разбирали письменный текст, так что без Эрленда чувствовали себя, как без рук.

— Все как обычно, месьор, — учтиво ответил Эрленд. — По моим подсчетам, настало время привезти из монастыря молодую герцогиню.

— Как, уже? — сочно рыгнув, удивился Бьергюльф. Он на мгновение задумался, прожевывая мясо, потом кивнул головой. — Надо же, как время быстро летит! Ты прав, два года прошли.

Его падчерицу и одновременно племянницу Хайделинду, дочь Гунхильды и его старшего брата Гюннюльфа, по настоянию матери отправили в монастырь где-то в Аквилонии, чтобы там девушку обучили грамоте и хорошим манерам. Когда-то и мужских, и женских монастырей было достаточно и в самой Немедии, но времена изменились. Теперь здесь остались только те из них, где готовили служителей Митры. В Аквилонии же многие монастыри открыли в своих стенах что-то вроде светских школ, куда богатые нобили со всего Запада посылали своих отпрысков на воспитание и обучение.

Гунхильда, облокотившись о плечо мужа и заглядывая ему в глаза, томно произнесла:

— А стоит ли возвращать девочку сюда, в нашу глушь? Может быть, ей понравилось в монастыре и она захочет остаться там подольше?

— Ну нет! — возразил Бьергюльф, выхватывая из груды окороков тот, что показался ему самым сочным. — Пусть возвращается, хватит с нее учености. Женщине это вовсе ни к чему, верно? Выдадим замуж за кого-нибудь поприличней, желающие, слава богам, найдутся. Вот, например, наш сосед Хольгер из Ормхагена, чем не жених? — захохотал он, прижимая к себе Гунхильду.

Видимо, мытье в парной и последовавшие за ним развлечения разбудили в нем волчий аппетит, и герцог громко зачавкал, перегрызая хрящи. Амальрик, покосившись на хозяина, склонился к сидящему слева от него Ивару и тихо заговорил с ним. Лицо молодого человека приняло удивленное выражение, затем на нем появилась радость, и когда барон закончил свою речь, Ивар чуть не подпрыгнул на месте от восторга.

— Бьергюльф, — обратился барон к хозяину, — не отпустишь ли ты со мной в столицу этого юношу? В королевском дворце есть несколько достойных вакансий, и я думаю, что такой способный и учтивый молодой человек может пригодиться на службе при дворе.

— В Бельверус? — переспросил герцог. — К этим разряженным обезьянам? — Он расхохотался. — Впрочем, решать Гутторму, — Бьергюльф обернулся к управляющему, сидящему справа от Эрленда, — ведь Ивар все-таки его сын. Что ты об этом думаешь, старик?

Гутторм от неожиданности поперхнулся пивом и не сразу смог ответить герцогу. Прокашлявшись, он отыскал взглядом сына:

— А ты сам-то этого хочешь?

— Отец! — чуть не закричал Ивар. — Как ты можешь еще спрашивать?

— Ну ладно, я не имею ничего против, — кивнул головой управляющий.

Собственно говоря, сын был прав, от таких предложений может отказаться только дурак, а таковым Гутторм себя отнюдь не считал.

— Спасибо тебе, месьор! — Он, привстав, поклонился барону. — Ты очень добрый человек. Милости, которыми ты осыпаешь нашу семью, поистине беспредельны.

— Пустяки! — отмахнулся Амальрик, пригубливая терпкое вино. — От хороших родителей — хорошие дети, — вернул он комплимент управляющему. — Твой сын наверняка сделает неплохую карьеру в столице.

— Подожди! — спохватился Бьергюльф. — А кто же поедет в Аквилонию за твоей дочерью?

Он обернулся он к герцогине:

— Я хотел послать туда Ивара с десятком воинов.

— Но, господин, — вмешался Гутторм, — воины нужнее здесь. Пора собирать подати с крестьян, а я не могу без сопровождения ехать в деревни.

— Хм! — в очередной раз рыгнул герцог. Потом схватил кружку и залпом осушил ее. — Ладно, придумаем что-нибудь, не пожар!

Он опять расхохотался.

— Месьор, — повернулся к хозяину замка Эрленд, — за наследницей могу съездить я. Если нельзя послать твоих солдат, возьму с собой пяток наемников. На днях я был в замке Ормхаген и там встретил одного своего знакомого. Он сейчас без дела и мог бы сопровождать меня со своими людьми.

— Кто такой? — повернулся к Эрленду герцог. — Я его знаю?

— Достаточно известный человек, — ответил Эрленд. — Может быть, ты и слышал о нем. Его зовут Конан, родом он из Киммерии.

— Конан?! — воскликнул Амальрик. — Такой высокий, черноволосый, с синими глазами?

— Он самый, — подтвердил Эрленд. — Так ты, барон, тоже слышал о киммерийце?

Слышал ли Амальрик об этом варваре? Если барон и относился к кому-нибудь с чувством, похожим на уважение, то Конана можно было назвать первым среди этих немногих избранных. Когда-то, около десяти лет назад, варвар служил под его началом в Хорайе, и Амальрик с тех пор не встречал воина, который был бы ровней ему самому. В глубине души барона таился даже некий страх перед этим человеком. Амальрик никогда бы в этом не признался, но он завидовал и боялся, ибо киммериец, скорее всего, превосходил барона не столько в воинском искусстве, сколько в чем-то другом, неуловимом, чему и названия придумать было трудно.

— Слышал, — ответил Амальрик, справившись с удивлением, вызванным неожиданным упоминанием о варваре. — Найми его. С ним ты будешь в безопасности, как за каменной стеной.

— Ну и хорошо! — смачно жуя, подвел итог разговору герцог. — Давай погромче! Что застыли, словно дохлые курицы? — крикнул он музыкантам.

Цимбалы и флейты зазвучали громче, выводя разухабистую мелодию.

— Так-то лучше, Сетово отродье! — хохотнул Бьергюльф, размахивая обглоданной костью в такт всхлипам струн. — Давай, наяривай!

Ужин закончился весьма поздно, и барон, позволяя слуге переодевать себя на ночь, проклинал в душе и жизнелюбивого герцога, и его привычку к длительным застольям. Сам, конечно, будет храпеть до полудня, привалившись к своей грудастой жене, а ему, Амальрику, с раннего утра придется делом заниматься!

Глава четвертая

Барон Амальрик отворил скрипучую дверь и, пригнувшись, вошел в небольшую келью, где за столом сидел человек, углубившийся в страницы огромного, переплетенного в кожу фолианта. Услышав звук открываемой двери, он поднял голову и взглянул на вошедшего.

— Приветствую тебя, мой господин, — сказал человек негромким ровным голосом, вставая из-за стола. Это был Ораст Магдебский, верный пес барона, чернокнижник и маг, которого Амальрик в свое время спас от сожжения на костре. Ораст начинал свою деятельность как служитель Огненноликого Митры. Мальчиком его отдали в митрианский монастырь, в одной из северных провинций Немедии, где он провел десять лет, преуспев в теологии и совершении обрядов в честь Подателя Жизни. Потом его послали в Бельверус, в столичный храм Солнцеликого. Юноша из отдаленного сельского монастыря был поражен нравами, царящими в столице. Он увидел, как многие монахи и служители Митры лишь внешне исполняют культ, а на деле совсем не следуют заветам ученых митрианцев, бичующих светскую жизнь. Ведший до этого затворническую жизнь в монастырских кельях? Ораст привык верить всему тому, что написано в святых книгах, и чему учили наставники. Ему трудно было даже представить другой мир, полный людей, далеко не снедаемых жаждой познания и желанием служить Огненноликому, а мечтающих о том, как добыть лишнюю монету да скоротать вечерок за кружкой вина.

Наивность и доверчивость юноши сослужили недобрую службу и дорого стоили Орасту: недовольные рвением послушника, жившие рядом с ним монахи подстроили так, что он был уличен в якобы совершенном им винопитии и блудодействе. Молодому человеку не удалось доказать свою непричастность к этим проступкам. Его секли кнутом, после чего юношу отправили раскаиваться в смирении и строгости в Храм Блаженных в Магдебурхе. Это был конец верного служителя Подателя Жизни и рождение совершенно иного человека—в душе Ораста поселились ненависть и жажда мести. Он желал лютой смерти всем тем, кто заставил его испытать разочарование в светлой мечте, кто отдал на поругание его чистоту и святость. Ему стало наплевать на Светлоликого, и он молился лишь для виду. Нутро юноши разъедала жажда обретения силы, что позволила бы ему отомстить своим врагам, к которым он причислял иногда весь род человеческий. Тайком он занялся чтением в храмовой библиотеке запрещенных трудов отступников культа Огненноликого Митры. Со временем стал понимать кое-что в запретном и молиться своему новому богу Нергалу, мечтая покинуть ненавистную Немедию и обучиться в Стигии таинствам жрецов Черного Круга. Но на виду у настоятелей и мирян он продолжал вести жизнь раскаявшегося грешника, неистово молился Митре и усердно выполнял правила храмовой общины. Когда по приказу короля Гариана гвардейцы Золотого Леопарда по всей Немедии возглавили поход жрецов Митры против чернокнижников, он проявил все свои недюжинные способности, волю и умение. Ораст Магдебский был грозой всех отступников Огненноликого, страхом для чернокнижников и злодеев. Немало костров было зажжено этим худощавым, аскетичного вида юношей с пронзительным взглядом черных глаз. Своим рвением бывший послушник возвысился до поста помощника тайного судьи, и один росчерк его пера мог отправить в очистительный огонь десятки людей.

Никто и подумать не мог, что во время арестов и обысков этот фанатичный служитель

Подателя Жизни разыскивал и прятал у себя старинные книги, написанные давно умершими еретиками, и разные приспособления тайной магии, а под пыткой вырывал у колдунов способы совершения чародейства. Власть, власть и еще раз власть над этими жалкими существами — вот цель, для которой Высшие Силы избрали именно его. Так считал Ораст, и все его действия были теперь подчинены только этому. Предчувствие пути Избранника, скорое обладание Силой жгло его изнутри и доставляло острое наслаждение, неведомое никогда ранее. Он, не отступая ни на шаг, упорно двигался к великой цели. Все шло хорошо для Ораста до тех пор, пока к нему руки не попала Скрижаль Изгоев — древний фолиант, принадлежавший полубезумному магу Оствальду. Небольшая ошибка — и его тайные занятия стали известны. По доносу он был арестован и после пыток огнем приговорен к сожжению. Если бы слепой случай не поставил на его пути всесильного Амальрика, барона Торского, никакая магия не помогла бы Орасту, и давно уже пепел от его костей смешался бы с пылью в придорожной канаве. Но Судьба распорядилась иначе, и теперь Ораст Магдебургхский был недоступен своим врагам под защитой могущественного барона Торы.

Честолюбивый юноша изрядно преуспел в разгадывании древних рукописей, и барон собирался использовать его знания в своих далеко идущих замыслах. Ораст был невысок ростом, хорошо сложен, гибок и упруг, словно прирожденный фехтовальщик. Взгляд глубоко посаженных, чуть раскосых черных глаз мог быть острым и пронзительным, как удар копья. После того как помощь барона Торского помогла ему избегнуть костра служителей Митры, юноша не разлучался с Амальриком и следовал в его свите, куда бы ни направлялся господин. Барон, со своей стороны, поручал Орасту множество различных деликатных дел, которые не мог или не хотел выполнить сам. Вот и сейчас, пока Амальрик охотился в Хельсингерских лесах, его подручный каленым железом в прямом и переносном смысле выжигал чернокнижие из подданных герцога и его вельможных соседей.

— Какие новости? — спросил барон Торский.

— Ничего интересного, — усмехнулся Ораст. — Для нас по крайней мере. Так, два свитка из Стигии да несколько любопытных рукописей. Правда, я еще не успел допросить двух колдуний из большого селения, что на восток отсюда. Если месьор изволит, можем это сделать вместе.

— А что, можно для разнообразия, — зевнул Амальрик.

После вчерашней пирушки у герцога, затянувшейся далеко за полночь, он чувствовал себя не совсем отдохнувшим.

— Что с остальными? — спросил барон.

— Я исполняю только волю господина, — сухо ответил Ораст. — Будь моя воля, я отправил бы всех на костер.

— Ну не будь таким жестоким, — засмеялся барон, который считал, что даже такие действия, как наказание отступников, надо проводить с большой тонкостью. — Парочку назначь на послушание в монастырь, хотя бы туда, где был сам, — усмехнулся Амальрик, — а двоих-троих надо будет наказать кнутом, народ любит разнообразие. Остальных, как и положено, на костер. Сколько там остается?

Юноша поднял глаза к потолку, прикидывая в уме.

— Восемнадцать, месьор, если считать тех двоих, которых еще не допрашивали.

— Молодец, — похвалил его барон, — сам видишь, что суд честный, и кое-кто даже получит пощаду, значит, вина их не столь велика. Мы для этого и посланы сюда королем, — криво усмехнулся он, — чтобы вырвать погрязших в неверии и зловредных отступников, как

сорную траву, и отделить заблудших — тех, кто еще достоин прощения.

Ораст ответил на усмешку барона злобным оскалом, от которого Амальрику стало слегка не по себе. Он приписал это своему утомлению.

— Тогда пойдем. — Барон Торский вышел из кельи, кивком головы предложив Орасту следовать за собой.

Они прошли длинной галереей, которая наполовину была углублена в землю, а в узких оконцах, иногда встречавшихся почти под самым потолком, виднелись пучки засохшей прошлогодней травы, пробивавшейся сквозь щели мостовой. Барон остановился, пропуская Ораста вперед. Тот вытащил из колец, вбитых в стену, факел и, отомкнув огромным ключом решетчатую дверь, стал спускаться в узкий проем, ступени которого вели вниз, в подземелье, где содержались узники замка Хельсингер. По обеим сторонам длинного коридора за решетками находились с десяток небольших помещений с земляным полом, от которого веяло затхлостью и холодом.

Обычно темница в замке пустовала, герцог Бьергюльф, как и его старший брат, считал, что наказание кнутом более действенно и быстро, чем содержание провинившегося в заточении. Однако сейчас, вследствие рвения и расторопности людей барона Торского, тюрьма была набита заключенными. Увидев свет, к решеткам бросились с десяток измученных людей в лохмотьях со следами пыток на теле. Они цеплялись скрюченными пальцами за прутья, умоляя о пощаде и крича, что ни в чем не виновны. Амальрик, не обращая на них внимания, шел следом за Орастом. Его совершенно не интересовали эти люди, а уж тем более — виноваты пленники или нет.

Они прошли весь коридор и, повернув направо, спустились еще ниже в зал, где Ораст проводил допросы отступников. Помещение это было высоким, так что окна, расположенные на высоте поднятой руки, выходили уже на улицу, хотя пол был ниже уровня тюремного коридора. Здесь было не так холодно, как в коридоре: в углу, в небольшом камине, потрескивали поленья, а пара жаровен, наполненных грудой красных углей, излучали дополнительное тепло. Кроме света от пламени камина, зал освещали четыре больших факела, укрепленные в бронзовых кольцах по углам.

Трое мужчин, игравших в кости на длинной широкой лавке, напомнившей Амальрику помост во вчерашней парной, вскочили на ноги и вытянулись, преданно глядя на вошедших. Двое из них, обвешанные оружием, были солдатами, а третий, костлявый, сутулый человек, с длинными, как у обезьяны, руками, одетый в короткий шерстяной кафтан, — палачом. Амальрик всюду возил его с собой при расследованиях ереси и ценил за молчаливость и редкостное умение развязать язык жертве. Впрочем, первое качество нельзя было назвать добродетелью истязателя — у него просто отсутствовал орган речи, отрезанный в свое время за несколько лишних слов, сказанных некстати.

— Приведите ведьм, — кивнул Ораст солдатам. — Сначала ту, светловолосую, — добавил он, подводя барона к деревянному креслу, обитому шкурой оленя.

Амальрик сел в кресло и вытянул ноги к камину. Справа от него находился небольшой столик, где стояли несколько кружек и пара кувшинов. Ораст знал вкусы своего господина. Он налил кружку красного вина и подал барону. Амальрик с наслаждением отхлебнул несколько глотков и почувствовал себя значительно бодрее.

— Лучше вина, чем наше торское, не бывает, — благосклонно кивнул он Орасту.

Глава пятая

Двое солдат ввели под руки женщину лет тридцати, высокую и светловолосую, как большинство жительниц севера. Они швырнули ее на пол, прямо под ноги костлявого палача.

— Асхильда, ведьма из деревни Сюндбю. Занималась магией и богохульством. Замечена в исполнении обрядов лесных колдунов, — наклонившись к барону, сказал Ораст.

Амальрик кивнул в знак того, что понял. Это селение располагалось совсем рядом с Блудовым Болотом, где исчез брат нынешнего герцога, и барон подумал, что ведьма может что-нибудь знать о таинственных событиях. У Ораста же была совсем другая цель. Его интересовали только старинные книги и свитки. Отступники веры надежно прятали их, и обычно при обыске трудно было что-либо обнаружить, но под пыткой Ораст часто вырывал признание о местах, где были спрятаны рукописи.

— Начинай, Торстен, — приказал Ораст палачу. Тот быстро и ловко раздел женщину донага. Она безучастно повиновалась грубым рукам палача, понимая всю безнадежность своего положения. Затем жертву подвели к изобретенному Орастом приспособлению для пытки. Этим устройством юноша очень гордился и считал его очень удобным для истязаний пленников. В Хельсингере плотникам пришлось поднапрячься, чтобы за день изготовить его по приказу барона. Приспособление представляло собой две сколоченные из дерева квадратные рамы, вставленные одна в другую. Внешняя рама прикреплялась к полу, а внутренняя соединялась с ней двумя короткими железными осями, вставленными в середину боковых сторон. Таким образом, внутренняя рама вращалась на этой оси, и ее можно было повернуть под любым углом по отношению к внешней.

Палач, поставив женщину в приспособление, поднял сначала одну ее руку и привязал к кольцу, вделанному в верх рамы, потом точно так же поступил со второй рукой. Раздвинув ноги женщины, он привязал ее за щиколотки к кольцам, вделанным в нижнюю доску. Несчастная оказалась распятой в этом квадрате, словно кожа, натянутая для сушки. Приспособление, придуманное изворотливым и жестоким умом Ораста, позволяло поворачивать жертву в любое положение, лицом вниз, лицом вверх, так что можно было использовать самый разный инструмент для пытки. Затянув ремни на кольцах с такой силой, что женщина застонала и ее руки и ноги напряглись, палач посмотрел на Ораста, ожидая приказаний.

— Продолжай, — кивнул тот, заложив руки за спину.

Палач заученным движением намотал на левую ладонь длинные светлые волосы женщины и резким взмахом ножа отрубил косу. Затем, взяв со скамьи тонкое и острое лезвие, сбрил все волосы на ее голове и теле. Он проделал это привычно и аккуратно, как будто перед ним был не человек, а какой-то неодушевленный предмет, каким служит кусок материала для портного или доска для столяра. Амальрик бросил взгляд на Ораста. На лбу юноши выступили мелкие капли пота, дыхание стало тяжелым, глаза неотрывно следили за руками палача, касавшимися нагого тела женщины. Для барона происходящее не было в новинку: он давно заметил, что его подручный с неизменным наслаждением допрашивает и истязает именно женщин, особенно если жертвы молоды и красивы.

Амальрика вид обнаженного женского тела оставлял совершенно равнодушным, хотя про себя он иногда отмечал достоинства сложения той или иной колдуньи. Напряженное

тело этой тридцатилетней женщины с крепкой большой грудью и плоским упругим животом, распятое перед ним, выделялось белым пятном на фоне закопченных стен, но это зрелище побудило его лишь к тому, чтобы налить себе следующую кружку вина. Вот если дело касалось молодого и красивого мужчины, в особенности обладавшего нежной розовой кожей, то барон иногда непрочь был иногда и пощадить такого пленника!

— Готово? — хрипло спросил Ораст.

Бессловесный палач, повернувшись к нему, утвердительно склонил голову.

— Прикажете начинать, месьор? — спросил митрианец.

Амальрик кивнул, с наслаждением, медленными глотками потягивая вино:

— Приступай.

Ораст подошел к распятой в раме женщине и, взяв за подбородок, заставил поднять на него глаза.

— Люди говорят, что ты, Асхильда, занималась сношениями с лесными духами и что некоторые мужчины и женщины твоей деревни заболели через это. Так? Отвечай!

— Нет! — женщина впервые с момента своего присутствия здесь издала членораздельные звуки. — Я только лечила их, пользуясь мазями и отварами из лесных трав.

— Врешь! — Ораст кивнул Торстену.

Палач зашел за спину женщины, и резкий взмах его многохвостой плети слился с отчаянным криком жертвы. Удар был выполнен мастерски: короткие ремни впились в напряженное тело, концы с вплетенными в них твердыми шариками захлестнулись со спины вперед на грудь и живот жертвы. Не ожидая дальнейших приказов, палач нанес еще несколько жестоких ударов, оставивших на теле женщины кровавые полосы. Крики несчастной колдуньи перешли в длинный, протяжный и громкий вой.

— Хватит! — махнул рукой Ораст, видя, как голова жертвы бессильно склонилась на грудь.

Палач плеснул на лицо и грудь Асхильды воды из деревянного ведра. Струйки жидкости, смешавшись с кровью, потекли вниз по животу и ногам женщины. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как капли падают на каменный пол.

— Вспомнила? — увидев, что колдунья открыла глаза, спросил Ораст.

— Нет! Не было этого… — женщина с трудом шевелила губами.

— Я тебе помогу вспомнить, мерзкая тварь! — закричал Ораст. — Торстен, давай вторую!

Палач вышел из помещения к оставшимся снаружи солдатам, и те через некоторое время вернулись, волоча по полу совсем молодую девушку в грязно-белом длинном одеянии. Она билась в их руках, пытаясь вырваться, но солдаты крепко держали ее за локти. Поскольку любимое приспособление Ораста было занято, то следующую жертву просто вздернули наверх, перебросив веревку через брус под потолком зала и связав ей руки над головой.

Палач деловито прикрепил к ее ногам толстый обрезок короткого бревна, и девушка повисла, вытянувшись, как струна, под весом груза. Торстен сорвал с нее одежду и проделал то же, что и с предыдущей жертвой: волосы могли скрывать какой-то знак чародейства на теле. Закончив свои действия, палач обернулся к господам.

— Это Гленда, сообщница колдуньи, — сообщил Ораст барону.

Тот молча кивнул. Ораст подошел к девушке и вперил в нее пронзительный взгляд:

— Расскажи, как Асхильда насылала мор на жителей деревни!

Гленда в ответ только покачала головой в знак отказа, и тогда Ораст кивнул Торстену.

После пяти ударов плети жертва не выдержала и с помощью Ораста, который подсказывал ей нужные ответы, всхлипывая и запинаясь, начала говорить.

— Слышишь? — повернулся юноша к распятой напротив Асхильде.

— Она лжет… чтобы избавиться от мучений… — запекшиеся губы несчастной с трудом выговаривали слова.

— Гленда хочет помочь не только нам, но и тебе, потому что твоя душа пребывает во мраке запретного колдовства и ненависти к Подателю Жизни, — усмехнулся Ораст. — Впрочем, твоя вина уже очевидна, но ты не сказала нам, где спрятала свои магические книги.

— Этого тебе не узнать никогда. — Женщина с вызовом взглянула прямо в глаза истязателя.

— А вот это мы сейчас проверим!

Ораст повернулся к палачу.

Тот все понял без слов и, взявшись за раму, повернул ее так, что жертва оказалась висящей лицом вниз над полом. Под тяжестью тела ее руки и ноги напряглись еще больше, но она была растянута в этом приспособлении так сильно, что почти не провисла. Торстен, надев кожаные рукавицы, перенес сначала одну, а потом и вторую жаровню прямо под тело жертвы.

— Когда захочешь говорить, дашь знать. — Ораст, отвернулся и подошел к Амальрику. — Месьор, у тебя есть к ней вопросы?

— Подождем. — Жестом руки барон остановил своего подручного.

Жар раскаленных углей сделал свое дело, жертва крепилась некоторое время, но потом не выдержала, и душераздирающий крик заполнил подземелье. Амальрик поднялся и подошел к Гленде, которая с ужасом смотрела на сведенный в отчаянном вопле рот несчастной. Барон что-то сказал ей на ухо, и она часто закивала головой, еле живая от страха.

— Хорошо, — сказал барон Торский и подошел к Асхильде.

Он взял ее за подбородок и чуть потянул вверх, повернув раму:

— Ты поджаришься, сука, как баранья туша, если не расскажешь мне все, что знаешь об исчезновении брата нынешнего герцога.

— Да, да, я согласна! — раздалось из-под его ладони.

Несчастная женщина была готова на все, лишь бы прекратились ужасные мучения. Амальрик сделал знак прекратить пытку. Жаровни убрали, и Асхильду вновь вернули в вертикальное положение. Кожа на груди и животе сморщилась и покраснела от жара, женщина мотала головой из стороны в сторону, с трудом приходя в себя.

— Вот теперь говорите! — приказал Амальрик, поудобнее усаживаясь в кресло. — Все, что знаете!

Глава шестая

Эрленд взглянул вверх, услышав крики ворон над головой. На крыше одной из башен

замка две птицы, хлопая крыльями и хрипло каркая, делили какую-то добычу. Причина, из-за которой вороны производили столько шума, была снизу не видна, и аргосец тут же забыл о них, задержав свой взгляд на белых облачках, бежавших по синему небу, не белесому, как зимой, а яркого и свежего — словно кто-то тщательно умыл свод, покрывающий землю. Повеяло запахом приближающейся весны.

Эрленд шел по двору, намереваясь подняться на крыльцо, ведущее в комнаты управляющего, когда его внимание привлекли истошные крики, доносящиеся из окон подвала.

— Опять, — поморщился аргосец.

С той поры, как несколько дней назад в Хельсингер прибыл барон Торский со своим отрядом, крики истязаемых в подземелье жертв слышались беспрестанно днем и ночью, и даже толстые стены не спасали обитателей замка от жутких воплей.

— Когда же они, наконец, уберутся отсюда? — Обычно Эрленд старался побыстрее пройти это место, чтобы не слышать стоны несчастных жертв, но вдруг ему послышалось, что там, внизу, кто-то произнес знакомое имя. Он осторожно подошел к маленькому оконцу почти на уровне земли и, прижавшись к стене, чтобы не было заметно изнутри, прислушался. Точно! Он не ошибся. Голоса внизу упоминали имя Бьергюльфа и его старшего брата — герцога Хельсингерского Гюннюльфа, исчезнувшего неизвестно куда два года назад. Женские сдавленные голоса, прерываемые иногда властным мужским басом, в котором Эрленд узнал голос барона Амальрика, торопясь и захлебываясь слезами, рассказывали о том, что бывший герцог был околдован кем-то по наущению Бьергюльфа. Слышно было не очень четко, тем более что временами рассказ прерывался звуком свистящей плети и женскими воплями, но основное Эрленд уловил: оказывается, младший брат в сговоре с каким-то колдуном погубил герцога и всех сопровождавших его на охоту людей.

Голоса внизу смолкли. Эрленд, поняв, что больше никаких подробностей не услышать, осторожно отошел к противоположной стене и, прислонившись к ней, вытер со лба выступивший пот. Вот это да! Он стал нечаянным обладателем страшной тайны. Кроме него, как он понял по голосам снизу, о ней знают Амальрик и его подручный Ораст. Еще две женщины, поправил он себя, но их уже можно считать мертвыми — служители Митры наверняка отправят отступниц на костер. Жаль, он не услышал всех подробностей, но и того, что достигло его ушей, было достаточно.

Вот оно в чем дело! Аргосец, не в силах справиться с нахлынувшим волнением, присел на каменный столбик. Его не особенно заботила жизнь владетелей Хельсингера, но даже он замечал, что вернувшийся после смерти старого герцога в Хельсингер Бьергюльф оказал жене своего брата Гунхильде совсем не родственные знаки внимания. Однажды, когда герцог был где-то отъезде, Эрленду даже показалось, что он видел Бьергюльфа, крадучись выходящего из покоев герцогини, но это действительно его не касалось, поэтому аргосец быстро забыл о случившемся, но сейчас вдруг мелкие и незначительные прежде детали встали на свои места, образовав картину, объяснявшую многое, очень многое.

Облокотившись на колени, молодой человек закрыл лицо руками и задумался, что же ему делать.

Эрленд попал в Хельсингер пять лет назад. Он встретил одного из своих знакомых, который служил в замке, и тот замолвил за него словечко перед герцогом Гюннюльфом. Герцог взял Эрленда воспитателем своей дочери Хайделинды. У девочки, а молодой герцогине исполнилось тогда двенадцать лет, была куча бабок и нянек, но герцог

непременно хотел, чтобы будущая владелица замка и окрестных земель научилась читать и писать. Также аргосцу поручили обучить ее искусству обращения с оружием. В то время он, сын небогатого чиновника из Нумалии, только что вернулся в родной город после нескольких лет, проведенных сначала в одном из аквилонских монастырей, а потом, после побега оттуда, в Аргосе, на родине его отца. В Мессантии юноша провел три года, и судьба свела его со многими полезными людьми. Так получилось, что большинству приобретенных им знаний и навыков он был обязан этому богатому портовому городу.

Хотя Аквилонию справедливо называют жемчужиной Запада, и ее замки и дворцы считаются самыми роскошными, а музыканты и поэты стремятся попасть туда так же, как мастеровые и торговцы, много товаров и диковин из других стран, прежде чем попасть в северное королевство, приходят в Мессантию. Чтобы построить корабль, надо обладать куда большим умением, чем замостить дорогу, а вести суда по бурному морю в дальние порты — гораздо сложнее, чем пасти скотину на тучных пастбищах. Поэтому знающие и ученые люди никогда не были лишними в Аргосе. Эрленду повезло, и он некоторое время провел среди народа, чья кровь текла и в его жилах. Пытливый ум юноши помог ему постичь достаточно премудростей, о которых многие в Немедии никогда и не слышали.

Случалось участвовать и в сражениях с зингарцами, когда он, голодный, без всяких средств к существованию, нанялся солдатом патруля в Рабирийские горы. Природная ловкость и быстрота не раз выручали его в схватках, когда мечи, сталкиваясь, высекали снопы искр. Много пришлось повидать на чужбине, и многому удалось научиться. Эрленд за эти годы, кроме аргосского, который он знал с детства, выучил несколько других языков, благо в мессантийский порт заглядывали корабли из самых далеких стран. Молодой человек мог объясняться на их наречиях даже с жителями Стигии и чернокожими кушитами. Кроме того, он обладал несомненным талантом изображать на бумаге военные и бытовые сцень>или же портреты своих знакомых. Когда он вернулся в Немедию и раздумывал, чем стоит заняться, предложение старого знакомого пришлось как нельзя кстати. Двадцатилетний искатель приключений, солдат и путешественник, книгочей и художник очутился в Хельсингере, замке, затерянном на северных границах его родины.

Девочка, которую он должен был воспитывать до совершеннолетия, была еще совсем ребенком — с угловатым неоформившимся телом и совершенно детскими повадками. Не знавшая никого, кроме своих родителей и обитателей замка, она все свое время проводила с приставленными к ней женщинами и дочкой управляющего Сюннивой. Отец с матерью не слишком интересовались жизнью дочери, несмотря на то что она была единственным ребенком, и почти не принимали участия в ее воспитании. Хайделинда сначала настороженно встретила молодого человека, который, как торжественно объявил отец, сделает из нее настоящую наследницу Хельсингера.

Эрленд до сих пор помнил недоверчивый, исподлобья взгляд фиалковых глаз девочки, когда он впервые был представлен юной герцогине. Однако время шло, и скоро Хайделинда так привязалась к новому воспитателю, что его отлучки по делам в Нумалию заставляли ее грустить, а по возвращении аргосца она с детской непосредственностью бросалась тому на шею. Эрленд понемногу учил наследницу языкам и кое-чему из наук, которые были по силам ее возрасту, а также занимался с девочкой фехтованием, потому что герцог считал владение оружием одной из самых важных наук. Эрленд привязался к своей воспитаннице. Она обладала пытливым любознательным умом и иногда своими вопросами даже ставила в тупик учителя. Больше всего ей нравились прогулки на природе и занятия с оружием. Хайделинда

научилась так здорово попадать в цель метательным ножом, что даже аргосец не мог выиграть у нее состязание, когда они с двадцати шагов пускали клинок в ствол старого вяза, росшего на берегу реки.

Женщины в северных землях созревают позднее, чем сверстницы из южных стран. Те уже в двенадцать лет нередко казались вполне сформировавшимися женщинами, и Эрленд в свою бытность в Мессантии частенько проводил время с такими прелестницами в портовых тавернах и веселых домах. Хайделинда, напротив, до четырнадцати лет выглядела подростком, наивным и беззащитным. Эрленд вспомнил, что в первые годы она не стеснялась нагишом купаться в его присутствии в прохладных озерцах, когда они гуляли по лесам и полям и он показывал ей травы и растения.

— Что же ты не идешь купаться? — спрашивала она своего наставника, — Конечно, твоя аргосская кровь не выносит холода Немедии! — смеялась юная особа, плескаясь и брызгая на наставника водой.

Эрленд отшучивался, как мог, и отходил подальше в лес, чтобы не видеть ее худенького стройного тела с узкими бедрами и едва наметившейся грудью. Но в последний год, перед ее отъездом в Аквилонию, Хайделинда в одночасье расцвела, как часто бывает с девушками в этих краях.

Еще несколько лун назад это была угловатая девочка-подросток, и вдруг внезапно перед всеми предстала молодая красивая девушка с плавными движениями и телом взрослой женщины, способным свести с ума любого повесу. Она была похожа на свою мать — такие же светлые, только с пепельным отливом волосы, высокая грудь и стройные длинные ноги, отличаясь от нее лишь цветом глаз, которые были у Хайделинды темно-синие, с фиолетовым отливом. Впрочем, она продолжала бросаться ему на шею до того дня, когда в один прекрасный момент он, сам не понимая, что делает, обнял в ответ хрупкие плечи и поцеловал яркие, чуть припухлые губы. Он впился в ее рот, словно никогда до этого не знал женщин, и очнулся, лишь почувствовав, как маленькие кулачки упираются в грудь. Эрленд, пылая от стыда, отпустил девочку. Она посмотрела странным взглядом, но ничего не сказала, однако их отношения с той поры стали совсем другими — чуть натянутыми и без той теплоты и дружеских шуток, которые они позволяли себе раньше.

Именно тогда Эрленд с ужасом понял, что влюбился в свою воспитанницу, пятнадцатилетнюю наследницу Хельсингера. Не могло быть и речи о том, чтобы ему, отпрыску незнатного рода, удалось породниться с семьей одного из самых влиятельных нобилей Немедии.

Сгорая от любви, испытывая невероятные мучения, он совсем было собирался покинуть замок, но события, до того разворачивающиеся неспешно и плавно, вдруг закрутились словно белка в колесе. В Хельсингере появился брат герцога Бьергюльф, и вскоре Гунхильда уговорила мужа отправить дочь в Митрианский монастырь в Аквилонию, с тем чтобы закончить ее образование. Герцог не хотел отпускать Хайделинду так далеко, но жене удалось настоять на своем, и Гутторм с Иваром отвезли ее в монастырь где-то в Пуантене.

А теперь Эрленд узнал страшную тайну! Хотя он не все расслышал и кое-что прошло мимо его ушей, но в главном сомнений не осталось — Бьергюльф с помощью колдовства покончил со своим братом и расчистил себе место правителя Хельсингера. Возможно, он и Гунхильдой воспользовался лишь для отвода глаз, а это может означать, что в скором времени похотливая герцогиня последует за своим первым мужем.

«Интересно, ей было известно, что замышлял Бьергюльф? — подумал Эрленд. — Или

она ничего не знала и находится в неведении до сих пор?»

Он все еще сидел на каменном столбике посреди внутреннего двора, не обращая внимания на снующих рядом с ним слуг и рабов и не отвечая на их поклоны.

«Что же делать? — в сотый раз он задавал себе один и тот же вопрос и никак не мог найти ответа. — Сказать об этом Хайделинде, когда мы встретимся с ней? А чем я докажу подобное нешуточное обвинение? Обрывками подслушанных признаний, да еще вытянутых с помощью пыток? Под рукой палача и не то можно наговорить». — И аргосец невесело усмехнулся.

У него самого не было никаких сомнений в том, что ведьмы, которых допрашивал Амальрик, сказали правду. Очень уж все сходилось. Но где и как найти еще доказательства? Как будет вести себя барон, узнав эту страшную тайну? Вопросы, вопросы, и никаких ответов, тут недолго и спятить… Мало ему не угаснувшей за два года любви к наследнице Хельсингерского герцогства!

«Подожду развития событий, — решил Эрленд. — Как говорил один мой аргосский друг, нечего спешить на собственные похороны. А этот случай, поведи я себя неосмотрительно, вполне может закончиться скорбным финалом».

Он хлопнул ладонями по бедрам и встал, оглядываясь вокруг. Двор опустел, аргосец достаточно долго просидел, поглощенный тревожными думами. Гутторм, наверное, уже заждался его.

Часть вторая

ВЕСЕННИЕ НАДЕЖДЫ

Глава первая

Конан покачивался в седле буланого жеребца, насвистывая мотив веселой заморанской песенки про хитрую вдову, ловко обманувшую скупого сластолюбивого судейщика. Киммериец возвращался из Нумалии в замок Ормхаген. Неделю назад он познакомился в городе с владельцем этого замка — веселым здоровяком Хольгером. Варвар и немедийский граф быстро поняли, что они родственные души, и Хольгер пригласил киммерийца погостить у себя столько, сколько тот захочет. Конан и наемники из его отряда временно были не у дел, поэтому варвар принял приглашение без колебаний. Пять дней киммериец провел в Ормхагене, предаваясь безудержному пьянству, потом ему пришлось на несколько дней прервать отдых, чтобы получить один должок в Нумалии, и вот теперь он снова возвращался в замок.

Через несколько дней Конану предстояло отправиться во владение Хельсингер, чтобы

со своими ребятами сопровождать дочку тамошнего герцога на обратном пути из Пуантенского монастыря. Пару лет назад с этим герцогом вышла какая-то история. Пропал он, что ли, куда-то… Конан точно не помнил, да его это не особенно и интересовало. Киммериец не был коротко знаком с герцогом, хотя много лет назад, будучи в Немедии, проезжал через Хельсингер и мельком видел его владетеля. Подвернувшееся дело представлялось ему совсем несложным. Уж что-что, а за свою жизнь киммериец привык скитаться по дорогам, и все, что могло произойти в пути, ему было давным-давно известно.

Варвар был в полном боевом облачении, поскольку ехал один, без спутников. Несмотря на могучую силу, отвагу тигра и дерзость волка, Конан отличался осторожностью и никогда не забывал надеть тонкую кольчугу. Из-под немедийского шлема, украшенного султаном из конского хвоста, на плечи киммерийца спадала грива спутанных черных волос. Дорожную куртку прикрывал короткий темный плащ. Привычный к любой погоде, киммериец спокойно относился и к жаре, и к холоду, поэтому не стал надевать меховой тулуп, который предложил ему Хольгер, решив, что и так не замерзнет. Зима подходила к концу, сосны и ели уже сбросили снег со своих ветвей. Их зеленый густой цвет радовал глаз. Задумавшись, Конан не сразу сообразил, что его конь остановился и косит глазом, хрипя и закусывая удила.

— Что с тобой, буланый? — Конан ласково похлопал коня по шее, оглядываясь вокруг.

Варвар не заметил ничего подозрительного и тронул поводья, но жеребец не послушался седока, явно не желая идти дальше. Он закинул голову, словно упирался грудью во что-то невидимое.

— Нергал тебя возьми! — гаркнул киммериец. — Что ты там еще учуял?

На всякий случай Конан нащупал рукоять меча и внимательно огляделся по сторонам, однако никакой опасности не обнаружил. Редкий еловый лес, кое-где из снежных сугробов торчат голые ветви кустарника — больше ничего. Насколько хватало глаз, тропа была пустынна. Конан спрыгнул с коня, подошел к вековой могучей ели и, всмотревшись в глубину леса, увидел то, что так испугало Буланого. Шагах в пятидесяти от него шевелилось что-то большое и темное.

«Вот те на! — вглядываясь в полумрак, подумал киммериец. — Неужели шатун?»

Шатуном на его родине называли поднятого от зимней спячки медведя. Почему он проснулся? Или охотники выгнали его из берлоги, а убить не смогли, или зверь какой разбудил? Такой медведь, голодный и свирепый, способен навести ужас на всю округу и только летом, когда для него появится достаточно пищи, успокоится и начнет копить жир к новой зиме.

«Да пес с ним! — решил варвар, вновь садясь на коня. — Он меня не трогает, и я его беспокоить не буду. Я же не на охоте, а еду в замок на отдых».

Он тронул своего буланого, но жеребец стоял, как вкопанный в землю.

«Нет, тут что-то не так, — Конан вновь спрыгнул на землю. — Придется пойти посмотреть».

Привязав жеребца, он сделал несколько шагов по тропе в направлении к привлекшему его внимание предмету, но ничего нового углядеть не смог. Темная фигура как будто не шевелилась, и варвар приблизился еще немного, держа наготове клинок. Когда до цели осталось шагов двадцать, бурая глыба неожиданно вздыбилась, и киммериец увидел медведя, равных которому он никогда не встречал, да и представить даже не мог, что зверь таких размеров может существовать на свете. Животное медленно направилось к варвару, не выказывая, однако — Конан совершенно отчетливо это понял, — каких-либо враждебных

намерений. Конан прикинул, что ему ни в коем случае нельзя сходить с тропы. В осевшем, но еще глубоком снегу медведь будет двигаться гораздо проворнее человека. Заметив, что прямо у твердой поверхности стоит большая сосна, варвар одним прыжком достиг дерева, намереваясь в случае чего укрыться за его стволом.

Что-то в действиях животного показалось киммерийцу странным. Зверь не делал никаких попыток броситься на него, не рычал и только медленно приближался, сильно припадая на левую заднюю лапу. Когда медведь подошел еще ближе, варвар увидел, что из его левого бока торчит сломанное древко толстого копья.

Медведь смотрел на киммерийца черными блестящими глазами, в них словно застыл немой вопрос или просьба. Просьба?

— Боги! — воскликнул Конан. — Это чудище хочет, чтобы я помог ему вытащить копье!

Киммериец был человеком далеко не робким, но не решался подойти ближе, хотя чувствовал, что ему ничего не грозит. Правда, медведь был таких размеров, что одним движением огромной лапы мог легко снести голову варвару. Не спасли бы ни шлем, ни кольчуга… — Чем Нергал не шутит! — решился наконец варвар, делая несколько шагов вперед.

Медведь в свою очередь тоже приблизился еще на пару шагов, поворачиваясь к Конану левым боком.

— Чудеса! — усмехнулся киммериец, придвигаясь еще ближе.

Когда его обдало горячее дыхание зверя, Конан, как ни странно, совершенно успокоился. Он взялся за древко, намереваясь выдернуть его одним движением, но наконечник засел слишком глубоко. Медведь зарычал от боли, но не пошевелился.

— Ну что, приятель? Придется резать… — Варвар вытащил кинжал.

Осторожно раздвинув шерсть, киммериец поглядел, как вошел наконечник. Засохшие кровавые сгустки мешали хорошо рассмотреть место ранения, но Конан двумя резкими поперечными движениями полоснул шкуру. Медведь приглушенно рыкнул, но даже не дернулся.

— Тихо! — как человеку, приказал ему варвар и одним резким движением вырвал копье.

Зверь подпрыгнул на месте и глухо зарычал, из раны брызнула кровь, но сразу стало заметно, что боль, которую причинял ему наконечник, исчезла. Медведь, почувствовав, что все кончено, сделал несколько шагов в сторону и, свернувшись клубком, принялся зализывать рану. Варвар вздохнул и только сейчас почувствовал, какого внутреннего напряжения сил стоил ему этот поступок. На всякий случай взял меч в правую руку, хотя понимал, что вряд ли может быть достойным противником такому гиганту. С другой стороны, он и не таких монстров превращал в груду костей, так что еще неизвестно, чем все может кончиться. Зверь, однако, по-прежнему не проявлял никаких признаков враждебности. Он зализал рану и потопал прочь, иногда поворачивая голову назад. Конану вдруг показалось, что в его взгляде есть что-то человеческое. Было похоже, что огромный медведь благодарит за избавление от боли.

— Обалдел я от таких врачеваний, вот и мерещится всякое, — решил варвар, поворачиваясь к медведю спиной. Он направился к своему коню, который жалобно ржал, мотая головой и не в силах оторвать узду от ветки, к которой его привязал предусмотрительный киммериец.

— Ну-ну, успокойся. — Конан ласково похлопал коня по холке. — Видишь, лесной приятель никого не обидел.

Он вскочил в седло и тронул поводья. Буланый всхрапнул, но все же двинулся вперед. Конан увидел, что медведь уже почти исчез в глубине леса, и только цепочка огромных глубоких следов, тянущаяся за ним, напоминала варвару, что все случившееся не было сном.

— Давай поторопись, — хлопнул он буланого по крупу, — видишь, темнеет. Задержались, теперь надо нагонять.

* * *

— Ха-ха-ха! — заливисто хохотал Хольгер, слушая рассказ киммерийца. — Говоришь, просил, чтобы ты ему помог? — Большой весельчак, этот хозяин Ормхагена! — Отсмеявшись, спросил уже серьезно: — Значит, зверь был большой, высотой с вставшую на дыбы лошадь? — Не меньше, клянусь Кромом.

— Стало быть, это тот медведь, которого на днях поднял Бьергюльф. Мне рассказали, что он задрал человек пять из деревни герцога и собак не меньше полутора десятков. И ушел. Точно, тот самый. — Хольгер налил еще по кружке пива. — Давай пропустим пивка. Очень уж редкий случай. Я слыхал от стариков, что бывает, когда зверь приходит к человеку за помощью: медведь, очень редко — волк…

— Почему? — спросил Конан, но тут же рассмеялся, догадавшись сам: — Понял. Больного волка, не говоря уж о прочей мелкоте вроде зайцев, сожрут хищники, а вот медведя никто не тронет. Поэтому он и идет в последней надежде к человеку, чтобы не подохнуть. Этому повезло, клянусь хитроумным Белом!

— Действительно, зверю повезло, что он наткнулся именно на тебя, — похлопал по мощному плечу киммерийца граф. — Не знаю, решился ли бы я на такое, — признался он честно.

— А куда бы ты делся? — рассмеялся в свою очередь варвар. — Я лично другого выхода не видел!

Глава вторая

Дорога от Ормхагена до Хельсингера была длинной, предстояло два-три дня скакать по лесным дорогам и тропам. Конан уже бывал проездом в Хельсингере, когда там еще правил старый герцог. Это было давно, во времена властвования короля Гариана, и поэтому варвар на всякий случай попросил Хольгера, чтобы тот поподробнее рассказал ему, как добраться до соседнего замка. По словам графа, который с трудом, как, впрочем, и Конан, разлепил глаза после вчерашней обильной попойки, выходило, что дорога простая и никаких сложностей по пути возникнуть не может.

— Тут сомневаться нечего, — покачиваясь, говорил Хольгер, — отсюда всего две дороги: одна на север в Пограничное Королевство, а другая, вон та, — он протянул руку куда-то

вперед, — в Хельсингер. Главное, не сверни на тропки через Блудово Болото. Но это ты увидишь завтра, после ночлега в селении Верховен, через несколько лиг будет большой серый камень, серый-серый, — глядя на киммерийца мутноватыми глазами, добавил Хольгер, — как волк. Объедешь его слева и дальше так и дуй все время по этой дороге. Ну, прощай! Граф с сожалением расставался с Конаном, они провели вместе немало приятных вечеров за чаркой доброго вина или кружкой отменного немедийского пива.

— Благодарю тебя. — Варвар склонился с коня, чтобы пожать руку гостеприимному владельцу Ормхагена. — Если боги дадут и Нергал пасть не раззявит, увидимся еще.

Он тронул повод коня, и скоро огромные старые сосны и ели закрыли от взгляда оставшиеся позади башни и стены замка. Целый день киммериец ехал в одиночестве по пробудившемуся от зимнего сна весеннему лесу, и только птичий гомон и шелест ветвей сопровождали его на бесконечной лесной дороге. Места здесь были глухие, селения встречались редко, и случалось, путешественник ехал не один день, пока удавалось встретить какого-нибудь человека.

Эта покрытая пучками пожухлой прошлогодней травы дорога в лесу служила только для сообщения между разбросанными в бескрайних лесах деревушками, из которых два-три раза в год вывозились подати, собираемые графскими управляющими с крестьян. В остальное время дорогой почти не пользовались. Варвар переночевал в Верховене, где ему, как приятелю господина, был оказан достойный прием, и на следующий день к полудню достиг серого камня, о котором говорил Хольгер. От него в самом деле вели две дороги. Киммериец свернул налево и продолжал путь, надеясь через день достичь Хельсингера.

Сначала он не заметил ничего, что могло бы навести на подозрения, но через некоторое время почувствовал какое-то неосознанное беспокойство. Конан остановил коня и огляделся по сторонам. Вокруг не было ничего странного: лес как лес. Огромные деревья стояли в спокойном величии. И все-таки что-то насторожило варвара в этой неподвижности. Он прислушался. Так и есть! Тишина. Мертвое, глухое безмолвие: ни щебета птиц, ни шума ветвей — вообще ни одного звука, кроме собственного дыхания. Киммериец настороженно огляделся. По коже побежали мурашки. Сзади дороги не было. Той самой дороги, по которой он только что проехал! Ничего — только тесно сомкнутые стволы деревьев да низкий подлесок с распускающимися листочками. Все! Варвар пустил коня шагом, повернув голову назад. Нормально… Дорога как дорога.

Он проехал так сотню шагов — впереди не было ничего странного. Свежая трава пробивалась рядом с затопленными весенней водой прошлогодними следами от деревянных колес. Киммериец потряс головой, словно стряхивая с себя наваждение, снова оглянулся. И почувствовал, что волосы на голове зашевелились — сзади дороги опять не было.

«Похоже, спятил», — мрачно подумал Конан, но тут же отмел эту мысль — вроде бы не с чего.

Снова остановил коня и задумался, с тревогой оглядываясь по сторонам.

«Вляпался опять в какую-то магию, вечно мне везет! Нергаловы шутки! — скрипнул он зубами. — Надо быть начеку… Но что делать? — Киммериец вытащил флягу из футляра, болтавшегося у него на поясе, и хлебнул пару глотков вина. Вино у Хольгера было хорошим, но ожидаемого варваром прояснения мозгов не принесло. — Конь ничего не чует, значит, близкой опасности пока нет. Попробовать пробраться через лес назад? Но куда?»

Варвар вырос среди лесов, и его не пугали ни заросли, ни бурелом, но сейчас, и он понимал это, его оплело цепкими путами какое-то колдовство, и пытаться пробиться назад

было бы глупо. «Напрасный труд, все равно попаду сюда же, — решил киммериец. — Знакомое дело. Значит, придется ехать вперед, а там посмотрим».

Запрокинув голову, он глотнул вина, еще и еще, пока фляга не опустела, затем решительно двинулся вперед по дороге, даже не поворачивая голову, чтобы посмотреть, что там делается сзади. Так он проехал довольно Долго, внимательно прислушиваясь и пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, но слышал только мерное чавканье копыт своего буланого коня. Тихо, как в подземелье. Дорога петляла среди деревьев, иногда выползала на освещенные солнцем места, потом вновь погружалась в мягкий лесной полумрак. День клонился к вечеру, но конца полузаросшей колее не было видно, и Конан начал уже подумывать о ночлеге и присматривать местечко повыше и посуше, когда впереди мелькнул просвет.

«Большая поляна, — подумал варвар. — Прекрасно, там и остановлюсь».

Он не стал подгонять коня, и буланый не спеша вывез его на опушку леса, где киммериец решил остановиться и осмотреться. Его слух впервые уловил в этом мрачном безмолвии какой-то звук. Он прислушался. Ручей! Журчание раздавалось где-то совсем близко. Конан спешился и, держа коня за повод, прошел вдоль опушки. Из-под мшистого камня, переливаясь в заходящем свете солнца и расталкивая песчинки, выбивался серебристый поток чистой воды. Он бежал по песку, собираясь в небольшой сруб, позеленевший и столь древний, что некоторые бревнышки уже почти сгнили и держались только благодаря мху, покрывавшему дерево.

Конан огляделся и, заметив небольшое возвышение за родником, направился туда. Неторопливо снял со скакуна упряжь, набрал в кожаное ведро воды и в первую очередь напоил коня. Потом, привязав на шею буланому торбу с овсом, запасенным вчера в деревне, занялся своими делами. Колдовство колдовством, а подкрепиться все же не мешает. Варвар присел на пригорок и, прислонившись к стволу могучей сосны, принялся за еду, мрачно посматривая на расстилающуюся перед ним поляну, за которой снова вставал казавшийся бескрайним лес. Прогалина в стене золотившихся в вечернем свете стволов указывала на продолжение дороги.

«Завтра поеду дальше, — меланхолично перемалывая зубами зайчатину, которой его в изобилии снабдил гостеприимный Хольгер, думал варвар. — Клянусь Кромом, торопиться не буду, может быть, и пронесет. Кто знает, по какой причине наложено это колдовство. Вряд ли именно против меня. Скорее всего, я угодил в эти гиблые места случайно, иначе давным-давно уже что-нибудь бы произошло».

Киммерийцу не раз приходилось сталкиваться с магией, и всегда это вызывало у него чувство раздражения и тоски. Он растянулся на прогретой за день земле, подложив руки под голову. Сквозь неподвижные ветви варвар видел быстро бегущие по небу легкие белые облачка, чуть розоватые в лучах заходящего солнца.

«Быстро летят, — подумал он, — как и жизнь. Давно ли лежал я вот так же в Шадизаре, на пригорке во дворике пройдохи Ши Шелама? Тоже была весна, и по небу бежали облака… Сколько с тех пор прошло лет? Два десятка? Да, пожалуй, не меньше, — Он сорвал стебелек какого-то растения и задумчиво покусывал свежую упругую зелень, предаваясь воспоминаниям. — Интересно, где сейчас мой бывший подельник, хитрый заморанец Шелам по прозвищу Ловкач? Да и жив ли? Столько лет пролетело… — Киммериец попытался восстановить в памяти облик невзрачного человечка со смышленым лицом, напоминающим своим выражением мордочку хорька. — Если увижу, ни с кем не перепутаю,

клянусь Кромом, — махнул он рукой, — узнал же я Нинуса в Зингаре спустя столько лет».

Воспоминания о Нинусе, когда-то пробовавшем заниматься магией и кое-чего добившегося в этом искусстве, вновь вернули Конана к мыслям о колдовстве, с которым опять пришлось столкнуться. Он помрачнел, но рассудил здраво: «Делать все равно нечего. Боги не выдадут, Нергал не сожрет. Пора и ко сну, утром посмотрим, что к чему. Если, конечно, завтра для меня наступит».

Сделав столь мудрое заключение, варвар поднялся на ноги.

Он отошел чуть поглубже в лес, накинул на коня уздечку и привязал повод к дереву. Сам же завернулся в плащ и поудобнее устроился на груде мягких ветвей, которые наломал в ближайшем ельнике. Сон долго не шел, несмотря на мертвую тишину, окутывавшую все вокруг. Когда киммериец наконец заснул, его довольно скоро разбудил какой-то звук, который чуткое ухо уловило по привычке, выработавшейся за долгие годы: чуять опасность даже тогда, когда спишь. Варвар открыл глаза и прислушался. На поляне что-то происходило. Он приподнял голову и осмотрелся. За стволами деревьев мелькнул огонь, послышались голоса и треск ломаемых сучьев.

Нащупав кинжал, Конан осторожно, чтобы не выдать себя хрустом сухой ветки или шуршанием валежника, пополз к опушке. Когда достиг пригорка, где журчал родник, чуть приподнял голову, и зрелище, что открылось перед ним, заставило его подумать, что он все еще спит.

На поляне, шагах в пятидесяти, ближе к противоположному краю леса, горел костер. В отблесках пламени киммериец разглядел фигуры нескольких людей. Один, переламывая ветки о колено, подбрасывал их в огонь. Пламя с треском охватывало сухое дерево, выбрасывая вверх снопы искр. Двое других сидели, скрестив ноги, и о чем-то негромко переговаривались. Варвар слышал голоса, но слов разобрать не мог, поскольку беседа велась слишком тихо. Что-то в облике сидящих у костра было необычным, но киммериец не сразу смог понять, что именно. Он снова пополз вдоль опушки, стараясь приблизиться к заинтересовавшим его людям. Треск горящего дерева заглушал звук от его движения, и Конану удалось подобраться к ним совсем близко. Устроившись за кустом, растущим на пригорке, Конан внимательно присмотрелся. Теперь, находясь неподалеку, он смог определить то, что ему показалось странным с самого начала.

У людей были неестественно зеленоватые лица, напоминавшие покрытый лишайником камень.

Глава третья

— Боги! — У Конана даже перехватило дыхание. — Призраки, не иначе! Впереди послышался треск и шум, и на поляне появился еще кто-то. Сначала отблески костра мешали варвару разглядеть нового пришельца, но, когда тот сделал несколько шагов к огню, стало видно, что это существо неестественно широко в плечах, но низкого роста. Морда, похожая на кабанью, с двумя козьими рогами на плоском волосатом лбу, была перекошена от напряжения. На спине, придерживая длинными лапами, существо несло предмет,

показавшийся варвару похожим на бочку. Пыхтя и отдуваясь, странное создание подошло к костру и сбросило свою ношу наземь. Подхватив предмет длинной волосатой лапой, монстр поставил его вертикально. Варвар не ошибся. Это был бочонок, в каком обычно держат вино или пиво. Человек, бросавший ветки в костер, захихикал:

— Упарился небось?

Существо обернулось к говорившему, и киммериец увидел, как его черты исказились, будто кто-то невидимый растягивал и тряс морду и все широкое нескладное тело то ли человека, то ли зверя. Двое сидящих подняли головы, словно ожидая чего-то. Через некоторое время судороги перестали сотрясать тело чудовища, и перед изумленным взором варвара предстал человек, похожий по одеянию на немедийского воина, но с таким же зеленым, как и у остальных собравшихся у костра людей, лицом.

— Вот сейчас отвешу в ухо, сам вспотеешь, сучий сын, — рявкнул солдат на хихикающего человечка. — Давай пожарче пали, холодно.

Он обменялся приветствиями с людьми, сидящими у костра, и присоединился к ним.

— Сколько нас еще осталось? — громким голосом спросил он.

— Откуда мне знать? — ответил один из сидящих. — Может быть, кто и успокоился уже.

— Ох-хо-хо! — вздохнул солдат. — Надоело, Нергал мне в печень!

— Он давно там, — хохотнул его собеседник, показавшийся варвару похожим, судя по одежде, на чиновника.

Постепенно на поляне появлялись все новые чудища, странного и невиданного никогда варваром обличья: какие-то полузайцы-полуящерицы, уродливые обрубки с человеческими лицами, громадные волки с горящими в отблесках пламени красными глазами, звери и полузверей заполнили все пространство вокруг костра.

Подходя к огню, они некоторое время стояли, сотрясаемые крупной дрожью, после чего превращались в людей с мертвенно-зеленоватой кожей. Одежда на призраках была самая разная, по ней Конан мог различить солдат и купцов, чиновников и нобилей, а то и просто бродяг, чьи лохмотья не оставляли сомнений в роде занятий их владельцев. Варвар распластался по земле и уже начинал жалеть, что подполз так близко к этому колдовскому сборищу. Сомнений не было — судьба забросила его на шабаш оборотней, и Конан молил богов, чтобы они не выдали его присутствия на этом страшном собрании.

«Вот ведь везет! — подумал он. — Видно, суждено мне судьбой — вляпываться постоянно во всякие нергальи проделки…»

Невесть откуда в руках собравшихся зеленых созданий появились кружки, кто-то вышиб дно у бочонка, и все бросились черпать из него. Веселье пошло полным ходом. Разговоры становились громче, вся братия приветствовала истошными криками и визгом очередных подходящих, особенно если это были женщины или богатые нобили. В прошлом, разумеется. Конан понял из обрывков доносившихся до него слов и восклицаний, что наблюдает за сборищем духов давно умерших существ, которых язык не поворачивался назвать людьми.

— Вот и он! — раздались крики, и варвар сначала услышал громкий треск ломаемых веток, а потом увидел, как на поляну вышел огромный медведь.

«Клянусь Кромом! — помыслил киммериец, едва не вскрикнув от неожиданности. — Это же тот самый зверюга, у которого я вытащил из бока обломок копья!»

С медведем произошли те же изменения, что и с его предшественниками по шабашу, и он превратился в высокого и представительного пожилого мужчину, в облике которого

варвару почудилось что-то знакомое.

«Может быть, я с ним когда-то встречался, — подумал Конан. — Определенно, я его знаю!»

— Ну что, зелень мертвецкая? — гаркнул бывший медведь. — Давненько я всех вас не видел. Как дела, души грешные? Ты еще шастаешь по лесам, похотливая коза? — Он обнял вертлявую женщину с пепельно-серыми волосами, которая тонко взвизгнула, почувствовав на бедре его тяжелую руку.

Вся братия почтительно замолкла, давая возможность вновь прибывшему говорить без помех. Чувствовалось, что среди зеленых оборотней он если и не является главарем, то по крайней мере пользуется немалым уважением.

— Ты дорогу закрыл, блоха зингарская? — рявкнул мужчина на человечка в сером камзоле, явно не немедийского происхождения.

— Не сомневайся, герцог, — приплясывая и размахивая кружкой, отвечал тот, — все исполнено в лучшем виде.

— Исполнено, говоришь? — взревел герцог и отвесил человечку увесистую оплеуху. — Нергал тебе в задницу, мерзкий ублюдок! Кто разрешил охотникам пройти к убежищу, песий сын? Из-за тебя я шатался по лесу, да еще с копьем в боку. Жрать нечего, рана болит… спасибо, какой-то всадник не испугался и помог. Дурак безмозглый! — Он наградил человечка еще одной оплеухой. — Лентяй и пьяница, каким был при жизни, таким и сейчас остался. Надо мне было тебе ноги вырвать еще пять лет назад, скотина!

— Помилуй, герцог, — взмолился человечек, — я уж и так наказан богами…

— Если бы богами! — рявкнул бывший медведь. — Ты наказан колдовством Локиса, как и все мы. Иначе давно бродили бы по Серым Равнинам, как все нормальные люди, — мечтательно добавил он. — И каждый знает, за что, не так ли, трупняки вонючие?

«Митра! Сохрани, Солнцеликий! — беззвучно воскликнул варвар. — Это же старший сын герцога из Хельсингера! Как его, забыл… Гюннюльф, кажется. Пропал бесследно, как говорят, пару лет назад. Но почему же дух его не успокоился, а бродит в образе медведя?»

Как бы в ответ на его мысли, ветхая старушонка в темном бархатном платье, выдававшем ее знатное происхождение, скривив тонкие зеленые губы, бросила герцогу:

— Отстань от него, бедняге еще двадцать лет прыгать по лесам в обличье зайца. Это тебе не медвежья стать. Кстати, кто тебе бок-то пропорол?

— Егеря моего братца, графиня, будь они неладны, — ответил герцог. — Мало того, что сжил меня, скотина, с белого света, так и теперь не оставляет в покое! Могли и убить, тогда снова пришлось бы пройти через мученья смерти. У, гадина! — он размахнулся, чтобы еще раз ударить провинившегося слугу, но старушонка предостерегающе подняла руку:

— Хватит, герцог! Не надо ссориться. Как старшая среди вас, призываю прекратить ссору!

— Твое приказание — закон, графиня, — почтительно отвечал герцог, — но если этот ублюдок не будет впредь исправно блюсти свои обязанности…

— Клянусь тебе, — обрадовано заверещал человечек, — этого больше не повторится! Я обещаю!

— Ну ладно, заячья морда, — уже более миролюбиво сказал зеленый призрак герцога, — налей мне кружку. Выпьем в знак примирения.

Вся компания встретила последние слова радостными восклицаниями, и веселье продолжилось. Оборотни жадно пили вино, постепенно пьянея. Рев и гомон двух десятков

человеческих голосов, визг, взрывы смеха и утробного хихиканья, казалось, заполнили весь лес. Варвар с тоской вспоминал тишину, которой все было объято днем, пока человечек в камзоле трудился над тем, чтобы закрыть дорогу, как выразился относительно его обязанностей призрак герцога.

Духи лопотали громко и бессвязно, постоянно перебивая друг друга, и Конан почти ничего не мог уловить из их речей, хотя изо всех сил напрягал слух. Он разобрал только слова одного призрака о том, что старушонка будет мучиться в образе болотной ведьмы еще лет сто, и будет попадать ей от деревенских жителей кольями, да так, что смерть свою придется пережить несчастной еще множество раз.

— Так сказал Локис! — подняв вверх большой палец, ревел какой-то рыцарь в старых латах и шлеме, которые были в ходу неизвестно сколько лет назад.

— Сиди уж! — отрезала старушка, хихикнув. — Твое существование тоже не больно-то сладко. Знал бы, как попадешься, наверное, не зарезал бы этих бритунок? А?

— Экая дура! — закричал рыцарь. — Дура, хоть и графиней была! Не из-за этого я здесь. Да кому нужны эти бритунки? Я не послушал предостережений колдуна Краутвурста и пошел охотиться. Вот! А ты говоришь, бритунки… Тьфу на них, да и на тебя тоже!

— Краутвурст? — удивился герцог. — Сколько же он живет? Я ведь утонул в болоте тоже по милости Краутвурста, с которым сговорился мой братец… Мерзавец! — выругался он, скрипнув зубами. — Знал бы, что Бьергюльф так поступит со мной, удавил бы своими руками. И этого Краутвурста тоже!

— Мальчишка! — презрительно бросила графиня, — Его, — она указала на рыцаря, — разорвал медведь сто лет назад. Тогда жил настоящий Краутвурст, а тебя погубил, наверное, его внук или правнук.

— Может, и так, — не стал спорить призрак герцога.

— И долго тебе еще гулять медведем? — полюбопытствовала старушонка.

— Пока жив мой братец, — ответил герцог.

— Да, — пожалел его рыцарь, — Бьергюльф — мужчина крепкий, не скоро тебе на Серые Равнины. Весьма крепкий… Ловко же братец управляется с твоей Гунхильдой, да и не только с ней, — причмокнул он зелеными губами, — а тебе только с медведицами теперь миловаться… Тьфу!

— Молчи, сучий потрох! — Герцог запустил в него кружкой.

Рыцарь наклонил голову, и сосуд пролетел мимо в сторону вжавшегося в землю варвара, шлепнувшись в двух шагах от него.

«Сейчас этот призрак подойдет сюда, — мелькнуло в голове Конана, — и мне крышка!»

Но герцог, уязвленный словами рыцаря, бросился на того с кулаками. Рыцарь явно был мужчиной не робкого десятка, и драка завязалась нешуточная. Остальные призраки — те, кто еще держался на ногах, — сбились в кучку, подзадоривая дерущихся. Варвар, мысленно поблагодарив богов, подтянулся на руках вперед и отбросил злосчастную кружку обратно, поближе к поляне.

«Собственно, что я здесь делаю? — спросил он себя. — Бежать бы отсюда сломя голову, пока цел!»

Он уже было начал отползать назад, как вдруг поляна осветилась странным призрачным светом. Киммериец поднял голову, но не смог сквозь густые ветви деревьев разглядеть источник мерцающего сияния. Однако то, чего не удалось заметить варвару, хорошо видели призраки, собравшиеся у костра. Как по команде, все стихли, и даже герцог с рыцарем, пнув

друг друга по последнему разу, разошлись в стороны.

— Ублюдки! — загремел откуда-то сверху голос, похожий на рев водопада, от которого у киммерийца, человека отнюдь не робкого десятка, по телу побежали мурашки. — Если вы еще раз устроите подобный шум и драку, я больше никогда не дозволю вам подобной встречи. Ходите в своих шкурах и перьях до конца срока и жрите друг друга!

— Пощади, Локис! — взмолились враз протрезвевшие призраки, пав на колени и задрав головы. — Это они, они! — Все дружно указывали пальцами на рыцаря и герцога.

— Чтобы в последний раз! — предупредил исходящий сверху рык, и свет пропал.

Призраки вновь собрались в кружок, но теперь голоса их звучали совсем тихо, и бурное веселье уступило место печальной беседе со вздохами и причитаниями, временами достигавшими ушей варвара. Перед рассветом оборотни приняли свои прежние обличья и тихо, без шума скрылись в чаще. Лишь догорающие угли костра в лучах поднимающегося солнца напоминали киммерийцу, что все происшедшее ночью не привиделось в кошмарном сне. Он поднялся на ноги и только тогда почувствовал, что длительное время пролежал почти неподвижно. Руки и ноги застыли, в ушах все еще стоял леденивший кровь рев, раздававшийся откуда-то сверху.

Когда рассвело окончательно, Конан обошел поляну, где плясали, гомонили и дрались призраки, но никаких следов их ночного присутствия не обнаружил. Только У самого кострища лежало кольцо с печаткой, на которой были вырезаны пять подков. Наверное, выпало у кого-нибудь из дравшихся оборотней: рыцаря или герцога. Варвар обтер перстень о рукав. Золотой! Стоит денег, поэтому брезговать не следует. Памятуя приключившееся с ним лет пятнадцать назад в Туране, он не стал надевать кольцо на палец, а положил его в висевший на поясе кошель. Тогда, вспомнил киммериец, он легкомысленно надел на палец украденный у купца из Акита перстень с вырезанным на нем золотым павлином, а снять его не удавалось никакими силами. Хорошо, помог один маг, а то неизвестно, ходил ли бы он сейчас живым? Веселое тогда было время!

Киммериец присел на пенек, вспоминая свои приключения в Туране. С тех пор прошло немало лет, в его жизни было множество женщин, но он до сих пор не мог забыть свою тогдашнюю подругу Испарану. Какая была женщина! Как она владела мечом, а как метала нож! По меньшей мере два раза ее точные броски спасли киммерийцу жизнь.

Пожалуй, только сейчас, по прошествии стольких лет, Конан мог бы посоревноваться с замбулийкой в этом искусстве. Варвар вздохнул. Столько воды утекло с того времени, неизвестно — жива ли еще пылкая Спарана… Он тогда оставил ее с нынешним властителем Замбулы Джунгир-ханом, совсем еще мальчишкой. Как он таращил глаза на его подругу! Было, кстати, на что посмотреть. Необыкновенная красавица, с удивительно нежной кожей и роскошными черными волосами… а ведь Испарана была гораздо старше его, Конана. Ну а Джунгиру годилась в матери. Или почти годилась, поправил себя варвар и на мгновение, невзирая на прошедшие годы, почувствовал что-то похожее на укол ревности.

Испарана могла бы стать достойной спутницей в скитаниях бродяге, авантюристу и искателю приключений, каким был Конан. Но тогда киммериец решил, что подобная жизнь вряд ли подойдет женщине и гораздо лучше для замбулийки остаться при дворе, где она по праву носила титул Первой соратницы хана, а сам юный правитель без памяти влюблен в нее. Варвар не раз жалел потом о своем решении. Как сложилась в дальнейшем судьба Испараны? Около пяти лет назад киммериец снова побывал в Замбуле. Там по-прежнему правил Джунгир-хан, и варвар опять оказался втянутым в интриги вокруг сатрапа и его

возлюбленной Нефертари. Конана поразило, что молодая женщина внешностью чем-то напоминала Испарану. Но никто уже не помнил о гордой красавице, бывшей когда-то фавориткой властителя…

«Хватит! — оборвал киммериец свои воспоминания. — Расчувствовался! Пора в путь!»

Оседлав коня, Конан направился дальше. Оглянувшись назад, он с радостью убедился, что дорога оставалась на месте, а не исчезала, как вчера.

«Слава Митре! Пронесло! — с облегчением вздохнул он и пустил коня рысью. — Надо побыстрей попасть в Хельсингер. Наверное, мои орлы уже ждут меня там».

Он почти добрался до замка, но, выезжая из леса на пригорок, увидел, как из ворот крепости выехали большая группа всадников и несколько повозок. Отряд пересек поляну перед замком и направился по южной дороге.

«Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Неужели опоздал и они поехали без меня?»

Он прикинул расстояние до всадников, но на усталом коне вряд ли имело смысл пускаться в погоню.

«Пес с ними, — решил варвар, — приеду в замок — обо всем узнаю. Если что, догоню их в Бельверусе».

Он спустился с холма, проехал еще довольно долго лесом и наконец выбрался на поляну перед замком. Стражники долго не хотели открывать ворота незнакомцу, потом послали человека к Эрленду… Пока киммерийца наконец впустили, времени прошло немало, и солнце уже клонилось к закату. На замковой площади слуги разгребали остатки сгоревших бревен, подметали золу и уголья.

— Что у вас, пожар был? — спросил варвар какого-то прислужника, бежавшего по двору с метлой.

— Нет, господин, колдунов палили, — поклонившись на бегу, бросил тот.

Соскакивая с коня, варвар увидел выходящего на крыльцо Эрленда.

— Вовремя приехал, — приветствовал его аргосец, — завтра приказано выезжать.

— Моя пятерка здесь?

— Уже три дня, — ответил Эрленд, жестом приглашая пройти через высокую резную дверь, над которой Конан заметил прибитый герб: щит и пять подков на нем.

«Надо же, — подумал варвар, — перстенек-то я, похоже, подобрал не простой…»

Глава четвертая

Семь всадников покинули утром замок Хельсингер и направились по южной дороге, ведущей в Бельверус и дальше, в Аквилонию. Отряд увеличивал десяток лошадей с поклажей. Путь предстоял неблизкий — в Пуантен. Из монастыря Соважон они должны были забрать племянницу герцога Хайделинду и привезти ее домой, в Хельсингер. Конан ехал позади других, изредка перекидываясь ничего не значащими фразами с Эрлендом. Киммериец был задумчив и молчалив. Приключение, которое он пережил в лесу, по пути в Хельсингер, настроило его на философский лад, и он восседал на своем буланом жеребце,

меланхолично оглядывая окрестности и наслаждаясь теплой погодой и чистым синим небом.

Чем дальше они продвигались к югу, тем заметнее становились приметы пришедшей весны. Если в Немедии крестьяне только начинали пахать свои наделы, то на берегах Тайбора вовсю зеленели молодые всходы, а стоило отряду миновать Шамар, путники увидели заколосившиеся на полях первые хлеба. Тут вовсю властвовало лето, и девушки в деревнях, попадавшихся на пути, были одеты настолько легко, что тонкая ткань совершенно не скрывала их прелестей. В ранней юности Конану пришлось участвовать в штурме аквилонской крепости Венариум, но там, на границе Аквилонии и Киммерии, места были совсем другие, нежели здесь, где среди дубовых и платановых рощ вилась мощенная камнем дорога, ведущая в Пуантен, а оттуда в Аргос. Со столицей этого южного государства и у Конана, и у Эрленда было связано немало воспоминаний. Они и познакомились там, в одном из портовых кабачков, когда варвар пиратствовал у зингарских берегов, а Эрленд постигал науку жизни в Мессантии, столице Аргоса.

Путешествие по Аквилонии проходило без осложнений, нужно было только время от времени раскошеливаться на оплату проезда через посты и крепости. Но на это шли деньги хозяев, и варвара мало беспокоило, сколько золотых перекочевывает из кошеля Эрленда в сумки королевских командиров и начальников караулов.

Слава богам, времена сейчас были спокойные, и разбойничьи шайки, частенько грабившие в прежние времена проезжавших по дорогам, присмирели, поскольку патрули королевских всадников успешно вылавливали бандитов, если поведение последних становилось особенно наглым. Так что работы у отряда киммерийца считай что и не было. Конан ничего не имел против, его солдаты были весьма сведущими в военном деле людьми, и он хотел использовать свою пятерку и дальше. Не хотелось бы потерять хоть кого-нибудь из наемников при выполнении столь пустячного поручения. Чем меньше неприятностей, тем меньше потерь, резонно считал киммериец.

* * *

В излучине реки, где на горизонте вставала гряда Рабирийских гор, отряд расположился отдохнуть на постоялом дворе, недалеко от дороги. Хозяин таверны оказался давним знакомцем Эрленда еще по Мессантии и не ударил лицом в грязь перед гостями из Немедии. Ужин был обильным и, по аквилонским меркам, изысканным: нежная, розовая индюшатина, приправленная тонкими ломтиками душистого сельдерея и бледно-зелеными листьями салата, мягкое, тающее во рту, филе какой-то неизвестной варвару рыбы, запеченный в ореховом тесте фазан, алиманские булочки, чья хрустящая корочка, посыпанная кунжутным семенем, одним своим видом вызывала желание вонзить зубы в податливое сладковатое нутро, целое блюдо овощей, среди которых выделялись своей красной упругой кожей сочные томаты, паштет из бараньей печенки, политый столь любимым местными чревоугодниками соусом из черных грибов, тонко нарезанные пластины дивного копченого окорока — не во всяком богатом замке можно было полакомиться такими яствами.

Конан в изумлении разинул рот, увидев заставленный блюдами стол в отдельном помещении, куда пригласил их трактирщик. Кроме всего прочего, украшением трапезы

являлись несколько пузатых, офирской чеканки, кувшинов с лучшими винами из тех, чем мог похвалиться хозяин: красное барахтанское; цвета спелого граната, розовое, терпкое на языке, торское; чуть сладковатое с легким ароматом изюма — знаменитый аргосский нектар.

— Что случилось? Ты получил богатое наследство? — с легким удивлением в голосе спросил варвар у Эрленда.

— Старый приятель достоин хорошего ужина, — наливая всем по кружке вина, ответил за него хозяин, улыбчивый черноволосый аквилонец с хитрым прищуром чуть раскосых темных глаз, выдававших, что какая-то из его бабок была близко знакома с гирканцами. — Когда в следующий раз придется увидеться? Одни боги знают. За тебя Эрленд и за тебя, киммериец. — Он поднял свою кружку и залпом выпил ее до дна. — Милости прошу, отведайте, а у меня дела. — И он заторопился к выходу.

Эрленда и киммерийца дважды упрашивать не приходилось. Вытащив свои кинжалы, они дружно принялись уничтожать выставленное на стол. Даже не испытывая особого голода, не отдать должное таким кушаньям было бы непоправимым упущением, о котором можно жалеть всю оставшуюся жизнь. С момента, как они покинули Бельверус, отряд не останавливался на постоялых дворах. Они ночевали где-нибудь в лесу у дороги, там же готовили себе нехитрую походную пищу и снова трогались в путь, не желая терять время. Поэтому варвар очень удивился, когда Эрленд решил сделать большую остановку на этом постоялом дворе. Аргосец объяснил ему, что надо привести себя в порядок и почистить одежду. В монастырь следует явиться в полном блеске посланников герцога Хельсингерского, а не в запыленном платье, делавших их похожими на лесных разбойников. Варвар хмыкнул в ответ, поскольку не совсем понимал, какое дело монастырскому начальству до их вида, но оставил это на усмотрение своего спутника.

— В свое время мне говорили, что дороже денег может быть только добрый совет, — с удовольствием делая очередной глоток вина, сообщил варвар, — но теперь я могу добавить в этот перечень и хорошего повара. Давно не ел так вкусно. — Он причмокнул губами и потянулся за следующим куском индюшатины.

— Да, Джанкар — большой мастер, — согласился Эрленд. — Это все приготовил он сам. Когда у него такие гости, как мы, — не без гордости добавил аргосец, — кушанья готовит хозяин, не доверяя повару. В мою бытность в Мессантии Джанкар служил поваром у знатного аргосского нобиля, но потом из-за одной темной истории вынужден был скрыться оттуда.

— Что за история? — полюбопытствовал киммериец, обгладывая ножку фазана.

— Болтали, будто он отравил кого-то, — небрежно ответил Эрленд.

— Ты что, шутишь? — поперхнулся варвар.

— Что с тобой? — посмотрел на него аргосец, но, сообразив, в чем дело, расхохотался.

Глядя на него, рассмеялся и Конан.

— Нервным я что-то стал в последнее время, — буркнул он, вновь принимаясь за еду, — Вот бы уж никогда не подумал… Но мне кажется, что отравление все-таки не лучший способ убирать врагов, — продолжил киммериец, — следы остаются. Добро бы у нас на севере, где и думать-то об этом никто не станет. Умер и умер — значит, боги так решили. А здесь народ ученый, лекаря да прочие врачеватели, могут и разобраться, что к чему, а там, смотришь, и подозревать начнут…

— Согласен, — подхватил тему Эрленд. — Самое лучшее — это когда человек просто исчезает. Ни следов, ничего. Нет трупа — нет преступления.

— Как ваш бывший герцог, что ли? — Варвар внимательно посмотрел в глаза собеседнику.

Отвлеченный разговор неожиданно принял совершенно другой оборот. Киммериец по взгляду Эрленда внезапно понял, что тот знает больше, чем известно остальным.

— Я давно хотел поговорить об этом, Конан, — проверив, плотно ли закрыта дверь, произнес наконец Эрленд, — но все как-то случая не представлялось.

— Говори, я человек не болтливый. — Варвар потянулся к кувшину.

— У тебя гораздо больше опыта в таких делах, — понизив голос, начал Эрленд.

— Да уж, хватает, — хмыкнул киммериец.

Он и припомнить не смог бы, в скольких дворцовых интригах и переворотах ему пришлось участвовать за свою богатую событиями жизнь. Одна парочка дел по перемене владельца трона в Замбуле чего стоит!

— Так вот, — продолжал собеседник, — ты, когда приехал в замок, видел остатки костров…

— Угу.

— На них сожгли несколько колдунов и ведьм.

— Туда им и дорога, — оторвался от кружки с вином Конан. — Не люблю, признаться, всей этой волшбы.

— Может, и так, — пожал плечами Эрленд, — хотя, сам понимаешь, мастера пыточных дел барона Амальрика…

— Амальрика? Постой-постой… Я знал одного Амальрика. Давно, правда.

— Он тебя тоже помнит. Собственно говоря, барон и посоветовал Бьергюльфу взять тебя на службу. Вы воевали вместе когда-то?

— Было дело, — кивнул варвар. — В Хорайе. Значит, это он. Между нами говоря, я не советовал бы тебе особенно доверять этому человеку.

— Да у меня дел с ним нет и быть не может, — покачал головой Эрленд. — Он со своим отрядом остановился в Хельсингере. И в подземелье замка стали свозить разных чернокнижников и колдунов из ближайших городков и деревень, пытали их там, а потом почти всех сожгли.

— Это он может, — мрачно подтвердил киммериец, — Амальрик — человек властный и жестокий.

— Но дело не в нем, — возвратился к началу разговора Эрленд. — Я случайно слышал допрос двух колдуний и… — Он замялся.

— Говори, — подбодрил его киммериец, — у меня все останется здесь. — Он постучал себя по лбу.

— Так вот… они сказали, что герцог Гюннюльф был погублен колдуном…

— Краутвурстом, — закончил, усмехаясь, варвар.

— Откуда ты знаешь? — едва не поперхнулся от изумления аргосец.

— Оттуда, — подняв палец вверх, ответил Конан.

— Но дело в том, что этот колдун уничтожил герцога в сговоре с его младшим братом Бьергюльфом. Или ты и это знаешь? — подозрительно посмотрев на варвара, спросил Эрленд.

— Представь себе, знаю. Ничего удивительного, — усмехнулся варвар, которому такие повороты событий не были в диковинку, — земли герцогства Хельсингер обширны и богаты, и, конечно, младшему брату не хотелось прозябать прихлебателем у старшего. Он и поступил,

как сотни делали до него, и тысячи поступят после… — Киммериец хмуро покачал головой и налил себе и Эрленду еще вина. — Что тебе до этого? Чем меньше знаешь, тем крепче сидит голова на плечах. Ты ведь служишь Бьергюльфу?

— Сам видишь.

— Ну вот. Что тебе еще надо? Справедливости? — Варвар рассмеялся. — Клянусь Кромом, такая служба, как у тебя, достается немногим…

— Но Хайделинда…

— Что Хайделинда? Молодая герцогиня, наследница Хельсингера, — Конан наморщил лоб, — по крайней мере пока у Бьергюльфа не будет своих детей. — Он с хрустом отломил ножку индейки. — Но ведь герцогиня Гунхильда не девочка, и вряд ли у нее будут еще дети, — продолжал варвар, с аппетитом отгрызая куски мяса. — Но если Бьергюльф будет иметь сыновей от другой женщины, вот тогда, конечно…

— Так ты понимаешь, что тогда может случиться?

— Да что тебе до нее? — Варвар посмотрел на Эрленда, и в глазах аргосца внезапно увидел выражение, которое заставило киммерийца задуматься. — А…— протянул он, — да ты, никак, влюблен в молодую герцогиню? Я угадал?

— Угадал… — наклонил голову аргосец.

— Тогда дело другое, — задумчиво произнес Конан, до которого вдруг дошло, почему за полдня перехода до монастыря они остановились, чтобы отдохнуть и привести в порядок свое платье. — Это полностью меняет дело. Но чем ты можешь доказать свои подозрения? Не королевскому суду, до которого дело вряд ли дойдет, а хотя бы Хайделинде? Кроме тебя, об этом знают Амальрик и его палачи, так?

— Да.

— Ты можешь призвать их в свидетели?

— Нет… — после недолгого раздумья покачал головой Эрленд.

— Угу, — кивнул головой Конан. — Амальрик скорее тебя самого отправит на дыбу, если узнает, что сведения о сговоре Бьергюльфа и Краутвурста выплыли наружу. Не сомневаюсь, он захочет с выгодой для себя использовать узнанное под пыткой. Или просто тебя убьет, — мрачно добавил он. — Убьет, клянусь рогами Нергала, — убежденно повторил варвар.

— Что же делать?

— Я мог бы посчитать, что тебе это все померещилось, если бы совершенно случайно не получил подтверждения твоему рассказу, — медленно произнес киммериец. — Посмотри на эту штучку. — Он открыл висящий на поясе кошель и, покопавшись в нем, извлек на свет золотой перстень, найденный на поляне, где резвились оборотни, — Она тебе знакома?

— Это же фамильный перстень герцогов Хельсингерских! — вскричал Эрленд. — Как он попал к тебе?

Конан, немного поколебавшись, поведал аргосцу о том, что видел на поляне в ночном лесу.

— Значит, рассказы про Локиса — это не выдумка? — спросил потрясенный Эрленд.

— Выходит, что так, — развел руками киммериец, который за свою жизнь встречал колдовства столько, сколько другим и присниться не могло. — Там кто-то из этих призраков и назвал имя Краутвурста.

— Вот бы заполучить этого призрака, чтобы он все рассказал, — мечтательно произнес Эрленд.

— Какая только дурь не лезет в молодую голову, — усмехнулся Конан, — Не обижайся, все мы были такими, — взглянув на Эрленда, добавил он. — Здесь надо действовать по-другому.

— Как?

— Надо пошевелить мозгами, время до возвращения в замок еще есть, — задумчиво сказал киммериец, — Но в первую очередь советую пока не говорить ни о чем твоей ненаглядной герцогине. Договорились?

Глава пятая

Краутвурст снова разложил кости, еще тщательнее, чем в первый раз, растер зеленый пахучий порошок. Он вспотел от напряжения, когда зажигал пламя в старой медной плошке, где расположил свои принадлежности для магического гадания. Опять то же самое… Ошибки быть не может! Колдун даже застонал от бессилия и злобы:

— Что же это такое? В чем моя вина?

Мало того, что барон Амальрик схватил двух колдуний из его селения, которые, возможно, догадывались об участии Краутвурста в исчезновении герцога Гюннюльфа. Они, конечно, а особенно Гленда, которая приготовила магический напиток, могли проговориться об этом под пытками, но доказательств-то этому нет, да и чего не болтают, вися на дыбе? Это не страшно, по крайней мере в ближайшее время.

Но вот то, что произошло в лесу несколько дней назад… Колдун вновь заскулил, как собака. Он уже чувствовал на своей спине плеть палача, и никакая магия не спасет его от этой участи. Человек был на шабаше оборотней Блудова Болота!

И этот человек все знает. Болтливые призраки, разгоряченные вином, рассказали историю во всех подробностях. И прямо назвали его, Краутвурста, имя. Кости показывают, что произошло именно так! Колдун забегал по тесной комнате, натыкаясь на стулья и корзины с травами, заполнившие почти все пространство вокруг.

— Вот не повезло! — вновь чуть не взвыл Краутвурст. — А так хорошо все прошло, так тихо и незаметно… И герцог, и его егеря бесследно сгинули в топях, будто их и не было вовсе. Только вода, покрытая ряской, булькнула в последний раз, и все успокоилось.

А сколько трудов он потратил, чтобы опоить охотников своим зельем! Да и сделал все так ловко. Никто ничего не заподозрил, когда кавалькада выехала из селения. Всадники как всадники, смеялись, перебрасывались шутками, а потом взяли и свернули прямо в топь. И все, даже кругов на воде не было, ряска сразу вновь затянула это место. Откуда ему было знать, что этот Гюннюльф провинился перед Локисом и теперь дух герцога разгуливает в теле громадного медведя? Да еще болтает всякую всячину на шабаше духов? Надо же, как это все вышло некстати!

— Что делать? — Краутвурст сжал голову в ладонях, пытаясь избавиться от невесть откуда взявшегося звона в ушах. — Надо скорее узнать, кто из смертных попал на шабаш, и уничтожить его, пока человек этот еще не уехал из Немедии. А если уже уехал?

Колдуна начал бить озноб. Он согрел себе чашу густого напитка из трав и торопливо

выпил. Стало получше, звон в ушах прекратился, и Краутвурст немного пришел в себя.

Он бросился к висящей на стене деревянной полке, уставленной флакончиками с жидкостями, хрустальными шарами, пирамидами и прочими принадлежностями для чародейства. Схватив лежащую справа большую книгу в кожаном переплете, он положил фолиант на стол и жадно впился в него глазами, торопливо переворачивая страницы.

— Вот! — колдун нашел нужное место и, заглядывая в книгу, начал метаться по комнате, собирая пучки трав, разноцветные флаконы, какие-то тряпочки, куски кожи, деревянные палочки.

Краутвурст долго выстраивал из всех собранных предметов что-то подобное башне, временами вытирая запотевшую от напряжения плешь. Наконец построение было закончено.

Он еще раз взглянул в книгу и снял с полки большой хрустальный шар, срезанный почти наполовину. Установив шар внутрь сооружения, колдун посыпал положенную у основания шара медную пластину порошком из синего флакончика.

— Готово! — перевел дух чародей. — Сейчас посмотрим. — Он поднес зажженную от лампы щепочку к пластине.

Порошок вспыхнул. Потрескивая, разгорелось ровное синее пламя, подсветившее шар снизу. Тотчас на срезанной плоскости проявились фигуры нескольких всадников, рысью скачущих по дороге, обсаженной раскидистыми деревьями с крупной густой листвой.

— Где же это? — забеспокоился колдун. — Это не Немедия… Неужели он забрался так далеко? С другой стороны, — продолжал он разговаривать сам с собой, — если уехал далеко, так и пес с ним. Тогда, возможно, нет причин беспокоиться…

Он чуть добавил в пламя другого порошка, и фигуры всадников стали крупнее, затем один за другим на срезе шара появились их лица.

— Эрленд! — вдруг узнал колдун одного из людей. — Эрленд, доверенный человек герцога Бьергюльфа! Но кто же его остальные спутники?

Однако, сколько ни колдовал Краутвурст, лица других людей в латах и с оружием, по-видимому солдат, не показались ему знакомыми. Теперь Краутвурсту было известно, что кто-то из этих семерых был на шабаше духов. Но кто именно?

Этого магия узнать не позволила. Он несколько раз проделал манипуляции с шаром, но ничего нового из колдовства не извлек.

— Что делать? — Он сел на стул, смахнув с него пучки сушеных трав. — Думай, Краутвурст, думай!

Подумать действительно было о чем. Если эти люди, и в их числе тот, который все знает, вернутся в Хельсингер, а это было вполне вероятно, потому что среди всадников находился Эрленд, опасность будет совсем рядом.

Бежать в замок к герцогу и все ему рассказать? Колдун задумался. Ведь Бьергюльф непременно спросит, кто именно этот человек. Эрленд? Вряд ли. Скорее всего, кто-то из солдат. Солдаты… Нет, скорее просто отряд наемников, они же не в форме, сообразил колдун. Ему стало жарко.

Скинув подбитую мехом безрукавку, Краутвурст снова вскипятил кружку напитка и медленными глотками выпил, рассчитывая на успокаивающие действие зелья.

Страх не проходил. Надо убить всех шестерых латников, да и этого аргосца заодно — вдруг тот, кто побывал на шабаше, что-нибудь ему выболтал. И дело с концом. Но как? Расправиться с полудюжиной наемников непросто. Ребята крепкие, особенно один из них, загорелый, высоченного роста, в шлеме с черным султаном.

— Так, так… — Колдун взял в ладонь кости и бросил их на стол.

Выпала двойка. Он бросил еще раз. Опять двойка! Третий раз… На грани костей, словно два глаза, ему опять подмигивали два очка. Снова двойка! Три раза подряд! Холодный пот прошиб колдуна. Плохой знак, отвратительный просто! Краутвурст, не решаясь бросить еще раз, долго-долго тряс костями в кулаке, пока не заныли пальцы. Он кинул кости и отвернулся, потом, зажмурившись, медленно повернул голову к столу, боясь открыть глаза.

Наконец, глубоко вздохнув, осмелился взглянуть. Двойка! Краутвурст тихо завыл, спина покрылась липким, предательским потом. Такого не бывает, просто не может быть, чтобы одно и тоже выпадало четыре раза подряд! Боги сердятся и могут наказать, жестоко наказать! Самому здесь не справиться. Скорее в Нумалию, к этому мерзавцу Тарборну, может быть, сжалится и поможет. Но тогда придется все рассказать… Колдун опять задумался.

— Нет, рассказывать нельзя! Придется придумать что-нибудь, — снова заговорил он сам с собой. — Но надо спешить, спешить! Промедление принесет гибель.

Он забегал по комнате, собирая в дорогу свои колдовские принадлежности. Мало ли что может пригодиться… Потом выскочил в другую комнату.

— Эй! — закричал колдун. На его зов явился заспанный слуга. — Давай быстро седлай лошадей, собирайся в дорогу!

— Господин! Сейчас же ночь, куда мы поедем?

— Ночь? — остановился Краутвурст. — А ведь и правда…

За своими занятиями и размышлениями он и не заметил, что уже стемнело.

— Нергал тебе в пятки! — прикрикнул он на слугу. — Сам знаю. Иди, бездельник, завтра рано утром соберешься!

Слуга, что-то ворча себе под нос, удалился, а колдун вновь предался невеселым размышлениям.

— Может быть, донести на них, что они чернокнижники и хулители Митры Животворящего? Да еще и свиток какой-нибудь подсунуть, из запрещенных? Люди у меня в Бельверусе есть, замолвят словечко перед Золотыми Леопардами, всех этих конников повяжут, да и на костер. Неплохо?

Мысль эта понравилась Краутвурсту, и он начал строить планы по ее воплощению в жизнь, но, дойдя до момента ареста, задумался вновь.

— А если допросят хорошенько, как принято? Наверняка так и сделают. Тогда они непременно меня выдадут, что им скрывать! Так что меня потом вместе с ними и сожгут. Нет, это не подходит, совсем не подходит! Что же делать? — Он снова сел, обхватив голову руками. — Надо бежать из Немедии, бежать куда глаза глядят. Но куда? Кто меня ждет в других краях? Здесь дом, — колдун тоскливым взглядом обвел каменные стены зала, где сидел перед горящим камином, — здесь я уважаемый человек…

Он так и не заснул всю ночь, а утром, нахлестывая коня, помчался в сопровождении слуги по дороге в Бельверус.

Глава шестая

Хайделинда взяла в руки маленький томик в сафьяновом переплете и, тут же отложив его, снова подняла голову. Клочок чистого ярко-синего неба, видимый из окна ее маленькой кельи, напомнил молодой наследнице Хельсингера, что скоро, совсем скоро, она увидит свой замок, близких людей и наконец покинет пределы этого опостылевшего монастыря. Она окинула взглядом небольшую спальню.

Шесть шагов в длину и четыре в ширину. Голые каменные стены, потолок — такой высокий, что комната походила на сундучок, поставленный на попа. Узкое окно, косо прорезанное в стене таким образом, что через него можно видеть только небо: серое, подернутое легкой дымкой дождливых туч — в холодное время года или светлое и чистое, такое, как сейчас — весной и летом. Иногда на верхний край наклонного подоконника садилась птица, но, увидев, что, кроме камня, вокруг ничего нет, улетала восвояси.

Узкая деревянная кровать, скорее топчан, без спинок, с соломенным жестким тюфяком и одеялом из козьей шерсти. Деревянный стул с плетеной спинкой и сиденьем, не такой, как у нее на родине, высокий и узкий, а, наоборот, широкий и разлапистый. Рядом с ним чем-то похожий на него стол, столешница которого успела потемнеть за долгие годы использования. В углу, возле небольшого каменного возвышения с отверстием для стока воды, два глиняных кувшина: большой и маленький. Помимо этого в комнате ничего не было. Собственных вещей воспитанницам монастыря Соважон иметь не полагалось.

Из привезенного с собой разрешено было оставить только цепочку с кругом Митры, если таковая имелась. Хайделинда вспомнила, как два года назад воспитанниц первого года выстроили в Большом трапезном зале. Пятнадцать раздетых донага дрожащих девочек стояли посередине длинного помещения. Только что каждая прошла унизительный осмотр в соседней комнате — в монастырь принимали только девственниц, — и они еще не пришли в себя от грубых прикосновений жестких пальцев главной целительницы. Напротив них, подталкивая друг друга локтями, разглядывали новеньких построенные в шеренгу старшие воспитанницы в длинных одеяниях шафранового цвета. Старшая настоятельница, мать Розальба, с наброшенной на рясу белой с темными звездами мантильей, медленно проходила между двух рядов и, обращаясь к вновь прибывшим, четким, сухим и бесстрастным голосом вела первую беседу:

— Родители прислали вас к нам, в обитель Светлоокого Митры, чтобы укрепить здесь ваш дух и подготовить к жизни. Вам придется забыть все, что вы прежде знали, и кем вы были. На эти два года вы все равны, и здесь нет дочерей властительных герцогов или падчериц бедных баронов. В обители Соважон есть только послушницы служителей Митры. — Она обернулась к шеренге старших воспитанниц, и шепот, который мгновением раньше шелестел в их рядах, смолк под ее суровым взглядом, — Здесь из вас воспитают прилежных хозяек и достойных будущих матерей, вы научитесь многому из того, что может вас ожидать в дальнейшей жизни.

Она прошла вдоль ряда, разглядывая своих новых воспитанниц, среди которых были девушки не только из различных провинций Аквилонии и Пуантена, но и Аргоса, Немедии и даже далекой северной Бритунии.

— Но самое главное, чем вам предстоит проникнуться здесь, — это заветами нашего Владыки Всего Сущего, Подателя Жизни и Хранителя Света, Справедливости и Добра. Долг каждого живущего, — она произносила эти слова с самозабвением, и даже голос ее стал более теплым в эти мгновения, — вести добродетельную жизнь, следуя учению Митры. Забудьте всю чушь, которая бытует в ваших глухих замках, обо всех богах-оленях, богах-

медведях, богах-вепрях, обо всех Цернунносах и Локисах, обо всех звероликих или рукокрылых. Все это происки Гада Скользящего, Змееголового Сета, и праведный гнев Бога Нашего обрушится на отступницу, коей придет в голову вспомнить мерзопакостнейшие порождения сил Тьмы. Впрочем, — она вперила взгляд своих водянистых светлых глаз, казалось, прямо в лицо Хайделинды, — убеждена, до того не дойдет, а в случае мелких прегрешений мы сами найдем достаточно средств очищения от скверны.

Хайделинда чуть не задохнулась под жестким взглядом и почувствовала острую тоску, которая не отпускала окончательно все два года ее пребывания в монастыре. Еще девушку в самое сердце поразила глухая обида на родителей за то, что от родных стен своего герцогства, от цветущих полей и лугов, от прозрачных рек и привольных лесов они заточили ее в эту обитель, населенную мрачными костистыми женщинами с горящими огнем веры фанатичными взглядами служителей добра и гонителей зла.

— Вот ваши воспитатели! — Розальба указала на скамью, на которой, сложив руки на коленях, восседали Два десятка женщин, молчаливо и бесстрастно взиравших на зрелище, которое они за свою службу в монастыре Соважон видели уже много лет подряд. — Каждой из вас будет назначена помощница настоятельницы из старших воспитанниц, — сделав паузу, продолжала матушка Розальба, — на первых порах они обучат вас всему, что надо делать и как вести себя в обители.

По ее команде девушки в рясах сделали два шага вперед, и каждая взяла за руку новенькую, стоявшую напротив. Они отвели младших послушниц в их кельи и рассказали, как проходит день в монастыре и что должна делать каждая. Это был редкий случал за два года, когда девушки оставались одни, без воспитательниц. Больше подобного послабления сурового монастырского устава не допускалось, исключая тот день, когда сама Хайделинда стояла в ряду старших воспитанниц, а перед ними внимали речи матери-настоятельницы дрожащие от испуга и холода, такие же, как и она сама год назад, нагие и жалкие новые обитательницы монастыря. Все время, проведенное в обители, послушницы проводили с воспитательницами или в одиночестве, запертые в своих кельях на время отдыха. Им разрешалось брать с собой лишь книги из монастырской библиотеки, сначала только духовного содержания, потом и другие, в которых описывались древние легенды и истории, путешествия в далекие неведомые страны. Для какого-нибудь повесы было бы незабываемым впечатлением наблюдать, как после вечерней молитвы тридцать обнаженных девушек с фолиантами под мышкой направляются по монастырским коридорам в кельи. Настоятельница считала, что послушницы должны закалять свое тело, и поэтому разрешалось использовать для сна только одно одеяло, что, впрочем, при здешнем теплом климате было вполне переносимо.

Утром воспитанницам следовало умыться холодной водой, которой днем каждая из девушек наполняла кувшин в своей келье. Потом все шли к трапезной, у входа в которую на скамье лежали рясы шафранового цвета. Больше никакой одежды им не полагалось. После утренней молитвы следовал завтрак. Пища в монастыре Соважон была простой, но сытной, хотя и без каких бы то ни было изысков: хлеб, козий сыр, оливы, фрукты, красное вино, которое надлежало разбавлять водой. После трапезы послушницы направлялись на работы в сад или огород, потом молитва в храме, и обязательные для всех уроки верховой езды, для чего девушкам выдавались короткие кожаные штаны. Хайделинде казалось, что единственными живыми существами в этом монастыре, кроме послушниц, были лошади, и она каждый день с замиранием сердца ждала, когда сможет прикоснуться ладонью к шерсти

послушного ласкового животного, ощутить его теплое дыхание. После обеда проводились занятия по изучению Заветов Митры и грамоте или шло обучение навыкам, приличествующим девушкам из хороших семей: рукоделие, приготовление пищи, после ужина игра на цитре или лютне, танцы, потом вечерняя молитва и снова возвращение в кельи. Так изо дня в день, и ничего не могло нарушить распорядок этой обители.

В праздники воспитанницы участвовали в обрядах в Большом храме, который одной своей стеной примыкал к монастырскому двору. Собственно, Соважон и возник несколько сот лет назад как пристройка к храму и постепенно обрастал все новыми сооружениями, впоследствии огороженными высокой каменной стеной, и жизнь послушниц стала совсем отрезана от остального мира.

В первые дни Хайделинда с интересом рассматривала постройки монастыря и огромную статую Митры, установленную посредине владений у входа в главное здание обители. Это было высокое, локтей пятьдесят в высоту, изваяние крепкого осанистого мужчины с вьющейся бородой и ровно подстриженными в кружок волосами. Фигура, вытесанная из черного камня, резко выделялась среди белых зданий и красных черепичных крыш монастыря. Статуя казалась очень древней, мелкие черты сильно стерлись под воздействием ветра и дождя, и это плоское лицо с приплюснутым носом и почти без губ напоминало старую монету неизвестного происхождения. Нельзя было сказать, добр этот бог или злобен, его бесстрастный взгляд не выражал ничего. Хайделинде многое было внове, она не видела ничего подобного в своей Немедии, в дальнем, затерянном на севере герцогстве Хельсингер. Растения с очень яркими и крупными цветами, деревья, которые не росли на севере: пальмы, кипарисы и бамбук, что удлинялся с каждым днем на целую ладонь, — все это возбуждало в девочке любопытство, но постепенно она привыкла ко всему окружавшему ее. Воспитательницы не давали своим послушницам ни мгновения, чтобы перевести дух: каждое движение, каждый взмах руки должен был подчиняться какой-то определенной цели.

— Вас не должно отвлекать от дел то, что находится за этими стенами, — постоянно внушали воспитательницы. — Вы должны вернуться в мир очищенными от лишних помыслов, чтобы стать достойными женами и матерями. Старайтесь быть преданными учению нашего Бога Животворящего и отличать чистый жар любви от обольщения чувств и проявления мирской похоти.

— Как же отличить эту любовь, матушка? — наивно спросила черноглазая Сильвина, дочь аргосского вельможи.

— Благая любовь, — недовольно поглядев на нее, ответила монахиня, — нелегко отличается даже святыми подвижниками великого учения. Что есть любовь? На всем свете ни сам человек, ни демоны не внушают столько подозрений, сколько любовь, ибо она проникает в душу глубже, чем другие чувства, — Она остановилась, глядя на послушниц, затаив дыхание слушавших ее, потом добавила: — За исключением ненависти, конечно. Ничто на свете не занимает так сердце и не сковывает его, как любовь, и надо иметь оружие против искушения, ибо душа в этом случае становится беззащитной. Разумеется, я говорю не только о плотской любви. Ее надо всемерно избегать, как греховного порождения Сета, как демонического обольщения. Ты почему улыбаешься? — вдруг выставила она свой длинный палец в направлении хорошенькой белокурой аквилонки. — Встань!

— Матушка, тебе показалось, — запротестовала девушка, но тщетно.

— Вечером двадцать ударов, — изрекла настоятельница и продолжала, не обращая внимания на побледневшую послушницу: — Но я говорю о любви благой, рождающейся у

человека к Богу или у человека к человеку. Часто бывает, — Розальба грозно вглянула на воспитанниц, — что двое или несколько, мужчины или женщины, питают друг к другу самую сердечную привязанность и желают вечно не расставаться друг с другом. Одни желают, — настоятельница подняла палец, — а другие в ответ жаждут! Вот! Дело в том, что даже благая любовь, если не умеешь ей противостоять и отдаешься, я повторяю, отдаешься ей с жаром, ведет к падению… сперва она размягчает душу, потом душа ввергается в горячку… человека рвут на части демоны соблазна, и он может погибнуть в пустоте, сгореть в необузданном огне. Понятно?

— Не совсем, — подняла руку Хайделинда. — Значит ли это, что я не могу отдаться полностью, без раздумий, любви к Подателю Жизни?

— Нет! — отрезала матушка. — Митре не нужна твоя испепеляющая любовь. Солнцеликому нужно добродетельное следование его заветам, и это высшее блаженство, которое может ждать тебя на земле.

Хайделинда кивнула головой в знак того, что поняла, но в душе ей было трудно согласиться с этими словами. Она вспомнила, как долго не могла прийти в себя после поцелуя Эрленда, как сладко щемило сердце… а здесь, сколько ни исполняла она заповедей Митры, почувствовать такого не удалось ни разу.

Глава седьмая

Хайделинда любила работу в саду, среди зеленых растений и ярких цветов, когда солнце своими лучами заставляло играть каждую травинку и каждый лист невыразимо прекрасными красками. Здесь ее вольнолюбивая душа не ощущала давления серого камня монастырских келий. И еще это было почти единственное место, где послушницы могли поговорить без бдительного ока воспитательниц. Хотя к каждым двум девушкам было приставлено по монахине, наставницам тоже иногда надоедало беспрерывное бдение за своими воспитанницами, и те могли отойти на несколько шагов и обменяться несколькими словами.

Кроме монастырского сада, девушки могли без помех со стороны монахинь общаться между собой еще в одном месте. Старшая настоятельница мать Розальба считала, что чистота девушек является главным их достоинством, как в помыслах и служении заветам Митры, так и в отношении к своему собственному телу. Посему послушницы должны были по несколько раз в день совершать омовения. Летом они делали это в большом, выложенном каменными плитами водоеме, расположенном посреди монастырского двора, почти под самым подножием статуи Митры. Черный истукан с бесстрастным выражением плоского лица каждодневно по нескольку раз наблюдал, как тридцать молодых стройных или пухленьких тел плещутся, поднимая тучи брызг, и солнечные лучи играют разноцветной радугой над этим цветником юности, красоты и свежести. Купания обычно продолжались долго, и девушки успевали не только наговориться всласть, но и придирчивым взглядом оценить тела подруг. Некоторые девушки имели больший опыт общения с мужчинами, чем остальные, и хотя у них тоже, как и у других, далеко дело не зашло, но тем не менее эти знания ставили их обладательниц на ступень выше их более невинных подруг.

— Что бы ты сказала, если бы это была рука мужчины? — Хайделинда почувствовала, как две тоненькие руки обняли ее сзади и, приподняв, сжали груди.

Она в недоумении повернула голову и увидела смеющиеся глаза Сильвины.

— Тебя кто-нибудь трогал так? — не давая ей опомниться, прошептала Сильвина, косясь глазом на воспитательницу, прохаживавшуюся вдоль каменного парапета водоема.

Хайделинда отрицательно покачала головой. Руки подруги спустились ниже под воду и погладили ее маленький упругий живот.

— Разве это не приятно? — жарким шепотом ворковала девочка, касаясь горячими губами ее уха.

— Оставь меня! — Хайделинда вырвалась и поплыла к середине бассейна, но краем глаза заметила, что некоторые девушки стоят или сидят в воде маленькими группами по двое или трое и о чем-то говорят, поглядывая вокруг мечтательными, слегка затуманенными глазами.

Она не могла разобраться в своем отношении к тому, что хотела сделать с ней Сильвина, но во время следующего омовения сама подплыла к ней.

— Прости, я не хотела тебя обидеть!

— Пустяки, — отмахнулась та, — Скажи, а тебя хотя бы целовал кто-нибудь?

С этого момента между ними возникла горячая девичья дружба, и девочки поверяли друг другу маленькие тайны и желания, в которых, может быть, не признались бы даже самим себе. Но монастырская жизнь была настолько пресной и жестокой, что эти купания стали для них единственной отдушиной.

Обитель располагалась у подножия большой горы, так что стена как бы вырастала из скал и окружала сад, монастырские постройки и Большой храм в углу этого обширного двора. По праздникам послушницы через заднюю дверь храма попадали на службу, но не туда, где молились прихожане, а поднимались по узкой винтовой лестнице наверх. Там, за каменной решеткой, они молились отдельно от остальных, и украдкой разглядывали толпы людей, находившихся внизу. Это было для девушек единственным взглядом на остальной мир, отделенный каменными стенами монастыря, и как бы уже не существующий, потому что, кроме своих воспитательниц, они никого больше не видели.

Так исполнялась древняя традиция воспитания послушниц, идущая из глубины веков, когда существовали женские монастыри. С течением времени культ Митры освободился от женщин-монахинь, и из воспитания служительниц Богу обители превратились в дома, где девушек из благородных семей учили грамоте, кое-каким навыкам и, конечно, заветам Великого Подателя Жизни.

Но порядки в монастырях сохранялись неизменными в течение сотен лет, и девушки за время, что они проводили здесь, подчинялись тем же суровым правилам, что и прежние послушницы, посвятившие себя Митре и давшие обет безбрачия. Суровый образ жизни, жестокие воспитательницы, неизбежные наказания за малейшую провинность: не вовремя опущенные глаза, лишнее вырвавшееся слово или смех. Хайделинда с дрожью вспоминала случай, когда она пролила вино на свою рясу и должна была впервые понести наказание. Когда матушка объявила, что вечером она получит двадцать ударов, Хайделинда весь день провела, дрожа как в лихорадке и внутренне сжимаясь от страха неизвестности. Она уже знала от старших воспитанниц, как происходит наказание, но разум отказывался воспринимать, что и ее ждет подобный ужас.

Вечером, когда закончилась молитва и все девушки были отправлены в свои кельи,

Хайделинду две воспитательницы повели по коридорам монастырского здания куда-то в дальние залы, где она ни разу еще не была. Ее привели в длинную узкую комнату без окон, освещенную лишь скудным светом нескольких факелов, воткнутых в черные канделябры в виде цветка лилии. Вдоль всего помещения почти под потолком проходил длинный брус, с которого свисала продернутая сквозь кольцо цепь с веревкой на конце.

— Встань сюда! — скомандовала одна из монахинь. Хайделинда повиновалась и встала под брус, куда указала ей длинная сухая ладонь матушки.

— Подними руки!

Когда девочка повиновалась, они задрали рясу ей на голову и завязали ткань вокруг запястий. Руки привязали к цепи и подтянули ее вверх, так что она касалась пола только кончиками пальцев ног. Девушка осталась в таком положении, обнаженной ниже плеч, с поднятыми вверх руками, напрягаясь, чтобы устоять. Прошло довольно-таки много времени, и ей стало трудно дышать через рясу, которая охватывала голову и плохо пропускала воздух.

— Входите! Встаньте в ряд! — услышала она голос монахини.

Раздался шорох. Судя по звукам, в комнату входили люди. Ей почудилось, что она услышала сдавленный кашель, принадлежавший мужчине, и девушку мгновенно охватил невероятный стыд. Как же так, ее — совершенно обнаженную и вытянутую, словно струна, видят мужские глаза? Ей показалось, что все тело запылало огнем. Хайделинда почувствовала, как цепь натянулась вперед, побуждая сделать шаг. Тут же раздался приглушенный звук, и бедра ожег удар ремня. Девушка вскрикнула от боли и неожиданности, потому что ее, молодую герцогиню, никогда не наказывали, словно какую-нибудь рабыню или простолюдинку. Повинуясь натяжению цепи, она шла на цыпочках вперед, а удары сыпались один за другим. Девочка сначала терпела, а лотом не выдержала и закричала. Пот градом тек по лицу, ткань прилипала к коже, заставляя широко раскрывать рот, но воздуха все равно не хватало. Хайделинда уже кричала без остановки, задыхаясь и с трудом переставляя ноги, не в силах даже считать удары, и молила богов, чтобы все поскорее кончилось. Когда после очередного удара, обжигающего бедра и живот, ничего больше не последовало, Хайделинда, полузадохнувшаяся и обессиленная, повисла на цепи и упала на руки женщин. Те отвязали ее, положили на лавку и окатили водой. Потом две монахини смазали рубцы на ее теле какой-то мазью и отвели в келью. Почти всю ночь она рыдала от пережитого унижения и страха. Даже боль причиняла ей меньше страданий, чем чувство безысходности, испытанное, когда ее, задыхающуюся в мешке из собственной рясы, жестоко избивали невидимые для нее люди. После этого девушка еще не раз подвергалась наказанию, но дикий ужас первого унизительного испытания остался внутри навсегда.

За те два года, которые им пришлось провести в монастыре, все послушницы прошли через наказание не по одному разу, но никто из них так и не понял, в чьих руках свистела истязающая плеть. Когда девушек снимали с цепи, комната была пуста. Послушницы обсуждали это друг с другом, но так и не пришли к общему мнению.

— Тебе не показалось, что там могли быть мужчины? — спросила ее Сильвина на следующий день вовремя купания, ласково поглаживая ссадины, нанесенные жестокой плетью.

— Неужели? — воскликнула Хайделинда, вспомнив свои подозрения. — Ты думаешь, что какие-то конюхи видят нас, девушек из благородных фамилий, голыми, словно рабынь?!

— Что поделаешь, — хмыкнула Сильвина. — В конце концов, что тут страшного, нам нечего стесняться своих тел.

Она была права. Ее смуглое стройное тело с узкими бедрами и твердыми маленькими грудями казалось Хайделинде очень привлекательным и нравилось куда больше, чем свое собственное. Тем сильнее она страдала от сознания того, что чьи-то мужские глаза бесстыдно шарят по ее обнаженной плоти во время порки. Девушки так никогда и не узнали, что для этой цели специально приводились послушники из мужского монастыря, чтобы таким образом в борьбе с плотскими вожделениями укреплялся дух будущих служителей Митры.

Время, проведенное в монастыре, тянулось невыносимо медленно. Хайделинде казалось, что день, когда ее заберут из монастыря Подателя Жизни, никогда не наступит. Тихая и молчаливая, она, как и ее подруги, двигалась по обители, опасаясь лишний раз поднять глаза и заученно исполняя все, что предписывалось обычаями Соважона. Почти никаких сведений из внешнего мира сюда не доходило. Время будто остановилось для этих девушек. Хайделинда уже с трудом могла восстановить в своей памяти облик замка Хельсингер, любимые места, по которым они бродили вместе с Эрлендом. Да и он, наверное, совсем забыл о воспитаннице, думала девушка. Ее детская влюбленность в своего наставника сейчас казалась даже смешной, но Хайделинда ежедневно вспоминала об аргосце. Однако все прошлое было покрыто легкой дымкой времени, мешающей четко разглядеть отдельные его черты.

Хайделинде казалось, что она находится здесь всю свою жизнь, от самого рождения, и не было у нее ничего, кроме кельи, залов для занятий, монастырского сада и страха ожидания окрика воспитательницы, указывающей на проступок.

Когда за некоторыми девушками начали приезжать люди от их родителей и они, торжествующе глядя на остальных, покидали монастырь, Хайделинда совсем затосковала. Она краем уха слышала, что бывали случаи, когда родители приходили к решению отдать своих дочерей в служительницы Митры, и эти несчастные пополняли ряды воспитательниц Соважона или другого такого же монастыря, которые были во множестве разбросаны по полям и лесам благословенной Аквилонии. Когда однажды вечером матушка объявила девочке, что за ней приехали и завтра она будет передана в руки посланников герцога, Хайделинда чуть не лишилась чувств от восторга и остаток дня провела, не в силах даже открыть книгу и только глядела и глядела с жадностью на голубой клочок темнеющего неба…

Часть третья

ДОРОГА ДОМОЙ

Глава первая

Они прибыли в Соважон сразу после полудня, но вышедшая навстречу высокая костистая женщина сообщила, что воспитанницу приведут только завтра утром, и предложила переночевать в городе. Варвар при виде разочарованно вытянувшейся физиономии аргосца пожалел Эрленда, но промолчал. Городок, где они остановились на ночлег, оказался чистеньким и уютным. Белые дома были почти не видны из-за обступивших их деревьев, и создавалось впечатление, что одни только черепичные крыши рядами карабкаются по крутым склонам гор. Внизу широкий изгиб Алиманы с отмелью, усыпанной побелевшими на солнце камнями, выделялся светлым пятном среди буйной зелени, заполонившей все вокруг. За отмелью, как огромная белая глыба, высился монастырь. Над его стенами поднимались две вершины — купол храма и черная статуя Митры.

В полупустой таверне спутники поужинали — не так, конечно, как вчера, но вполне пристойно, а Конан вдобавок выиграл в кости у заезжего торговца пять золотых. Довольный удачей, он тем не менее почесал за ухом: не собираются ли боги для равновесия наподдать ему в ближайшие дни?

В сам монастырь никого не допустили, и отряд спешился у высокой белокаменной стены, рядом с крыльцом под небольшим навесом. Маленькая дверь с зарешеченным оконцем открылась на стук Эрленда, и монахиня в шафрановой мантии взяла у него узел с одеждой. Через некоторое время дверь открылась вновь, и на крыльцо вышла девушка в костюме для верховой езды: узких кожаных штанах и таком же жилете поверх белой рубахи с широкими рукавами. Наряд ее довершал короткий плащ, небрежно наброшенный на одно плечо. Молодая женщина обвела взглядом стоявших перед ней шестерых мужчин. Конан прищелкнул языком, не в силах сдержать восхищения. Такая красота встречалась редко. Нехитрая дорожная одежда не могла скрыть совершенных линий тела девушки: высокой груди, которой было тесно в полотняной блузе, длинных сильных ног, округлости бедер и очаровательной покатости плеч. Стройная шея виднелась из полурасстегнутого ворота рубахи. Копна светлых пепельных волос, ниспадавших на плечи, в ярких лучах солнца отсвечивала золотом. И глаза! Синие, почта такие же, как и у киммерийца, но с более глубоким, фиолетовым оттенком, живые и дерзкие, однако с затаенным в глубине выражением легкой печали.

«Не больно-то, похоже, весело, жилось девчонке в этом монастыре», — подумал варвар.

Глаза молодой герцогини, обведя лица стоявших мужчин, остановились на аргосце:

— Ты, похоже, не рад меня видеть, Эрленд? — промолвила она лукавым тоном.

— Хайделинда! — вскричал опомнившийся аргосец, бросившись к девушке.

Он приблизился к ней и остановился, не зная, как поступить.

— Мы настолько поражены твоей красотой… — неожиданно галантно начал киммериец и сам удивился своим словам. Запнулся, но продолжил: —…что потеряли дар речи. Прошу, герцогиня, конь ждет тебя.

Конан подвел к стоявшим в нерешительности молодым людям приготовленного для Хайделинды коня и помог ей вскочить в седло. Бросив взгляд на Эрленда, он хитро подмигнул ему и направился к своим солдатам, которые, слегка усмехаясь, наблюдали за происходящим.

— Пора в путь! — вскакивая на коня, сказал варвар. — Здесь нас ничто не держит, не так ли, герцогиня?

Девушка энергично кивнула изящной головкой.

— Ну что ж, тогда вперед! — Варвар тронул пятками коня. — Эрленд расскажет по пути о последних событиях в замке.

Он кивнул Жуку и Сабрию, чтобы ехали первыми, потом пропустил аргосца и Хайделинду и вместе с остальными тремя солдатами замкнул кавалькаду, ведя в поводу вьючных лошадей. Дорога по Аквилонии не представлялась ему опасной, но случиться могло всякое, поэтому об осторожности забывать не следовало. На своих наемников он мог положиться вполне. Ребята опытные, не раз побывавшие в опасных переделках. Отряд пересек мощеную площадку перед монастырем и вытянулся вдоль дороги, ведущей домой, на север.

«Домой… — пронеслось в голове у Конана. — Интересно, где же он, мой дом?»

Впрочем, эта мысль мелькнула на одно мгновение и исчезла. Киммериец продолжал думать над тем, что сказал ему позавчера Эрленд. Бьергюльф — убийца своего брата, варвар полностью уверовал в это. Но как доказать вину вельможного герцога? Как заставить его сделать ошибку, чтобы всем стало ясно: он — убийца? Конечно, пока рано посвящать в это дело молодую герцогиню. Девушка два года была оторвана от мирской жизни, потрясение от такой новости может быть слишком сильным, и неизвестно, что она может выкинуть.

«Что у нас есть? — размышлял он, не забывая поглядывать по сторонам. — Во-первых, перстень. Герцог не подозревает, что он может всплыть на поверхность. Он абсолютно уверен в том, что его брат сгинул без следа. Если прилюдно вручить ему это кольцо, как он поступит? Эта вещь фамильная, как сказал Эрленд, все знают, что Гюннюльф никогда не снимал его с руки. Тогда герцог начнет подозревать, что кто-то, кроме них с колдуном, знает о том, как все произошло. — У варвара даже слегка застучало в ушах от напряжения. Размышлять о таких вещах не было самой сильной стороной его натуры. — Эх, сюда бы эту шельму Ловкача Шелама! — подумал он, — Вот кто в таких вещах был как рыба в воде! А что я могу придумать? Варвар — он и есть варвар! Тьфу!*

Он сплюнул в придорожную пыль и поглядел вперед. Эрленд и Хайделинда ехали рядом, о чем-то тихо беседуя.

«Клянусь Митрой, за такую девушку и я не пожалел бы многого, — усмехнулся киммериец. — Парню повезло, если, конечно, и она разделяет его чувства».

Дорога была спокойной, и Конан вновь погрузился в свои размышления.

«Значит, надо при большом скоплении народа, когда герцог, скажем, позовет гостей — говорят, он любит устраивать такие сборища у себя в замке, — передать якобы присланный кем-то ларчик. Откроет его Бьергюльф, а внутри — перстенек покойного брата. Замечательно! — похвалил он себя. — Ну и что дальше?»

Дальше пока что не выходило ничего. Сколько варвар ни придумывал различных козней с этим кольцом, он не мог нащупать ниточку, которая бы размотала клубок тайны, окутавшей смерть герцога Гюннюльфа или, наоборот, повязала его убийцу.

«Нергал мне в кишки! — выругался он про себя. — Только и умею, что мечом размахивать. Пожалуй, в моем возрасте уже пора и мозгами шевелить понемножку!»

Киммериец наморщил лоб и долго ехал с выражением такой явной сосредоточенности на лице, что Барх, один из его солдат, стал с тревогой посматривать в его сторону — не случилось ли чего с командиром. Поймав недоуменный взгляд, варвар подмигнул седовласому ветерану, и в тот же миг его осенило.

«Надо еще найти что-нибудь от одежды или снаряжения Гюннюльфа! Спросить Эрленда, пусть поищет.

Седло, кинжал, перчатку, стремя или, в конце концов, уздечку. Но такую вещь, о которой всем известно, что она принадлежала именно пропавшему герцогу. Вряд ли Бьергюльф точно помнит, с чем его братец уехал почти два года назад! — Конана обдала жаркая волна от ощущения привалившей вдруг удачи. — Не торопись, варвар, — придержал он себя, — думай медленно, но точно. Найти бы пару-тройку таких вещичек и подсовывать их постепенно Бьергюльфу, пока он не начнет метаться и искать того, кто это делает. Тогда он непременно потеряет хладнокровие и совершит какую-нибудь ошибку. Выдаст себя чем-нибудь, обязательно выдаст, клянусь хитроумным стариной Белом!»

* * *

Эрленд настолько горел желанием увидеть Хайделинду, что когда наконец это случилось, в первое мгновение совершенно смешался. Если бы не Конан, снявший неожиданной галантной тирадой затянувшуюся неловкость, аргосец совсем бы смешался. Он, славящийся своим хорошо подвешенным языком, вдруг, как молоденький мальчик при виде тайно обожаемой женщины, покраснел и не мог промолвить ни слова. Довольно долго они ехали рядом с молодой герцогиней молча. Девушка тоже была несколько смущена, но по другой причине. За время пребывания в монастыре послушницы совершенно не встречались с мужчинами, если не считать того, что они видели прихожан через каменную решетку с галереи Большого Храма. Беспрерывное общение с одними женщинами, при том что послушницы почти не оставались одни, без воспитательниц, сковало молодую герцогиню, как, впрочем, и других девушек. За двухлетнее пребывание послушниц в Сова-жоне монахини обычно добивались своего: девушки могли стать лишь матерями и покорными исполнительницами чужой воли. Всем им предстояло заново обретать вкус к нормальной жизни на воле. Удавалось это далеко не каждой. Однако характер юной герцогини быстро начинал брать свое, возвращая Хайделинде нрав живой, непосредственной девушки, какой она была до заточения в кельях монастыря Соважон.

— Ты, наверное, очень ждала этого дня? — нарушил затянувшееся молчание довольно-таки глупым вопросом Эрленд,

Хайделинда, с легкой улыбкой оглядывавшая растирающиеся перед ними сады и поля зеленеющих хлебов, ответила не сразу. Она вдыхала полной грудью упоительный воздух свободы, не думая ни о чем особенном — просто наслаждаясь мерной поступью коня, взбирающегося по склону холма, шелестом дубовой рощи, окаймлявшей дорогу, свистом пролетающих птиц — и тем, что рядом с ней покачивается в седле человек, о встрече с которым она мечтала все эти два ужасных года. Ей не хотелось сейчас ничего больше, даже то, как сложится дальше ее жизнь после возвращения, волновало ее очень мало — девушка почему-то уверилась, что теперь все будет просто прекрасно. Вопрос Эрленда нарушил ее безмятежное состояние и вернул к действительности.

— Конечно, — просто ответила она, одарив его взглядом огромных фиалковых глаз.

— Ты ведь знаешь, что случилось с твоим отцом… — начал аргосец.

— Когда мне сообщили, я плакала целую ночь, — ответила Хайделинда, — но на следующий день весть эта печалила меня уже значительно меньше. Не знаю даже почему, —

задумчиво произнесла она, — может быть, жизнь в монастыре отучила нас от нормального отношения к тому, что происходит в мире. А может быть, оттого, что я никогда не была особенно близка ни с отцом, ни с матерью. Она, кстати, здорова?

— Здорова и вполне счастлива, — осторожно ответил Эрленд.

Он никак не мог справиться с волнением, охватившим его в первый момент встречи, и совершенно не знал, как себя вести. Увидев Хайделинду, еще больше похорошевшую за эти два показавшихся ему бесконечными года, он окончательно потерял голову от любви. Эрленд искоса поглядывал на молодую герцогиню, стараясь найти подобающую тему для беседы.

— Как странно… — протянула девушка. — Дядя на столько не похож на моего отца. Впрочем, откуда мне знать, счастлива была с ним мать или нет? Мне не рассказали, как погиб отец, — повернулась она к аргосцу.

— Никто не знает, — придерживая коня, чтобы отстать от едущих впереди наемников, ответил Эрленд, — он исчез вместе с десятком слуг и егерей, когда отправился на охоту.

— Их искали в лесу?

— Две седмицы прочесывали все окрестности, но ты же знаешь, какие огромные у нас леса.

— Да, — задумчиво произнесла Хайделинда, — бескрайний лес, бездонные болота… пропасть там нетрудно. И никаких следов?

— Никаких, — подавленно кивнул Эрленд.

Его так и тянуло рассказать Хайделинде все, что он знал, но, памятуя указания варвара, аргосец молчал.

— Расскажи, что делается в замке? Как поживают Сюннива, ее брат Ивар?

— Сюннива очень ждет твоего приезда. Она помогает отцу вести хозяйство замка, но мне кажется, что в ней появилось что-то странное…

— Странное? Что же именно?

— Она была раньше веселая, помнишь, как вы вместе играли и пели? Теперь почти не смеется, даже на пиры герцога старается не приходить.

— Да уж, — не без ехидства заметила девушка, — я ее очень даже понимаю. Бьергюльф никогда не умел вести себя за столом, вечно начинал приставать ко всем девушкам подряд. Даже когда отец был жив, он не особенно сдерживался. Так что могу себе представить, что творится сейчас, — фыркнула она.

— А Ивар теперь в Бельверусе, — продолжал аргосец. — У нас останавливался барон Амальрик, он предложил герцогу отправить Ивара в столицу. Теперь он при дворе.

— При дворе? — переспросила Хайделинда. — Что ж, я рада за Ивара. Если повезет, сможет стать большим вельможей, В столице масса возможностей. Может быть, и титул получит, он всегда страдал от того, что Гутторм не наследовал баронство. А что, барон Амальрик дружит с Бьергюльфом?

— Ты же знаешь, — быстро ответил Эрленд, — герцог дружит со всеми, кто не прочь охотиться, пить на пирах и слушать его рассказы про затравленных медведей, волков и лосей. Правда, в последний раз им не повезло на охоте, медведь чуть не отправил всех на Серые Равнины.

После этого молодые люди долго ехали в молчании, каждый занятый своими мыслями.

Глава вторая

Остались позади равнины и дубовые рощи Аквилонии, и отряд въехал в пределы немедийского королевства. Патрульные на границе взяли с Эрленда положенную дань, и путники направились по петлявшей среди холмов дороге к Терскому замку, где собирались остановиться на ночлег. Поля уступали место небольшим перелескам, которые все чаще возникали, словно острова среди моря зеленеющих нив. Потом деревьев стало еще больше, и уже поля и луга, встречаясь все реже и реже, и свою очередь казались островами среди бесконечных елей и сосен, изредка перемежающихся буковыми и дубовыми рощицами. Отряд приближался к Пфальцскому лесу, огромному и дремучему, который едва пересечешь за день, да и то, если знаешь тропы в буреломе и имеешь хорошего коня. Через несколько лиг должен был показаться мрачный и угрюмый, под стать этому лесу, Торский замок.

Конан на всякий случаи выехал вперед отряда, поручив Барху и Сабрию вести лошадей с поклажей и прикрывать тыл кавалькады. Здесь следовало быть осторожным. Хотя замок был и недалеко, в густом лесу легко могли спрятаться десяток вооруженных людей. Часто бывало, что, внезапно выскочив из-за стены деревьев, разбойники грабили не ожидавших нападения путников и исчезали тайными тропами в глубине леса, прежде чем опомнившиеся люди успевали дать им отпор. Патрульные отряды, которые высылали, и королевская гвардия из самого Бельверуса, и стражники барона Торского, не успевали всюду, и это место имело дурную славу среди путешествующих по Немедии, Киммериец ехал не спеша, зорко вглядываясь в окружавший лес, примечая каждое движение и внимательно прислушиваясь к любому звуку.

— Стой! — Внимание варвара привлек какой-то неясный гул.

Отряд остановился. Затаив дыхание, люди прислушивались к непонятному шуму, возникшему где-то справа от дороги. Конан сделал знак своим воинам, и те взялись за рукояти мечей, готовые при малейшей опасности выхватить клинки из ножен. Шум меж тем приближался. Он был похож на шорох, производимый свиньей, чешущей свой бок о ствол дерева или врытый в землю столб. Казалось, тысячи животных одновременно трутся обо что-то щетинистыми спинами: шелест, скрипы, какие-то стоны и всхлипывания раздавались из чащи теперь совершенно явственно.

— Быстро вон туда! — Киммериец указал рукой на поляну, шагах в ста от них.

Надо было как можно скорее отойти подальше от глухого, стоявшего стеной леса. Варвару очень не нравился этот шум — непонятный и потому казавшийся особенно опасным. С открытого места они смогут хотя бы видеть то, что появится из чащи. Спутники киммерийца повиновались и погнали коней к поляне.

— Эрленд! — крикнул киммериец, замыкавший отряд. — Ни на шаг от герцогини!

Замечание было напрасным, так как Эрленд держал своего коня рядом с Хайделиндой, прикрывая ее справа. Кавалькада доскакала до поляны, и всадники остановили коней, прислушиваясь к нараставшему шуму. Дальше дорога проходила сквозь дубовую рощу и хорошо просматривалась. Сквозь листву уже были видны башни замка. Конан выстроил своих людей полукругом, а Эрленда и Хайделинду отправил к себе за спину, поставив еще вдобавок между ними и отрядом лошадей с вьюками.

— В случае чего, — обернувшись крикнул он им, — во весь опор скачите в замок, мы

постараемся задержать их!

— Что там такое? — спросила Хайделинда, вытаскивая узкий изящный меч, привезенный ей Эрлендом.

— Сейчас увидим! — ответил варвар, прислушиваясь к нарастающему шуму, — Убери свое оружие, девочка. Я же сказал — в замок! Здесь слушать только меня! — увидев ее протестующий жест, гаркнул он. — Мне платят за то, чтобы ты живой и здоровой была доставлена домой, а не за…

— Конан, смотри! — закричал Барх, который стоял правее всех и раньше других заметил, что происходит в лесу.

Через мгновение и все остальные с ужасом увидели, как в том месте, откуда они впервые услышали шум, из чащи выскальзывает странное существо. Огромное, размером с хороший стог сена. Во всяком случае, когда монстр вытащил свое тело полностью, то ширины дороги еле хватило, чтобы он на ней поместился. Чудовище напоминало гигантского рака, но, в отличие от своего водяного собрата, довольно быстро передвигалось по земле на дюжине тонких коротких ног, поддерживавших заднюю часть туловища. Передняя часть, покрытая пятнистым панцирем, была вооружена двумя клешнями величиной с человека и маленькой головкой, временами вылезавшей наружу из-под чешуи. Эта голова, подобно черепашьей, поворачивалась из стороны в сторону. Выпуклые рыбьи глаза уставились на всадников. Монстр двинулся вперед, угрожающе щелкая клешнями. Брюхо чудовища покрывало множество костистых пластинок, которые и производили шум, похожий на поскребывание щетины о дерево.

— В замок! — рявкнул варвар на Эрленда и повернулся к приближающемуся монстру. — Хвост Нергала мне в печень! Луки! — закричал он.

Его воинов учить было не надо. Барх и Жук уже держали оружие наготове, ожидая, когда тварь подползет чуть ближе. Свист двух стрел раздался почти одновременно. Одна из них, стукнув о панцирь, отскочила в сторону, другой стрелок оказался удачливее, попав в чешуйчатую шею монстра. Чудовище дернулось, потом его голова втянулась внутрь, вырвав стрелу из шеи.

— Спешиться! Лошадей в повод! — скомандовал варвар, спрыгивая на землю. — Что вы стоите, как истуканы! — прикрикнул он на Эрленда и герцогиню. — Вперед! Возьмите всех лошадей!

Они повиновались и во весь опор понеслись по дороге.

— Остальные — в лес! Лупи ему по глазам!

Конан, тщательно прицелившись, спустил тетиву. Чудовище было уже в двадцати шагах, и поэтому выстрел киммерийца оказался удачнее, чем предыдущие: стрела вонзилась точно в глаз. Голова монстра дернулась, и он стремительно бросился на разбегающихся людей.

«Хорошо, что спешились, — успел подумать киммериец, увертываясь от взмаха клешни, — останься мы верхами, кони бы не успели развернуться».

— За деревья! — приказал он.

Монстр оказался на удивление проворным. Если бы он напал на людей неожиданно или выскочил впереди кавалькады, то неизвестно, чем бы все кончилось. Тварь с быстротой змеи бросала вперед гигантское тело, стремясь ухватить людей клешнями. Стрела, видимо, вывела из строя его правый глаз, и два броска монстра оказались неудачными: воины успели отскочить за деревья. Среди стволов тварь не могла двигаться так же быстро, как на открытом месте.

— Стреляй в него! — крикнул варвар Жуку, который был чуть в стороне от остальных.

Жук выстрелил, но ветви помешали прицелиться, и воин промахнулся. Монстр тем временем перекусил ствол небольшого деревца, за которым прятался один из солдат, и второй клешней успел сбить его с ног.

— Держись! — Варвар с мечом в руках бросился тому на помощь и резким взмахом отсек одну из ног монстра.

Чудовище чуть покачнулось, но мгновенно свернулось в клубок, словно собака, и киммериец очутился в двух локтях от разинутой пасти, откуда несло смрадным, тяжелым зловонием. Конан рубанул мечом еще по одной ноге и бросился вперед, стремясь выскользнуть из-под оседающего на него живота чудовища. Варвар кубарем выкатился наружу, чуть не попав под взмах клешни, которую слегка задержал меч Барха. Сталь со звоном ударила о твердый панцирь, но с таким же успехом можно было пытаться перерубить крепостную стену.

На клешне не осталось даже следа. Тварь распрямилась и резким ударом подбросила вверх одного из наемников, не успевшего увернуться. В это мгновение немой Сабрий с яростным мычанием прыгнул вперед и успел рубануть монстра мечом по шее. Кожа в этом месте оказалась тонкой, по крайней мере настолько, что ее пробил офирский клинок.

Из раны хлынула темная жидкость, голова на мгновение убралась внутрь, но тут же вновь, как змея из норы, рванулась вперед. Оглушенный падением воин пытался подняться на ноги, но гигантская клешня настигла его, и поляну огласил жуткий предсмертный вопль. Тварь перекусила человека пополам, но и для нее это движение оказалось последним. Нырнувший под вторую клешню Конан успел нанести монстру еще одну страшную рану. Чудовище осело, чуть не придавив варвара.

— Вот тебе! — Барх вонзил свое копье в уцелевший глаз монстра.

Острие, видимо, достало до мозга чудовища, и, дернувшись пару раз, тварь застыла. Солдаты собрались вокруг варвара.

— Клянусь рогами Нергала, впервые в жизни встречаю такую нечисть! — возбужденно воскликнул Барх, еще не остывший от схватки.

Сабрий только удовлетворенно мычал, показывая на огромную тушу. Жук и Сципион задумчиво глядели на нее, покачивая головами.

— Это не зверь, — промолвил Жук, указывая на монстра, который быстро изменял свой цвет.

Из зеленоватого он становился пурпурным, потом желтым с грязными коричневыми разводами. Одновременно тело съеживалось, как бычий пузырь, из которого выпускают воздух. Через несколько мгновений на месте схватки осталась только кучка грязноватого праха, почти неотличимая от земли.

— Ты прав, — медленно процедил киммериец, повернувшись к Жуку, — это не зверь. Опять какая-то магия!

— За что нам такая напасть? — почесал бороду Сципион.

Конан развел руками:

— Откуда мне знать, Нергал мне в кишки!

У него уже зародились определенные подозрения, но он считал, что другим знать об этом не следует. Наверняка последствия ночи на шабаше духов! Клешни нацеливались, скорее всего, на него одного, но боги вновь помогли варвару.

Глава третья

Хрустальный шар разлетелся вдребезги, ударившись о стену. — Они поистине демоны! — Краутвурст был вне себя от ярости.

Колдун потратил столько сил, чтобы вызванный его чародейством монстр расправился с этими наемниками, но все получилось совеем не так, как было задумано. Наблюдая в своем шаре картину схватки, он не мог ничего сделать, чтобы помочь чудовищу уничтожить этих ублюдков. Кто-то из них смертельно опасен для мага. Надо торопиться, иначе будет плохо, совсем плохо!

Он быстро собрал свои колдовские принадлежности в дорожный сундучок и, заперев дверь комнаты, которую снял в постоялом дворе под звучным названием «Благородный немедиец», кубарем скатился по лестнице. Скорей, скорей, иначе будет поздно…

В каждом городе есть кварталы, где обитают люди, Живущие не совсем в ладах с законом. Контрабандисты и торговцы всяческим зельем, мелкие воришки и крупные скупщики краденого, нищие и ночные грабители — все они находят там приют. Гвардейцы Золотого Леопарда и городские стражники время от времени наведываются туда, кое-кого арестовывают и бросают в тюрьму, кое-кто получает свою долю плетей, на потеху толпе, но улов обычно небогат — те, кого искали, проваливаются как сквозь землю, а когда, бряцая латами и провожаемые проклятиями, солдаты уходят, жизнь в этих кварталах продолжается, как и прежде, по своим законам и правилам.

В былые время король Гариан распорядился вытащить всех из лачуг и снести квартал, позоривший столицу королевства своим существованием. Тан и сделали: жителей выгнали за стены города, а ветхие дома разрушили и устроили на том месте новый городской рынок. Прошло некоторое время, и вокруг рынка вновь стали лепиться одна к другой причудливые постройки, вновь откуда-то появились нищие, открылись публичные дома, притоны для игры в кости и такие, где можно было воскурить вендийский порошок — все возвратилось на круги своя с той же неизбежностью, с какой за зимой приходит весна. Теперь, по прошествии нескольких лет, обиталище темного люда не отличалось от подобных в других столицах. И названия у всех этих кварталов соответствующие — Пустынька и Свалка в далеких заморанских городах Шадизаре и Аренджуне, Гадюшник в еще более далекой туранской Шангаре, Гнилое Пузо в Нумалии или Дикое Поле здесь, в Бельверусе.

Краутвурст пробирался по кривым улочкам Дикого Поля, пытаясь отыскать таверну «Хромой волк», где он когда-то нашел исполнителей для одного темного дельца. Он поплотнее запахнулся в коричневый плащ, чтобы не выделяться среди бродившего вокруг люда пестротой своих добротных одежд.

— Дай монетку! Дай! — загнусавил рядом голос.

Колдун повернулся и увидел босоногого, в лохмотьях, нищего, протягивавшего к нему скрюченную и синюю от холода руку.

— Монетку заработать надо, — рявкнул он на него, — проведи к «Хромому волку».

— Нет уже «Хромого волка», господин хороший, — прогнусавил нищий. — Но я могу тебе посоветовать другое место.

— Почем ты знаешь, что оно мне подойдет? — усмехнулся колдун.

— Благородный господин в таких сапогах, наверное, не вендийскую смесь ищет? — глядя на него слезящимися глазами, ответил нищий. Почуяв наживу, он приободрился. — Тебе ведь надо лихих людей найти?

— Что ты ходишь вокруг да около! — рявкнул на него Краутвурст. — Если знаешь таких, то пошли, да побыстрее. У меня времени в обрез!

Нищий подобрал полы одеяния, которое раньше, судя по остаткам шитья, было камзолом богатого человека, и засеменил куда-то вбок, сделав Краутвурсту знак следовать за собой. Помедлив мгновение, колдун двинулся за нищим в грязный переулок, образованный двумя рядами домов, кое-как сложенных из больших каменных блоков. Дойдя до здания, узкого, как башня, его спутник постучал в старую закопченную дверь, оставшуюся, наверное, с прежних, еще до гариановских времен от какого-то другого дома, сгоревшего на пожаре.

— Кто там? — рявкнул в зарешеченное окошко грубый голос.

— Хемниус здесь? — прогнусавил нищий. — Тут до него человек.

— Кто? — Дверь открылась одновременно с вопросом, и наружу выглянул черноволосый человек свирепого вида — судя по всему, офирец.

Он смерил взглядом Краутвурста и кивнул:

— Ты, что ли? Заходи!

Краутвурст бросил гнусавому нищему честно заработанную попрошайкой пару медных монет и вошел внутрь дома, удивляясь про себя, почему столько офирцев не остаются жить в своей богатой стране, а скитаются по всему миру, да еще обитают в таких захолустных местах. Впрочем, войдя в помещение, он сразу забыл об этом, ибо впустивший его человек схватил колдуна за ворот камзола и, дыша в лицо запахом лука и дешевого вина, прохрипел:

— Ты чего тут вынюхиваешь, пес смрадный?

Краутвурст начертил правой рукой магический знак и произнес пару слов на неизвестном офирцу языке. Того словно вихрем подхватило и с силой швырнуло о стену. Охая и постанывая, он с трудом выпрямился, глядя на колдуна со страхом и некоторой долей уважения.

— Слушай, офирскнй козел, — тихо сказал колдун, — я сюда не в кости играть пришел. Мне нужны люди.

— Понял, понял, господин, — послушно закивал офирец и, сделав два шага куда-то в сторону, открыл дверь, которую в потемках колдун и не заметил. — Прошу, проходи.

Краутвурст вошел в просторное помещение с низким потолком, где за длинным столом сидели человек пятнадцать, на лицах которых отпечатались следы большинства пороков, присущих человечеству. Колдун подошел к столу и под взглядами прекративших свои разговоры людей присел на свободный стул. Мужчина со шрамом на щеке — видимо, предводитель этой братии — раскрыл было рот, чтобы задать незнакомцу вопрос, но Краутвурст властным жестом руки остановил его:

— У вас мало времени, чтобы выполнить дело, которое я хочу поручить, поэтому сразу приступаю к главному, а вы внимательно слушайте.

Он пришел сюда, хорошо подготовившись и защитив себя магическим заклинанием, поэтому не боялся неподобающего обращения. Его поведение несколько удивило предводителя. Он раскрыл в недоумении рот, но потом опомнился и гаркнул:

— Ты кто такой, чтобы устанавливать здесь… свои порядки?

Конец фразы он проговорил уже не так грозно, как начал, поскольку заметил, что

приведший Краутвурста человек подает из-за его спины отчаянные знаки, показывая, что посетитель отнюдь не так прост, как может показаться с первого взгляда. Остальные мужчины, привставшие было с угрожающим видом, снова уселись на свои места и уставились на странного пришельца.

— Я думаю, мы договоримся, — усмехнулся колдун. — Мне нужно, чтобы вы убрали нескольких людей.

— Вижу, ты круто сварен, — обрел прежнее достоинство предводитель, — уж не хочешь ли ты, чтобы мы зарезали самого…

Он не договорил, криво усмехаясь и глядя на Краутвурста серыми навыкате глазами.

— Зачем же? Это люди простые, по крайней мере король и Гвардия Золотого Леопарда совершенно не будут беспокоиться, если они исчезнут без следа. Смотрите, — колдун вытащил длинный кожаный мешочек и высыпал на стол горку золотых, — это задаток. Если выполните мое поручение, то получите в два раза больше.

В комнате стало тихо, тускло блестевшие в свете свечей монеты внушали собравшимся серьезное уважение. Предводитель облизал языком враз пересохшие губы и хрипло спросил:

— Денег много. А если твое задание окажется нам не по силам?

— Я уверен, что вы справитесь, их всего семь человек. Женщину не трогайте, — великодушно разрешил Краутвурст, придя к выводу, что герцогиню можно оставить в живых. — Если, конечно, это не будет мешать делу. Слушайте…

Пятнадцать пар глаз уставились на колдуна. Краутвурст описал им внешность тех, кого следует вычеркнуть из списка живых, потом вместе с предводителем они обсудили, в каком месте путников лучше подстеречь так, чтобы не осталось следов.

— Я буду наблюдать за вашими действиями отсюда, из Бельверуса, — поднимаясь, предупредил Краутвурст, — и горе вам, если попытаетесь обмануть.

— Не беспокойся, хозяин, — осклабился предводитель, смахивая со стола монеты, — не мальчики, сам видишь. Сделаем в лучшем виде, клянусь Митрой! Говоришь, они тайные чернокнижники? Дело богоугодное, а если оно еще и щедро оплачено, то просто святое, хе-хе-хе!

Под разноголосый смех колдун покинул притон, радуясь про себя, что дело, кажется, улажено. Скоро он снова сможет зажить спокойно.

Глава четвертая

После встречи с монстром варвар забеспокоился, удастся ля ему доставить Хайделинду в целости и сохранности в Хельсингер. Если он прав и кто-то пытается уничтожить именно его, тогда Эрленду лучше нанять других наемников или же самому Конану имеет смысл покинуть отряд.

— Ты абсолютно уверен в этом? — спросил его Эрленд, выслушав киммерийца.

Они сидели в мрачном и полутемном зале Торского замка, где решили остаться до утра. Челядь барона Амальрика, узнав, что молодая герцогиня Хельсингерская останавливается на ночлег в замке, расстаралась не хуже, чем приятель Эрленда в аквилонском трактире: стол

выглядел столь изобильно, что даже Конану не под силу было съесть и выпить все выставленное перед ним. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку и слегка осоловелым взглядом смотрел на Эрленда.

— Уверен? — повторил Эрленд свой вопрос.

— Трудно сказать наверняка, когда дело касается магии, — задумчиво ответил варвар, — но других причин я не вижу.

— Монстр вполне мог быть направлен и против меня, — ответил аргосец, — я ведь тоже кое-что знаю. Потом, что это мы прицепились к исчезновению Гюннюльфа? За твоими солдатами тоже немало числится, не так ли? И мы не знаем, кто и с какой целью послал на нас это чудище. Так что, — подвел итог Эрленд, — мне кажется, рано делать выводы. Вот если подобное повторится, мы сможем узнать значительно больше.

— Ничего себе! — хмыкнул Конан. — Дорогая цена, чтобы узнать наверняка. Каждый раз по одному трупу, да и то мне кажется, дешево еще отделались, клянусь владыкой курганов Кромом! Могло быть и хуже. К тому же ты не прав — пока мы все вместе, нам не узнать, против кого направлены действия. Давай лучше подумаем, если колдовство связано с тем, что я видел в лесу, тогда другим грозить ничего не должно. Так?

— Мне думается, — неуверенно начал Эрленд, — тварь послал колдун Краутвурст. Либо он действует сам, либо вместе с Бьергюльфом.

— Но почему?

— Предположим, Амальрик пригрозил Бьергюльфу, сказав, что знает о его участии в гибели герцога. И герцог послал к колдуну…

— Ну и что тогда? Почему он посылает монстра против нас? Ты уверен, что никто не заметил, как ты подслушиваешь допрос ведьм?

— Я был один у того оконца, и меня никто не видел.

— Тогда ты отпадаешь, — почесал щеку варвар. — Остаюсь я, если исключить, конечно, моих солдат.

— Правильно, — подумав, согласился аргосец. — Похоже, колдовство направлено все-таки против тебя.

— Это мы проверим! — воскликнул варвар. — Есть мысль. Надо только добраться до Бельверуса.

— И что там?

— Я оставлю своих ребят в городе, пусть погуляют. Они славно потрудились вчера, да и страху натерпелись достаточно. В Бельверусе наймем других, может быть, сын вашего управляющего поможет договориться с гвардейцами. Или подождете с Хайделиндой в городе, а я слетаю в замок, приведу стражников из Хельсингера. Несколько дней в столице не помешают, да и герцогиня развлечется, — продолжал киммериец. — А то она, мне кажется, все еще не отошла от прелестей монастырской жизни. Я, конечно, не большой знаток монастырей, но, по-моему, эта пара лет далась девчонке не так-то легко.

— Мне тоже так показалось, — согласился Эрленд. — Давай сделаем так: ты поедешь в Хельсингер и вернешься с нашими стражниками. Я напишу герцогу письмо, что на нас напали разбойники и твои люди погибли, защищая нас с Хайделиндой. Идет?

— Неплохо, — усмехнулся варвар, — Есть только одна закавыка.

— Какая?

— Если колдовство направлено против меня, то я могу и не доехать до замка, — он усмехнулся еще раз, — или не вернусь в Бельверус. Давай договоримся, сколько времени ты

меня ждешь.

— Пять дней туда и обратно хватит?

— Вполне.

— Тогда, — сказал Эрленд, — если ты не вернешься через пять дней, я попытаюсь возвратиться в замок самостоятельно.

— Заодно будешь точно знать, что никакой колдун не задался целью уничтожить лично тебя, — рассмеялся киммериец. — А сейчас остался один пустячок — целыми и невредимыми добраться до столицы.

Им повезло. Путь до Бельверуса они проделали вместе с возвращавшимся с границы отрядом королевской гвардии, который направлялся на отдых в казармы. Солдаты, горланившие веселые песни, перемежая их грубыми шутками, были, конечно, не лучшей компанией для молодой герцогини. Но Хайделинде после проведенных в монастыре лет нравилось все вокруг. Глаза девушки блестели, принимая восхищенные и полные неприкрытого желания взгляды множества мужчин. Она повеселела, и Конан, заметив это, улучил момент и подмигнул Эрленду: мол, смотри, так и проворонить свое можешь!

* * *

Важный привратник в расшитом галунами камзоле отворил дверь и крикнул куда-то внутрь:

— Гости к господину Ивару!

Путники спешились и, держа коней под уздцы, ждали, когда привратник пустит их в дом. Конан оглядел добротное каменное строение с зарешеченными окнами первого этажа и небольшим полукруглым балкончиком наверху. Широкая мраморная лестница вела к небольшой площадке перед входом, с двух сторон огороженной резной оградой, изображавшей ряд перекрещенных кривых сабель.

«Богатый дом, — подумал варвар, — неплохо устраиваются королевские придворные».

Его размышления прервал голос, донесшийся из раскрывающейся двери:

— Боги! Герцогиня! Эрленд! Как я рад таким гостям!

На площадке появился высокий молодой человек, такого же возраста, как Эрленд, в расшитом золотом бархатном черном костюме. Он сбежал по ступеням и, поклонившись Хайделинде и пожав руку аргосцу, широким жестом пригласил подняться.

— Мой дом к твоим услугам, герцогиня! Пока еще не все устроено, — смеясь и покачивая головой, быстро заговорил Ивар, — еще и луна не прошла, как я здесь, но вам предоставлю лучшие комнаты. Это ваши люди? — указывая на варвара и четверых его спутников, спросил он. — Я прикажу их накормить и разместить на конюшне.

— Нет! — ответил Эрленд. — Они нас покидают. Подожди, я сейчас.

Он спустился к киммерийцу, который молча ждал внизу, и передал ему кожаный мешочек:

— Это на то, чтобы расплатиться с твоим отрядом, остальное — как договорились. Мы остановимся в этом доме.

Варвар взвесил мешочек на ладони я на прощание кивнул Эрленду:

— Жди пять дней.

Он вскочил в седло и, сделав знак своим воинам, направил коня вверх по широкой мощеной улице. Там, через два квартала, располагался постоялый двор «Серебряный дракон», в котором варвар всегда останавливался, если попадал в столицу. Пятерка всадников, прогрохотав копытами по темнеющей улице, остановилась у каменных ворот, украшенных гербом Немедии.

— Барх! — Варвар протянул наемнику мешочек, данный ему Эрлендом. — Разделите между собой и отдохните некоторое время. Вы мне еще понадобитесь. Если через пять дней я не появлюсь, то поступайте, как знаете. Где вас искать?

— В «Улитке» или, — Барх покачал седой головой, — скорее, в «Мече и посохе».

Конан помахал на прощание рукой своим товарищам, и они медленно двинулись мимо стен каменных домов под светом тускло мерцавших редких фонарей. Некоторое время цокот копыт был еще слышен, но потом затих в вечернем сумраке.

Глава пятая

Повсюду в доме были видны следы того, что сюда въехал новый хозяин. Расставленные в беспорядке сундуки и корзины, разложенные повсюду занавеси, ковры, предметы утвари и безделушки заполняли всю площадь нескольких достаточно просторных помещений. Хайделинда и Эрленд, ведомые Иваром, прошли эти залы и по витой мраморной лестнице поднялись на второй этаж.

— Здесь уже все готово и можно жить! — довольным голосом сообщил хозяин. — Сами понимаете, только что въехал. Этот дом я снял на первое время, — хвастливо добавил он, — а потом посмотрим.

Он указал гостям на мягкий восточный диван, стоявший справа от камина:

— Садитесь, вы, наверное, устали с дороги. — Ивар говорил возбужденно, радуясь, что может похвалиться перед Эрлендом, и тем более перед молодой герцогиней, в обладании столь великолепным домом и заодно показать свой изысканный вкус в его убранстве.

— Как твои дела в столице? — спросил Эрленд, проваливаясь в мягкие подушки дивана.

— О, великолепно! — воскликнул Ивар. — Барон Амальрик все замечательно устроил, и теперь я вхожу в число личных оруженосцев короля. Сам понимаешь, это не Хельсингер, тут совсем другие нравы, другая жизнь. Кстати, через день король устраивает большой прием. Хочешь, я переговорю кое с кем и тебя представят ко двору? — обратился он к Хайделинде.

Девушка замялась. События последних дней принесли с собой лавину новых впечатлений, и она несколько терялась и от роскоши этого особняка, и от суетливого, беспрерывно исторгающего потоки слов Ивара, совсем не похожего на того молодого человека, которого она помнила по временам своего детства.

— Никаких возражений! — вытянул вперед ладони Ивар. — О чем тут думать! Молодая герцогиня Хельсингерская должна быть представлена королю. Ведь не собираешься же ты провести всю жизнь в глуши, как твои родители?

Хайделинда открыла было рот, чтобы возразить, но гостеприимный хозяин продолжал

частить словами:

— Будет такое изысканное общество! Этого нельзя пропустить ни в коем случае. Я непременно поговорю завтра с бароном Торским, чтобы он все устроил.

— Постой, — охладил его пыл Эрленд, которому болтовня Ивара стала надоедать, — у герцогини нет достойных нарядов, чтобы предстать перед королем.

— Пустяки! — замахал руками Ивар. — Завтра же пришлю портных: утром снимут мерку, а вечером все будет готово. Я думаю, синий бархат пойдет тебе, Хайделинда. Синий бархат и кружева из Галпарана.

Он почти приплясывал, донельзя довольный собой. Еще бы! Совсем недавно он был всего лишь сыном управляющего замком, затерянного в глуши, а теперь — оруженосец короля! И он, именно он, может устроить так, что дочь его бывшего господина примет сам властитель Немедии. Каково?

— А тебе я подберу что-нибудь из своих костюмов, — он посмотрел на Эрленда, — ведь мы одного роста?

— Да нет уж, — отмахнулся Эрленд, — не трудись. Я все равно в них не влезу.

Рост у молодых людей действительно был одинаковый, но Ивар выглядел гораздо худощавее и уже в плечах. Так что замечание соответствовало истине.

— Да? — удивился Ивар. — Как знаешь, не хочешь — не надо. Но учти, такого изысканного общества ты не увидишь з Хельсингере. Будут принц Тараск, графы Бренненские, Мангцальские, может быть, прибудут даже гости из Пуантена. А еще барон Торский, наместник Нумалийский… Такие люди! Музыка, танцы, представление артистов из Заморы. Ну, как знаешь, — снова повторил он, не особенно заботясь, отвечает ли ему Эрленд, да и слушает ли вообще.

Ивар говорил, обращаясь в основном к Хайделинде. Он просто не мог отвести глаз. Какая красавица! До отъезда в монастырь она не была такой. Во всяком случае Ивар не замечал особой привлекательности в угловатом подростке. Но сейчас! Какой шепот поднимется среди стоящих двумя рядами придворных и гостей, когда он, оруженосец монарха, войдет в зал под руку с такой девушкой! Пусть этот дикарь Эрленд сидит дома! Ему не дано понять чувства причастности к великолепию королевских приемов и быть почти на равных с сильными мира сего, с прославленными военачальниками и рыцарями, такими, как барон Торский, например, или старый граф Гвендер.

У Ивара даже дух захватило, когда ему показалось, что во взгляде Хайделинды он прочел интерес. А чем демоны не шутят? Может быть, и… Но это потом, потом! Сначала надо ввести девушку в круг знати, чтобы она увидела разницу между глушью Хельсингера и настоящим столичным обществом. Дальше будет видно. Как говорит пословица: «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Хельсингер — конечно, глушь, но герцогство богатое, очень богатое, и в этой игре могут пойти самые высокие ставки. Король за хорошую службу вдруг да пожалует дворянский титул. А милость короля… Тогда бывший бедный сын управляющего будет очень хорошей партией для любой самой знатной семьи. Ивар украдкой, не переставая говорить, взглянул на себя в большое зеркало. То, что он там увидел, вполне его удовлетворило. Хорош! Чем не будущий герцог Хельсингерский? Эх, до чего все удачно идет! Не сглазить бы только…

«Когда он успел так преобразиться? — скрипнул зубами Эрленд, которого невероятно раздражала болтовня Ивара, а еще больше то, что Хайделинда относилась к ней вполне благосклонно. — Несколько недель назад он был совсем другим!»

— Но ты, наверное, хочешь отдохнуть? — уже слегка фамильярно обратился Ивар к Хайделинде. — Это устроим мигом!

На звон колокольчика в комнату вошла пожилая женщина в темном платье и переднике.

— Проводи герцогиню в комнату, где балкон в сад, — важно распорядился Ивар, — и пришли парочку из служанок. А господина Эрленда размести в моем кабинете.

«Надо же, и кабинет у него, — усмехнулся про себя Эрленд, поднимаясь с неудобного низкого дивана, — зачем это, интересно, оруженосцу кабинет?»

* * *

Женщина впустила Хайделинду в небольшую комнатку, чуть побольше ее кельи в монастыре Соважон. Кроме широкой кровати с пышными перинами и множеством мягких подушек, в комнате стояли маленький столик, кресло и зеркало в красивой бронзовой раме, по сторонам которого были подвешены две изящные лампы. Женщина зажгла светильники и вышла. Хайделинда подошла к дверям, ведущим на балкон, и отодвинула тяжелые занавеси из расшитой восточным рисунком парчи. Она открыла дверь и наслаждалась свежим дыханием вечернего сада. В дверь постучали.

— Да! — сказала Хайделинда, повернувшись.

Две молоденькие, такого же возраста, как она сама, девушки в легких белых свободных платьях, схваченных на талии пояском, внесли невысокую деревянную лохань и два кувшина, напомнившие Хайделинде ее пребывание в послушницах.

— Госпожа желает, чтобы мы вымыли ее?

— Нет, — смутилась Хайделинда, вспомнив купания в монастыре, — ступайте, я сама.

Девушки, поклонившись, вышли, и молодая герцогиня осталась одна. Она скользнула к двери я легким движением задвинула засов. Ей не терпелось остаться без свидетелей. Один предмет, находившийся в комнате, волновал ее больше всего. Зеркало! За два года ни одна из послушниц ни разу не видела себя, если не считать мутного отражения в узком горле большого кувшина или в подернутой рябью воде большого фонтана посреди монастырского двора.

Затаив дыхание, Хайделинда подошла к зеркалу и подняла голову. На нее широко распахнутыми глазами смотрела девушка с копной светлых, ниспадающих на плечи волос. Стройное тело, облаченное в кожаный дорожный костюм со следами светлой пыли, напряглось, словно ожидало какого-то ответа от своего отражения.

— Это я? — спросила сама себя Хайделинда, и губы в зеркале беззвучно шевельнулись в такт словам.

Она впервые за два года видела себя такой, как ее видят другие, и зрелище принесло ей новую, неожиданную радость. Природе пришлось постараться, чтобы создать подобное: точеный лоб и прямой носик, большие глаза с длинными темными ресницами, подбородок с маленькой ямочкой, щеки, покрытые легким румянцем, высокие скулы. Чуть припухлые губы были плотно сжаты, словно напряжение все еще не отпускало девушку. Хайделинда улыбнулась, и отражение повторило ее улыбку. Она прикоснулась пальцами к губам и опустила руку ниже, не решаясь развязать шнурок, стягивавший ворот ее блузы. Порыв

свежего воздуха из раскрытой балконной двери приятно холодил пылающее лицо.

Девушка вздрогнула и торопливо сбросила с себя одежду, потом снова подняла голову. Она долго стояла, то не шевелясь, взирая на свое отражение в зеркале, то поворачиваясь, чтобы рассмотреть себя со всех сторон, дотом кончиками указательных пальцев надавила в ямочки пониже талии. Розовые соски немного темнее, чем округлые груди, глядели чуть в стороны. Она потрогала их упругую твердую плоть, и рука спустилась ниже. Потрогала круглый живот и замерла. Сколько раз она вот так гладила и трогала свое тело, но впервые видела, как оно выглядит со стороны.

«Представь, что это рука мужчины», — вспомнила она слова своей подружки по монастырю Сильвины, черноволосой аргоски, когда та прикасалась к ее телу во время купания. Хайделинда вспыхнула, так что заалели даже маленькие ушки. Вздохнув, она отошла от зеркала. Надо торопиться, сейчас уже будут звать на ужин, а она еще не выкупалась и расхаживает голая перед зеркалом. Герцогиня торопливо намочила мохнатую ткань и с наслаждением провела по разгоряченному телу. Стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

— Кто там?

— Госпожа, мы принесли платье, — послышался голос служанки.

Хайделинда переступила борт лохани и, придерживая дверь полузакрытой, просунула наружу руку. Она услышала легкий смешок и почувствовала, как в ее ладонь ложится мягкий и легкий кусок ткани.

— Больше ничего не нужно, госпожа?

— Нет, нет! — торопливо ответила Хайделинда.

Она быстро закончила омовение и вытерлась мягким широким полотенцем. Шелковистая нежность его была приятна, особенно после жестких холстин, которыми послушницы пользовались монастыре. Перед тем как надеть платье, герцогиня не отказала себе в удовольствии еще раз подойти к зеркалу. Ей показалось, что она может стоять так сколько угодно времени, рассматривая свое тело, но в очередной раз стук в дверь прервал ее безмятежное занятие.

— Госпожа, хозяин просит к ужину! — раздался голос служанки, а вслед за ним звук удаляющихся шагов.

Хайделинда быстро накинула на себя принесенное платье, по покрою напоминавшее монашескую рясу, которую она два года проносила в Соважоне. Отличие состояло лишь в том, что к голубому длинному платью был добавлен темно-синий поясок. Она расчесала гребнем волосы и осталась довольна своим видом. Сине-голубые тона одеяния подчеркивали нежный румянец щек и сочную яркость розовых губ.

Правда, платье по покрою было похоже на платье служанки, но, видимо, других в доме не оказалось, а это все же лучше, чем пропахшая конским потом и запыленная одежда всадницы. Хайделинда надела на шею цепочку с Митрой-Ореолом и, последний раз окинув себя взглядом, вышла из комнаты и проследовала в зал, где уже был принесен и накрыт стол. Ивар и Эрленд, ожидавшие ее прихода, вскочили со своих мест, не в силах вымолвить ни слова, пораженные красотой молодой наследницы Хельсингера.

Глава шестая

Прием у короля Нимеда был посвящен Дню Золотого Дракона. Этот старинный немедийский праздник отмечался в середине весны, и день его рассчитывали жрецы Золотого Храма Митры, чьи купола возвышались неподалеку от королевского дворца. Утром король, придворные, знатные вельможи и старшие государственные чиновники участвовали в молебне в честь Митры Животворящего, Подателя Жизни и Хранителя Горнего Очага, проводимого верховным жрецом. Гвардейцы Золотого Леопарда оцепляли все близлежащие улицы, пока король и знать шествовали к храму от ворот дворца по подметенным и вычищенным до блеска улицам. Народ собирался поглазеть на своего правителя, ибо это был единственный день в году, когда король открыто показывался на людях.

После того как господа освобождали храм, убранный можжевельником и освещенный яркими лампами, простолюдины заполняли это главное святилище Митры, и людской поток не иссякал до самых сумерек, затем служители вновь запирали его до следующего года. Только иногда, по особому повелению короля, верховный жрец мог совершать там обряды в присутствии посторонних, но это бывало редко, обычно когда велись войны или случалась засуха либо, наоборот, дожди лили как из ведра и требовалось вмешательство Митры, Отца Всего Сущего, чтобы обеспечить победу или прекратить безобразия природы. После окончания молитв в храме когда уже смеркалось, начинался праздник, который у простолюдинов продолжался несколько дней. В королевском дворце устраивался вечерний прием для самых именитых, продолжавшийся до утра.

«Полный болван! — ругал себя Эрленд, провожая Хайделинду и Ивара на прием к королю. — Рога Нергала мне в печень! — Он готов был разорвать этого хлыща, увивавшегося вокруг любимой им девушки. — Поистине демоны замутили мой разум! Почему я не преодолел свою дурацкую гордость и отказался пойти на прием?»

В последние два дня он почти не видел герцогиню, занятую с портными и служанками, которые вихрем носились по всему дому с кусками тканей, лентами, утюгами и мотками разноцветных ниток. С утра приехал присланный бароном Амальриком парикмахер и долго трудился над пышными волосами Хайделинды. Когда Эрленд увидел ее, одетую в новый наряд, с волосами, уложенными в причудливую высокую прическу, он чуть не взвыл, как собака, от того, что сам сделал все, чтобы такая прекрасная женщина без него веселилась на празднике.

Платье из синего бархата, с узким лифом и низким вырезом, украшал стоячий воротник из тончайшего галпаранского кружева, оставляя открытым взору точеную стройную шею и пленительную округлую нежность чуть приподнятых тканью грудей. Единственным украшением служила золотая цепочка с кулоном в виде лучей солнца и изображением Митры в центре. Платье было длинным, почти до самого пола, но портной постарался на славу, и мягкие складки ткани почти не скрывали красоты длинных стройных ног. Маленькие туфельки из тончайшей кофской выворотки довершали великолепный наряд герцогини.

— Ну как? — по-хозяйски обратился Ивар к Эрленду, кивая на герцогиню, будто она была его собственностью.

— Чудный наряд. У тебя хорошие портные, — сквозь зубы ответил Эрленд, готовый разорвать в клочки хозяина этого гостеприимного дома.

«Какой демон надоумил меня остановиться здесь? — в сотый раз спрашивал он себя, наблюдая за тем, как Хайделинда, весело смеясь, принимает галантные шутки этого хлыща, — Знал бы — удавил гаденыша еще дома, в Хельсингере!» — Аргосец никогда не думал, что его разум может так затуманить ревность.

— Не скучай, Эрленд! Ты все-таки зря отказался от приглашения. На приеме должно быть чудесно! — На прощание Хайделинда одарила аргосца лукавым взглядом фиалковых глаз и удалилась, спускаясь по лестнице, где ее и Ивара ждала крытая повозка, запряженная парой гнедых жеребцов.

Эрленд только вымученно улыбнулся ей, не в силах вымолвить ни слова. Он взбежал наверх и смотрел с балкона вслед коляске, пока она не скрылась за поворотом улицы.

* * *

Конан добрался к вечеру до небольшого городка, лежащего к северу от Бельверуса по Нумалийской дороге. Пока в пути ничего непредвиденного не произошло, и он рассчитывал переночевать здесь, а завтра утром продолжить путь. Отыскав на окраине селения постоялый двор, он бросил поводья подскочившему мальчишке и направился к входу в таверну. Какой-то человечек, чем-то похожий на суслика, в замызганном камзоле, с болтающейся на боку саблей в потертых ножнах, увидев приближающегося варвара, юркнул внутрь. Киммериец был человеком опытным и повидавшим виды и ничего из происходящего вокруг не оставлял без внимания.

В молодости он не придал бы значения действиям этого коротышки, но сейчас, а особенно в связи с его подозрениями, лишнюю предосторожность не счел лишней. Варвар остановился и не стал входить в таверну, а обошел здание вокруг и осторожно, так чтобы не привлечь внимания сидящих внутри, заглянул в окно.

В правой стороне трактира было почти пусто. За одним столом в углу сидела парочка солдат, а рядом с ними толстяк, по виду смахивающий на торговца. Варвар перевел взгляд налево. Там было полно народу. За длинным столом устроилось не меньше дюжины человек, похожих обличьем на того, что привлек его внимание.

Человечек стоял почти у самого окна, загораживая спиной сидящих, и, склонившись, говорил что-то на ухо другому, лица которого варвар разглядеть не мог. Слов было тоже не разобрать. Конан понаблюдал некоторое время за говорившими. Он еще не сообразил, что предпринять дальше, как вдруг сидящий встал и вдвоем с коротышкой направился к выходу, оставив остальных за столом.

«А теперь послушаем». — Варвар быстро скользнул вдоль стены; дойдя до угла дома, он выглянул наружу, но тут же спрятал голову; стукнула дверь, и на крыльцо вышли двое. Он напряг слух, стараясь не пропустить ни слова.

— Ты не ошибся? Никого здесь нет, — спросил сиплый голос.

— Да точно это один из них, — возбужденно ответил гнусавый дребезжащий тенорок, по-видимому принадлежавший похожему на суслика человечку. — Правда, я остальных не видел. Он же сказал, что их пятеро и одна баба. А этот огромный, черноволосый такой.

«Это про меня», — хмыкнул варвар,

— Ты, наверное, спьяну перепутал его с каким-нибудь конюхом, — рявкнул сиплый.

— Нет! Я точно его видел, говорю тебе!

— Ну ладно, если еще раз покажется, скажешь! Останься здесь!

Дверь хлопнула еще раз. Потом послышались шаги. Видимо, человечек от скуки принялся ходить взад-вперед.

«Ну что ж, — подумал варвар, — Значит, какое-то охвостье Нергала действительно охотится за нами, а скорее всего, за мной. Сейчас проверим».

Он вышел из-за угла и, не поворачивая головы к человечку, который остановился и замер от неожиданности, прошел, насвистывая, мимо него во двор, где стояли лошади.

— Давай моего коня! — Он бросил монетку мальчишке, а сам, взяв коня за повод, подвел его к самому выходу со двора и накинул уздечку на петлю ворот так, чтобы конь не бросался в глаза людям, выходящим из таверны.

Потом киммериец в три прыжка одолел расстояние до дверей и встал у стены, рассчитывая, что открывшаяся дверь заслонит его.

«Только бы никто не мешался под ногами», — подумал он, услышав шаги за дверью.

Дверь открылась. Конан прижался к стене.

— Ну где он? — раздраженно спросил сиплый, выходя на крыльцо.

Ответа он не услышал, поскольку варвар шагнул вперед и ударом кулака уложил говорившего на землю. Гнусавый человечек раскрыл было рот, но вторым ударом киммериец свалил и его.

«Только бы остался жив», — мелькнуло у варвара в голове, когда он, подхватив человечка, бросил его поперек седла и, вскочив на коня, на рысях поскакал к видневшемуся вдали лесу.

Насчет первого у варвара не было никаких сомнений — характерный треск позвонков показал, что бедняга прямиком отправился на Серые Равнины. Киммериец оглянулся назад. Вроде бы никто его не заметил.

«Ну и славно, — усмехнулся он, — а с сусликом поговорим».

Ему пришлось порядком повозиться с пленником, пока тот наконец не застонал и не открыл глаза. Все-таки варвар не совсем точно рассчитал удар. Человечек оказался более хлипким, чем предполагалось поначалу.

— Ну что, поговорим? — спросил киммериец, убедившись, что пленник способен соображать,

— Кто ты и чего тебе от меня надо? — вращая круглыми от страха глазами, спросил человечек.

Варвар вытащил свой меч и попробовал ногтем лезвие.

— Видишь эту штуку? Теперь посмотри вокруг. Темнеет. Мне пора отдохнуть. Поэтому ты быстро и без запинки расскажешь все, что тебе известно. Понял, Нергалово отродье? Кто вас нанял, что сказал? Кто вы? Как зовут предводителя? Говори!

Человечек оказался сообразительным. Постанывая от боли, он быстро перечислил ответы на вопросы в том порядке, как их задал варвар:

— Меч вижу и что темнеет, тоже вижу. Ты не убьешь меня? — заскулил он, но взгляд киммерийца заставил его продолжать. — Нас нанял плешивый мужчина в Бельверусе. Кто он и откуда, не знаю, но похож на чародея или чернокнижника. Сказал, что надо убрать шестерых человек, в том числе девку. Правда, ее разрешил не трогать. Он вас всех описал по виду, потому я тебя и узнал. — Человечек пошевелился, но продолжал, со страхом глядя на

киммерийца: — Мы люди Хемниуса, того со шрамом, который выходил вместе со мной. Больше я ничего не знаю, клянусь Митрой!

— Как этот плешивый поймет, что вы выполнили его задание?

— Не знаю, — заерзал пленник, — он сказал, что будет наблюдать из Бельверуса.

«Ясное дело, колдун, — подумал Конан, — может быть, он и меня сейчас видит».

— Так, — спохватился он, — а когда он заплатит вам и где?

— Мне неизвестно, это он с Хемниусом договаривался.

«Клянусь Кромом, не того убил, поторопился. Вечно у меня так», — поморщился варвар.

— Вот как, не знает, Нергал ему в кишки! — усмехнулся он. — Ты небось немало душ загубил, а, суслик?

— Пощади! — поняв, к чему идет дело, завопил человечек.

— Это не по правилам, — усмехнулся Конан, взмахом меча отделяя ему голову от туловища, — лишних свидетелей оставлять не годится! Тем более таких мерзавцев. Из-за вас, песьи дети, я не успел поужинать!

Глава седьмая

Такой роскоши и красоты молодая герцогиня Хельсингерская не видела никогда. В ее родном замке, затерянном среди глуши лесов северной Немедии, все было гораздо суровее, бесцветнее, меньше. Огромный двухсветный зал с конусовидными оконными переплетами нижнего ряда по одной стене и круглыми, с цветными стеклами, чуть наклонными отверстиями верхних рядов с обеих сторон, поражал своими размерами. Двенадцать полукруглых колонн, выступающих из глубины толстых темно-серых стен, поддерживали сводчатый потолок такой высоты, что под ним свободно могло бы поместиться самое высокое строение Хельсингера.

На глухой стене до ряда верхних окон располагались резные панели из мореного дуба, перемежаемые громадными шпалерами, сотканными старыми мастерами. Перед каждой колонной стояли высокие прямые канделябры с огромной чашей наверху, где пылали яркие огни масляных светильников. Кроме них, помещение освещалось такими же огромными чашами, подвешенными на длинных цепях к потолку. Дуновение воздуха колебало языки пламени, и от этого тени на шпалерах, казалось, приходили в движение. Бородатые изображения членов королевской фамилии, вытканные темно-коричневыми и синими нитями, словно кивали головами и усмехались, глядя вниз на собравшихся людей. По каменному полу была проложена длинная, сплетенная из раскрашенных стеблей крепкого тростника дорожка, ведущая от входных дверей, своими размерами больше похожих на ворота, до самого противоположного конца зала, где на возвышении располагался трон. Рядом с ним стояло шесть кресел — по три с каждой стороны — для членов семьи и особо приближенных к королю лиц. Над троном, подсвеченный снизу, мерцал Золотой Дракон, вышитый блестящими нитями на черном фоне. Перед возвышением двумя полукружьями установили около двух десятков кресел с высокими резными спинками — почетные места

для тех, кто удостаивался личной аудиенции короля Нимеда. Стараниями барона Амальрика молодая герцогиня Хельсингерская была сегодня в числе этих избранных.

Справа и слева от трона простирались два неимоверной длины стола, окруженные рядами стульев с высокими прямыми спинками. От одной стены к другой протянулись гирлянды, сплетенные из можжевеловых веток. На каждой гирлянде посередине крепился большой круглый медальон с изображением Митры в ореоле солнечных лучей.

Поскольку Хайделинда ожидала личной аудиенции монарха, церемониймейстер в вишневом камзоле, расшитом серебряными нитями, подвел девушку к входным дверям зала, когда большинство собравшихся находилось уже внутри. По его команде двери распахнулись, и Хайделинда вступила в зал, почтительно поддерживаемая под локоть Иваром. Оглушительно запели серебряные трубы трех музыкантов, и после нескольких тактов мелодии осанистый человек, также наряженный в вишневое одеяние, только расшитое еще более богато, чем у церемониймейстера, зычным голосом провозгласил:

— Молодая герцогиня Хельсингерская!

Хайделинда от вида великолепного зала и толпы разряженных приглашенных, стоявших двумя рядами вдоль дорожки, ведущей к трону, несколько оробела. Поддержка Ивара, крепко сжавшего ее руку, пришлась весьма кстати. Осанистый человек в вишневом ударил в пол тяжелым посохом и, встав перед ними, медленно зашагал по направлению к трону.

— Пошли! — шепнул Ивар.

Хайделинда, глядя в спину удалявшегося церемониймейстера, двинулась следом, опасаясь споткнуться под пристальными взглядами стоявших по сторонам придворных.

— Теперь тебе одной нужно подняться к королю, — прошептал ей спутник.

Девушка, затаив дыхание, приблизилась к трону, склонившись перед сидевшим на нем худощавым седым человеком с пристальным взглядом выцветших водянистых глаз. Монарх положил на ее голову сухую узкую ладонь, и Хайделинда услышала, как невыразительный голос произнес:

— Ты дочь герцога Гюннюльфа, я не ошибаюсь?

— Да, сир, — прошептала девушка.

— Жаль, что с твоим отцом произошло несчастье. Я знавал его, хороший был воин. Ты ведь участвовал с ним как-то в сражениях, Тараск?

— Не знал, что у Гюннюльфа растет такая красавица, — не отвечая на вопрос короля, сказал сидевший справа от него человек невысокого роста с круглым мальчишеским лицом. Он привстал с кресла и подал руку Хайделинде, окинув ее скользким похотливым взглядом. — Ты разрешишь, брат, проводить герцогиню к ее креслу?

Кресло было в двух шагах от трона, но принц долго не отпускал пальцы девушки, и она покосилась на разряженного коротышку, не зная, как поступить.

— Дай нам побеседовать, Тараск. — Голос короля Нимеда был каким-то тусклым, словно произносить слова ему удавалось с трудом, — Так теперь ты под опекой герцога Бьергюльфа? — продолжал король.

Хайделинда не успела ответить, как принц вновь вмешался:

— Вот кто достойнейший человек, брат. — Нечто похожее на улыбку показалось на его плоском лице. — Я с ним знаком еще по Бритунии.

— Ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку, — кивнул король.

* * *

В это время герольд подвел к Нимеду еще одного человека, старого и сгорбленного, с трудом переставлявшего непослушные ноги, и монарх оставил Хайделинду в покое.

— Привет тебе, славный воин! — Король Нимед даже изобразил нечто похожее на радость, когда старик кряхтя опустился перед ним на одно колено.

— Граф Мангцальский всегда рад служить королю Немедии! — Надтреснутый старческий голос звучал на удивление бодро.

— Садись, старина Гвендер, — указал ему король на кресло рядом с Хайделиндой. — Помнишь Хайнриха, герцога Хельсингерского?

— А как же? — старческие глаза Гвендера увлажнились. Он взобрался на кресло и поднял глаза на короля: — Лихой был рубака, славно мы с ним поработали мечами в свое время!

— Эта юная женщина — его внучка, — указал король на Хайделинду.

— Неужели? — Старик с трудом повернулся к девушке. — Дочь Гюннюльфа? Хороша! — Он пожевал сухими, похожими на пергамент губами. — Кстати, племянник мой был недавно в Хельсингере.

— Барон Амальрик, верный твой слуга, — подал голос сидевший слева от короля седой человек в желтой рясе с наброшенной на плечи лентой, украшенной вышитыми на ней золотыми драконами, — Он очистил несколько северных владений от чернокнижников меньше чем за одну луну.

— Род Бреннов из Торы всегда верно служит королю, — с достоинством подтвердил старик.

— И Солнцеликому Митре, — добавил человек в рясе. Это был верховный жрец Фринаус. — Мне сказали, милая, — обратился он к Хайделинде, — что ты только что из монастыря Соважон.

— Да, — с трудом удержавшись, чтобы не поморщиться, ответила Хайделинда.

— Весьма похвально, что наши благородные семейства воспитывают своих дочерей в духе служения Митре, — благосклонно глядя на девушку, произнес Фринаус и, повернувшись к королю, добавил: — Я считаю, что неплохо бы издать королевский указ об обязательном направлении всех девушек знатных родов на воспитание в монастыри.

«Боги, — пронеслось в мозгу Хайделинды, — неужели мое появление здесь приведет к тому, что несчастные девушки будут обречены в течение нескольких лет томиться, как и я, в постылых монастырских стенах?»

— А лучше всего, — важно продолжал Верховный Жрец, — вновь учредить у нас в Немедии женские монастыри, чтобы плата за обучение наследниц знатных родов не утекала в Аквилонию.

— Вот это дело! — вставил свое слово молчавший до сего момента Тараск, занятый до сих пор тем, что бесцеремонно рассматривал Хайделинду, словно стремясь сорвать с нее взглядом одежду. — Слава Митре, Верховный прав! Этим надо заняться, братец!

— Да, да, — закивал головой старый граф Мангцальский, — может быть, мои внучки, этакие дурехи, поумнели бы там немного!

— Вот я тебе это и поручу, — усмехнулся Нимед, повернувшись к Тараску, — ты у нас

известный знаток женщин.

По лицу Верховного Жреца мелькнула тень, ибо всем было известно, что благородный Тараск был весьма далек от добродетельной жизни и больше известен постоянными кутежами с девицами из веселых домов. Поручить такому человеку устройство женских монастырей было просто-напросто кощунством. Фринаус повернулся к монарху, чтобы сказать что-то, но в этот момент герольд подвел к королю следующего приглашенного, и беседа потекла по другому направлению.

Хайделинда, которую наконец оставили в покое, с любопытством оглядывалась вокруг. Она, девчонка, выросшая в затерянном в лесах замке, сидит в королевском дворце рядом с королем и Верховным Жрецом, ведет с ними беседу! От этого может закружиться голова, особенно если всего несколько дней назад она полностью находилась во власти монахинь, и даже… При воспоминании о наказаниях в монастыре Хайделинду пронизала дрожь, и вновь стало жаль девушек из знатных семей, если предложение жреца Митры будет воплощено в жизнь. Девушка подняла голову и взглянула на степенного Фринауса, который в это мгновение прислушивался к беседе повелителя с вельможей, разряженным в лазоревый 'бархат с вышитым на груди леопардом.

— Передайте графу Троцеро, что мы весьма ценим его усилия, — услышала она конец фразы, произнесенной королем. — Барон Амальрик на днях возвращается в Аквилонию и обязательно встретится с ним…

Король, закончив речь, взмахнул платком.

— Господа, — раздался зычный голос герольда чуть не над ее головой, — король приглашает всех разделить с ним праздничный ужин!

Хайделинда, почувствовав, что ее кресло поднимается в воздух, едва не вскрикнула от неожиданности. Она поджала ноги и посмотрела по сторонам: по двое дюжих слуг, схватив за подлокотники кресла с почетными гостями, переставили их так, что они образовали два ряда, идущие от Тараска и Фринауса. Мгновенно между рядами установили стол, на котором расторопные слуги под командованием рыжебородого мужчины с круглыми, как у филина, глазами, расставили кубки, блюда, столовые приборы. Хайделинда повела глазами, ища Ивара, но его не было поблизости. Она была третьей с той стороны стола, где восседал король Нимед. Верховный жрец сидел первым слева, потом престарелый граф Мангцальский, потом она. Слева от нее кресло пустовало, далее сидел мужчина в ярком камзоле лазоревого цвета е пурпурной вышивкой — тот, который последним удостоился аудиенции Нимеда. Прямо напротив девушки сидел красивый мужчина средних лет с подстриженными на аквилонский манер усами и бородой. Его лицо показалось ей знакомым.

— Ты не узнала барона Амальрика? — раздался над ее ухом знакомый голос.

— Ах, это ты, Ивар! — радостно воскликнула она.

Хайделинда пребывала в напряжении, беседуя с вельможными особами, и появление Ивара показалось ей спасением.

— Мы виделись с молодой герцогиней последний раз лет десять назад, — склонил голову барон Торский, и на его губах возникла легкая доброжелательная улыбка, — не удивительно, что мой скромный образ стерся в ее памяти.

— У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность за то, что ты, месьор, сделал для меня, — тихо сказала Хайделинда, склонив голову в учтивом поклоне.

— Пустяки, Хайделинда. Ты разрешишь называть тебя так, по-простому? — ласково

спросил барон. — Ведь я помню тебя еще совсем ребенком.

Девушка молча кивнула. Присутствие этого человека почему-то повергало ее в смятение.

— Потом, — продолжал барон Торский, — мы не можем лишать двор присутствия столь очаровательных особ. Они составляют гордость нашего королевства и дают нам уверенность, что потомство знатных родов будет столь же достойным.

Хайделинда покраснела от такого прямого и, как ей показалось, бесстыдного определения ее достоинств.

— Да, да! — раздался громкий голос с места, где сидел Тараск. — Мы не должны забывать, что чистота народа Немедии и его сила зависят от породы наших женщин!

Девушка вновь почувствовала себя в центре внимания, но теперь это не доставляло ей удовольствия, а скорее раздражало. Она украдкой бросила взгляд на Ивара. Тот просто раздулся от удовольствия, слушая, как ее обсуждают, словно скотину на рынке.

— Не смущайся, Хайделинда, — негромко, так чтобы не слышали другие, сказал Амальрик, — немедийцы имеют высшее предопределение среди народов мира, и ты должна гордиться, что являешься одной из лучших представительниц нации.

— За Немедию и ее покровителя Светлоликого Митру, Отца и Защитника нашего! — провозгласил Нимед, подняв кубок. Зал ответил ему единым ревом сотни глоток:

— За Немедию, за Владыку Света и Подателя Жизни!

Хайделинда вместе со всеми вскочила с места и, к своему удивлению, обнаружила, что произносит те же слова. Она почувствовала себя частицей одной большой семьи на этом празднике силы и немедийского духа.

Глава восьмая

После нескольких тостов в честь Немедии, пресветлого Митры и за здоровье короля Нимеда пиршество покатилось дальше, не скованное особыми рамками этикета. На середину зала вышла группа танцовщиц из Заморы, сопровождаемая тремя музыкантами, держащими в руках инструменты, которые Хайделинде еще не приходилось видеть. В последнее время в Немедии вошло в моду все восточное. Знатные семьи заказывали себе пушистые ковры и разноцветные ткани из далеких Турана и Иранистана, мебельщики освоили изготовление мягких низких диванов и круглых, похожих на колоду для рубки мяса, маленьких пухлых табуретов, таких, какие Хайделинда видела в доме Ивара.

Знатные вельможи соревновались между собой в устройстве специальных восточных комнат, куда стаскивалось все более или менее напоминающее далекие жаркие земли пустынь: ковры, безделушки, светильники. Рядом с парчовыми занавесями из Турана могли соседствовать огромные кувшины из черной керамики, привезенной откуда-нибудь из Луксора или даже Кешлы, на резной зингарский столик ставили изящную вендийскую вазу из бронзы, но это ничуть не смущало хозяев. Какое им дело до того, что Зингара находится на западе, а Стигия и Кешан — на юге? Все, что было необычным для немедийского глаза, называлось одним словом — «восток». Вельможам хотелось жить в роскоши и удовольствии. Страна уже несколько лет не воевала благодаря мирной политике короля Нимеда, и

отсутствие боевых походов заменялось в столице и замках многих нобилей бесконечной чередой пышных празднеств и утонченных забав. Жрецы Митры смотрели на это с неудовольствием, но уж коли сам король разрешает полуголым девкам и бородатым факирам устраивать свои представления во дворце, то скрепя сердце им приходилось закрывать глаза и на мелкие шалости герцогов и баронов.

Гнусаво и тягуче завыла зурна, и под мерные удары большого барабана и позвякивание колокольчиков бубна три гибкие смуглые черноволосые танцовщицы начали свой танец. Хайделинде ни разу в жизни не приходилось видеть подобных представлений, поэтому она, не отрываясь, глядела на гибкие тела плясуний, лишь слегка прикрытые лоскутками яркой материи. Ее завораживала неприкрытая чувственность их движений. Девушка не могла отвести глаз от танцующих и опомнилась лишь тогда, когда музыка смолкла и плясуньи, как птицы, откинув руки назад, невесомыми грациозными прыжками выбежали из зала под одобрительный рев зрителей. Однако не всем приглашенным это зрелище было по вкусу. Краем глаза девушка увидела, что барон Торский с гримасой неудовольствия проводил заморанских танцовщиц, и смутилась, словно застигнутая за непотребным занятием. Хайделинда потупила взор, украдкой разглядывая своих соседей.

— Такие танцы не соответствуют нашему немедийскому духу! — услышала она голос Ивара и, вздрогнув от неожиданности, кивнула в знак согласия.

— Я тоже не большой поклонник этих восточных удовольствий, — тихо, чтобы не было слышно на краю, где сидел король, поддержал юношу барон Торский, — они разнеживают дух и иссушают наши силы.

Однако принц Тараск, как заметила Хайделинда, бросив взгляд в его сторону во время танца, был крайне доволен представлением. Его масляные глазки на круг, лом, как лепешка, лице, прямо-таки светились, ощупывая тела заморанских девушек. Поймав направленный на него взгляд, он подмигнул Хайделинде, и его губы причмокнули, словно он ел что-то очень вкусное.

Веселье катилось дальше. Восточных танцовщиц сменили немедийские певцы, потом несколько танцоров, наряженных в костюмы, отдаленно напоминающие одежду селян, исполнили входящий в моду простонародный аквилонский танец буррэ. На их место вышли одетые в короткие кожаные штаны силачи. Они соревновались, кто из них большее число раз поднимет бочонок с вином. Мускулистые торсы и могучие руки блестели, смазанные маслом, и в колеблющемся красноватом свете канделябров казались вырезанными из камня. Это выступление сопровождалось одобрительными криками и ревом возбужденных вином гостей.

— Вот настоящее воплощение нашего немедийского духа! — услышала Хайделинда голос Амальрика, который, не отрываясь, смотрел на почти обнаженные лоснящиеся тела мужчин.

Его глаза блестели нескрываемым удовольствием. Чопорность и хладнокровие улетучились в один миг, и Хайделинде, увидевшей изменившееся лицо вельможи, показалось, что она подглядывает за каким-то неразрешенным и постыдным действием. Она быстро отвела взгляд от барона, боясь, что тот почувствует это.

Мало-помалу гости начали вставать со своих мест, подходить к другим приглашенным, и скоро весь зал превратился в людской муравейник, где сотни мужчин и женщин разговаривали, смеялись, орали и хлопали друг друга по плечам, не обращая внимания на остальных. Только за столом на возвышении, где сидел король и почетные гости,

соблюдалась некоторая чинность, но принц Тараск, покинув свое место, уже мелькал где-то внизу среди женщин, бойких герольдов и оруженосцев, а соленые шутки, что он отпускал, не понижая голоса, долетали даже сюда. Некоторые гости под звуки королевских лютнистов пытались повторить танец буррэ, их неуклюжие прыжки встречались смехом и громкими восклицаниями зрителей. Словом, праздник удался на славу.

Хайделинда, раскрасневшаяся от вина и возбужденная необычной обстановкой, смеясь, выслушивала шутки Ивара и других соседей, которые по мере опустошения своих бокалов оказывали ей все более навязчивые знаки внимания. Лишь старик Гвендер Мангцальский не принимал участия в веселой беседе и ухаживаниях за молодой герцогиней — по причине того, что, утомившись от застолья, уснул в кресле и непременно свалился бы на пол, но внимательный барон Торский вовремя сделал знак слугам, и те, подхватив престарелого графа, унесли его из зала.

«Девчонка и в самом деле очень красива, — размышлял Амальрик, глядя на молодую герцогиню, — пожалуй, она будет иметь успех при дворе. Этот Ивар так и увивается вокруг нее, наверное, питает, дурень, какие-то надежды. Хм, — барон наблюдал за молодыми людьми, пощипывая пальцами бороду, — может быть, имеет смысл посодействовать ему? Мальчишка полностью в моих руках, а если станет хозяином Хельсингера… он может оказаться куда полезнее, чем Бьергюльф. Эта скотина умеет только жрать как свинья, пить в три горла да задирать юбки всем попавшимся под руку девкам. В критическую минуту на него и положиться невозможно, может подвести… даже если припугнуть тем, что мне известно об его участии в гибели брата».

Его раздумья нарушило громкое бряцание струн и нестройные голоса группы пирующих во главе с Тарас-ком, который, размахивая кубком, руководил певцами, пытавшимися спеть балладу о Снежном Рыцаре. Слаженностью хор не обладал, но заменял ее отсутствие громкостью, так что даже Нимед и Фринаус, о чем-то тихо беседовавшие между собой, прервали разговор и посмотрели на орущих и притопывающих в такт музыке людей.

— Вот, повелитель, настоящие немедийские рыцари, — осторожно заметил Верховный Жрец. — Нам следует всемерно укреплять дух страны!

— За Немедию! — поднял свой кубок барон Торский, не упускавший из внимания ничего, что происходило во главе стола.

Те из собравшихся, кто еще был в состоянии услышать и понять предложение Амальрика, вскочили со своих мест, и крики одобрения на время перекрыли даже громкое пение хора. Король незаметным кивком поблагодарил барона за избавление от выслушивания занудных рассуждений Фринауса, которые правителю порядком надоели.

«Пожалуй, — решился наконец Амальрик, — я расскажу юной герцогине об участии Бьергюльфа в гибели ее отца. В любом случае я не проиграю. Девчонка явно не робкого десятка и, похоже, неглупа. Не исключено, что она одолеет герцога, и тогда мы выдадим ее замуж за этого молодого человека. Король даст свое согласие, и она вряд ли станет противиться воле монарха. Ну а если девчонке не повезет и герцог уничтожит ее, тогда он полностью окажется в моих руках, что, конечно, устроит меня меньше, но тоже сойдет. Главное, мое участие внешне будет минимальным, тем более что через два дня я возвращаюсь в Аквилонию».

— Хайделинда, — обратился он к герцогине, которая оживленно смеялась, беседуя с гостем из Пуантена и Иваром, — я на днях покидаю Немедию…

— Прости, барон, — герцогиня прервала беседу и, все еще смеясь, повернулась к

Амальрику. — Вот Ивар говорит, что у стариков аквилонцев очень слабые ляжки, поскольку они едят много растительной пищи, а мы с месьором Жемини считаем, что это просто от старости.

— Чего только не говорят в Немедии об аквилонцах, — рассмеялся барон. — Я согласен с Иваром, но говорить подобное при гостях из Пуантена не следует — они могут счесть это бестактностью.

— Брось, барон! — махнул на него рукой пуантенец, который с трудом удерживался на ногах, чуть не лежа подбородком на спинке кресла герцогини. — Мы, люди из Пуантена, не считаем себя аквилонцами. — Он громко икнул и продолжал: — То есть я хотел сказать, что мы — особые аквилонцы, лучшие, поэтому про остальных говори что хочешь, — милостиво разрешил он и сполз на пол, безуспешно пытаясь уцепиться руками за спинку стула.

— Смотри, Ивар, — усмехнулся барон, — главный твой противник не выдержал. Но я, собственно говоря, обратился к вам обоим, желая пригласить завтра к себе на прощальный ужин. Я покидаю Немедию, поскольку обязанности посла, возложенные на меня королем, требуют безотлагательного присутствия в Тарантии. Заодно мы с тобой, Ивар, побеседуем о наших делах, если дама позволит.

— Непременно будем, барон, — с радостью приняла приглашение Хайделинда, оглядывая блестящими глазами и Амальрика, и своего кавалера, и вообще весь этот сверкающий шумный зал, наполненный веселыми и, как ей казалось, симпатичными людьми. И самое главное для нее — это то, что проведенные в монастыре два года почти полностью улетучились из ее памяти, как будто их и не было вовсе. А если и были, то представлялись теперь далеким и смутным сновидением.

Глава девятая

Конан, покинув лес, быстро, насколько позволяла ночная тьма, гнал своего коня в сторону Бельверуса.

«Пока эти придурки сообразят, что произошло, — думал он, — мне надо вернуться в город. Высплюсь потом, когда найду колдуна».

Когда банда Хемниуса, лишившись своего главаря и наводчика, к утру вернулась в столицу, их уже ждали, Киммериец, закутанный в плащ по самые глаза, в окружении стайки босоногих оборванных мальчишек, сидел неподалеку от городских ворот.

— Вот они! — поманил он к себе ватагу. — Слушайте внимательно! Бегите за ними и, когда они приедут к себе, внимательно следите за всеми, кто будет к ним приходить. Когда посетители будут уходить, по одному следуйте за каждым. Потом бегом ко мне, покажете мне их дома. Понятно?

— Понятно, — нестройным шепотом ответили малолетние шпионы.

— Каждый получит вот по такой монете, — Варвар показал мальчишкам серебряный аквилонский дублон. — Ну, вперед, сыны порока!

* * *

Эрленд не спал всю ночь. Он пробовал читать, пить вино, ходить по комнате, но никак не мог найти себе места, ожидая, когда же вернется Хайделинда. Наконец, уже под самое утро, он услышал стук копыт и звук подъехавшей повозки. Он сбежал по лестнице вниз. Сонный лакей уже открывал входную дверь. Снаружи послышался смех, обрывки слов, и в прихожую вошли Ивар и Хайделинда. С первого взгляда можно было понять, что девушка слегка навеселе. Она выглядела радостной и возбужденной, а увидев аргосца, замедлила шаги.

— Эрленд! — произнесла она чуть нараспев и махнула в его сторону рукой, — Зря ты не поехал с нами, во дворце было так весело! Король Нимед удостоил меня аудиенции. И музыка, и танцовщицы, и…

— Да ты совершенно… — начал Эрленд, но она перебила его, расхохотавшись:

— Ты хочешь сказать, что я пьяна? Ну и что ж? Какой праздник без бокала-другого, неужели ты не согласишься со мной, Эрленд? Ах! Я, кажется, сейчас упаду… — Она оперлась на руку стоявшего рядом хозяина дома.

Аргосец перевел взгляд на Ивара, по лицу которого можно было определить, что он тоже изрядно нагрузился. Но в отличие от девушки, не привыкшей к вину, он все еще твердо держался на ногах.

— Ты что же… — снова начал Эрленд, обращаясь уже теперь к Ивару, но Хайделинда опять прервала его:

— Ну, Эрленд! — Она надула хорошенькие губки и изобразила нечто похожее на поцелуй. — Не будь таким занудой! Неужели ты не понимаешь, как приятно повеселиться! Ты забыл, сколько лет я совсем не видела приличного общества, вокруг меня были одни безобразные монахини! Но ты прав, если я сейчас же не отправлюсь в постель, то, пожалуй, упаду. Смертельно хочется спать… — Она глубоко зевнула и, опираясь на руки выбежавших служанок, стала подниматься вверх по лестнице.

— Чего тебе надо, Эрленд? — с пьяной ухмылкой произнес Ивар. — Ты что, не слышал, что моя дама изъявила желание отправиться спать?

Аргосцу стоило больших усилий сдержаться. Внутри у него все кипело, он готов был разорвать этого лощеного нахала в клочки.

— Ладно, поговорим завтра, — буркнул он и, резко повернувшись, последовал наверх за Хайделиндой.

— Герцогиня! — крикнул Ивар, растягивая слова— Не забудь, что завтра мы приглашены к барону!

— Помню! — раздалось сверху. — Только это будет уже сегодня, сейчас почти утро!

Это было уже слишком для обезумевшего от ревности аргосца.

— К какому еще барону? — повернувшись вновь к Ивару, рявкнул он.

— К барону Амальрику Торскому! — раздался сверху насмешливый голос герцогини, — Приятнейший и учтивый вельможа!

Эрленд, вне себя от ярости, шарахнул кулаком по перилам, но холодный мрамор остался равнодушным, лишь заныли ушибленные пальцы. Некоторое время аргосец метался, как тигр в клетке, в небольшом помещении, куда его поместил хозяин: три шага вперед, три шага

назад, пока ему не стало казаться, что он сходит с ума.

«Пойду к Хайделинде, если не поговорю с ней, то просто свихнусь», — решил Эрленд, выходя в коридор.

Колеблющийся свет фонаря в дальнем конце коридора заставил его прижаться к стене. Ивар, в цветастом халате, держа высоко над головой светильник, направлялся к комнате Хайделинды. Эрленд, с учащенно забившимся сердцем, стоял у стены, не в силах двинуться вперед. Поставив фонарь на столик, хозяин постучал в дверь.

— Кто там? — раздался полусонный голос герцогини.

— Это я, Ивар, нам нужно поговорить, — тихо ответил хозяин.

— Да ты с ума сошел! — с досадой ответила Хайделинда. — Я уже в постели, какие могут быть разговоры?

— Открой! — потребовал Ивар, — Это самое лучшее время, чтобы поговорить. — Он, уже не скрываясь, заколотил в дверь. — Если не откроешь, я…

Эрленд не дал ему договорить. Вихрем сорвавшись с места, он налетел на хозяина и схватил его за отвороты халата:

— Ты что? Действительно совсем спятил? — грозно прошипел он.

— Пусти! — Ивар сделал движение, чтобы высвободиться, — Тебе-то какое дело? Твое дело — привезти герцогиню в Хельсингер живой и здоровой, а я, будь уверен, ничего плохого ей не сделаю. Не сомневайся, Хайделинда останется довольна. А может быть, — он пьяно хихикнул, — ты сам хотел воспользоваться случаем?

Этого Эрленд вынести не мог. Он что было сил толкнул зарвавшегося повесу прочь от двери. Ивар кубарем покатился по коридору, но, поднявшись на ноги, бросился на аргосца. Тот хотел схватить его за руки, чтобы предотвратить удар, но Ивару удалось увернуться. Одной рукой он схватил Эрленда за волосы, а другой попытался ударить в лицо. Противники, вцепившись друг в дружку, с грохотом рухнули на пол.

— Что здесь происходит? — Хайделинда в наскоро наброшенной шали выглянула наружу.

Увидев катающихся по полу мужчин, она попыталась разнять их:

— Мальчики! Вы что? Как не стыдно! Ивар! Эрленд!

Видя, что ее увещевания не имеют ни малейших результатов, она бросилась в комнату и, вернувшись с кувшином в руках, окатила барахтающихся на полу противников водой. Прием возымел свое действие. Молодые люди опомнились и, расцепившись, поднялись на ноги, стряхивая с себя капли влаги. Хайделинда залилась смехом.

— Вы похожи на ощипанных петухов! — объявила она. — Разойдитесь немедленно! Нашли время для выяснения отношений. До утра подождать не могли? Ах, я все время забываю, что сейчас уже утро!

Ивар, с которого враз слетел хмель, и Эрленд, не глядя друг на друга, направились в разные стороны. Герцогиня, проводив их взглядом и убедившись, что они действительно разошлись по своим комнатам, вернулась в спальню. В доме вновь стало тихо.

* * *

К полудню варвар уже знал дома всех посетителей бандитского притона в Диком Поле. Он расплатился с мальчишками, которые, получив по серебряной монете, разбежались, издавая радостные вопли. Еще бы, такую щедрость здесь можно было встретить нечасто. Конан сразу же вычеркнул из списка наведывавшихся к бандитам двух женщин, а остальное время дня потратил на то, чтобы узнать поподробнее про трех мужчин, на которых указали малолетние наймиты. Потолкавшись на улицах и поговорив с соседями, киммериец установил, что один из них довольно-таки темная личность, и по некоторым сведениям, является шпионом городской стражи, другой приторговывает краденым, хотя имеет хорошую лавку на городском рынке.

Поразмыслив, Конан решил, что эти два человека вряд ли могут иметь что-то против него или, что уж совсем невероятно, против Эрленда. Оставался третий, который, если верить мальчишке, остановился на постоялом дворе «Благородный немедиец». Мальчуган не мог точно описать внешность посетителя притона, потому что тот был до бровей закутан в плащ, но клялся именем Митры, что этот человек отправился в «Немедийца».

«Придется тряхнуть хозяина, — подумал варвар, стоя перед длинным зданием постоялого двора, занимавшего чуть не целый квартал рядом с храмом Митры, — Может быть, имя постояльца и место, откуда он приехал, что-нибудь подскажут мне».

Он вошел в зал таверны, уже заполнявшийся народом, и, выбрав себе стол так, чтобы видеть хозяина за стойкой, заказал кувшин барахтанского и баранью ногу.

«Надо перекусить и отдохнуть чуток, — киммериец вспомнил, что на ногах со вчерашнего дня, — а тем временем, кто знает, может быть, и незнакомец наш пожалует».

С его места был хорошо виден коридор, ведущий в расположенные на втором этаже комнаты для постояльцев. Поглядывая туда, Конан расправился с принесенной служанкой бараньей ногой и средним по размерам кувшином красного вина. Время шло, а человек, похожий на того, о ком говорил мальчуган, не появлялся.

«Время не будет ждать». — Варвар расплатился с подавальщицей и медленно подошел к стойке, за которой восседал хозяин, огромного, почти как и он сам, роста, но раза в два толще киммерийца.

«Экий слон», — подумал варвар, оценивая внушительную гору жира и мяса, возвышавшуюся над деревянной столешницей. Как молния его ожгло воспоминание юности. Тогда бандит по прозвищу Слон чуть было не отправил недавно пришедшего в Шадизар киммерийца на Серые Равнины, предательски всадив в спину нож.

«Да, если бы не Денияра, не гулять бы мне больше по свету, — усмехнулся про себя Конан, — уже и кости давно бы истлели. Сколько лет прошло? — задал он себе вопрос. — Двадцать, пожалуй… Боги! Как давно это все было!»

— Хозяин! — медленно начал варвар, еще не решивший, как вести разговор, — Мне бы надо узнать про одного человека, что остановился у тебя в гостинице.

— Откуда я знаю, кто у меня ночует? — усмехнулся хозяин, почесывая рыжую окладистую бороду. — Мало ли народу приезжает в Бельверус…

— Давай договоримся сразу, — чуть понизив голос, наклонился к нему Конан, — ты не считаешь меня глупцом, а я не превращаю тебя в покойника. Согласен?

Синие глаза киммерийца смотрели холодно и пронизывали хозяина насквозь. Почувствовав легкий озноб, тот попытался начать торговлю:

— А если я позову на помощь?

— Длины моего кинжала хватит, чтобы приколоть тебя к стене прежде, чем ты

раскроешь пасть, — нехорошо усмехнулся варвар. — Так что не советую. А если мы договоримся и ты полистаешь свою занюханную книгу, то я тебе еще и заплачу.

— Ну так бы сразу и сказал, — поежился под его взглядом хозяин. — Так кто тебя интересует?

— Давай свои записи, я сам разберусь. — Конан протянул руку, и хозяин с готовностью вложил ему в ладонь кожаный фолиант, в котором были сшиты листы пергамента, испещренные мелкими убористыми значками.

Киммериец не спеша пролистал страницы книги постоялого двора, не забывая следить за поведением хозяина да и вообще за всем, что творилось вокруг. Еще со времен короля Гефениса каждый хозяин обязывался записывать имя постояльца и место, откуда тот прибыл. Порядок в Немедии был одной из главных заповедей, а уж сыск, как основа порядка, всегда стоял на высоте, Нужное имя Конан нашел почти сразу: Краутвурст, староста селения Сюндбю, по подорожной герцога Хелъсингерского, комната двадцатая.

— Вот видишь, как хорошо, что мы правильно поняли друг друга. — Киммериец положил на стойку золотой. — Может быть, я тебя еще навещу попозже, — пообещал он хозяину, — но горе тебе, если сдуру кому-нибудь заикнешься обо мне.

Хозяин сгреб золотой в свою широкую ладонь и улыбнулся варвару:

— Не глупее некоторых. Заходи, мы всегда рады таким гостям.

На всякий случай варвар сходил наверх и, послушав, что происходит в комнате, подергал ручку. Никого. И никакого шума или шороха за дверью.

«Вернусь поближе к ночи, — спускаясь вниз, подумал варвар, — а пока повидаю Эрленда».

Глава десятая

Барон Торский занимал в Бельверусе небольшой особнячок невдалеке от королевского дворца.

Когда Хайделинда и Ивар в назначенное время подъехали к крыльцу, хозяин уже ждал их. Подав руку молодой герцогине, Амальрик помог ей выйти из экипажа. Ивар, спрыгнув вслед за ней на землю, церемонно поклонился барону.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Амальрик, — давай без особых церемоний. Мы люди свои.

В небольшом зале, поразившем герцогиню своим изяществом и скромной красотой, был накрыт стол на троих.

Увидев, что Хайделинда с интересом осматривает стены зала, декорированные резными деревянными панелями с прикрепленными к ним простыми настенными канделябрами, барон с гордостью сказал:

— Люблю истинно немедийский стиль, без всяческих восточных излишеств. Как ты находишь эту комнату, Ивар?

Ивар, услышав вопрос хозяина, смог лишь скромно потупиться. Герцогиня усмехнулась про себя и ответила за него барону:

— Очень приятное убранство. Я скучала в Пуантене по нашим немедийским замкам, хотя монастырские кельи также не страдали особыми излишествами.

— Аквилонцы не имеют достаточного вкуса, — поджав губы, произнес Амальрик. — Их изнеженные души слишком неразборчивы.

За ужином барон и королевский оруженосец старались превзойти друг друга в остроумии, окружая Хайделинду вниманием и говоря девушке массу приятных слов. Конечно, Ивар не мог соревноваться с Амальриком по части светской учтивости и лоска, но иногда он достаточно ловко ввертывал в разговор остроумную фразу, вызывая смех герцогини.

«Пусть пыжится, молодой дурачок, — снисходительно поглядывая на Ивара, думал про себя Амальрик. — Предан мне, а это главное».

Когда расторопный и молчаливый слуга подал сласти, Амальрик обратился к Ивару:

— Сделай мне одолжение, дружище, сходи в комнату к Орасту, пусть он найдет мои записи. Они понадобятся во время беседы.

Ивар с готовностью бросился исполнять поручение своего покровителя, а барон, подождав, пока дверь за молодым человеком закроется, обратился к герцогине:

— Ораст задержит его подольше, я распорядился об этом. Пока же я хочу кое-что рассказать тебе, Хайделинда.

— В чем дело, барон? — весело глядя на него, спросила девушка, но, увидев выражение его глаз, осеклась. — Что-нибудь случилось?..

— Да, — веско сказал Амальрик, — и весьма серьезное. Тебе придется набраться мужества, чтобы выслушать меня.

— Ты говоришь загадками, — насторожилась Хайделинда.

— Мой род и твоя семья издавна находились в дружеских отношениях. Я знал твоего деда и твоего отца и считаю своим долгом сообщить тебе то, что мне стало известно. Твой отец, герцог Гюннюльф, погиб в результате сговора Бьергюльфа с темными колдовскими силами.

— Как? — воскликнула Хайделинда, стиснув руки. — Ты хочешь сказать, что мой дядя…

— Именно это.

— Но откуда тебе известно?

— Ораст допрашивал ведьм из одного селения в твоем герцогстве, и они признались в совершенном злодействе.

— Но почему же ты не сообщил об этом в королевский суд?

— Видишь ли, — осторожно ответил барон, — свидетельства этих женщин недостаточно для суда, а колдун, на которого они указали, исчез. Его до сих пор не могут найти.

Амальрик, не моргнув глазом, присочинил историю про колдуна, чтобы разговор пошел так, как он рассчитывал.

— Я не в силах поверить… — В волнении девушка вскочила с места и зашагала по комнате. — Мой дядя… Это безумие! А мать, неужели она знала?

— Думаю, что нет, — поглаживая бороду, ответил барон Торский. — Не думаю, чтобы она была способна на подобное злодеяние.

— А что могу предпринять я? — Хайделинда испытующим взором посмотрела на барона.

— Я рассказал об этом, чтобы ты была осторожна, — ответил Амальрик. — Когда найдем колдуна, я извещу тебя, и мы сможем обратиться к королю.

Хайделинда с побледневшим лицом молча упала в кресло. Амальрик подумал, не переоценил ли он характера этой юной женщины. Если так, весь его план может пойти прахом. На некоторое время воцарилась тишина. Наконец герцогиня, овладев собой, коротко спросила:

— Ивар знает?

— Нет, — Амальрик смотрел на нее отеческим взглядом, — и я думаю, что ему пока не надо говорить об этом. Он очень привязан к Бьергюльфу. Мы расскажем ему позже.

«Мы расскажем, — повторила про себя Хайделивда. — Мы расскажем…»

— Вот записи, которые ты просил. — Дверь распахнулась, и вошел Ивар с ворохом свитков в руках. — Твой секретарь засунул их куда-то и еле нашел. Ты что такая бледная, Хайделинда? Тебе нездоровится? — всполошился он, взглянув на девушку.

— Я думаю, мы замучили герцогиню своими разговорами, — мягко ответил Амальрик, — да еще утомительная дорога, долгий праздник у короля. Хайделинде надо отдохнуть.

— Я сейчас распоряжусь, чтобы тебя отвезли домой, — повернулся к дверям Ивар. — Прости, но я сегодня должен быть к полуночи во дворце. Как-никак, королевский оруженосец, — гордо добавил он, — есть обязанности.

Прощаясь с герцогиней, Амальрик посмотрел на нее ободряющим взглядом, чуть заметно кивнув головой: — Надеюсь, все будет хорошо.

— Да, да, — подхватил Ивар, — завтра днем, отдохнув, ты будешь чувствовать себя гораздо лучше.

«Если бы ты знал о том, что только что рассказал мне барон, — подумала Хайделинда, взглянув на Ивара и внезапно почувствовав острую неприязнь к нему, — неизвестно, как бы ты заговорил…»

* * *

Громкий стук в дверь заставил клевавшего носом привратника подойти и взглянуть в глазок. Черноволосый мужчина в темном плаще стоял у двери, нетерпеливо ожидая, пока ему откроют.

— Хозяина нет дома, — сказал привратник.

— Мне нужен Эрленд, — ответили снаружи, — он здесь?

— Никаких указаний не было, пойду спрошу.

— Шевели копытами побыстрей, — посоветовал голос из-за двери. — Да не забудь сказать, что пришел Конан.

Услышав шум внизу, Эрленд сбежал вниз по лестнице:

— Конан! Ты не представляешь, как ты вовремя!

Аргосец окончательно извелся. Ему сейчас было совершенно необходимо присутствие человека, на которого он мог бы положиться.

— Как обстоят дела?

— Все в порядке, — спокойно ответил киммериец, сбрасывая плащ, — ты можешь ехать в Хельсингер.

Они поднялись наверх, и варвар коротко пересказал Эрленду события последних дней.

— Значит, этот колдун здесь, в Бельверусе?

— Да, — ответил киммериец, — чуть попозже я с ним поговорю. — Он прикоснулся к рукоятке меча. — Клянусь Кромом, этот ублюдок от меня не уйдет! Но в замок я все же не поеду. Сейчас навещу своих головорезов, завтра с утра будут в твоем распоряжении. На них можешь вполне положиться.

— А ты?

— Когда поймаю этого Краутвурста, вытащу из него все, что смогу, — усмехнулся варвар. — Если не удастся сегодня встретиться, вам с герцогиней придется путешествовать без меня.

— Ты думаешь, он преследует тебя одного?

— У меня больше нет сомнений в этом, — твердо сказал киммериец. — Он знает, что кто-то из нас, кроме Хайделинды, представляет для него опасность, но, похоже, не может точно определить кто. И пока мы находимся вместе, с этим ему не разобраться. Я, конечно, не сильно понимаю в колдовских штучках, но уже встречался с подобными вещами. Во всяком случае колдуна я здесь задержу, а вы завтра же отправляйтесь в Хельсингер. Договорились?

— Ты, пожалуй прав, — задумчиво сказал Эрленд, — тем более что мне уже надоело в этом доме.

— Надоело, говоришь? — усмехнулся варвар. — Странно, мне показалось, вполне приличный дом! А герцогиня как себя здесь чувствует?

— Да я ее и не вижу совсем, — невесело ответил аргосец. — Вчера был прием у короля, сегодня у барона Амальрика…

— Понятно… — протянул Конан. — Дело, конечно, не мое, но тебе действительно надо побыстрее отсюда сматываться. Вместе с девушкой, разумеется. Ну что ж. — Варвар поднялся. — Как договорились, завтра утром Барх с остальными будут у тебя. Если боги помогут, то и я присоединюсь к вам. И вот еще что. На всякий случай храни это кольцо у себя. Мало ли что может со мной случиться… — Он вытащил перстень герцогов Хельсингерских и протянул его Эрленду. — Пока спрячь подальше.

Глава одиннадцатая

Первое ужасающее впечатление от слов барона постепенно проходило, и Хайделинда, под мерный стук колес экипажа, попыталась осмыслить все, что произошло за последние дни.

«Зачем барон рассказал мне это? — Раз за разом девушка припоминала все подробности короткого разговора с Амальриком. — Он такой могущественный человек, ему ничего не стоило самому решить все, как надо. Если надо… — задумалась девушка, — а если нет?»

Она припомнила, что Эрленд пару раз неодобрительно отозвался об Амальрике, когда

они говорили с ней вдвоем, без Ивара. Что-то вроде того, что не доверяет ему.

«Действительно, можно ли верить этому барону Торскому? — задала себе вопрос Хайделинда. — Кто может поручиться, что он все не выдумал, чтобы достичь каких-то своих тайных целей?»

Она еще раз припомнила подробности двух последних дней, когда вихрь праздника, внимание восхищенных мужчин, настойчивые знаки внимания, оказываемые Иваром, разноцветным дурманом заслонили всю ее остальную жизнь. Она словно была окутана паутиной столичных впечатлений. Теперь, после рассказа барона, эта пелена спала с глаз. Хайделинде предстояло отправиться в Хельсингер, где живет убийца ее отца, ставший теперь правителем герцогства.

«А вдруг мать была заодно с Бьергюльфом? — От этой мысли девушке стало совсем тошно. — Тогда получается, что я буду совершенно одна среди убийц, которые, может быть, и меня собираются отправить вслед за отцом?»

Она уронила голову в ладони. Жизнь в монастыре имела и свои положительные стороны. Соважон приучил Хайделинду относиться ко всему происходящему со спокойствием и терпением. Она привыкла к тому, что в мире вряд ли можно найти у кого-нибудь поддержку, со всем надо справляться самой.

«Почему я решила, что я одна? — Эта мысль вдруг заставила ее почувствовать себя виноватой, — А Эрленд? Вот человек, который не бросит меня в тяжелое время! Как я могла проводить время с разряженными хлыщами вроде Ивара, который только и смотрит в рот барону, готовый служить ему, словно собака?»

Она вспомнила путь из монастыря в Бельверус, когда они скакали бок о бок с Эрлендом и предавались воспоминаниям о днях, когда вместе бродили по лесам и полям Хельсингера. Все время, проведенное в Соважоне, девушка мечтала о том, как вновь увидит свой старый замок, любимые поляны и ручьи, услышит тихий плеск воды о борт лодки, медленно пробирающейся по заросшим камышом протокам. Как она хотела, чтобы все эти мгновения разделил с ней Эрленд! Что же произошло, почему она отринула свои мечты и предпочла общество придворных повес, сыпящих комплименты и скользящих по ее телу маслеными глазами? Один этот коротышка Тараск чего стоит! А Эрленд, ее верный друг, сейчас сидит в этом доме, заставленном мягкими диванами и вычурными безделушками, и терзает себя оттого, что она проводит время с выскочками вроде сына управляющего.

— Приехали! — оторвал девушку от раздумий голос возницы.

«Расскажу все Эрленду, — девушка оперлась на поданную лакеем руку и направилась к предупредительно распахнутой двери дома. — Почему он не встречает меня? Обиделся, наверное, — решила она, — Боюсь, его можно понять. Похоже, я вела себя так, словно специально задалась целью его задеть. Но я поговорю с ним я все объясню».

Хайделинда поднялась наверх. Когда она подошла к кабинету, его дверь распахнулась, и на пороге показался Конан.

— Вот и герцогиня, — учтиво поклонился он. — Прошу извинить нас, мы заговорились и не слышали, как ты подъехала. — Он словно прочитал ее мысли. — Эрленд ждет тебя.

— Хайделинда! — воскликнул аргосец так, словно они не виделись несколько дней.

Девушка, не в силах совладать с внезапно нахлынувшими чувствами, бросилась ему на шею, как тогда, несколько лет назад. Конан, хмыкнув, тихо притворил за собой дверь. Пожалуй, пора отправляться по своим делам. Этот Краутвурст, наверное, заждался его.

* * *

Киммерийцу достаточно долго пришлось простоять в переулке рядом с «Благородным немедийцем». Наконец он различил в темноте закутанную в коричневый плащ фигуру, показавшуюся похожей на ту, что описывал мальчуган. Конан стремительно сорвался с места и, прижимаясь к стенам домов, как уж проскользнул в таверну и быстро поднялся наверх. Он отошел в дальний конец длинного коридора и медленно направился назад, рассчитывая подойти к двадцатой комнате одновременно с колдуном, если, конечно, человек в коричневом плаще был Краутвурстом. Варвар не ошибся. На лестнице послышались торопливые шаги, и человек, войдя в коридор, быстро направился ему навстречу, на ходу вынимая ключ. Киммериец все рассчитал точно. Краутвурст, не обратив внимания на сгорбленную фигуру, вроде бы запиравшую дверь соседнего номера, склонился к замочной скважине, вставляя ключ. Движением, быстрым, как молния, и бесшумным, как полет летучей мыши, варвар метнулся к нему. Схватив его запястья, он резко рванул их вверх и назад, выворачивая колдуну руки. Ошеломленный чародей оказался не в состоянии даже взвизгнуть.

— Тихо! — громким шепотом предупредил варвар. — Люди, наверное, уже спят. Будешь шуметь — удавлю, клянусь Митрой и твоим Сетом. Понял?

Колдун, выпучив глаза от страха и боли в сведенных руках, согласно закивал головой, однако киммериец привык не очень-то доверять таким людям. Кроме веревки, он припас и кусок тряпки, которым заткнул Краутвурсту рот. Варвар втащил колдуна в комнату и, усадив его на стул, запер дверь на засов.

— Вот теперь поговорим, — усмехнулся Конан. — Со связанными руками ты вряд ли сможешь сотворить какое-нибудь колдовство, не так ли, ослиный понос? — В ответ на отчаянные кивки головой Конан, откинув плащ, показал пленнику свой меч. — А вот я могу сделать магическое движение, и твоя голова заживет отдельной жизнью от твоего вонючего туловища. Понял, гадина?

Колдун, сипя, продолжал мотать головой из стороны в сторону. Видимо, киммериец слишком глубоко засунул ему кляп.

— Что, шакал, задыхаешься? — осведомился варвар, выдергивая тряпку изо рта мага. — Ты хоть понял, что я тебе сказал?

— Понял, — прохрипел Краутвурст, еще не пришедший толком в себя от стремительного нападения киммерийца.

Сегодня ночью он как раз собирался определить, где находятся опасные для него люди, среди которых выделялся этот черноволосый гигант. Однако тот явился сам, чего колдун совершенно не ожидал.

— Теперь слушай внимательно. — Глаза Конана словно прожигали мага насквозь, и этот взгляд не сулил ничего хорошего. — Ты сейчас расскажешь мне, почему преследуешь меня и моих друзей. Это первое. От твоего ответа зависит, какой вопрос я задам следующим.

— Приключилась ошибка, — понемногу приходя в себя, начал колдун. — Мои люди перепутали тебя с другим человеком, и я готов принести извинения и даже заплатить за причиненные неудобства.

Людям свойственно заблуждаться, когда они считают себя умнее и сообразительнее

других. Такую оплошность совершил и Краутвурст. Он не знал, что именно известно варвару, и решил схитрить, прикинувшись простачком. Киммериец таких промахов не прощал. Оплеуха, которую он отвесил колдуну, отозвалась громким гулом в голове чернокнижника и быстро прояснила, в чем его ошибка. Конан замахнулся еще раз, но Краутвурст опередил его:

— Не надо, не надо, я скажу все, что ты хочешь.

— Я тебе задал первый вопрос, — Конан придвинул свой стул поближе к пленнику, — или ты уже забыл его?

— Твои спутники тут ни при чем, — заторопился колдун, — дело в тебе, потому что ты был на шабаше духов.

— Ты что, спятил? — прикинулся ничего не знающим варвар. — Нигде я не был. Ты прав, приключилась ошибка.

— Как же? Я два раза проверял… — удивился Краутвурст, но, взглянув на Конана, осекся, поняв, что тот смеется над ним.

— Так, — медленно произнес киммериец, — значит, ты можешь определить, где находится тот или иной человек? Твое колдовство это позволяет?

— Нет, нет, — снова заторопился колдун, — я не могу найти любого человека. Моя магия позволяет найти только того, кто отмечен меткой духов, да и то не его самого, а место, где он находится.

— Понял, — кивнул головой варвар. — Поэтому ты и хотел убить нас всех, чтобы избавиться наверняка от того, кто был на шабаше. И еще. Ты утверждаешь, что на мне метка этих призраков?

— Да, да, — закивал головой Краутвурст.

— Хорошенькое дело, — усмехнулся Конан. — И как избавиться от этой метки?

— Я не знаю… — начал было колдун, но новая пощечина не дала ему договорить.

— Придется совершить свое магическое действие, — нахмурился варвар, делая вид, что собирается вытащить меч.

— Нет, нет! — заверещал колдун.

— Тогда вспоминай, — усмехнулся варвар. — Жаль, что ты не следуешь заветам Митры, который учил быть правдивым. Поэтому придется тебя немного подгонять. — Он замахнулся, но колдун торопливо сказал:

— Я вспомнил, метка будет на тебе до тех пор, пока у тебя кольцо герцога.

— А если я отдам его другому, то этот человек будет помечен?

— Нет, — помедлив мгновение, ответил колдун. — Нет, потому что его на сборище призраков не было.

Варвар перевел дух. Он успел испугаться, что накликал беду на Эрленда, передав кольцо.

— Ну что ж, — задумчиво произнес варвар. — На первый вопрос, будем считать, ты плохо, но ответил. Теперь перейдем ко второму. Ты меня хорошо понял?

— Ты, наверное, хочешь узнать про герцога Гюннюльфа?

— Похоже, ты решил начать честную жизнь, — съязвил Конан. — Вот видишь, пара оплеух, и ты уже принимаешь митрианскую веру. Похоже, что Фринаус мог бы взять меня к себе на службу. Продолжай, сын шакала!

Краутвурст пересказал варвару то, что тот уже знал, по рассказам Эрленда, и услышал на шабаше призраков. Он слушал колдуна и кивал головой, но когда тот замолк, внимательно посмотрел ему в глаза.

— Понимаешь, какая штука, — понизив голос до шепота, сказал варвар, — мне за свою жизнь пришлось столько общаться с вашим братом, что я и сам стал немножко колдуном. И вот сейчас моя магия подсказывает мне, что ты рассказал не все. Поройся у себя в памяти, гиена, может быть, ты что-то забыл? — Варвар многозначительно прикоснулся к ножнам, где лежал его меч.

— Вспомнил, вспомнил… — преданно глядя на киммерийца, зачастил Краутвурст. — Кроме меня и герцога, об этом могла знать еще одна ведьма из нашего села, может быть, даже две… — неуверенно закончил он.

— Они твои сообщницы? — спросил Конан.

— Нет, я им не говорил, для чего требуется зелье, но они могли догадаться.

— Ну и где они? Ты их тоже убил?

— Зачем? — Впервые за все время их беседы колдун криво усмехнулся. — Их сожгли Золотые Леопарды.

— А тебе не приходило в голову, что если они попали в лапы королевской гвардии, то могли им кое-что рассказать?

— Приходило, — согласился Краутвурст, — но те, кто это знает, для меня сейчас не опасны, потому что уезжают в Аквилонию. Кроме того, не наверняка ведьмы проговорились обо мне.

— Ты меня убедил, — серьезно сказал варвар. — Теперь мне надо решить, что с тобой делать. Ты можешь дать мне доказательства, что Бьергюльф — твой сообщник?

— Он не сообщник. Я ему только помог. Он главный в этом деле. Это был его заказ, и он мне хорошо заплатил. Но доказательств у меня с собой нет. Они в Сюндбю.

— Хм, — почесал затылок варвар. — Придется съездить туда, клянусь Кромом. А ты, часом, не врешь?

— Клянусь Митрой, — побожился Краутвурст.

— Ну что я говорил? — засмеялся киммериец, — Чуть поговоришь с таким по душам, и он сразу превращается в добродетельного митрианца. Действительно, Верховный Жрец много теряет… Ну ладно, шутки в сторону. Сейчас я найду мешок — ты поедешь в нем, чтобы не сбежал. Согласен? Впрочем, у тебя и выбора нет, если хочешь еще пожить, клянусь кишками Нергала.

Глава двенадцатая

Она разомкнула руки и отступила на шаг. Эрленд взглянул в ее глаза и внезапно понял, что все возвращается. Как и тогда, чуть полные губы девушки дрожали от волнения. Она смотрела на него своими фиалковыми глазами, которые постепенно заволакивало дымкой. Аргосец так долго ждал этого мига — и теперь, благодарение богам, он наступил. Хайделинда внезапно начала бледнеть — сначала вокруг рта, потом бледность разлилась по всему лицу. Девушка, не отрывая от аргосца взгляда, сделала шаг вперед и, сдавленно вздохнув, бросилась в объятия Эрленда.

Проходили мгновения, но оба не произносили ни слова — они просто не требовались.

Девушка сжимала его плечи, по-прежнему неотрывно глядя в лицо Эрленду.

— Хайделинда, — шепнул он наконец.

— Я пришла к тебе. — Она спрятала вспыхнувшее лицо у него на груди.

Потом, дерзко поведя плечом, девушка начала медленно снимать платье. Какие-то застежки, цепляясь за ткань, помешали ей, и она просто рванула материю.

— Оно мне больше не понадобится, — произнесла Хайделинда, отбрасывая смятое платье в сторону. Отступив на шаг, девушка без тени стыда и даже малейшего смущения предстала перед Эрлендом. Она понимала, что в этот момент возлюбленный чувствует то же самое — они сейчас одни на всем белом свете.

«Ничто на свете не занимает так сердце и не сковывает его, как любовь, и надо иметь оружие против этого, ибо душа становится беззащитной», — вспомнились ей почему-то слова монахини. Эрленд подхватил ее на руки и понес к узкой постели.

— Не бойся, — нежно касаясь ее тела, прошептал Эрленд, и все исчезло, и эта тесная комната, и наставления монахинь, и неуверенность, и разговор с бароном, и страх одиночества — все. Остался только Эрленд, его горячие губы и настойчивые, но нежные руки.

Она не помнила, был свет или темнота, не слышала ни одного звука, все ненужное исчезло, мир сузился до всепоглощающего и острого чувства единения и бесконечной легкости, растворявшей тело, ставшее текучим, как вода. Хайделинда лежала, полуоткрыв трепещущие губы, ее дыхание было свежим, как воздух весной, ее кожа благоухала. Эрленд посмотрел на нее, нагую, лежавшую на животе в позе маленькой девочки, согнув колено одной ноги и подложив ладонь под подбородок. Он глядел на ее прекрасное лицо, утомленное безумствами любви. Девушка вытянулась рядом, длинноногая, стройная, и сквозь полуопущенные ресницы ярко светились ее фиалковые глаза. Эрленд погладил ее кожу, шелковистую и прохладную, он погладил очень тихо, и Хайделинда ответила благодарной улыбкой. Аргосцу почудилось, что сейчас он сойдет с ума от охватившего его счастья…

* * *

Утром они поднялись, как только забрезжил рассвет. Им хотелось быстрее покинуть и этот дом, и Бельверус, поэтому, когда Барх с тремя остальными наемниками подскакал к крыльцу, Хайделинда и Эрленд уже ждали их. Кавалькада всадников промчалась по еще пустынным улицам города, и вскоре они ехали по дороге, ведущей к Хельсингеру.

Варвару так быстро управиться не удалось. Пока он нашел подходящую повозку, запряженную двойкой пегих, смирных лошадок, пока наконец не сошелся в цене с многословным и хитроватым офирцем, ее хозяином, прошло много времени.

Он вернулся в таверну и, улучив время, когда ее двор опустел, вынес мешок с находящимся внутри связанным колдуном, благодаря богов, что Краутвурст был мужчиной среднего роста, а не таким, как хозяин «Благородного немедийца». Затем ему пришлось съездить на рынок, чтобы купить несколько мешков тряпья, которые он забросил в повозку. Уплатив подать, скромный торговец выехал через северные ворота столицы, и лошадки

неторопливо затрусили по пыльной ухабистой дороге.

Отъехав пару лиг, Конан остановил лошадей и, разыскав мешок с колдуном, развязал его. Краутвурст еле дышал, полузадушенный кляпом.

— Ну что, шакал, обещаешь не подавать голос? — Киммериец выдернул кляп у него изо рта.

— Обещаю, — еле шевеля языком, просипел колдун.

— Смотри у меня, сиди тихо. — Варвар вновь завязал мешок и взобрался на козлы. — Но, пошли! — прикрикнул он на своих пегих.

Те послушно зашагали дальше, а киммериец, поминая Нергала, прикидывал, сколько же дней ему придется так тащиться до Сюндбю. Выходило никак не меньше десяти. Но дело того стоило, решил варвар, если этот мерзавец Краутвурст, конечно, не врет и у него есть доказательства вины герцога.

* * *

Хайделинда ничего не рассказала Эрленду про разговор с бароном. Она решила по приезде в Хельсингер сначала немного подождать и взглянуть, как все сложится. Может быть, поговорить с матерью, а уж потом, в зависимости от результата, посоветоваться с Эрлендом. Кто знает, что на уме у Амальрика? Не исключено, что он это все придумал с какой-то целью. Хайделинде с трудом верилось, что ее дядя — убийца своего брата.

Она, по правде говоря, обращала мало внимания на отношения отца и дяди, но не могла припомнить какого-нибудь случая, который обнаружил бы их взаимную неприязнь или же показал стремление Бьергюльфа завладеть герцогством.

Нет, сколько она ни рылась в своей памяти, дядя представлялся ей человеком, которого больше всего на свете интересовали охота, пиры и прочие удовольствия. В ее голове не укладывалось, что этот шумный, веселый и жизнелюбивый мужчина мог опуститься до такого подлого преступления.

Светлые дубовые рощи постепенно уступали место молчаливым хвойным лесам, знакомым и таким милым ее сердцу. Возникавшие среди золотистых сосен и угрюмых елей лесные опушки со стоящими, как привратники у ворот, стайками плакучих берез и раскидистых ив, или рассекавшие леса поля и луга, окаймленные синей стеной далеких деревьев, указывали: дом становился все ближе.

Но она этого почти не замечала. Рядом с ней был Эрленд, и сейчас все ее существо было занято только им. В пути они вели бесконечные разговоры обо всем, что накопилось у них за годы разлуки и чем хотелось поделиться с близким человеком. Хайделинда поведала о своей жизни в монастыре, о том, как тоскливо и одиноко там было. Одну только тему влюбленные старались не поднимать — как сложится их дальнейшая жизнь.

Хайделинда не затрагивала ее потому, что боялась выдать страшную тайну, которую узнала от барона Амальрика, а Эрленд по той же причине не вспоминал о том, что скоро им придется жить в замке Хельсингер. Иногда, заговорившись, кто-то забывался, и вдруг произносилось слово «Хельсингер» или имя кого-нибудь из обитателей замка. Тогда между ними внезапно воцарялось молчание, и молодые люди некоторое время ехали, избегая

глядеть друг на друга, пока кто-нибудь вновь не начинал разговор.

Так они путешествовали несколько дней от одного городка к другому, и дневная дорога казалась им слишком длинной, потому что оба с нетерпением ждали момента, когда займут свои комнаты в постоялом дворе и Эрленд сможет украдкой прийти к ней, и тогда уже не будет нужно слов — только глаза, губы и руки. Хайделинда отдавала любимому всю себя с пылом и раскованностью выпущенного на свободу долго сдерживаемого чувства.

Глава тринадцатая

— Ну как ты там? — осведомился варвар, подходя к груде мешков на повозке. — Жив?

— Жив, — раздалось изнутри, — и есть хочу.

— Мы остановились у трактира, — ответил киммериец, — сейчас пойду пообедаю, а после и тебе чего-нибудь принесу. Обещаешь сидеть тихо?

— Обещаю…

Варвар направился к таверне, приглядываясь, нет ли вокруг чего подозрительного. Все было спокойно. Тихий и аккуратный немедийский городок с непременным храмом Митры на главной площади жил своей обычной жизнью. Несколько повозок стояли около постоялого двора, а чуть в стороне освобожденные от упряжи лошади медленно жевали корм, устало отмахиваясь от надоедливых мух. Конечно, следовало бы заткнуть колдуну рот кляпом, но те несколько дней, что они ехали, Краутвурст вел себя вполне смирно. Варвар сел за длинный стол и, кивнув подавальщику, потребовал еды. Мясо, которое подал хмурый и неразговорчивый человек, было жестковатым, но пиво — отлично сваренным и свежим. Конан быстро управился с едой и, завернув в тряпицу кусок мяса и лепешку для своего пленника, вышел на крыльцо, щурясь от лучей заходящего солнца, бивших прямо в глаза. Он повернул голову в сторону, где поставил свою повозку, и в это же мгновение почувствовал, что ему в бок упирается острие копья. Киммериец мгновенно отпрянул, но с другой стороны почувствовал то же самое.

— Вот он! — раздался голос, и из-за угла выскочили еще несколько вооруженных мечами и алебардами человек.

Варвар оценил обстановку и решил, что лучше не двигаться, ведь державшие копья люди проткнут его, как куренка, раньше, чем он сделает малейшую попытку выхватить меч. Крепкий рыжебородый человек со знаками офицерского отличия направился к варвару и, предусмотрительно встав в трех шагах, объявил:

— Ты арестован. Отдай оружие.

Подоспевшие вместе с ним еще несколько солдат направили острия своих алебард прямо в грудь Конана. Тому ничего не оставалось, как отстегнуть ножны и бросить оружие на землю.

— Отведите их в караульную и заприте! — распорядился рыжебородый. — Завтра решим, что с ними делать.

— Ты хоть скажи, почему меня схватили? — спросил варвар, хотя уже начинал догадываться, в чем дело.

— Он еще спрашивает! — подтвердил его догадку офицер. — Разве похищение почтенного торговца не основание, чтобы судья разобрался с тобой по всей строгости?

За спинами солдат Конан заметил усмехающегося Краутвурста. «Нергал мне в кишки! — выругался про себя варвар. — Надо было зарезать этого шакала еще в Бельверусе! Еще и шапку мою напялил, гад, — он увидел на колдуне шапчонку, которую купил, чтобы больше походить на торговца. — Влип я с этими доказательствами! — ругал он себя. — Теперь вот надо думать, как спасти собственную шкуру».

Конечно, киммериец мог сказать офицеру, что лысый ублюдок вовсе и не купец, каким себя выставляет, но вряд ли бы это помогло. В любом случае его самого никто не собирается отпускать до завтра, а пока и колдун находится под арестом, есть время что-нибудь придумать. Вздохнув, варвар позволил отвести себя в подвал длинного каменного здания рядом с храмом. Лязгнул засов кованой двери, и Конан остался один в крошечной камере с узкой щелью вместо окна и ворохом слежавшейся соломы на полу. Цепей на руки и на ноги ему не надели, и это вселяло некоторую надежду на будущее.

За свою жизнь киммериец столько раз сидел за решеткой, что очередной арест не выглядел в его глазах сверхнеобычным происшествием. Если избрал подобный образ жизни, будь готов, что соломенная подстилка подземелья будет частенько заменять мягкие перины постоялого двора или ночлег у костра под пологом леса. Важно, чтобы на этой подстилке не застрять надолго или, что еще хуже, не отправиться на плаху — а таким образом могло закончиться почти каждое заключение. Когда-то киммерийцу удалось избежать уже наброшенной на шею петли.

Конан почесал шею, вспоминая Зингару и удачно подвернувшегося товарища по несчастью. Если бы не один из вождей заговорщиков Сантидио, которого собирались повесить одновременно с варваром, то сейчас было бы некому предаваться воспоминаниям.

«Завтра, если не удастся вырваться отсюда, — размышлял Конан, — меня и колдуна поведут к судье. Скорее всего, ни один из нас не сможет ничего доказать. Тогда обоих оставят в тюрьме до тех пор, пока не выяснят, кто мы такие. А стоит рассказать правду об этом шакале, нас непременно потащат в Бельверус для допроса в застенках Золотых Леопардов. Дело может оказаться очень громким, я в его водоворот затянется столько народу, что вряд ли и мне самому удастся уцелеть».

Киммериец сомневался, что Краутвурст сможет использовать свое колдовское умение и сбежать. Он тщательно обыскал его и не оставил никаких амулетов, а без помощи заговоренных предметов не всякий маг сумеет что-либо предпринять.

«Интересно, куда посадили этого ублюдка? — поду, мал варвар. — В таком маленьком городке не может быть двух тюрем. Значит, он где-то рядом».

Конан подошел к двери и тщательно ощупал ее. Неплохая работа! Даже могучие мускулы киммерийца ничего не смогут сделать с этой дубовой, окованной железными полосами преградой. Скудного ночного света, пробивавшегося сквозь щель, вполне хватало для того, чтобы осмотреть каменную кладку — глаза варвара видели в темноте не хуже, чем у кошки. Все было сделано крепко и надежно, с немедийским тщанием и аккуратностью: плиты основательно пригнаны друг к другу, а между ними нет и намека на малейшую щель.

«Чтоб вас Нергал сожрал! — выругал Конан ни в чем не повинных строителей дома, — Экие старательные попались! Ну, видно, судьба такая — придется переночевать здесь».

Он подоткнул солому поудобнее и, завернувшись в плащ, заснул спокойным и крепким сном. Если не остается ничего другого, имеет смысл как следует выспаться.

* * *

Наутро киммерийца разбудил грохот топочущих ног, крики, лязг засовов. Он сел и с хрустом потянулся, разминая мускулы после сна. В камере было уже достаточно светло. Варвар подошел к двери и, приложив к ней ухо, попытался разобраться, что же вызвало переполох. Толстая створка заглушала звуки, и, кроме шума, варвару ничего не удалось расслышать. На улице тоже раздавались крики и звон железа. Конан подпрыгнул и. ухватившись за край кладки, подтянулся на руках к узкому оконцу.

К его разочарованию, он увидел только камня мостовой и пробежавшие по ним ноги, обутые в подкованные железом сапоги. С сожалением вздохнув, киммериец спрыгнул вниз и стал ждать, поскольку ничего другого не оставалось.

Ожидание не затянулось. Скоро он услышал лязг засова. Дверь заскрипела, открываясь.

— Выходи! — грубо приказал стражник.

Варвар вышел. Трое солдат повели его наверх, подталкивая в спину концами алебард, и втолкнули в помещение, где за столом сидел плюгавый человечек в черном бархатном камзоле и шляпе с пером. Человечек что-то писал в большом фолианте и, заметив киммерийца, поднял голову.

— Пусть посидит, — указал он солдатам на скамью, стоявшую у стены.

«Судья», — решил варвар и сел, с любопытством оглядывая комнату.

Двое стражников встали по бокам от киммерийца, настороженно наблюдая за ним, готовые при малейшем подозрении пустить в ход оружие. Снаружи послышался грохот шагов, В комнату влетел рыжебородый офицер. Его лицо раскраснелось, как после долгого бега, он шумно дышал и вытирал лоб куском ткани необъятных размеров.

— Не нашли! — сообщил он плюгавому человечку. — Нигде нет, все обыскали. Как он сумел выйти через закрытую дверь?

«Похоже, я ошибался, — хмыкнул варвар. — Колдунишка-то слинял, по всей видимости».

— Во всем виноваты вы, лентяи! — заорал, приподнявшись из-за стола, человечек. — Пошли всадников, пусть ищут в округе! Он не мог далеко уйти.

«Хм! — усмехнулся про себя варвар. — Искала бабуля, где ветры задули!»

— Ты кто такой? — обратился к киммерийцу судья.

— Меня зовут Ниун, — Варвар не собирался называть свое настоящее имя, мало ли как дело сложится…

— Кто твой господин?

— Никто, — пожал плечами киммериец. — Я сам по себе, добываю пищу и кров тем, что нанимаюсь на службу к нобилям.

— Почему ты похитил почтенного человека и вез его в мешке?

— Нашли почтенного человека! — усмехнулся Конан, подмигивая судье, — Он такой же бродяга, как и я Нергал ему в печень! Проигрался мне в кости и сказал, что в Нумалии у него есть деньги, там он расплатится. Вот я и поехал с ним.

— Врешь! — закричал на него плюгавый, — В Нумалию ведет другая дорога.

— Я не местный, — скроив простодушную мину, ответил варвар, — заблудился, наверное.

— Ты мне лжешь! — стукнув кулаком по столу, снова заверещал плюгавый. — Придется отправить тебя в столицу, там с тобой разберутся.

Варвару в общем-то это и было нужно. Из местной тюрьмы убежать вряд ли удастся, а за три дня пути к столице случаев обмануть охрану может представиться сколько угодно.

— Твоя воля, почтеннейший, — усмехнулся он.

Глава четырнадцатая

К досаде киммерийца, рассчитывавшего, что руки просто свяжут, его повели к городскому кузнецу. Напевая себе под нос развеселенький мотивчик, мастер, будучи уже с утра под хмельком, расторопно заковал варвара в ручные и ножные цепи. Правда, Конан, пользуясь его и стражников беспечностью, сильно напряг мускулы на запястьях, пока кузнец надевал ему обручи.

Эта уловка позволила получить некоторую свободу Для рук. Самое главное, что он успел сделать в кузнице, — это, воспользовавшись тем, что стражник на мгновение отвернулся, стащить со стола кузнеца обломок стальной спицы. Варвар зажал железку между двух пальцев, а потом незаметно засунул себе за отворот сапога. Пригодится!

Варвара посадили на коня, замкнув цепь на ногах Конана под брюхом жеребца. Сопровождаемый тремя Солдатами, киммериец направился обратно по дороге, |Которая привела его в этот городишко. Судья приказал Стражникам не спускать глаз с арестанта и непременно Доставить в столицу, чтобы там в городской тюрьме с этим бродягой разобрались как следует, потому что вызывает он серьезные подозрения.

Они неспешной рысцой протрусили целый день, а на ночлег остановились на опушке леса у дороги. Конана сняли с лошади и, посадив спиной к дереву, завели руки за ствол и там вновь замкнули, не забыв и про ножные цепи. Варвар, прислонив голову к шершавой коре, с улыбкой наблюдал, как стражники развели костер а уселись вокруг огня за ужин, обильно сдабривая пищу вином. Улыбался он оттого, что успел незаметно для солдата, замыкавшего замок, выхватить железку, взятую в кузнице, и зажать ее в ладони. Еще в бытность свою в Шадизаре, куда он совсем юным отправился обучаться воровскому ремеслу, Конан прошел хорошую школу по открыванию отмычкой и не таких замков, как это примитивное изделие, державшее вместе два звена его цепи.

— Эй! — крикнул он солдатам. — А меня кормить что, не собираетесь?

— Пошел ты! — отмахнулся старший. — В Бельверусе тебя накормят, пес Нергалий!

— Плетьми! — с хохотом подхватил другой, и вся компания долго смеялась, утирая обильно катящиеся по щекам слезы.

Видимо, шутка им понравилась, чего нельзя было сказать о киммерийце, причем вовсе не из-за отсутствия у него чувства юмора.

«Вы у меня еще посмеетесь, — усмехнулся он про себя. — Дайте дождаться, пока стемнеет, тогда просто обхохочетесь».

Договорившись нести охрану по очереди, двое солдат улеглись спать, завернувшись в плащи, а третий остался сидеть у костра, подбрасывая в него хворост и иногда поглядывая на киммерийца. Конан делал вид, что дремлет, наблюдая за своим стражем сквозь полуприкрытые веки. А в это время пальцы его рук старались схватить железный обломок таким образом, чтобы попытаться вставить острый конец в скважину замка Вслепую, не видя того, что делаешь, выполнить задуманное было чрезвычайно трудно, но варвар упорно, обдирая кожу, раз за разом повторял свои попытки как можно дальше просунуть запястья сквозь обручи оков. Несколько раз он ронял спицу и, холодея от мысли, что потерял ее, шарил по траве за стволом. Наконец ему удалось вставить железку в отверстие замка. Осторожно, стараясь не выронить свое орудие, Конан постарался найти деталь, нажав на которую можно было высвободи, дужку замка. От напряжения на лбу у киммерийца выступил пот, который, стекая вниз, ел глаза. К счастью, стражник, оставленный караулить стоянку и арестанта, время от времени клевал носом. Когда его голова падала вниз, он вздрагивал и помутневшими глазами вглядывался в варвара, но убедившись, что все в порядке, вновь не мог противиться сну.

Киммериец, сцепив зубы и заставляя себя не торопиться, что было самым трудным, все крутил и крутил железку в скважине замка, поочередно подхватывая ее пальцами. Иногда от напряжения и неудобного положения его ладони сводила судорога, но варвар, терпеливо ждал, пока боль пройдет, и вновь начинал свое занятие. Сколько времени продолжались попытки, Конан не знал, но вдруг легкое движение под пальцами показало, что наконец он достиг успеха. Механизм поддался, и через мгновение варвар уже подцепил двумя указательными пальцами дужку замка и открыл ее. Дальше все было просто. Он сбросил замок со звеньев и потер освободившиеся руки. Конечно, на запястьях болтались обручи с отрезками цепей, но это мало волновало варвара. Теперь оставалось снять ножной замок, открыть который казалось делом одного мгновения. Но здесь киммерийцу не повезло. Как раз в это время стражник разбудил своего сменщика, и тот захотел взглянуть, хорошо ли замкнуты руки варвара. [— Иди ложись! — буркнул он своему товарищу, направляясь к сидящему спиной к стволу киммерийцу. Времени на раздумья не было. Когда солдат подошел совсем близко, варвар внезапно выпрямился и резким движением обеих рук ударил стражника по ушам. В голове у того разорвался на мелкие осколки ослепительный цветной шар, и стражник рухнул как подкошенный. Звон цепей, к несчастью, привлек внимание не успевшего улечься солдата. Он поднял голову и, увидев что произошло, вскочил на ноги и выхватил меч.

— Вставай! — гаркнул он третьему охраннику, бросаясь к варвару.

Киммериец нагнулся к упавшему солдату и выдернул у него из ножен меч. Изготовившись, он отбил выпад первого из нападавших. Тот отпрыгнул и, пользуясь тем, что ноги у варвара были все еще скованы цепью, быстро переместился в другую сторону. Конан отбил следующий его выпад и очень вовремя, потому что поднявшийся третий стражник бросился на него слева. Положение варвара было не из легких: со скованными ногами он не мог быстро передвигаться и с трудом отбивал атаки нападавших на него с двух сторон солдат. Если бы эти несчастные знали, кто сражается с ними, прижавшись спиной к стволу дерева! Они возблагодарили бы богов, что киммериец не может их догнать, и бежали бы во всю прыть, радуясь, что случай помог уцелеть.

Однако стражникам показалось, что скованный по ногам варвар будет легкой добычей, и одновременно бросились на него с двух сторон. Конан быстрым, как молния, движением,

отвел меч одного нападавшего, который пролетел мимо него, не удержавшись на ногах. Тут же, пригнувшись, киммериец мощным ударом выбил оружие из рук второго солдата и, не задерживая клинка вверху, резко рубанул по его руке. Взвыв, бедняга согнулся, схватившись за культю, а варвар, совершив длинный прыжок, очутился лицом к лицу со вторым. Тот, вместо того чтобы бежать сломя голову, славя богов за избавление, решился посоревноваться с киммерийцем в быстроте движений, однако после двух выпадов рухнул на землю с распоротым животом. Конан повернулся к другому солдату, который бросился на него, перехватив меч в левую руку. Несколько молниеносных движения — и меч со свистом рассек стражнику лицо. Звук хрустнувшей кости, шум падающего тела — и все было кончено.

Киммериец осмотрел поле боя, скудно освещенное догоравшим пламенем костра. Двое стражников лежали без движения, а третий, у которого был распорот живот, еще пытался подняться, зажимая рукой страшную рану. Кровь залила все пространство около него. Конан, проявив к несчастному жалость, отсек ему голову, прекратив напрасные мучения. Он присел на корягу, переводя дух, потом встал и, прыгая на двух ногах, как кузнечик, обшарил кошели и карманы бывших противников. Монеты он ссыпал в подобранный шлем одного из солдат. Денег оказалось немного, но на дорогу до Хельсингера, пожалуй, хватит. Варвар нашел ключ и наконец освободил ноги. Правда, на его лодыжках, как, впрочем, и на запястьях, еще были надеты железные обручи с обрывками цепей. Конан выбрал кинжал покрепче и, разогнув с его помощью звенья, окончательно освободил себя от оков. Теперь можно было подумать и о дальнейшем.

Прежде всего он осмотрел оружие и выбрал себе меч и два кинжала. Потом разжег костер поярче, чтобы осветить как можно дальше поляну, где была стоянка. Он стащил труды солдат и их амуницию подальше от Дороги и, нарубив лапника, тщательно прикрыл убитых. Подойдя к лошадям, варвар решил, что, пожалуй, заберет всех трех. В ближайшем городке — конечно, не в том, где его арестовали, — он их продаст, потому что лишних денег никогда не бывает.

Покончив с делами, он достал из дорожного мешка еду, которую солдаты отложили на завтрак, и с аппетитом принялся подкрепляться. Со вчерашнего вечера у него во рту не было ни крошки. Вино оказалось дешевым и кисловатым на вкус, но на сегодняшний день это было лучшее, на что можно было рассчитывать. Решив тронуться в путь с рассветом, варвар подбросил веток в костер и задумался, обхватив колени руками.

«Где искать Краутвурста? — эта мысль не давал покоя киммерийцу. — Скорее всего, колдун направится в Хельсингер, чтобы предупредить Бьергюльфа о том, что ему, Конану, известно, что именно произошло с герцогом Гюннюльфом. Что из этого следует? — задал варвар вопрос, и поскольку больше ответить было некому, то сам и вынес решение: — В Хельсингере мне появляться нельзя».

Но как же тогда он свяжется с Эрлендом? Варвар вдруг вспомнил, что, когда отряд ехал из Пуантена, он случайно услышал разговор Хайделинды с Эрлендом, Девушка вспоминала, как хорошо было гулять по лесам и полям, и они обязательно вновь будут путешествовать по окрестностям Хельсингера, когда вернутся.

«Что ж, — решил киммериец, — мне не привыкать жить в лесу. Несколько дней придется существовать, как дикому зверю, пока встречу их на прогулке. Другого выхода нет. Тогда и договоримся о том, как действовать дальше».

Мысли опять вернулись к колдуну. После того как маг побывает в замке, он должен вернуться в свое село. Очень хорошо. Пусть сидит там. Когда придет время, прохвоста можно

будет выследить и отправить гулять на Серые Равнины, где такому ублюдку самое место. Мерзавец заслужил это своими преступлениями, во-первых, и опасен для него, во-вторых.

Часть четвертая

НАЧАЛО

Глава первая

Подъемный мост медленно, позвякивая цепями, опустился вниз, и кавалькада въехала во двор замка. Сердце Хайделинды учащенно забилось еще раньше, когда вдали показались причудливые башни Хельсингера. Последний отрезок пути девушка провела в страшном нетерпении, ожидая встречи с родным домом, по которому так тосковала в далеком монастыре. Но, к ее удивлению, когда всадники остановились у пустынного крыльца, никто не вышел встречать возвратившуюся издалека молодую герцогиню. Лишь спрыгнув с коня, Хайделинда услышала скрип петель, дверь растворилась, и во двор выбежал запыхавшийся Гутторм.

— Госпожа! — воскликнул он, сгибаясь в поклоне. — С приездом в замок! Мы очень рады твоему возвращению домой! Если пожелаешь, то можешь сразу же пройти в свои комнаты, там все готово к твоему прибытию.

— А что же матушка и дядя? — спросила девушка, обнимая Гутторма. — Неужели они в отъезде?

— Вестей от Эрленда не было, и мне только-только сообщили о твоем приезде. Дозорные на башне, наверное, проспали. Я их примерно накажу, лентяев! — Гутторм погрозил стражникам поднятым вверх кулаком. — А матушка я дядя сейчас в парной.

— В парной? Что это такое? — удивилась Хайделинда.

— Я тебе не рассказал, — вмешался Эрленд, подходя к ним. — Герцог Бьергюльф вывез это развлечение из Бритунии. Парная — такое небольшое натопленное помещение, где моются и бьют себя при этом вениками из веток. Герцог и герцогиня очень это любят и бывают там чуть ли не каждый день.

— Да? По крайней мере это говорит об их чистоплотности, — протянула Хайделинда, которую несколько разочаровала встреча с родным замком. — Ну что ж, тогда увижусь с ними попозже. — Она прошла в замок и направилась по длинной галерее к своим комнатам.

Из бокового коридора выбежала девушка примерно одних лет с молодой герцогиней и с криком радости бросилась ей на шею.

— Хайделинда! Наконец-то ты приехала! Я так скучала без тебя!

— Сюннива! — обрадовалась герцогиня, обнимая подругу. — Я тоже очень рада тебя

видеть. Ты стала настоящей красавицей!

— Ну с тобой мне все равно никогда не сравниться, — засмеялась Сюннива.

Она отошла на шаг, любуясь молодой герцогиней. Хайделинда с улыбкой смотрела на нее, искренне радуясь встрече.

— Сюннива, — подошел к девушкам Эрленд, — герцогиня уже передала тебе привет от брата?

— Нет, — спохватилась та. — Я так обрадовались встрече, что обо всем забыла. Ивар, — обратилась она к подруге, — стал таким важным человеком в столице, ты и представить себе не можешь.

— Кем же стал мой легкомысленный братец? — усмехнулась Сюннива. — Сведения из столицы доходят до нас не скоро.

— Он теперь оруженосец короля Нимеда, — сделав серьезную мину, ответил аргосец.

— Что ты говоришь? — всплеснула руками девушка. — Ты уже сказал об этом отцу?

— Нет, — смущенно развел руками Эрленд, — как-то не пришлось к слову, да мы и виделись всего миг, он сразу же убежал куда-то по делам.

— Надо же. — Дочь управляющего никак не могла прийти в себя от удивления. — Никогда бы не подумала, что брат может занять такое положение при дворе.

— Это еще не самая главная новость, — таинственно понизил голос Эрленд.

— А что же? — испуганно поглядела на него Сюннива.

— Хайделинда провела целый вечер, беседуя с королем Нимедом, — предвкушая впечатление, произведенное на собеседницу, торжественно провозгласил аргосец.

— Да что ты говоришь?! — прижала руки к груди девушка, восхищенно глядя на подругу.

— Слушай его больше, — смутившись, отмахнулась Хайделинда. — Просто я была на приеме у короля, я он удостоил меня личной беседы. Признаться, я почти и не слушала разговоры этих старцев.

— Старцев? — поддразнил ее Эрленд. — Этими старцами были: король Нимед, принц Тараск и Верховный Жрец Фринаус, — объяснил он Сюнниве, — Правда, был еще кто-то, ты рассказывала, но я не помню, — снова повернулся он к герцогине, — который еще заснул?

— А, граф Гвендер? — засмеялась девушка, — Ну, он совсем старенький, из него уже песок сыплется. Но, конечно, во дворце было на что посмотреть. — Она подхватила подругу под локоть, и они медленно пошли вдоль галереи.

«Девушкам есть о чем поговорить и без меня», — улыбнулся про себя Эрленд, глядя вслед Хайделинде и не в силах отвести от нее глаз.

Девушка, почувствовав его взгляд, обернулась и, дразня, провела по губам кончиком языка, отчего Эрленда пронизала сладкая дрожь.

— Увидимся вечером! — промурлыкала герцогиня, бросив ему на прощание нежный взгляд фиалковых Глаз.

Эрленд стоял, захлестнутый чувством такого счастья, что, казалось, его душа просто не вынесет подобного состояния и разорвется от любви к Хайделинде. Девушки, щебеча и смеясь, удалились, а молодой человек еще долго стоял в галерее, облокотившись на подоконник, пока подбежавший слуга не окликнул его:

— Господин! Герцог желает с тобой поговорить!

«Нергал ему в кишки! — вспомнил Эрленд любимое ругательство Конана. — Я совсем забыл о нем. Надо пойти доложиться».

* * *

Красное, распаренное лицо Бьергюльфа излучало полное довольство жизнью, но Эрленд, войдя в комнату, пришел к выводу, что герцог чем-то встревожен, хотя и не хочет показать это.

— Как доехали? Что слышно в столице? — Герцог кивком головы пригласил Эрленда присесть и собственноручно налил ему кружку пенистого темного пива.

Эрленд коротко рассказал о поездке, не упоминая, разумеется, о нападении чудовища на границе с Аквилонией. Бьергюльф внимательно выслушал и довольно хохотнул, приняв привет от барона Амальрика. Особенно герцога заинтересовало пребывание Хайделинды в королевском дворце, но Эрленд, сославшись на свое отсутствие на приеме, отвечал односложными фразами.

— Нет, ты мне скажи, — упорствовал Бьергюльф, — король вспоминал о нашем герцогстве и обо мне?

— Месьор, — Эрленд развел руками, — спросите молодую герцогиню. Она там была, а я знаю все только с ее слов.

— Ты доволен наемниками, что сопровождали вас?

— Вполне.

— Я хотел бы поговорить с их предводителем, — сказал герцог, — как его имя? Забыл что-то.

— Его зовут Конан, — напомнил аргосец. — Он сослался на неотложные дела в Бельверусе и остался в столице на несколько дней.

— Хорошо… — задумался герцог. — Как приедет, сразу пришли его. Нет! — поправился он. — Лучше сразу же сообщи мне. Я сам его позову.

— Понял, месьор.

— Нет! — опять передумал Бьергюльф. — Распорядись, чтобы стражники на башнях смотрели в оба и сразу же сообщили тебе, нет, лучше прямо мне, когда увидят его приближение.

— Хорошо, месьор. — Эрленд старался не показать удивления столь преувеличенным вниманием герцога к простому наемнику-варвару.

«Интересно, в чем же дело? — подумал он. — Не грозит ли киммерийцу опасность? Или это начинает говорить нечистая совесть Бьергюльфа?»

Он вышел от герцога убежденный, что проявленный к его другу интерес не простое любопытство. Что-то за ним стоит. Но что?

Глава вторая

Эрленд был прав в своих подозрениях. Вчерашний приезд Краутвурста в замок не на шутку встревожил герцога. Весть колдуна о том, что варвару известно, как погиб

предыдущий герцог Хельсингерский, заставила Бьергюльфа глубоко задуматься. «Теперь еще один знает, как все произошло на самом деле. Не исключено, что и ведьмы могли о чем-то проговориться. Но Амальрик — мой друг, — утешал себя герцог. — Он сам допрашивал колдуний и, конечно, рассказал бы мне, если что…»

Поговорив с Эрлендом, Бьергюльф расстроился еще больше. Этот проклятый киммериец болтается невесть где и вполне может брякнуть лишнее просто так или пустить слух по пьянке. Пойдет молва, недолго — и заинтересуется какой-нибудь интриган. Тогда положение может стать очень опасным. Герцог хмуро катал пустой бокал по столу, обдумывая возможные продолжения этой истории. «Надо, пока не поздно, — решил он, — убрать варвара с белого света, тогда можно будет вздохнуть спокойнее, А может быть, и Краутвурста? — мелькнула мысль. — Тогда вообще исчезнут все концы. — Бьергюльф почесал переносицу, обдумывая новый поворот дела, — Нет! Пока колдун мне необходим. Мало ли что. Кто знает, как может все повернуться? Маг, преданный тебе и повязанный, кроме того, смертью Гюннюльфа, еще пригодится. Где я найду другого?»

Теперь дело было за малым: когда появится киммериец, уничтожить его, но сделать это тихо, не поднимая никакого шума. Либо нож в спину, либо — это даже, пожалуй, лучше — отравить. Вот для этого и понадобится Краутвурст.

Разрешив мучившие его вопросы, герцог повеселел. Он вообще не любил слишком задумываться о делах, предоставляя, когда была такая возможность, отдавать решение различных проблем другим. Однако дело принимало серьезный оборот и требовало, чтобы он сам принял решение. Теперь, когда он вроде все продумал и оставалось только исполнить, Бьергюльф вновь обрел устойчивость духа и жажду удовольствий. Он велел кликнуть к себе Гутторма и отдал распоряжение о подготовке праздничного ужина в честь приезда Хайделинды.

— Смотри, все должно быть в лучшем виде, — предупредил он управляющего. — Все-таки для Гунхильды возвращение дочери — большая радость. Да и для меня тоже, — добавил герцог, хотя за время отсутствия молодой герцогини вряд ли вспомнил о ее существовании более трех-четырех раз, — больше всего на свете Бьергюльф был поглощен собственной персоной и удовлетворением своих потребностей. Однако он с первого взгляда оценил редкостную красоту Хайделинды. А красивых женщин Бьергюльф любил.

Да, герцог любил хорошо поесть, вдоволь выпить вина или пива, охотиться, проводить время в веселье — но, похоже, больше всего Бьергюльф любил все-таки женщин. За неполные два года, что был он владетелем Хельсингера, в подвластных селениях уже хорошо знали его пристрастие к молоденьким девушкам, и когда хозяин навещал своих подданных, то первое время все старались спрятать своих дочерей подальше. Бьергюльф предпочитал сам отбирать служанок в замок, делал это с большой охотой и со знанием дела. Вырвавшись из-под бдительного ока Гунхильды, ревниво — и не без оснований — относившейся к его отлучкам из супружеских покоев, он расходился вовсю. Бьергюльф, как коршун, налетающий на стаю кур, неожиданно появлялся в деревне, и сопровождавшие его солдаты тащили со всех дворов не успевших скрыться молодых женщин в какое-нибудь заранее выбранное место. Обычно это было деревенское гумно или сеновал, где герцог учинял всем женщинам осмотр и заставлял их делать во время оного такое, что не каждая решалась потом поведать об этом остальным. Выбрав трех-четырех понравившихся ему селянок, герцог направлялся дальше, и если жители этой деревни не успевали предупредить соседей, то он повторял свои действия и там. Если же, приехав в село, находил только мужчин и старух, то не выказывал особого

расстройства.

— Запиши эту деревню, — кивал он Гутторму. — Работников здесь много, а едоков мало. Видишь, женщин почти нет, только мужчины. Значит, податей с них можно брать побольше.

Таким образом крестьяне оказывались в проигрыше и, поразмыслив, в следующий раз сами приводили своих дочерей на смотрины герцога. В конце концов, так ли уж много теряли их дочери? Особой жестокостью или злобой Бьергюльф не отличался, да и жадным не был. Каждый раз, когда герцог возвращался с пополнением, Гунхильда выговаривала ему, что столько служанок в замке не требуется.

— Ты права, герцогиня, — обнимая жену, соглашался он и отсылал прежних служанок обратно в деревни, оставляя новеньких: что вполне его устраивало, поскольку Бьергюльфа всегда привлекала новизна ощущений.

Это занятие он называл летней охотой, в отличие от других сезонов, когда охотился на зверя и птицу.

* * *

— Пожалуйста, госпожа, — просунулось в полуоткрытую дверь улыбающееся лицо служанки, — ванна готова.

Сбросив пропыленную дорожную одежду, Хайделинда погрузилась в теплую, настоянную на душистых травах воду, с наслаждением ощущая нежное прикосновение ароматной жидкости. Девушки, намылив мохнатые мягкие платки, принялись тереть ее спину, грудь, ноги, навевая воспоминания о монастырском бассейне, когда подруги так же касались ее тела во время купания. Молодая герцогиня покорно отдалась рукам проворных служанок, наслаждаясь теплом и покоем, стараясь ни о чем не думать. Когда ее вымыли, Хайделинда еще некоторое время понежилась в ванне, задумчиво играя с пенным покрывалом. Она была несколько раздосадована встречей с матерью, которая отнеслась к ней так, словно они расстались вчера и не было двух долгих лет пребывания в монастыре. Мать выглядела веселой и доброжелательной, но Хайделинда не почувствовала, что она особенно рада встрече с дочерью. Видимо, своя собственная жизнь занимала герцогиню намного больше. Купание успокоило девушку и заставило посмотреть на происшедшее более спокойно. Когда она встала, служанки, окатив ее чистой водой, набросили на плечи большую мохнатую простыню. Хайделинда присела на широкую деревянную лавку, и девушки высушили полотенцами и расчесали костяным гребнем ее роскошные пепельные волосы, наперебой восхищаясь их красотой. Они щебетали, как птицы, ловко и нежно растирая ее тело, потом умастили кожу благовонными маслами, и Хайделинда, отпустив их, легла навзничь на скамью, подложив руки под голову наслаждаясь ощущением чистоты и свежести, окутавшим ее тело.

Прошло какое-то время, и одна из служанок, заглянув в покои, смущенно произнесла:

— Госпожа, я принесла платье, но мне кажется, что оно тебе мало.

Боги! Она была настолько поглощена своими мыслями, что совершенно забыла, что, кроме дорожной одежды, у нее ничего нет. Совсем ничего! Хайделинда вскочила с лавки и

попыталась натянуть свое старое платье, которое носила в пятнадцать лет. Служанка оказалась права, оно совершенно ей не годилось. За время пребывания в Соважоне она не располнела, нет! Просто тело девушки налилось силой, округлилось в груди и бедрах, и старая материя затрещала по швам, когда она с трудом втиснулась в платье и попыталась поднять руки.

— Нет! Совсем не подходит, — растерянно сказала Хайделинда. — А еще какие-нибудь платья остались?

— Вся твоя одежда в сохранности. Мы выбрали это платье, потому что оно самое красивое.

— Неси остальные. — Хайделинда вспомнила, как обошлась с платьем, сшитым в доме у Ивара, и невольно рассмеялась.

Девушки принесли ворох платьев, и Хайделинда, примеряя одно за другим, быстро убедилась, что ей действительно нечего надеть. Конечно, девушке не пришлось бы ходить голой, потому что женщин в замке много и чье-нибудь платье наверняка подойдет, но не носить же ей одежду простолюдинки, как она вынуждена была поначалу сделать в доме Ивара! Сорочки еще куда ни шло, но ни одно из старых платьев не подходило.

Хайделинда, перемерив все, наконец остановила выбор на широкой юбке, которую она обычно носила, схватив на талии тонким кожаным пояском. Но не идти же на ужин в рубашке! Конечно, можно было взять что-то у матери, но Хайделинде не хотелось идти к ней. Однако следовало поскорей найти выход из неловкого положения. Не исключено, что у герцога будут гости, поскольку он всегда старался иметь за столом собутыльника, а еще лучше — двух-трех.

— Хайделинда! — В покои вошла Сюннива. — Я узнала, что у тебя не все в порядке с одеждой. Может быть, подойдет какое-нибудь из моих платьев?

— Как я не подумала? — воскликнула обрадованная герцогиня. — Мы же с тобой одного роста, и в груди, — она подошла поближе к подруге, — почти одинаковы.

— Ну вообще-то не совсем, — Сюннива задержала взгляд на груди Хайделинды, — но что-нибудь придумаем. Пойдем со мной, — кивнула она служанке.

Вскоре они вернулись. Через руку служанки был перекинут ворох ярких одежд.

— Посмотри, — Сюннива разложила платья на лавке. — Совсем недавно сшили по последней бельверусской моде. Отпусти их, — она кивнула на служанок, — справимся сами.

Хайделинде сразу же приглянулось красивое серовато-жемчужное платье с глубоким вырезом, расшитым по краю маленькими черными розочками.

— Почти такое же я видела у одной дамы на приеме у короля, — сказала она. — Я совершенно отвыкла Бот красивых платьев, — вздохнув, повернулась она к подруге, — в монастыре нам не разрешалось носить ничего, кроме мерзких шафрановых ряс.

— Это самый модный сейчас покрой, — заверила ее Сюннива.

Хайделинда с удовольствием примеряла одно за другим платья, принесенные Сюннивой. — Как ты думаешь, вот это мне идет? — спрашивала она у подруги, поворачиваясь перед зеркалом, желая осмотреть себя со всех сторон.

— Нет, — возражала та, — цвет не совсем твой. То, первое, лучше всех.

Хайделинда скинула платье, оставшись совершенно I обнаженной, и подошла к лавке, задумчиво глядя на груду одежды. Внезапно она почувствовала, как Сюннива, обняв ее сзади за плечи, легко проводит рукой по ее телу от подмышки до бедра, чуть замедлив движение на талии и мягко сжав пальцам кожу на животе. Хайделинда повернула голову и встретилась

взглядом с полузакрытыми глазами подруги, которые смотрели на нее с нежным и мечтательным выражением.

— Какая у тебя гладкая кожа, — прошептала Сюннива, не отпуская своих рук, сжимавших бедра девушки.

Прикосновение пальцев Сюннивы заставили тело Хайделинды покрыться мурашками. Она не знала, как поступить. Смущения девушка не испытывала, потому что в монастыре, когда она купалась с подругами, послушницы часто ласкали друг друга, если воспитательницы на некоторое время оставляли их одних. Однако теперь, когда она познала близость с мужчиной, прикосновения женщины не вызывали в ней того сладостного возбуждения, не раз испытанного раньше. Герцогиня попыталась мягко отстраниться, но Сюннива не отпускала ее и продолжала гладить по животу, потом руки поднялись к груди.

Хайделинда чувствовала на своем плече учащенное дыхание, в то время как руки подруги, обхватив груди девушки, приподнимали их, сжимая соски. Лицо Хайделинды вспыхнуло, и она напряглась, чтобы вырваться, но в это время в комнату вбежала служанка, неся сорочки, за которыми ее послали. Сюннива, чуть помедлив, все-таки отстранилась, отпустив Хайделинду. Обе девушки с трудом перевели дух. Герцогиня в смущении подняла глаза на служанку: заметила ли та, что происходило? Прислужница спокойно смотрела на свою госпожу — в невозмутимом взгляде невозможно было ничего прочесть.

— Вот, надень, — тихо прошептала Сюннива, подавая герцогине легкую сорочку из кхитайского шелка. — Это самая лучшая.

Хайделинда поспешно накинула на себя рубашку, чтобы прикрыть тело от взгляда подруги. Она испытывала двойственное ощущение. Нельзя сказать, что ласки Сюннивы были ей неприятны, и в то же время она ощущала почти отвращение от того, что ее тело готово ответить на них. Если раньше, в монастыре, она воспринимала это как невинную игру, то теперь она испугалась возбуждения, рожденного объятиями Сюннивы. Хайделинда быстро надела серое платье с вышивкой и повернулась к подруге:

— Хорошо?

— Да, — ответила Сюннива, — ты в нем выглядишь прекрасно, хотя мои одежды не достойны герцогини.

Она быстро пришла в себя после охватившего ее возбуждения и смотрела на стоявшую перед ней Хайделинду так, как будто ничего и не произошло. Лишь в глубине глаз поблескивал затаенный огонек желания.

— Ну что ты? — засмеялась Хайделинда. — Я же говорила тебе, что точно такое же платье видела на какой-то графине. После Соважона мне нравилось любое платье, но только не шафранового цвета. Вообще-то, — она замялась, — мне твой брат уже подарил шикарное платье, но я оставила его в Бельверусе.

Сюннива улыбнулась, потом обе девушки рассмеялись, и сковывавшая их неловкость исчезла. Они вновь, как ни в чем не бывало заговорили о нарядах, королевском приеме, столичной жизни и обо всем, что может служить темой беседы двух давно не видевшихся подружек.

Глава третья

Когда Хайделинда вместе с Сюннивой вошли в зал, ее мать и Бьергюльф уже сидели за длинным столом в алькове напротив входа и о чем-то оживленно беседовали с крепким человеком с рыжеватыми волосами и короткой курчавой бородой, обрамлявшей румяные круглые щеки. Это был их ближайший сосед и частый гость, граф Хольгер, владелец Ормхагена.

Здоровяк хохотал, слушая герцога, и по лицам всех троих было видно, что общение доставляет им истинное удовольствие. Гутторм, сидевший слева от герцогини, не участвовал в беседе и смотрел перед собой, о чем-то задумавшись.

— Ха! Наша дочь! — заорал Бьергюльф, увидев входящих девушек. — С приездом, — Он чуть привстал и, помахав ей рукой, крикнул музыкантам: — Давай, погромче!

Цимбалисты рванули струны инструментов, и грянул марш, долженствующий, по мнению герцога, достой но отметить возвращение Хайделинды в родной замок, Герцог и Хольгер, размахивая кружками, запели, стараясь попасть в такт мелодии, что, правда, получалось не очень ловко. Оба были изрядно навеселе.

— Что вы там так долго? — спросила Гунхильда, указывая дочери на место рядом с собой. — Мы уже заждались.

Хайделинда, несколько ошарашенная шумом, приветствовала гостя, а потом заняла свое место и оглядела зал, который ничуть не изменился за эти годы. Гимн в честь возвращения Хайделинды герцог и Хольгер с последним тактом закончили слаженным ударом кружек о стол.

— Ого! — Герцог повернулся к Хайделинде. — Ты стала совсем похожа на мать, а она у нас красавица. — Он полуобнял Гунхильду. — Как тебе нравится дома?

— Я еще не успела ничего увидеть и тем более почувствовать, — ответила молодая герцогиня. — Я же только-только приехала.

— Ну, это дело времени. — Бьергюльф не сводил с нее глаз. — Но ты уже совсем взрослая, — ощупывая взглядом ее фигуру, продолжал он, — надо будет подумать о твоем будущем. Так ведь, Гунхильда?

Мать, заметившая неподдельный интерес супруга к Дочери, сухо ответила:

— Это можно обсудить и потом.

— Да, она права, — подмигнул Хайделинде Бьергюльф, — времени у нас будет достаточно. Расскажи лучше, как прошел прием у короля?

Хайделинда поняла, что ее жизнь здесь мало интересует кого-либо, тем более ее дядю. Она два года пробыла вдали от дома, но никто не удосужился поинтересоваться тем, как ей жилось. Хорошо было или нет — Прошлое девушки обитателей замка не волновало ни в малейшей степени. Вот прием у Нимеда — дело другое. Это им интересно. Ей же было интересно узнать, где Эрленд и почему его нет вместе со всеми. Она не видела аргосца с момента приезда, и девушке казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как они расстались.

— Ну, как там было? — повторил свой вопрос Бьергюльф, видя, что девушка молчит.

— Король принял меня очень тепло, — ответила Хайделинда. — Он сказал, что я могу всегда рассчитывать на его поддержку.

— На поддержку? — переспросил Бьергюльф. — А какая поддержка тебе нужна? Ты не сирота, слава богам.

— Не знаю, что он имел в виду, но он так сказал, — ответила девушка.

— Да? — тупо повторил герцог. — А что он говорил про нас?

— Про тебя, дядя, он не говорил ничего, — не сдержав в голосе мстительной нотки, произнесла молодая герцогиня. — Он вспоминал дедушку Хайнриха и моего отца.

— Вот как? — По лицу герцога стало видно, что это сообщение слегка расстроило его и могло поставить в неловкое положение в глазах гостя. Он взглянул на Хольгера, но тот ничего не слышал, поскольку увлеченно беседовал с управляющим. — У короля много дел, поэтому он и не успел поговорить о нашем Хельсингере, — вышел из положения Бьергюльф и, потеряв интерес к беседе, умолк.

Впрочем, Бьергюльф унывать не любил — в особенности за столом, уставленном яствами и множеством напитков. Скоро они с Хольгером вновь потребовали музыки и, похлопывая друг друга по плечу, затянули новую песню. Хайделинда, отвыкшая от шумных празднеств, поморщилась, глядя на герцога и его собутыльника. Она повернулась к Сюнниве, которая тоже не очень любила такие пиры и сидела, равнодушно оглядывая зал.

— Ты не видела Эрленда? — спросила Хайделинда, стараясь придать своему голосу как можно больше безразличия.

— Перед тем как я пришла к тебе, он встретился мне во дворе. Похоже, собирался куда-то. Лошадь стояла под седлом.

— Да? — погрустнев, переспросила Хайделинда. — Он мне ничего не говорил.

Сюннива внимательно посмотрела на подругу:

— Что это ты так беспокоишься о нем? Теперь тебе наставник ни к чему.

— Да нет, — смутилась девушка. — Это я просто так спросила.

— О чем разговор, милые? — вмешалась Гунхильда, повернувшись к девушкам.

— Мы говорим, госпожа, о монастырских нравах, — не моргнув глазом, ответила Сюннива.

— Мне показалось, — продолжала герцогиня, — что тебе там понравилось. Так?

Хайделинда, внутренне содрогнувшись, коротко ответила:

— Да, матушка, за время, проведенное там, я многому научилась.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнула Гунхильда. — А помнишь, как ты не хотела уезжать? Выходит, что твой отец и я были правы.

— Выходит, так, — прошептала Хайделинда.

Сюннива внимательно следила за молодой герцогиней и, увидев, что у той на глаза наворачиваются слезы, поспешила перевести разговор на другую тему:

— Госпожа! Так получилось, что у молодой герцогини нет совершенно ни одного подходящего платья, чтобы…

— Она могла взять что-нибудь из моей одежды, — недовольно ответила Гунхильда. — Хайделинда! — обратилась она к дочери, молча смотревшей куда-то прямо перед собой. — Хайделинда! — повторила она громче, видя, что та не реагирует на ее слова.

— Прости, матушка, — вздрогнула девушка, — я задумалась.

— Вечно ты мечтаешь о чем-то, — капризно повела плечом Гунхильда, — и монастырь тебя от этого не отучил. Хотя еще неизвестно, чему там тебя научили, — добавила она с усмешкой. — Я говорю о том, что ты могла взять что-нибудь из моих платьев. Мы же с тобой одинакового сложения, — заключила она.

Последнее замечание почти соответствовало истине. Герцогиня с дочерью были одного роста и имели схожие фигуры с той лишь разницей, какая существует между девушкой семнадцати лет и женщиной, перешагнувшей границу третьего десятка. Хотя у Гунхильды

тело оставалось стройным и гибким, но тем изяществом и грацией, которое отличает юную девушку, оно уже не обладало. Хайделинда, взглянув на мать, хотела сказать об этом, но благоразумно промолчала.

— В замке есть ткани, и наши девушки сошьют тебе платья по моим образцам, — подвела итог беседы Гунхильда, отворачиваясь.

Хайделинде было все равно, как решится вопрос с ее одеждой. Сейчас девушку больше всего волновало, куда делся ее возлюбленный. Этот пир в ее честь, громкая музыка, бесцеремонные разговоры матери — все стало раздражать, и она мечтала лишь о том, чтобы затянувшееся веселье побыстрее закончилось. Пока был жив отец, они если и собирались по соответствующему поводу в большом зале, то все проходило куда менее шумно, и, кроме того, Гюннюльф отличался от младшего брата тем, что был меньшим любителем выпивки и безудержного веселья. Даже Хольгер, который и тогда часто навещал их, стал, как ей показалось, немного другим.

— Как поживают Трикси и Труди, граф? — вспомнила она о младших сестрах Хольгера.

— Если бы я знал, что ты приедешь, то взял бы девчонок с собой, — ответил Хольгер, размахивая костью с остатками мяса. — Они всегда спрашивали о тебе. Я жалею, что мне не пришла в голову мысль отправить их в монастырь. Дуры, клянусь Митрой, набитые дуры! Совсем не чета тебе. Я пришлю сестер, если пожелаешь, вы ведь давно не виделись. Или давай поедем вместе со мной к нам. Погостишь в Ормхагене, — предложил Хольгер. — Девчонки будут очень рады, да и я тоже.

— Зачем ты так, граф? — слегка поморщилась Хайделинда. — Твои сестры — очень милые девушки, мы были с ними дружны.

— Называй меня просто Хольгер, — отхлебнув изрядный глоток пива, продолжал сосед, — к чему нам церемонии. Мы люди свои.

Хайделинда на мгновение задумалась, но в этот момент в зале появился Эрленд. Все замолчали. Бьергюльф привстал с места:

— Ну что?

Эрленд подошел и прошептал несколько слов ему на ухо.

— Как это не был? — громко переспросил герцог.

Собеседник развел руками.

— Ладно, — махнул рукой Бьергюльф, — садись, поужинай с нами.

«Куда он делся, этот сын Нергала? — подумал герцог. — Сказал же, что поехал к себе в село».

Дело в том, что, поговорив с Эрлендом, герцог долго раздумывал, как поступить, и решил послать аргосца вдогонку за колдуном. Теперь Эрленд возвратился и сообщил, что в ближайших селах от замка не видели, чтобы Краутвурст проехал по направлению к Сюндбю. Куда же он делся? Не надо было его отпускать от себя! Герцог приуныл и остаток ужина прошел тихо, против чего совершенно не возражали некоторые из сидящих за столом.

Глава четвертая

Пока все складывалось как нельзя лучше. Варвар продал пару лошадей в одном из селений, оставив себе крепкого гнедого жеребца, и часть денег тут же спустил в ближайшем придорожном кабаке. После напряженных событий последних дней ему захотелось немного отдохнуть и расслабиться. Гостеприимный хозяин, заговорщицки подмигнув киммерийцу, предложил переночевать в гостинице и, когда варвар согласился, отвел его в просторное помещение наверху. Конан с наслаждением растянулся на широкой кровати, но уснуть не успел.

В дверь постучали, и когда варвар открыл дверь, то не пожалел об этом. Белокурая девушка с нежным податливым телом провела с ним целую ночь, пока не уснула, совершенно обессилев.

Киммериец, довольный, повернулся на просторной постели и, взглянув на окно, увидел, что ему поспать уже не удастся. Утро вступало в свои права, первые лучи солнца золотили черепичные крыши, вовсю загомонили проснувшиеся птицы. Варвар оглядел бесстыдно раскинувшееся на простынях нагое тело и положил на живот девушки, в самое углубление пупка, золотой — она его вполне заслужила.

Потом киммериец ополоснул лицо водой из кувшина, и скоро дробный стук копыт его гнедого растворился в свежем утреннем воздухе.

Дорога была пустынна. Конан, мурлыча под нос какую-то песенку, предоставил коню самому выбирать дуть, отпустив поводья. Было тихо и прохладно, солнце еще не нагрело лесной воздух и только иногда проглядывало сквозь мелькавшие по сторонам поляны. Конан слегка задумался и не увидел, а скорее почувствовал: происходит что-то необычное.

Он натянул поводья, останавливая коня, и огляделся вокруг. Впереди и позади его дорога желтой песчаной полосой петляла между позлащенными солнцем стволами сосен.

Справа небольшая полянка с раскидистой березой, слева — стена густого леса. Все казалось мирным и спокойным, но варвар кожей чувствовал, что сейчас непременно произойдет что-то необычное. Он поднял голову вверх: чистое голубое небо. Вдруг непонятно откуда возник небольшой ветерок. Сначала слабый, он усилился и дул уже ровно, прямо в лицо киммерийцу, неся с собой прошлогодние листья и поднимая легкие бурунчики песка на дороге.

Варвар прикрыл глаза рукой и почувствовал, что на рукав его рубахи словно садятся тысячи насекомых. Он отнял руку и увидел прилипшее к ней огромное число мягких и почти незаметных паутинок, переливающихся в солнечных лучах. Через мгновение киммериец ощутил, что паутинки опутывают все его тело: ноги, спину, грудь.

Он взмахнул руками, пытаясь разорвать тончайшие нити, но они все прилипали и прилипали к его одежде, скоро Конан почти не мог пошевелиться. Каждое движение затягивало паутину и еще больше сковывало тело.

«Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Что это? Надо постараться унести ноги отсюда».

Он ударил пятками коня, пытаясь пустить его рысью, но с ужасом увидел, что и его скакун окутан множеством переливающихся разными цветами нитей. Паутинки все прибывали и прибывали, влекомые ветром. Варвар чувствовал, как весь покрывается липкими нитями, спеленутый ими, будто кокон. Совершенно беспомощный, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, даже рот так залепила паутина, что ему не удавалось издать ни звука. Ветер внезапно стих, и киммериец остался на дороге, застывший, словно статуя. Тоненькая струйка холодного пота предательски поползла по спине: Конану стало жутко от

тишины и неподвижности, в которой он пребывал. Все произошло настолько быстро, что варвар даже не успел как следует понять, что случилось.

«Эти немедийские леса! — скрежетнул он зубами — единственное, что он мог сейчас сделать. — Да когда же я, наконец, перестану привлекать внимание проклятых колдунов! Краутвурст, мерзавец! Его козни, чьи же еще! Но как этот сын Сета узнал, где я?»

Сколько ему предстояло простоять вот так, в полной неподвижности? Хорошо, если кто-нибудь поедет по этой дороге и поможет ему выбраться.

«Если сумеет, конечно, — невесело подумал варвар. — Кто знает, какой прочности эта паутина? Может, ее и меч не берет. Так и сгнию здесь, как заяц в силках. Нет! — поправил он себя. — Зайчишку может сожрать волк, или лиса, или рысь, а меня вряд ли укусишь в таком панцире».

Он представил себе, как вместо него и коня останется только лужа бурой жижи и пустая оболочка из паутины, словно осиное гнездо, покинутое своими обитателями. Меж тем солнце поднялось выше, и его лучи, выйдя из-за вершин деревьев, стали припекать варвара. Сначала голову, потом плечи и грудь. Скоро он уже весь жарился, будто на сковороде, не в силах даже утереть пот. Так же плохо было и коню. Киммериец чувствовал, как по телу животного проходили судороги, и жалел жеребца даже больше, чем себя самого.

И никто не проезжал по проклятой дороге. Ни пешего, ни конного! Никого… Конан не мог пошевелить годовой и лишь поводил глазами из стороны в сторону, изнемогая от зноя и неподвижности. В промежутки между нитями залепившей варвара паутины оводы и мухи просовывали жала и кусали лицо и ладони рук. Тучи этих мерзких созданий облепили его, так что через некоторое время он уже не мог ничего видеть, а твари все слетались на запах крови и жалили, жалили беспрестанно.

Варвар уже почти ничего не чувствовал, человеческих сил недоставало, чтобы выдержать бесконечную пытку. Среди жужжания тысяч насекомых неожиданно почудилось, что он слышит стук копыт коня. Он напряг слух. Так и есть! Кто-то скакал по дороге.

«Только бы не проехал мимо, не свернул бы куда-нибудь в сторону», — молил богов киммериец, все еще надеясь на спасение.

Топот копыт приближался, и наконец всадник, судя по звуку, остановился возле него. Но лучше бы не останавливался. При первых звуках глумливого голоса киммериец понял, что его уже ничто не спасет. Всадником был Краутвурст.

— Ну как твои дела, киммерийская вошь? — захохотал колдун, — Ты еще жив или, может, подох уже?

Конан почувствовал укол в спину — видимо, колдун ткнул острием ножа сквозь прорехи в паутине.

— Ха-ха-ха! — залился довольным смехом Краутвурст. — Я мог бы тебя убить, как собаку, но решил, что и тебе не вредно побыть маленько в мешке. Помнишь, гаденыш? — Он снова кольнул варвара ножом, радостно хохотнув. — Но я-то выбрался, а вот тебе придется тут подохнуть. День-два постоишь как истукан, да и отправишься на Серые Равнины. Помучаешься на славу! Ночью будет прохладнее, и ты решишь, что тебе стало лучше. Чушь! Днем опять припечет, и ты хорошенько прочувствуешь, что бывает с теми, кто имеет дерзость замахиваться на мое могущество.

Конан не мог разлепить губы, чтобы плюнуть в рожу довольно хихикающему ублюдку. Он только бессильно скрипел зубами, поминая про себя на редкость недобрыми словами всех известных ему темных богов.

— Ну ладно, — услышал он. — Надеюсь, ты будешь долго мучиться, на славу Сета. Надоело мне тут возле тебя мух кормить. Прощай, киммериец! Вряд ли больше придется свидеться!

Конан некоторое время слышал удаляющийся стук копыт, потом вновь погрузился в забытье, ничего не чувствуя, даже не понимая, что день уступает место ночи и дневной зной сменяет прохлада, как справедливо толковал колдун. Сколько прошло времени, пока он вновь пришел в себя, варвар не знал. Насекомых стало гораздо меньше, и он с трудом разлепил распухшие от укусов веки. Поднял глаза к небу, но звезд не увидел.

«Наверное, облака, — подумал варвар, само ощущение того, что он еще может думать, давало какую-то надежду. — Я еще не сдался! — Он провел пересохшим языком по нёбу. — Вот попить бы…»

Он чувствовал влажный ночной воздух и то, как роса обволокла паутину снаружи. Варвар попытался языком раздвинуть нити, облепившие рот, и почувствовал, что это ему удается. Паутина слегка растягивалась, видимо, под действием влаги. «Кром! — В голове киммерийца мелькнул луч надежды. — Вдруг пойдет дождь, тогда я попробую растянуть эти путы».

И боги словно услышали его! Конан почувствовал, как сверху упала капля, потом другая, потом заморосил вскоре стихший легкий дождик. Паутина, смоченная дождем, стала поддаваться чуть больше, и он сумел даже чуть расправить плечи и немного разогнуть ноги в коленях. Варвар с радостью почувствовал, что и конь его подает признаки жизни.

«Еще, еще, сейчас больше всего на свете мне нужен настоящий ливень! — взмолился он. — Ведь может же пройти сильный дождь или, еще лучше, гроза!»

Он услышал, что где-то в стороне от него раздался шум падающих капель — его невозможно было спутать ни с чем другим.

«Только бы не прошел мимо! Этот проклятый шакал просчитался, его паутина не выдерживает влаги, и в этом мое спасение». — Варвар в нетерпении вращал глазами, словно безумный, надеясь увидеть, как к нему будет приближаться стена дождя.

И вожделенный миг наконец настал. Никогда в своей жизни варвар не желал чего-нибудь так сильно, как обычного дождя, и он пришел. Сначала его обдал поток влажного воздуха, потом сверху вдруг хлынул водопад. Сильные, крупные капли моментально вымочили его до нитки, но он только повторял, моля богов: «Еще, еще!»

Киммериец напряг мускулы рук, и проклятая паутина подалась! Все сильнее и сильнее давил варвар, и нити растягивались все больше и больше, беспомощно провисая. Потребовалось достаточно много времени, пока Конан освободил сначала одну руку, потом другую, потом вылез из кокона по пояс.

Струи дождя хлестали его по лицу, но он, слизывая влагу с губ, поскольку совершенно измучился от жажды, не давал себе передышки, боясь, что дождь закончится, а он не успеет выбраться из жутких пут. Но киммериец и сам успел, и умудрился вытащить из кокона коня. Тот рухнул на землю как подкошенный, едва только варвар освободил его ноги.

«Человек сильнее! — отметил варвар, отбрасывая подальше последние ошметки паутины. — Свободен! Свободен, слава богам!»

Коня варвару поднять не удалось. Бедняга только хрипел, и даже когда варвар принес ему воды из ближайшего ручья, пить не смог. Конан перерезал ему горло, чтобы несчастное животное не мучилось, и, взвалив на себя поклажу, пошел пешком, радуясь неожиданному избавлению.

«Надо будет хоть разок принести жертву Митре, — в порыве чувств решил киммериец, — уж сколько раз спасал Пресветлый. Но как этот ублюдок нашел меня? — снова задумался он над действиями колдуна. — Никаких предметов с шабаша у меня не осталось, так что он не мог увидеть, где я. Загадка…»

Варвар не знал, что Краутвурст воспользовался его шапкой и расставил колдовскую паутину на залах варвара. Ловушка сработала не хуже, чем охотничья собака. Колдун решил проверить западню, возвращаясь от герцога, и был несказанно рад своей удаче. Он спал счастливым сном в одной из деревень, намереваясь завтра же отправиться домой. Теперь ему казалось, что все страхи позади и можно продолжать спокойную жизнь, не опасаясь зловредной подножки судьбы.

А киммериец между тем отмерял большими шагами лигу за лигой, стараясь уйти как можно дольше от проклятого места, откуда он едва не отправился прямиком на Серые Равнины.

«Зря я, пожалуй, продал коней, — подумал он, но тут же рассмеялся: — Они тоже попались бы вместе со мной, как и гнедой. До Хельсингера осталось не так и много. За пару дней дойду».

Дождь прекратился, и от быстро шагавшего киммерийца пар валил, словно от взмыленного коня. К утру он вышел из леса. Впереди раскинулись холмистые луга, пересеченные небольшими рощицами. Вдали виднелись вершины гор, у подножия которых, как он знал, находился Хельсингерский замок.

Киммериец выбрал укромную полянку, развел костер из набранного под раскидистыми елями почти сухого хвороста. Он развесил одежду, чтобы окончательно высушить ее, и уселся, поджав под себя ноги, как туранский жрец. Лицо еще саднило от множества укусов мерзких насекомых, но варвар уже весело насвистывал песенку между глотками доброго амилийского, которым он запасся у гостеприимного хозяина придорожного кабачка.

«Неплохое вино, — смаковал он терпкий напиток, — не обманул. Да и девушка была хороша. Жаль, что вряд ли когда-нибудь удастся навестить кабачок еще раз».

Через некоторое время он уже укладывался на подстилку из веток, спрятавшись от постороннего взгляда и от солнечных лучей в густом кустарнике. Ему не пришлось спать двое суток, и он решил полдня посвятить сну.

«Чем больше спишь, тем меньше глупостей можешь сделать», — вспомнил он слышанную где-то фразу, но где слышал, припомнить не успел, потому что провалился в глубокий сон.

Глава пятая

— Хорошо, что ты зашла ко мне, — увидев дочь, сказала Гунхильда, — я как раз хотела поговорить с тобой.

Она сидела в кресле и, склонив голову набок, расчесывала свои длинные густые волосы. Вышитая ночная сорочка, сползшая с плеча, открывала привлекательную грудь и чуть располневшую шею. Белоснежная кожа герцогини была еще гладкой и упругой, как у

девушки. Заметив оценивающий взгляд дочери, Гунхильда чуть усмехнулась кончиками губ.

— Как ты считаешь, твоя мать еще может привлечь мужчину?

— Вполне возможно, матушка, — ответила Хайделинда, изумившись в душе, почему мать заинтересовалась ее мнением по этому щекотливому вопросу.

— Что ты словно неживая после монастыря? — спросила мать, поводя плечом, чтобы поправить сорочку. — Посмотри на своего дядю, он на четверть века старше тебя, а сколько в нем жизнелюбия и страсти!

— Да, я заметила, — с некоторым вызовом в голосе сказала девушка. — У вас тут, я смотрю, беспрерывное веселье. Наверное, оно началось около двух лет назад?

— Что ты хочешь этим сказать? — в недоумении подняла голову герцогиня.

— Ничего особенного…

— Нет уж! Раз начала, так договаривай, — с нарастающим раздражением перебила мать. — Ты хочешь сказать, что я совсем не помню твоего отца и только и делаю, что веселюсь?! — Последние слова она почти что выкрикнула.

Хайделинда молчала, глядя на герцогиню, лицо которой покраснело и перекосилось от гнева.

«Наверное, и я, когда злюсь, становлюсь такой же некрасивой, — отметила про себя девушка. — Боюсь, напрасно я завела этот разговор. Что матери оставалось делать? Она еще молодая женщина. Не идти же в монахини…»

— Ты думаешь, мне было легко? — крикнула Гунхильда, швыряя гребень на пол. — Что я, по-твоему, должна была делать? Идти в монастырь, чтобы там высохнуть, как эти служительницы Митры? Так?

Она чуть не слово в слово повторила мысль дочери.

— Прости, матушка, — вздохнула молодая герцогиня, — я совсем не хотела обидеть тебя.

— Не хотела обидеть? — немного успокаиваясь, переспросила Гунхильда. — Тогда зачем говоришь такие ужасные вещи? Я еще привлекательная женщина, а Бьергюльф любит меня, ты же прекрасно видишь это.

Хайделинда вспомнила, как вчера за ужином герцог, не стесняясь окружающих, целовал мать в открытую шею и похотливо залезал рукой в низкий вырез ее платья. Она находила вполне естественным, что Бьергюльф испытывает влечение к ее матери, но проявление этого на людях вызвало у нее неприязненное отношение к обоим.

— Я видела это, матушка, — сказала молодая герцогиня. — А давно он тебя так полюбил?

— Какое тебе дело?! — взвилась, словно от удара хлыстом, Гунхильда. — Откуда у тебя в голове такие мысли?

— Дело в том, — медленно произнесла Хайделинда и, посмотрев на мать, запнулась. Она собралась с силами и продолжала: — Ты только не волнуйся и постарайся понять меня правильно…

— Да о чем ты? — герцогиня не на шутку встревожилась, ее лицо пошло красными пятнами.

— Матушка, — снова начала девушка, стараясь говорить спокойно и медленно, — я узнала в столице, что мой отец погиб… — Она снова остановилась, но потом выпалила одним духом: — Совсем не случайно!

— Как это понимать, «совсем не случайно»? — Теперь герцогиня побледнела, ее

изумрудные глаза словно потеряли свой блеск. — Он пропал на охоте, его искали целых две седмицы, но найти так и не смогли…

— Это я знаю. — Хайделинде нелегко давалось каждое слово, но она была решительной женщиной, и если уж что начинала, то доводила до конца. — Говорят, что его околдовал какой-то чародей и… мой дядя…

— Что?! — вскрикнула Гунхильда.

— …мой дядя, — повторила молодая герцогиня, — был заинтересован в его исчезновении.

Хайделинда специально не сказала «заинтересован в смерти», а выбрала более мягкое выражение, чтобы не накалить еще больше и так достаточно напряженную обстановку. Однако ее предосторожность оказалось тщетной.

— Да ты совсем спятила в своем монастыре! — взвизгнула Гунхильда. — Ты соображаешь, что говоришь? Родной брат был заинтересован в гибели твоего отца?! Боги! Ты действительно потеряла разум!

Она соскочила с кресла и, подбежав к дочери, схватила ее за плечи.

— Кто тебе сказал такую чушь? Отвечай! — Она тряхнула Хайделинду, и ее пальцы с силой впились в кожу девушки.

— Успокойся, матушка. — Молодая герцогиня повела плечами, стараясь высвободиться из материнских рук, вцепившихся в нее с неженской силой. — Я просто передала тебе то, что мне сказали в Бельверусе.

— Кто мог такое придумать? — Гунхильда отпустила дочь и закрыла лицо руками, — Ты будешь говорить или нет?

— Нет! — твердо ответила Хайделинда. — Я рассказала тебе это, надеясь на твою помощь.

— В чем я могу тебе помочь? — вскрикнула герцогиня. — Вместе с тобой обсуждать лживые бредни глупых людей?

Хайделинда подумала, что мать взволнована намного больше, чем могли вызвать ее неосторожные слова. Однако все усилия герцогини были направлены лишь на то, чтобы отвести подозрения дочери от своего мужа.

— Скажи, — твердо произнесла Хайделинда, — вы с моим дядей давно… — она запнулась, но все-таки докончила фразу: — В общем ты понимаешь, о чем я?

— Как ты смеешь так разговаривать с матерью? — вскипела Гунхильда. — Этому тебя научили в монастыре? — Она тряслась от гнева, но девушка заметила, что мать не смотрит ей прямо в глаза, как будто стараясь что-то скрыть.

«Амальрик прав, — подумала Хайделинда. — Они сошлись еще при жизни моего отца, и у Бьергюльфа были причины убрать своего брата и соперника!»

— Я хочу знать, от кого ты узнала о подобных мерзостях? — Герцогиня выпрямилась и смотрела на дочь с нескрываемой злобой. — Небось этот воображающий себя ученым аргосец?

— Я не посвящаю посторонних в дела семьи. Эрленд тут совершенно ни при чем! — отрезала девушка, испугавшись, что ее необдуманный порыв навлечет беду на возлюбленного. — Он предан герцогу, и у него нет причин распускать такие слухи.

— Тогда бездельник Ивар? — продолжала допытываться мать.

— Ему это тем более не принесло бы никакой выгоды… — усмехнулась Хайделинда.

— Тогда кто же?

— Я не могу тебе этого сказать, — твердо ответила девушка, к которой вернулось все ее самообладание, — Прошу тебя, не говори о нашем разговоре своему мужу!

— Уж можешь быть уверена, не скажу, — скривила губы Гунхильда. — Чтобы не сгореть от стыда, что моя дочь совершенно спятила, я лучше промолчу об этом!

— Тогда будем считать, что мы ни о чем не говорили. — Молодая герцогиня повернулась и вышла из комнаты, оставив мать в одиночестве.

Разговор оставил тягостное впечатление и только укрепил ее подозрения. Амальрик не солгал! Но неужели мать тоже замешана в гнусном злодеянии?! Хайделинда вдруг ощутила чувство жуткого, ледяного одиночества. Где Эрленд? Скорее, скорее найти его! Она почти бежала по галерее, и стук ее каблучков гулким эхом отдавался в пустынных каменных переходах замка.

Глава шестая

Эрленд в это время возвращался в замок из поездки в соседнее графство. Он ехал быстрой рысью по лесной дороге, и на душе его одновременно было и легко, и тревожно. Он испытывал радость от предстоящей встречи с Хайделиндой, с которой не виделся два дня, и в то же время его мысли омрачала обстоятельства, связанные с герцогом Бьергюльфом и загадочным убийством.

Ему хотелось действовать, чтобы уберечь молодую герцогиню от возможных посягательств на ее жизнь — а Эрленд совсем не исключал такого поворота событий со стороны Бьергюльфа. Однако пока было совсем неясно, что делать, тем более что Хайделинду привлечь в качестве своей союзницы в этом деле он не мог. Конан запретил ему даже заикаться об этом, а варвара Эрленд уважал и всегда прислушивался к его мнению. От тревожных мыслей голова у аргосца шла кругом, и он не замечал красоты и очарования расцветших лугов и буйной зелени набирающего летнюю силу леса. Ко всему прочему, с тех пор как они вернулись в Хельсингер, ему ни разу не удалось побыть наедине с Хайделиндой, и это угнетало его больше всего остального.

— Стой! — знакомый голос разрезал тишину, и Эрленд вздрогнул, отрываясь от своих раздумий.

Он взглянул в направлении голоса и увидел варвара, стоявшего на дороге с расставленными в стороны руками.

— Похоже, какие-то думы пленили тебя слишком сильно, — вместо приветствия усмехнулся варвар, — давненько стою так на дороге, а ты и не замечаешь. Если бы не подал голоса, ты в меня непременно бы врезался!

— Привет, киммериец! — останавливая коня, радостно воскликнул Эрленд. — Не представляешь, как я рад нашей встрече!

— Клянусь Кромом, — захохотал в ответ Конан, — до чего же ты вежливый человек, аргосец! Бьюсь об заклад, твои мысли сейчас были явно не обо мне!

— Нет… — смущенно ответил Эрленд, спрыгивая на землю. — То есть да! Но, кроме всего прочего, и ты мне сейчас очень нужен.

— Что-нибудь случилось? — встревожился варвар, протягивая ему руку.

— Пока нет, — ответил Эрленд, — но боюсь, что может произойти в самом ближайшем будущем. Бьергюльф, кстати, очень хочет тебя видеть.

— Сгорает небось от желания? — ухмыльнулся Конан.

— Вот именно. И совсем загорелся, после того как Краутвурст побывал в замке.

— Этот сын шакала… он еще дорого мне заплатит! — сжал кулаки варвар. — Если бы не милость богов, то это охвостье Нергала давно бы отправило меня в потусторонний мир.

— Как это случилось?

— Да вот так, — усмехнулся киммериец и в нескольких словах рассказал Эрленду о событиях последних дней.

— Да, клянусь Солнцеликим, боги тебя не оставляют, — выслушав рассказ Конана, протянул аргосец. — Видно, когда-то ты им пришелся сильно по душе.

— Ха-ха-ха! — покатился со смеху варвар. — Судя по тому, какие приключения довелось мне испытать за свою жизнь, я больше должен нравиться Нергалу или Сету, но если иногда мне все же везет, то отказываться от милости богов не буду, — Он посерьезнел и спросил: — Как там дела в замке? Не собирается твой хозяин устроить большой пир или что-то вроде этого?

— Да у него каждый день праздник! — махнул руной Эрленд.

— Надо же, умеет жить, — усмехнулся киммериец, — хотя и гнида ползучая. Но меня интересует, когда в замке соберется достаточно много народу со стороны.

— Через два дня в Хельсингер съедутся все окрестные нобили, — ответил аргосец, — Будет человек двадцать графов и баронов — сливки здешней аристократии. Да еще их домочадцы, человек семьдесят приедет.

— Ага, — удовлетворенно хмыкнул варвар, — это меня как раз и устраивает. Перстень с тобой?

— Да, — вынимая кольцо из кошелька, ответил Эрленд. — Что ты собираешься с ним делать?

— Хочу устроить твоему хозяину небольшой сюрприз, — усмехнулся киммериец. — Ты сможешь достать мне рясу или, на худой конец, какой-нибудь желтый балахон?

— Постараюсь.

— Кроме того, — продолжал Конан, — тебе будет еще одно поручение. Если, конечно, ты действительно хочешь, чтобы герцог понес наказание.

— Боги его накажут, — серьезно ответил Эрленд, — но я готов сделать все, чтобы помочь им в этом!

— Вот и славно, — со смешком сказал варвар, — Не знаю уж, какие демоны заставляют меня заниматься вашими темными делами, но у тебя-то должен быть и другой интерес, кроме торжества справедливости.

— Ты о чем? — спросил Эрленд, но, быстро сообразив, что хотел сказать варвар, махнул рукой. — Это пока не главное. Надо, чтобы убийцы получили по заслугам, — добавил он, — иначе Хайделинда не сможет чувствовать себя в безопасности.

— Не скажи, — покачал головой киммериец, — если Бьергюльф так и будет править Хельсингером, то рано или поздно твою девушку выдадут замуж за какого-нибудь местного нобиля, и тогда можешь распрощаться со своими мечтами.

— Нет! — выдохнул Эрленд. — Она ни за что не согласится!

— Может быть, и не согласится, — с сомнением ответил варвар, у которого не было

иллюзий насчет поведения женщин в подобных обстоятельствах, — но, по-моему, ее и спрашивать особенно не будут. А если девчонка все же с характером и будет упорствовать, вас просто-напросто выгонят из Хельсингера. Что ты тогда будешь делать? Пойдешь бродячим факиром, — усмехнулся он, — или будешь устраиваться при каком-нибудь вельможе? Это вместо того, чтобы быть мужем владетельной герцогини! Но дело даже не в этом. Про саму девушку ты подумал? Она, конечно, как я успел заметить, не избалованная жеманная особа, но каково ей будет стать женой странствующего фокусника?

В этот момент в голове Конана мелькнуло воспоминание давних лет. Испарана, которая просила взять его с собой… Боги, кто бы знал, как сам он хотел этого! Но варвар тогда нашел в себе силы отказаться от этой женщины, потому что думал не о своих желаниях, а о том, что будет лучше для нее. Киммериец взглянул на Эрленда, лицо которого от таких слов вытянулось и помрачнело.

— Не грусти! — Конан похлопал молодого человека по плечу. — Клянусь Митрой, я помогу, но ты должен в точности выполнить все, что я тебе скажу.

— Я готов сделать все… — горячо начал Эрленд, но варвар перебил его:

— Не сомневаюсь. Слушай, что надо сделать. — Он приобнял собеседника за плечи. — Пойдем присядем и поговорим спокойно. Разговор будет серьезным, а мы тут стоим, как на городском базаре.

Они присели на огромный камень, вросший краем в начинающийся здесь косогор. Конан поведал аргосцу свой план. Эрленд слушал варвара, не перебивая, и только в конце разговора спросил:

— А если он не клюнет?

— Еще как клюнет, — уверенно ответил киммериец. — Твоя задача — найти еще парочку вещиц. Дальше все предоставь мне. Очень важно, чтобы на это «клюнули, как ты говоришь, не только герцог с Гунхильдой, но и остальные свидетели наших представлений. Нам надо, чтобы в замке царила обстановка неуверенности, тогда Бьергюльф непременно сорвется. Непременно, клянусь стариной Белом!

— А если взять и просто-напросто отправить ублюдка на Серые Равнины?

— Быстрый какой! И как ты это себе представляешь? — с сомнением покачал головой варвар. Хотя и ему самому такие действия были гораздо больше по душе, но он понимал, что в этом случае поступить подобным образом не удастся. — Ты врываешься в его покои и протыкаешь насквозь? Или нападаешь па герцога, когда он едет в окружении своего отряда куда-нибудь в селение?

— Можно подгадать какой-нибудь случай, — неуверенно сказал Эрленд.

— В общем-то можно, — согласился киммериец, — но я очень в этом сомневаюсь. Убить герцога — дело серьезное. Это тебе не пяток стражников зарезать. Кому они нужны? Женщины нарожают новых. А здесь — мирное время, знатный вельможа. Оглянуться не успеешь, как очутишься в подвалах Бельверуса, даже если сделаешь это и не своими руками. В лучшем случае придется бежать куда глаза глядят. Согласен? — Он посмотрел на собеседника,

— Так, — невесело согласился тот.

— Надо действовать хитро, — веско сказал Конан. — Не все, к сожалению, можно сделать, размахивая мечом. Хотя по мне, так это самый лучший способ, — вздохнул он. — Голова с плеч — и никаких проблем… Но, — варвар перевел взгляд на Эрленда, — дело действительно слишком серьезное, и не мы с тобой одни в нем завязаны. Стало быть, решить

его надо так, чтобы ни один пес в Немедии не тявкнул. Понял?

— Почти…

— А вот когда Бьергюльф потеряет спокойствие и сам вытащит меч, — вдохновенно продолжил киммериец, и глаза его заблестели, — вот тогда пожалуйста, режь ублюдка на части. — Он яростно рубанул рукой. — Тогда все возможно, и никто не обвинит тебя… то есть нет, пусть лучше меня, — он ткнул пальцем в грудь, — что, защищаясь, я снес его паршивую голову с не менее гнусного туловища, клянусь Кромом! — довольный представшей перед его глазами картиной, убежденно закончил Конан.

Аргосец с восхищением смотрел на своего старшего товарища, не подозревая, что такой сложный план варвар придумал, может быть, впервые в своей жизни и сам был немало удивлен подобным обстоятельством.

«Если бы Ловкач или Нинус видели меня сейчас, — самодовольно решил киммериец, — они одобрили бы этот план. Даже варвар иногда может придумать что-нибудь стоящее!»

— Да, и еще, — вспомнил Конан, — привези мне сюда чего-нибудь пожрать, и вина не забудь. Зайчатина мне уже здорово надоела, а сколько придется просидеть еще в лесу — одним богам известно.

— Сделаю, — кивнул головой собеседник, — завтра жди меня на этом месте.

— Угу, — хмыкнул варвар, — мне все равно делать нечего, так что могу и целый день здесь просидеть. Смотри только, чтобы лишние глаза тебя не заметили.

— Не маленький, — вскакивая в седло, ответил Эрленд. — Ну, до завтра. — Он помахал киммерийцу рукой и вскоре исчез за поворотом лесной дороги.

Глава седьмая

— Уф! — Бьергюльф тяжело откинулся на подушки. Протянул руку к стоявшему рядом столику и, взяв платок, вытер вспотевшее лицо и шею. Опершись на локоть, приподнялся и окинул взглядом лежащую рядом Гунхильду. Утомленная его бурными ласками, она раскинула руки в стороны и тяжело дышала, приходя в себя.

— Ты красавица, — проводя рукой по обнаженному телу жены, протянул герцог, — жаль, что мы с тобой не начали этого много раньше.

— Оставь, — Гунхильда поймала его руку, но не отодвинула ее со своего живота, — ты совсем замучил меня. — Она посмотрела на Бьергюльфа преданным взглядом. — Больше нет сил…

— Ну, так уж и нет, — усмехнулся донельзя довольный собой герцог, — немножко-то, может, все же осталось?

Их широкое ложе стояло в углу большой, убранной коврами комнаты. Сквозь окно, полузавешенное тяжелыми шторами, пробивался неяркий вечерний свет. Его красноватые отсветы падали на каменные стены и висящие на них старинные шпалеры, изображавшие фривольные сцены из жизни пастухов и пастушек. Со временем краски выцвели, и тела персонажей приобрели грязный оттенок, почти сливавшийся с зеленоватым фоном, изображавшим траву и причудливые растения.

Только пасущиеся козы, безмятежно наблюдающие за сплетенными телами людей, светлыми пятнами выделялись на выцветших полотнах.

— Надо бы заказать новые шпалеры… — продолжая блуждать рукой по телу Гунхильды, сказал герцог. — Помнишь, какие красивые полотна показывал нам Мозес Шоберский? Надо такие же и в Хельсингер привезти.

— Зато у него жена рыжая, а кроме того, новые шпалеры очень дорого стоят, милый, — возразила женщина, потягиваясь под возбуждающими движениями руки Бьергюльфа, — нам и так предстоят большие расходы.

— Какие же? — склоняясь над ней, спросил герцог. — Вы, женщины, всегда найдете какой-нибудь предлог, чтобы сделать все по-своему.

— Разве ты можешь так сказать обо мне, дорогой? — оплетая руками шею мужа, промурлыкала Гунхильда.

— Сейчас узнаю, — прохрипел Бьергюльф, заводя ее руки назад, за голову, и прижимаясь телом к прохладной коже женщины.

…Когда после они лежали рядом, чуть касаясь друг друга разгоряченными телами, Бьергюльф вновь задал свой вопрос:

— Так какие расходы ты имела в виду?

— Расходы? — встрепенулась Гунхильда.

— Да, — нетерпеливо спросил герцог, — ты говорила о предстоящих нам больших тратах.

— Да, конечно. — Она повернула к нему голову. — Хайделинду ведь скоро придется выдавать замуж.

— Угу, — подтвердил герцог, — я уже присмотрел ей хорошую пару.

— Знаю, знаю, — засмеялась герцогиня, — ты говоришь о Хольгере?

— По-моему, это тот человек, что нам нужен, — уверенно продолжал Бьергюльф. — Богат, знатен, да и здоровьем не обделен, — хохотнул он, повернувшись к Гунхильде. — Ты ведь не хочешь, чтобы твоя дочь не получила в должной мере того, что достается тебе?

— Нет, конечно, — она обняла герцога, целуя его плечи и грудь, — но ведь такого, как ты, все равно больше не сыщешь!

— Это точно, — гордо похлопал себя по груди Бьергюльф, — но Хольгер, кажется, немногим уступит мне.

Он знал это наверняка, поскольку не один раз они вместе с графом забавлялись в парной тем, что не очень пришлось по нраву барону Амальрику. Однако посвящать Гунхильду в эти подробности он, разумеется, не собирался.

— Моя племянница должна иметь достойного мужа, — продолжал герцог, — малышка выросла, что надо, — он прищелкнул языком.

— Она похожа на меня, и… — начала герцогиня, но вдруг замолчала, вспомнив тягостный утренний разговор с дочерью.

— Что ты сказала? — подумав, что не расслышал конца фразы, спросил Бьергюльф.

— Я боюсь, что она не совсем хорошо себя чувствует… — неуверенно сказала Гунхильда, — Сегодня утром она затеяла на редкость странный разговор. Ее мысли…

— Какие мысли могут быть у девушки в ее возрасте? — рассмеялся Бьергюльф, просовывая руку под талию жены и стараясь ущипнуть то место спины, на котором у Гунхильды красовались две прелестные ямочки. — Ей нужен хороший, крепкий мужчина, — достигнув своей цели, продолжал он, — и только об этом она и должна мечтать.

— Отстань, ненасытный, — ласково ответила герцогиня, поворачиваясь к Бьергюльфу, — только у тебя это всегда на уме. У других, может быть, все немного иначе. Подожди, дай я договорю.

— Говори, — усмехнулся герцог, обнимая ее за талию, — я же не закрываю тебе рот.

— Это слишком серьезно, — Гунхильда уперлась руками ему в грудь, стараясь вырваться, — подожди!

— Да что с тобой? — отпуская ее, недовольно спросил Бьергюльф. — Ты, как всегда, преувеличиваешь. Наверное, ей нужны новые наряды?

— Не угадал, — ответила герцогиня и выпалила единым духом: — Хайделинда говорит, что ты был заинтересован в исчезновении старшего брата.

Герцог мгновение пролежал в оцепенении, словно получил удар дубиной по затылку. Потом он вдруг вскочил с постели и метнулся к окну. Выглянув зачем-то наружу, где светлая ночь уже сменила закончившийся день, он обернулся к герцогине. Голый, взъерошенный, с разведенными в стороны руками, в сумеречном свете он походил на огромную тряпичную куклу с трясущейся головой, пришитой неумелым мастером.

— Откуда? Откуда у нее эти мысли?! — задыхаясь, спросил он Гунхильду, как будто боясь, что не сможет до конца выговорить эти слова.

— Ей сказали об этом в Бельверусе, — ответила герцогиня, сжимаясь от страха и прикрывая тело скомканной простыней. Она первый раз видела Бьергюльфа в таком состоянии.

— Это враги! Меня хотят извести! — вскричал герцог, бросаясь к постели.

Гунхильда отпрянула назад.

— Враги! — убежденно повторил Бьергюльф, стараясь взглянуть в глаза герцогине.

— Какие враги? — спросила Гунхильда.

— Ты же понимаешь, что у меня были причины убрать Гюннюльфа?

— Да, конечно, — бессильно склонила голову герцогиня.

— Кто-то хочет нам напакостить, он и распускает грязные слухи! — В голосе герцога звучал неподдельный страх.

— Но кому это нужно?

— Откуда я знаю? — немного успокоившись, сказал Бьергюльф. — Ты спросила у девчонки, кто ей это сказал?

— Она не хочет… говорить об этом, — запинаясь, ответила герцогиня.

— Не хочет… — опустил голову Бьергюльф. — Не хочет — тебе. А если скажет кому-нибудь другому? Послезавтра здесь соберется множество народа. Стоит поползти подозрительным слухам, на меня может свалиться столько неприятностей, что я навсегда потеряю уважение нашей знати! Да просто могу погибнуть! О боги! — Он сжал голову руками.

— Но чего тебе бояться, ты ведь не причастен к исчезновению Гюннюльфа?

— Причастен, не причастен! Кто станет в этом разбираться? Дойдет до королевского дома, и потом уже не отмоешься ничем!

— Что же делать? — всплеснула руками Гунхильда. — Может быть, на время съезда нобилей отправим Хайделинду в дальнюю деревню?

— Да ты что? — замахал руками Бьергюльф. — Будет только хуже! Она седмицу назад была приглашена на прием к королю, ее многие там видели. Если девчонки не будет, досужих разговоров потом не оберешься!

— Да… — согласилась герцогиня.

Ее лицо посерело и как будто обвисло. Герцог, взглянув на нее, понял вдруг, что его жена уже не так молода. Конечно, он понимал, что женился не на юной девушке, но никогда это не являлось ему с такой очевидностью, как сейчас.

«Зачем я все это сотворил? — внезапно промелькнуло у него в голове. — Неужели боги хотят покарать меня за злодеяние?»

— Подожди, — поморщился он, хотя Гунхильда не двигалась и молчала, — может быть, она просто нездорова? А? — с внезапной надеждой спросил он. — В болезненном состоянии всякое может померещиться…

— Я ей так и сказала!

— Вот видишь? Я ее вполне понимаю, — он сжал ладонями щеки, — у нее умер отец, которого она очень любила, мать почти сразу же вышла замуж за другого… Ты понимаешь, в чем дело?

— Успокойся. — Женщина придвинулась к нему и ласково дотронулась рукой до плеча. — Значит, мы объявим, что она нездорова. Так?

— Так.

— Позовем лекарей…

— Правильно, — совсем успокоившись, поддержал жену Бьергюльф, — у меня есть хороший знахарь в Сондбю. Вызову его. Пусть полечит ее травами. Он это хорошо умеет, клянусь Огненноликим.

— Еще, — поддержала его герцогиня, — можно позвать погостить в Хельсингер ее подружек, сестер Хольгера. Они могли бы выведать у Хайделинды, кто ей сказал всю эту чушь.

— Умница, — умиленно посмотрел на Гунхильду герцог. — Так и сделаем. Ну а потом, если наши усилия пропадут даром, я всегда могу отослать ее обратно в монастырь. А сейчас давай спать. Завтра все и решим.

Они улеглись, но сон к герцогу не шел. Он ворочался, с завистью глядя на уснувшую жену, но так и не смог сомкнуть глаз до самого рассвета.

Глава восьмая

Гости съехались после полудня. Это были достойные мужи, представлявшие всю знать севера Немедии.

Сопровождаемые женами и старшими детьми, со множеством слуг и телохранителей, они въезжали в ворота замка под приветственные крики, вой волынок и стук больших барабанов. Герцог Бьергюльф, облаченный в парадную одежду, стоя на парадном крыльце вместе с Гунхильдой, приветствовал каждого гостя пространными витиеватыми речами, которые для него подготовил Эрленд. Все сегодняшнее утро герцог заучивал два приветствия, и сейчас, крайне довольный произведенным впечатлением, сиял, словно начищенная медная кираса.

Кроме ближайшего соседа Хольгера Ормхагенского, который уже несколько дней как

находился в Хельсингере, где пьянствовал и развратничал вместе с хозяином, остальные проделали немалый путь, чтобы встретиться на съезде благородных нобилей, который раз в три года проводил кто-нибудь из местных вельмож. В этот раз жребий пал на Бьергюльфа, и он старался не ударить в грязь лицом. Важным обстоятельством нынешней встречи было прибытие королевского советника, ученого мужа и весьма уважаемого в Немедии человека, Астриса Оссарского. Сам король Нимед прислушивался к его мнению.

Уже целую неделю слуги и рабы Хельсингера под присмотром расторопного Гутторма мыли, чистили а скребли комнаты, в которые годами не заглядывали обитатели замка, готовя их к приезду знатных гостей. Во внутреннем дворе замка, где будет проходить прием гостей, расставлялись огромные тяжелые столы. По случаю теплой и ясной погоды Бьергюльф решил устроить пиршество на свежем воздухе, дабы, с одной стороны, дать гостям почувствовать себя менее скованными, чем в каменных стенах замка, а с другой — облегчить перепившим и переевшим необходимость в очищении желудка, ибо если кого и потянет на рвоту, то это можно будет сделать, соблюдая все приличия, просто отойдя на несколько шагов от стола.

Первыми прибыли граф Мозес Шоберский, сопровождаемый рыжеволосой женой и двумя рослыми близнецами, рыжими, как и мать, и чем-то похожими на чуть оперившихся петушков. Далее — барон Майнхельский, один из самых старых нобилей, помнивший еще старого короля, и только Бьергюльф успел поприветствовать его, как с башни закричали, что приближается королевское знамя. Чуть позднее во двор замка въехал пышный кортеж, сопровождавший Астриса Оссарского. Среди них выделялся Ивар, гарцевавший на черном жеребце и явно расстроившийся, не увидев среди встречающих Хайделинду. Ему, как и всем остальным, с постным выражением лица было сообщено, что молодая герцогиня, видимо, переутомилась в дороге, и хотя будет присутствовать на пиру, но к ее словам надо относиться с осторожностью, ибо иногда она слегка заговаривается.

Старец Астрис, выслушав приветствие Бьергюльфа, высказал похвалу изысканности и изяществу речи герцога, чем привел того в состояние, близкое к экстазу, которое этот развратник обычно испытывал только в общении с женщинами. Сопровождаемый Гуттормом, вельможа последовал в приготовленные для него покои, а Бьергюльф вновь поспешил на крыльцо встречать следующего гостя — барона Арнстейна Фронденбергского (не самого знатного, но зато самого богатого человека на севере Немедии, сколотившего свое состояние на торговле рабами с Пограничным Королевством.

— Все хорошеешь? — приветствовал барон Гунхильду, едва спрыгнув с коня. — Повезло тебе, старина, — хлопнул он по плечу Бьергюльфа и вновь оглядел герцогиню с ног до головы, — хороша! Хороша, ничего не скажешь! — причмокнул губами и, махнув рукой, остановил начавшего было приветственную речь герцога: — Оставь эти словесные кружева для других! А где твоя дочь? — спросил он герцогиню. — Говорят, в мать пошла?

Выслушав слова о недомогании Хаделинды, барон заключил:

— Это все ваши монастыри, Нергал им в задницу! Я всегда говорил, что они до добра не доведут. Свежий воздух, здоровая пища и никаких книг — они только сушат мозги! Вот посмотри, — он указал на упитанную, но не лишенную приятности молодую даму, приехавшую вместе с ним, свою новую жену, — ни одной буквы не прочла в своей жизни, а здорова, как…

Он громко расхохотался вслед за герцогом, который в душе придерживался таких же взглядов. Еще раз хлопнув хозяина по плечу, барон Арнстейн двинулся вслед за Гуттормом.

— Давай, старый козел, показывай, где меня поместишь.

— Да мы же с тобой одного возраста, — возразил Гутторм, слегка поморщившись.

— Разве? — вновь оглушительно расхохотался барон. — Я думал, что ты старше меня лет на пятьдесят, а? Но если ошибся, то прости, — веселье так и било из него ключом, даже Бьергюльф посматривал на него с легкой завистью. — Ну а насчет козла тоже не обижайся, все мужики ведь козлы, это точно. — Он вновь засмеялся и его хохот еще долго раздавался в галереях замка.

Гости все прибывали: Грабнер Швехтенский, Штайнер Дорнахский, Мутезир Химмельфарбский и прочие графы, герцоги и бароны со своими женами и чадами толпами челяди и экипажами — скоро двор замка походил на шумный постоялый двор, и слуги едва успевали распрягать и уводить коней в стойла, а Гутторм чуть не стер себе ноги по самые колени, отводя нобилей и их семьи в отведенные покои. Почти беспрерывно гремели барабаны и выли волынки, встречая каждого гостя праздничным маршем.

— Ф-фу! — выдохнул Бьерпольф, приняв последнего гостя, — Совсем запарился я с непривычки… Речи говорить — это не мечом махать. Ну, аргосец, порадовал, постарался на славу. Тебе понравилось? — повернулся он к герцогине.

— Ты был великолепен, — искренне ответила Гунхильда, глядя на мужа влюбленным взглядом.

— Ты так считаешь? — ухмыльнулся герцог. — Значит, я достоин награды. Я думаю, мы можем немного отдохнуть в нашей спальне, до пира еще много времени.

— Откуда у тебя столько сил? — игриво спросила Гунхильда, прижимаясь к его плечу.

— Слышала, что сказал Арнстейн? Здоровый воздух, побольше еды и вина и никаких книг, — захохотал герцог.

— Он не говорил про вино, — запротестовала Гунхильда.

— Не может быть! — удивился Бьерпольф. — Ты, наверное, просто не расслышала.

* * *

Хайделинда действительна была не совсем в хорошем состоянии, но не по той причине, которую называли прибывшим гостям герцог и герцогиня. Она уже два дня не виделась с Эрлендом и начала тосковать по нему. Они договорились, что по прибытии в Хельсингер свои отношения будут держать в тайне и постараются найти время для свиданий где-нибудь в укромном месте вдали от глаз и ушей обитателей замка. Но Эрленд последние дни занимался выполнением нескончаемых поручений герцога по подготовке к празднеству, и встретиться им так и не удалось. Сегодняшним утром герцог разучивал с аргосцем свои идиотские приветствия гостям, и Хайделинда надеялась, что, может быть, позже они смогут улучить свободную минутку. Но все повернулось не так, как она желала, и теперь молодая герцогиня сидела у окна, и доносившиеся со двора удары барабанов и вой волынок раздражали ее донельзя. За время, проведенное в монастыре, она научилась терпеть я ждать, но сейчас отсутствие любимого нагоняло на нее тоску и почему-то тревогу.

Девушка с грустью глядела на проплывавшие по небу белые облачка и, теребя бахрому тяжелых портьер, вспоминала недавние дни путешествия домой, когда никто не вставал

между ней и Эрлендом, как они скакали на конях рядом друг с другом, и сладостные ночи в захудалых придорожных тавернах. Неужели для него какие-то дурацкие поручения Бьергюльфа важнее встреч с ней?

Еще этот позавчерашний разговор с матерью! Неужели она ради того, чтобы принадлежать этому пустому и развратному Бьергюльфу, пренебрегла своим мужем, благородным и достойным человеком я — в это Хайделинда все еще отказывалась поверить — знала о готовящемся убийстве? Волынка в очередной раз гнусаво затянула опостылевшую ей от многократного повторения мелодию. Девушка выглянула в окно. Подбоченившийся герцог, кланяясь, приветствовал какого-то старца с белой бородой в роскошном черном камзоле, вышитом серебристыми драконами — совсем как у барона Амальрика.

«Какой-то важный вельможа из столицы…» — подумала Хайделинда.

Она всмотрелась в окружение прибывшего гостя и увидела Ивара, поднимающегося на крыльцо и пожимающего руку герцогу. Девушка быстро отпрянула от окна, чтобы Ивар ее не заметил. Ей не хотелось его видеть. Хайделинда чуть ли не с брезгливостью вспоминала дни, когда после столичных приемов едва не поддалась на его ухаживания. Боги, надо же быть такой слепой и безголовой! По сравнению с Эрлендом он похож на напомаженную обезьяну! Сейчас один только вид лощеного самоуверенного оруженосца короля вызывал у нее отвращение. И неожиданно тоску сменило раздражение: ну почему они с Эрлендом не могут сами распоряжаться своей судьбой?!

«Любовь, если не умеешь ей противостоять и отдаешься… отдаешься с жаром, ведет к падению… сперва она размягчает душу, потом душа ввергается в горячку… человека рвут демоны соблазна, и он может погибнуть в пустоте, сгореть в необузданном огне», — вспомнила девушка слова настоятельницы монастыря.

Тогда, в Соважоне, она относилась ко всем наставлениям воспитательниц с пренебрежением, как и большинство ее подруг, но теперь девушка вдруг подумала, что настоятельница, возможно, и права — ее рвут демоны соблазна, в который ввергла ее страстная любовь к Эрленду.

В дверь постучали. Вошла служанка в белом переднике, повязанном поверх длинного платья.

— Госпожа, пора готовиться к приему. Осталось не так много времени.

— Иди! — сцепив пальцы рук, ответила Хайделинда. — Я вас позову… скоро…

Служанка вышла, но тут же дверь открылась вновь, и на пороге появилась Сюннива. Она прислонилась к косяку и не входила, а стояла молча, глядя на Хайделинду широко раскрытыми затуманенными глазами.

— Входи, — вздохнув, сказала герцогиня. — Я рада тебя видеть.

Девушка подошла и, присев рядом с ней на подоконник, ласковым движением убрала прядь волос, упавших Хайделинде на глаза.

— Ты какая-то подавленная. Что-нибудь случилось?

Ее участливый голос и нежное прикосновение словно разорвали натянутую струну в душе Хайделинды. Сказалось нервное напряжение, не отпускавшее ее в последние дни. С внезапным рыданием девушка бросилась подруге на шею.

— Ну что ты, что ты? — Сюннива погладила ее плечи. — Твоя матушка говорит, что ты сильно переутомилась в дороге. Но это скоро пройдет, я уверена. Пойдем…

Мягко обнимая Хайделинду за плечи, девушка вывела ее в соседнюю комнату, где служанки уже приготовили горячую благоухающую ванну.

— Идите, мы сами справимся, — махнула рукой Сюннива.

Хайделинда, потерявшая интерес ко всему, безучастно позволила подруге раздеть себя и с ее помощью опустилась в горячую воду.

— Ты позволишь мне помочь тебе? — спросила Сюннива.

Хайделинда только молча кивнула. Ей было все равно, вернее, нет, присутствие подруги все же позволяло ей отвлечься от невеселых мыслей. Сюннива мгновенно скинула с себя одежду и опустилась на колени возле ванной, намыливая кусок мягкой ткани.

— Сейчас я разотру тебе тело, и ты будешь чувствовать себя намного лучше, — приговаривала Сюннива, словно няня, успокаивающая маленькую девочку.

Хайделинда безучастно позволяла себя трогать, поворачивать, послушно повиновалась действиям подруги, и постепенно горячая вода и ласковые прикосновения успокоили ее.

— Какая ты красивая, — восхищенно повторяла Сюннива. — Наверное, в монастыре все хотели с тобой дружить?

— Почему ты так думаешь? — Хайделинда, сама того не ожидая, поддержала разговор.

— Ну, — пожала плечами дочь управляющего, — мне творили, что в монастырях девушки часто испытывают влечение друг к другу… ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, это так…

Искренние похвалы и осторожные ласки Сюннивы тронули сердце Хайделинды. Ей нужно, просто необходимо было отвлечься! И она уступила, сначала равнодушно и почти безучастно, но постепенно позволила подруге все. Потом, приятно расслабленные, они плескались в почти остывшей уже воде. Закончив купание, девушки завернулись в большие мохнатые простыни и присели на скамью. Хайделинда рассказывала подруге о своей жизни в монастыре и многих других вещах. Они долго могли бы просидеть так, весело болтая, если бы постучавшие в дверь служанки не напомнили, что пора собираться на пир. Хайделинда, к своему удивлению, поворачиваясь под ловкими руками служанок, которые одевали и причесывали ее, поняла, что подавленность, которую она только что испытывала, исчезла почти без следа.

Часть пятая

ИНТРИГИ В ХЕЛЬСИНГЕРЕ

Глава первая

В просторном дворе замка огромным прямоугольником разместились столы. Только в противоположной стороне от длинного главного ряда, где сидел хозяин с наиболее почетными гостями, был оставлен небольшой проход для того, чтобы слуги могли обслужить

пирующих. Каждый гость со своей супругой, если таковая имелась, восседали за главным столом, располагаясь по обеим сторонам от Бьергюльфа и Гунхильды, а остальные члены их семей рассаживались дальше, согласно старшинству и принятым правилам этикета. Хайделинде досталось место как раз напротив матери и герцога, рядом с сестрами Хольгера, Ортрудой и Артриксой, и младшим братом графа Швехтенского, учтивым молодым человеком лет двадцати, служившим в королевской гвардии в Нумалии. Молодая герцогиня огляделась, ища глазами Эрленда, но его нигде не было видно.

Она откинулась на спинку стула и обменялась взглядом с Сюннивой, которая сидела через дюжину человек от нее рядом со своим отцом. Ивар, как королевский оруженосец, занял место гораздо ближе к главе стола и гордо озирался вокруг, напоминая Хайделинде важного павлина. Заметив взгляд девушки, молодой человек приподнялся и отвесил учтивый поклон. Молодая герцогиня только кивнула в ответ и отвела глаза, рассматривая других гостей. Ее чувства были обострены, но сердце билось ровно и спокойно, как будто ничто про. исходящее не беспокоило и не могло взволновать душу Гости постепенно рассаживались, обмениваясь приветствиями со знакомыми. Слуги расторопно разливали по кружкам вино и пиво в зависимости от вкусов гостей. Гул голосов, смех и звук ножек кресел, двигающихся по каменным плитам, шарканье ног десятков слуг смешивались с карканьем ворон, рассевшихся по краям крыши и чуявших возможность поживиться будущими объедками.

Подождав, пока приглашенные займут свои места, Бьергюльф встал. Он поднял кружку, и его зычный голос раскатился над головами присутствующих. Гул стих, все повернулись в сторону хозяина.

— Благородные немедийцы! — повторил герцог, важно оглядев собрание. — Наш повелитель и первый среди знатных представителей народа Немедии, благословенный король Нимед, поручил мне собрать вас здесь, в моем замке, чтобы мы могли поговорить о делах, направленных на благо нашей великой страны!

Он перевел дух и продолжал:

— Под покровительством Владыки Света, Подателя Жизни, Хранителя Горнего Очага, Светлоликого Митры пусть расцветает и становится все более могучей наша великая Немедия! Слава Митре! Слава нашему повелителю благородному Нимеду! Да здравствует Немедия!

Последние слова потонули в дружном стуке кружек о столешницы. Рев сотни глоток, славящих Немедию, короля и Светлоликого продолжался еще некоторое время, потом пир покатился дальше. Столы ломились, уставленные блюдами с различными яствами, кувшинами с лучшими винами и знаменитыми сортами пива. Было где разгуляться натуре настоящего немедийца, любящего крепко выпить и хорошенько закусить.

Хайделинда, прислушиваясь к щебетанию сестричек Хольгера, атаковавших виконта Швехтенского вопросами о жизни в столице, равнодушным взглядом скользила по сотне жующих, пьющих и горланящих гостей. Некоторые вставали со своих мест и подходили к знакомым и друзьям, которых не видели несколько лет. Отовсюду слышались шутки, иногда весьма соленые, от которых Хайделинда почти отвыкла за время своего отсутствия в Хельсингере.

На пиру У короля Нимеда публика была несколько сдержаннее. Здесь же, где собрались провинциальные вельможи дальних окраин королевства, разговоры велись пооткровеннее, да и почтения к столичному люду было поменьше, несмотря на присутствие королевского

посланника Астриса Оссарского. Впрочем, ученый муж, беседующий с одним из настоятелей местного храма Митры, казался настолько поглощенным общением со служителем Солнцеликого, что не слышал едких шуток о столичных чиновниках и королевских приближенных, которые отпускал шумный и языкастый Арнстейн Фрондебергский. Большинство северных нобилей не слыли особыми книгочеями и любителями ученостей и вряд ли даже представляли, чем прославился почтенный Астрис.

Всех интересовало совершенно другое. Мужчины обсуждали виды на урожай и, как обычно, жаловались на лень и безделье своих подданных, бахвалились охотничьими трофеями и продвижением по службе своих сыновей. Несколько лет Немедия не вела войн, поэтому они не могли похвастать ратными подвигами, и многие даже ворчали, что их наследники теряют дух настоящих рыцарей. Жены и дочери нобилей обсуждали сидящих напротив жен и дочерей, их одежду и манеры, сплетничали об удачных замужествах и богатых подарках, хвалились своими драгоценностями. В общем, пир как пир. Хайделинда, будучи еще девочкой, видела не одно такое сборище. Она уловила, что кто-то упомянул ее имя, и прислушалась. Точно. Сидящий наискосок барон Фронденбергский обсуждал со стариком Майнхельским постигшую ее болезнь.

«Что это еще за бред? — удивилась про себя молодая герцогиня. — Он говорит, что я не в себе после послушания в Соважоне… Кто ему сказал такую ерунду?»

Она напрягла слух, и поскольку беседа между баронами велась довольно громко, то из долетавших до нее слов поняла, что это мать герцогини сообщила всем о ее недуге.

«Боги! — ахнула девушка. — Какой стыд! Похоже, все думают, что у меня не все в порядке с головой!»

Она на мгновение почувствовала себя так, словно ее голой выставили на посмешище этим жрущим, пьющим и орущим гостям. Хайделинда вспыхнула, опустив голову и исподлобья оглядывая пирующих: Девушку передергивало от мысли, что она может встретиться с чьим-нибудь участливым взглядом, каким нормальный человек обычно смотрит на сумасшедшего.

«Сюннива! — вспыхнуло у нее в мозгу. — Так вот почему она так ласково смотрела на меня! Она уже знала, что меня считают не в себе, и воспользовалась этим…»

Чувство, овладевшее ею утром, и, казалось, исчезнувшее после общения с подругой, вновь напомнило о себе, стеснив грудь. Хайделинде почудилось, что она задыхается. Она откинулась на спинку стула, пытаясь справиться с волнением.

— Хайделинда! — услышала девушка голос, одной из сестер Хольгера. — Мы так давно не виделись с тобой!

Герцогиня повернулась к соседке. Раньше она различала сестер-близнецов, но сейчас, глядя на обращенное к ней румяное, пышущее здоровьем девичье лицо, тщетно пыталась угадать, кто же это: Ортруда или Артрикса. В детстве они были довольно-таки дружны, Ормхаген был ближайшим от Хельсингера замком, и девочки часто гостили в семьях соседей по многу раз в году.

— Не пытайся, не угадаешь, — засмеялась собеседница, почувствовав ее сомнения. — Теперь нас даже брат путает!

— Трикси, — ответила ей Хайделинда, потому что «знала ее по характерной мимике. — Не думай, что в монастыре у меня совсем повредились мозги, как говорит всем моя мать. Она и вам это сказала?

— Ну что ты? — застигнутая врасплох вопросом, смутилась девушка, но Хайделинда по

ее испуганным глазам поняла, что угадала.

— Ну и что именно она вам наговорила? — глядя прямо в растерянное лицо, продолжала молодая герцогиня.

— Ну, герцогиня сказала… — пыталась вывернуться Артрикса. — Да, в общем, ничего особенного. Я и забыла уже…

— Поговорим, когда вспомнишь, — зло сказала Хайделинда и отвернулась.

Ее душила ярость. Надо же, даже ближайшие подруги детства верят во всякую чушь, которую распространяет мать, вместо того чтобы поговорить с ней самой.

— Как поживаешь, Хайделинда? — подошел Ивар и склонился, участливо глядя на нее.

«Еще один! — Девушке стоило больших трудов сдержать резкие слова, готовые сорваться с языка. — Этот хлыщ воображает, что имеет какие-то права на меня! Так бы и врезать ему по смазливой роже!»

Эта мысль рассмешила ее, и девушка вдруг почувствовала, что ей глубоко наплевать на то, в каком виде пытаются представить ее родственнички и друзья.

«Друзья! — повторила она про себя. — Были друзья, а теперь…»

Хайделинда повернула голову к почтительно склонившемуся к ее руке разодетому в бархатный камзол и лопающемуся от собственной значимости Ивару:

— Да вот хвораю, знаешь ли, — постаравшись придать голосу меланхолический оттенок, сказала она, — с головой что-то плохо.

Ивар, не ожидавший такого начала, вытаращил глаза и не знал, что ответить. Хайделинда просто физически почувствовала, как тяжело найти выход из неловкой ситуации этому самодовольному хлыщу, не привыкшему особенно работать головой.

— Ты бы поговорил с кем-нибудь из нормальных девушек, — издевательски продолжала герцогиня, — вот с Артриксой, например. — Она повернулась и указала Ивару рукой на подругу, которую один вид столичного франта привел в состояние восхищенного оцепенения.

— Но… я… — пытался выдавить из себя что-то Ивар, но Хайделинда перебила его:

— Ты такой разговорчивый и учтивый человек. Тебе интересно будет вновь встретиться с подругами нашего детства, да и с молодым человеком из Нумалии побеседуешь. Садись на мой стул, а я пройдусь, подышу воздухом чуть поодаль. Садись, садись, — настойчиво потянула она его за руку, поднимаясь со своего места. Ивару ничего не оставалось, как последовать приглашению.

«Вот и посплетничайте о моей болезни, недоумки!» — мстительно усмехнулась про себя Хайделинда, выйдя из-за стола, и направилась к месту, где сидела Сюннива.

Глава вторая

Пир тем временем достиг своей высшей точки. Музыканты старались вовсю, и несколько групп молодежи под руководством столичных кавалеров пытались разучить вошедший в моду новый в Бельверусе танец. Большинство, разумеется, составляли местные девушки, с обожанием глядевшие на лощеных и манерных придворных. Сыновья местных

баронов и графов, не выдерживающие никакого сравнения с учтивыми столичными молодыми людьми, столпились кучкой, сопровождая насмешками каждое неловкое движение своих недавних подруг. Хайделинде не хотелось принимать никакого участия в подобных забавах, она пыталась высмотреть среди танцующих пар Сюнниву, но не могла найти ее. Стало темнеть, во дворе появились факельщики. Длинные причудливые тени множества людей зазмеились на каменных стенах замка.

«Куда она делась, мерзавка? — Хайделинда кипела от ярости. Ей хотелось сейчас же выложить все той, которую она сегодня днем посчитала своей самой близкой подругой. — Я выскажу все, что о ней думаю. Коза похотливая… Да и я, правду говоря, не лучше…» — Она сжала кулаки, не замечая направленных на нее ошеломленных взглядов гостей.

Наконец, обойдя прямоугольник столов, Хайделинда увидела подругу. Сюннива с группой молодых людей из свиты королевского посланника самозабвенно отдавалась танцу. Красивый юноша в черном бархатном камзоле, держа девушку за кисть левой руки, показывал фигуры модного танца, а она, смеясь собственной неловкости, пыталась повторить па. Окружавшая пару молодежь весело подшучивала над ними. Хайделинда, встав поодаль, некоторое время мрачно наблюдала за танцующими, пока ее присутствие не заметили. Шутки и смех стихли. Все молча повернулись к молодой герцогине.

— Хайделинда! — радостно окликнула ее Сюннива. — Иди к нам, здесь так весело!

— Тебе есть с чего веселиться? — яростно выкрикнула в ответ Хайделинда, которая уже не владела собой. — Ты — мерзкая предательница!

— Да что с тобой? — недоуменно приподняла брови Сюннива, — Похоже, тебе действительно не помешает отдохнуть. Пойдем, я провожу тебя. — Она подошла к герцогине и хотела обнять ее за плечи.

— Убери руки! Не прикасайся ко мне!

— Хайделинда. — В голосе Сюннивы почувствовались едва сдерживаемые слезы. — Мы же с тобой лучшие подруги… — Она наклонилась, пытаясь заглянуть в глаза девушки. — Давай уйдем отсюда, я отведу тебя в твою комнату.

— Убирайся прочь! — крикнула Хайделинда, оттолкнув ее с такой силой, что Сюннива упала на землю. — Я не желаю тебя больше видеть!

Молодые люди бросились поднимать отчаянно рыдающую девушку, а герцогиня, резко развернувшись, побежала по направлению к дверям замка.

Хайделинду всю трясло, и она уже жалела, что поступила так грубо с бывшей подругой. Оглядывая картину веселья, девушка вдруг увидела Эрленда, который направлялся к ней, выходя из двери, ведущей во двор с внутренней галереи замка. Он шел навстречу, и выражение его лица, поначалу радостное, вдруг сменилось на озабоченное, а потом и на тревожное.

— Что случилось? Тебя кто-то обидел?

— О! Неужели это ты, Эрленд? Похоже, ты наконец-то решился оставить свои чрезвычайно важные дела! — Хайделинда смерила его злым взглядом, глаза девушки полыхнули холодным фиолетовым огнем.

— Милая… — начал было Эрленд, совершенно не понимая, что происходит и почему Хайделинда обращается к нему с такими презрительными словами. Однако, присмотревшись внимательнее к выражению ее лица, охнул: — Да скажи же, в конце концов, что происходит?!

— Ничего особенного. — Она вдруг показала ему язык. — Просто я спятила, ты что,

разве еще не слышал об этом?

— Когда? — задал совершенно глупый вопрос аргосец и, не выдержав, рассмеялся — Да это же невозможно! По-моему, ты просто издеваешься надо мной, — произнес он, с показной покорностью склоняя голову. — Но все равно, если я могу чем-то помочь, я все сделаю для тебя, милая!

И от его озабоченных слов, от звучания родного голоса внутри Хайделинды словно лопнула туго натянутая струна. Она поняла, что, конечно же, Эрленда держали вдали от нее действительно неотложные дела — неужели можно было хоть на миг усомниться, что возлюбленный желает увидеть ее меньше, чем она — его? А она бесилась, словно демон, едва не кидалась на людей… Впрочем, почему «едва» — вон как толкнула бедняжку Сюнниву. Конечно, ужасное состояние было вызвано распускаемыми кем-то — девушка уже догадывалась, кем и зачем именно, — идиотскими сплетнями о ее безумии. Но вот появился Эрленд — и все исчезло. Неужели ее беспокоит то, что подумает это скопище чавкающих недоумков, будь они хоть трижды самыми знатными аристократами королевства! Теперь рядом любимый человек, в котором она уверена так же, как в себе самой, — и это все, что ей нужно от жизни.

И, не обращая внимания на находящихся вокруг людей, Хайделинда бросилась на шею аргосцу.

В этот момент вдруг дико, перекрывая звук оркестра цимбал, завыла труба, и громкий голос глашатая возвестил:

— Ценный подарок для герцога Бьергюльфа!

Эрленд и Хайделинда повернулись туда, откуда раздался этот крик, и увидели, как глашатай, неся на вытянутых руках небольшой ларец, величественно подходит к столу, где сидели почетные гости.

— Что ты говоришь? — раздался голос Бьергюльфа, и герцог поднялся, опираясь руками о стол.

— Ценный подарок! Ценный подарок? — зашелестел шепот гостей, которые оставили своя занятия и в наступившей вдруг тишине обратили взоры на герцога и идущего к нему торжественной поступью глашатая.

— Откуда ты это взял? — спросил герцог, удивленный неожиданным событием.

— Монах из Храма Блаженных в Магдебурхе вручил это для передачи господину герцогу! — провозгласил глашатай.

— Монах? — удивился служитель Митры, прервав свою ученую беседу с почтенным Астрисом. — Очень интересно!

Гости помаленьку продвигались вслед за человеком, несущим ларец, любопытствуя, что может лежать в шкатулке, и старясь занять место поближе к герцогу Хельсингерскому, чтобы не пропустить момент вручения подарка из монастыря.

— Чем это я так угодил богам? — подбоченился Бьергюльф, явно польщенный выпавшей ему честью, — Гунхилъда, ты, случаем, не догадываешься?

Гости, уже изрядно накачавшиеся вином и пивом, встретили вопрос ядреными шутками и громким ржаньем.

— Стой! — закричал барон Фронденбергский, останавливая глашатая, который уже было протянул ларец Бьергюльфу. — Надо музыку! Давай марш! — заорал он в сторону оркестра, и гости вразнобой подхватили его крик:

— Марш! Музыку!

Цимбалисты ударили по струнам, и шкатулка наконец очутилась в руках герцога.

— Смотри! — Эрленд сильно сжал руку Хайделинды.

Бьергюльф открыл ларец и тупо уставился на его содержимое Лицо герцога побагровело, глаза вылезли из орбит, он вдруг стал похожим на быка с красными от ярости белками и сведенным в судороге ртом. Казалось, его сейчас хватит удар. Внезапно наступила мертвая тишина, и ее отчетливо прорезал возглас испуганной Гунхильды:

— Что там?

Бьергюльф, не в силах вымолвить ни слова, молча протянул ей ларец. Герцогиня взглянула и отпрянула, словно увидев внутри змею, не в силах сдержать испуганный вопль:

— Боги! Кольцо Гюннюльфа!

Мгновение она стояла, как будто завороженная, потом ларец выпал из ее рук. Перстень, лежавший в нем, покатился по столешнице.

— Что там такое? Что происходит? — послышались возбужденные голоса тех, кто не мог видеть происходящее во главе стола.

— Какой-то перстень…

— Не какой-то, а фамильный перстень герцогов Хельсингерских, — поправил другой голос.

— Как? Он что, пропал? — спросила какая-то дама.

— Вы, бабы, настолько любите сплетничать, — назидательно ответил мужчина, стоявший рядом — по-видимому, ее муж или брат, — что непонятно, как такое известие проскочило мимо твоих ушей. Ты что, не слышала об исчезновении герцога Гюннюльфа около двух лет назад?

— Ну как же? Ты меня за дуру считаешь, что ли? — обиделась его спутница. — Я просто не знала, что пропал не только герцог, но и его перстень…

— Действительно, дура, — мужчина был уже сильно пьян, — кольцо всегда было у него на пальце!

— А… — протянула женщина и повернулась к стоявшей рядом подруге: — Как интересно, Арминия, нашелся перстень пропавшего герцога!

— Дорогой, наверное? Известное дело, фамильная драгоценность!

— Отсюда не видно. Не понимаю, что это Бьергюльф так разволновался. Остолбенел прямо…

Действительно, герцог до сих пор не мог прийти в себя. Он стоял с багровым от напряжения лицом, упираясь руками в столешницу, словно не мог сдвинуться с места.

— Это добрый знак! — возвестил служитель храма Митры. — Боги посылают тебе свое благословение, — повернулся он к герцогу. — Что с тобой? — Он тронул хозяина за рукав, видя, что герцог не двигается и, похоже, даже не слышит его слов.

Вновь наступившую тишину нарушил вскрик. Это Гунхильда отчаянно разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Оно было… было у него… на пальце, — сквозь слезы повторяла она, не в силах успокоиться.

Бьергюльф наконец очнулся от оцепенения и, опрокинув свое кресло, выбежал из-за стола.

— Огня! Огня! — закричал он, бросаясь к дверям галереи.

Несколько слуг с зажженными факелами подскочили к герцогу. Оттолкнув одного из них, Бьергюльф, как безумный, помчался дальше. Он не разбирал дороги, словно кабан,

продирающийся сквозь заросли.

— Какая тонкая чувствительная натура! — воздел к небу руки старец Астрис. — Кольцо напомнило герцогу о погибшем брате, и его душа не может сразу обрести покой. Так ведь, месьор? — Он повернулся к барону Фронденбергскому.

— Брось ты! — невежливо отмахнулся тот. — Просто хватил, наверное, лишку, вот и расчувствовался. Пьяные слезы! А может быть, живот прихватило, вот и помчался, как борзый пес, — затрясся от смеха барон. — Бывает, если слопаешь слишком много.

Старец Оссарский недовольно пожевал 'губами и отвернулся от барона. Эти северяне — невоздержанные грубияны, и ничто возвышенное им непонятно!

— Ты видел? — Хайделинда невольно прижалась к Эрленду. — Похоже, дядю сильно озадачило появление этого перстня.

Эрлеяд пристально взглянул на нее. Девушка, очнувшись от впечатления, произведенного событием с появлением кольца, тоже посмотрела на него с некоторым подозрением:

— А почему ты сказал мне, чтобы я смотрела? Ты знал, что произойдет?

Эрленд, застигнутый врасплох вопросом, на мгновение замялся с ответом, но бодро ответил, памятуя наказ, данный варваром:

— Да нет, откуда мне было знать? Просто я заинтересовался появлением глашатая и обратил твое внимание…

— Да? — переспросила Хайделинда, насмешливо глядя на него. — Можешь поклясться?

— Понимаешь… — начал Эрленд, теребя руками кожаный пояс.

— Кажется, понимаю, — перебила его молодая герцогиня. — Не этим ли ты так усердно занимался последние два дня? Да и приятеля твоего, этого черноволосого великана, что-то не видно.

— Какого приятеля?

— Да брось прикидываться теленком, — улыбнулась девушка, — Воображаешь, я не заметила, как ты исчезаешь из замка чуть не на целый день?

— Неужели углядела? А я так старался делать это как можно незаметнее!

— Ты думаешь, я совсем уж корова безмозглая? К тому же мы с тобой два дня не виделись. — Хайделинда совершенно успокоилась и теперь просто наслаждалась замешательством аргосца. — Кто как, а я всегда точно знаю, когда ты в замке, а когда тебя нет.

— Прости меня, так получилось. — Эрленд обнял девушку, и она приникла к нему, чувствуя спокойствие и защиту в объятиях любимого. — Но Конан посоветовал не беспокоить тебя… пока… пока все не станет более определенным…

— У нас еще будет время поговорить об этом.

Хайделинда подняла голову, глядя аргосцу прямо в глаза. — Я так соскучилась по тебе, — последние слова она проговорила, снова уткнувшись ему в грудь, — а тут еще эта история… Представляешь, кто-то распускает слухи, что я сошла с ума!

— Милая, — Эрленд сжал девушку в объятиях осторожно, чтобы никто не заметил, целуя волосы возлюбленной. — Милая…

Однако никто и не повернул голову в их сторону. Праздник продолжался. Слегка посудачив о странном поведении герцога, гости вновь предались веселью: молодежь отправилась танцевать, более старшие уселись за столы, налили себе пива или вина и предались беседам о нынешних нравах и воспоминаниям о былых подвигах.

Гутторм отозвал в сторону глашатая, принесшего герцогу странный подарок, и долго расспрашивал его. Тот, напуганный происшедшим, сбивчиво отвечал, кивая головой в сторону замковых ворот.

— Ладно, можешь идти, — разрешил Гутторм, удовлетворившись объяснением, — но лучше всего помалкивай о том, что рассказал мне. Понял?

Слуга с облегчением закивал, радуясь благополучному для него исходу дела.

Глава третья

Утром следующего дня Бьергюльф вызвал к себе Гутторма: — Тебе не кажется, что вчера мои враги пытались выставить меня в дурацком свете перед гостями?

— Успокойся, месьор, никто не придал происшествию особого значения. В конце концов, ничего страшного и не произошло: нашелся фамильный перстень твоего брата, погибшего полтора года назад. Вот и все.

— Может, ты и прав, — задумчиво произнес Бьергюльф. Он плохо выглядел после бессонной ночи и уже не являл собой пример веселого и пышущего здоровьем и жизнерадостностью человека. — Кто-то хочет насолить мне, — продолжал он, — Вообще, мне кажется, это кольцо — подделка.

— Нет, месьор. Я отдал его твоему ювелиру, и он сказал, что перстень подлинный,

— Не может быть! — вскричал герцог. — Откуда тогда могло взяться кольцо? Все люди исчезли, ни одного клочка одежды, ни одного предмета не осталось, а кольцо почему-то сохранилось.

— Но ведь могли украсть его у Гюннюльфа перед самым исчезновением, а теперь с какой-то целью возвратить тебе?

— Какая цель?! — Взъерошенная голова Бьергюльфа затряслась от гнева. — Все ясно как день! Некий мерзавец хочет обвинить меня в гибели брата и распространяет грязные слухи через мою племянницу!

— Ты сказал, что она не в себе. Разве может кто поверить сумасшедшей девице?

— Это я, конечно, здорово придумал, — ухмыльнулся Бьергюльф, несколько успокоившись. — На самом деле у Хайделинды нет никаких признаков безумия. Дело в том, что ей сообщили, будто бы ее отец погиб не случайно, и я тому причиной.

— Вот как? — Гутторм изобразил удивление, хотя такое подозрение возникло у него самого много раньше. — И кто же сказал это молодой герцогине?

— Она не хочет говорить, — развел руками Бьергюльф.

— Что значит — не хочет? — удивился Гутторм. — Ты полный властитель в своих землях и хозяин всех подданных. Допроси ее с пристрастием.

— Да ты что? — замахал руками герцог. — Это совершенно невозможно! Она на виду у короля, да и Гунхильда вряд ли будет рада твоему предложению. Поднимется такой шум, что я окажусь не в состоянии погасить его. Подумай сам, она владетельная госпожа, а не девка какая-нибудь.

«Конечно, боишься лишней огласки, — подумал управляющий, — иначе ни мгновения

не колебался бы, и падчерицу уже давно бы вздернули на дыбу».

— Тогда попроси герцогиню еще раз поговорить с дочерью ласково и доверительно. А я спрячусь где-нибудь в комнатах у твоей жены и все, о чем пойдет разговор, передам тебе.

— Что ж, неплохая мысль, — согласился герцог. — Так и сделаем. Пойдем со мной к герцогине, прямо сейчас.

— Хочу тебя предупредить, господин, что у меня тоже есть кое-какие подозрения… — после некоторого раздумья начал Гутторм.

— Какие? — не дав управляющему договорить, быстро спросил Бьергюльф.

— Судя по описаниям глашатая, кольцо принес высокий, могучий черноволосый монах с синими глазами. Очень уж он напоминает мне командира наемников, что сопровождали твою племянницу из монастыря.

— Да ты что? — чуть не поперхнулся Бьергюльф, но взял себя в руки и спокойно добавил: — Мало ли какие бывают монахи… Совпадение, не больше.

«Так, так, — подумал про себя управляющий. — Этого ты мне говорить не хочешь».

Они вышли из кабинета герцога и двинулись по коридору к покоям хозяев Хельсингера.

«Значит, неспроста явился тогда медведь, — размышлял Гутторм. — Голову дам на отсечение: герцог на самом деле замешан в исчезновении своего брата. Как напуган. — Он искоса бросил взгляд на своего господина. — Бледный, растерянный после вчерашнего. Видимо, был в полной уверенности, что не осталось никаких следов, а тут такой случай… — Управляющий почувствовал, как противно заныло под ложечкой. — И я теперь оказался замешан. Но выхода нет. Если пойду против герцога, то останусь на улице голым и босым, если еще с жизнью не распрощаюсь…»

* * *

Хайделинда облачилась в костюм для верховой езды и уже направлялась к конюшне, чтобы оседлать своего жеребца и отправиться на прогулку вместе с Эрлендом, как ее догнала запыхавшаяся служанка.

— Госпожа, герцогиня хочет поговорить с тобой.

— Передай, что зайду после прогулки, — на ходу бросила Хайделинда.

— Госпожа, — служанка умоляюще сложила руки, — герцогиня велела немедленно разыскать тебя. Если ты не придешь, меня накажут…

— Ладно, — Хайделинда сжалилась над ни в чем не повинной девушкой. — Пойдем.

Мать сидела в кресле за маленьким столиком и нервно перебирала пальцами нитку бус, лежавшую перед ней.

— Ты хотела видеть меня? — мягко спросила ее Хайделинда.

— Да, — ответила герцогиня. Она помолчала несколько мгновений, словно собираясь с силами, потом продолжала: — Мы с Бьергюльфом считаем, что это ты подстроила вчера появление перстня.

— Я? — Хайделинда изобразила искреннее удивление, что далось ей не так просто. Она знала истинное положение вещей. — Матушка, ты сама подумай, откуда у меня могло появиться кольцо? Я уехала отсюда еще до исчезновения моего отца и вернулась всего

несколько дней назад. Ты говоришь о невозможных вещах!

— Тот, кто принес тебе слух об отце, тот и передал перстень, — упрямо продолжала Гунхильда.

— Так ты думаешь, что это как-то связано между собой? — прямо спросила Хайделинда.

Герцогиня почувствовала, что сама себе подстроила ловушку. Она, собираясь с мыслями, молча смотрела на дочь, откровенно усмехавшуюся ей в глаза.

— Значит ли это, что и у тебя возникли подозрения? — нарушила молчание молодая герцогиня. — Может быть, в слухах кроится доля истины?

— Нет! — вскрикнула мать, — Это все плод твоего больного воображения!

— Ну уж и плод. — В глазах дочери светилось торжество. — Но не в этом дело… Матушка, — вдруг тихо и ласково спросила Хайделинда, — как ты могла променять моего отца, благородного и хорошего человека, на этого развратного обжору?

— Что ты болтаешь? — с тоской произнесла Гунхильда. — Я тебе рассказала, как было дело…

— Почему тогда Бьергюльф так напугался вчера?

— Он просто расчувствовался, перстень напомнил ему о брате, — попыталась объяснить герцогиня, но, встретив взгляд дочери, осеклась. На глаза Гунхильды навернулись слезы.

— Мы должны жить мирно и дружно, а ты старался поссорить меня с мужем и вообще вносишь беспорядок в наш дом…

— Матушка, — спокойно отпарировала Хайделинда, — я ведь поделилась только с тобой, но ты сама рассказала обо всем этому ничтожеству, а потом вы вместе с ним объявили меня… не совсем здоровой. Зачем?

— Не смей называть его так! — закричала Гунхильда. Ее злило, что она ничего не может противопоставить словам дочери, — Он все же властитель этих земель! Лучше скажи мне, кто распускает слухи о причастности Бьергюльфа к исчезновению брата?

— Вот что тебе было нужно, — медленно произнося каждый слог, выговорила Хайделинда. — Похоже, вам очень хочется узнать это!

Гутторм, у которого зачесался нос от пыли, скопившейся в бархатной занавеси, прилагал героические усилия, чтобы не чихнуть, но при этом чуть задел скрывавшую его ткань.

— Как? — молодая герцогиня резко повернулась к окну. — Вы сговорились! Бьергюльф подслушивает нас! Ну так получай же!

— Нет! — взвизгнула Гунхильда, но было поздно. Уроки, когда-то данные Эрлендом, не пропали втуне: Хайделинда молниеносно выхватила из-за пояса всегда находившийся при ней кинжал и метнула в портьеру. Раздался сдавленный вскрик, и тело Гутторма медленно повалилось вперед, срывая занавесь с карниза.

— Боги! — воскликнула Хайделинда. — Это ты, старый слуга… Прости, я не хотела… Мне показалось, что в комнате матери прячется герцог…

Гутторм вряд ли уже слышал обращенные к нему слова: его глаза тускнели, жизнь быстро покидала распростертое на полу тело.

— А-а-а! — опомнившись, закричала герцогиня. — Ты убила Гутторма!

На ее крик сбежались множество челяди: служанки стража. Они заполнили комнату и стояли в оцепенении не зная, что следует предпринять.

— Что стоите? — нарушил молчание голос Бьергюльфа, который вошел вслед за

людьми. — Взять ее! В подвал! — приказал он, указывая рукой на молодую герцогиню.

— Нет! Она все-таки моя дочь! — Герцогиня бросилась к Хайделинде.

— Поздно ты вспомнила об этом, матушка, — усмехнулась девушка.

— Твоя дочь — убийца! — Герцог торжествующе показал на труп старого управляющего. — Она, конечно, не в себе и, наверное, не понимала, что делала, но арестовать ее необходимо, пока сумасшедшая не перерезала весь замок. Отведите ее в подвал, что стоите! — заорал он на стражников, которые не решались подойти к девушке. — Или вы забыли, собачьи шкуры, кто здесь хозяин?!

Все сложилось очень удачно: эта девчонка теперь у него в руках. Никто не осудит хозяина Хельсингера за то, что он бросил в тюрьму безумную девицу, убившую человека. Конечно, немного жаль верного Гутторма, но, похоже, он знал слишком много, и боги сами распорядились, решив отправить старика на Серые Равнины. Бьергюльф вновь обрел уверенность в себе и немного повеселел.

В это время в комнату вбежали Ивар и Сюннива. которым сообщили о случившемся.

— Отец! — Девушка с рыданием бросилась на тело Гутторма.

Ивар стоял молча, не делая попытки поднять сестру, которая обнимала мертвое тело, шепча побелевшими губами:

— Отец… Как же так?.. За что…

Она повернула залитое слезами лицо к Хайделинде, которую держали за руки два стражника.

— Ты, монастырская шлюха! Ты мстишь мне? — Она вскочила на ноги и метнулась к молодой герцогине.

Все на мгновение оторопели от слов Сюннивы. Девушка подскочила к Хайделинде и попыталась вцепиться ей в волосы, но Ивар, опередив стражников, сделавших движение к сестре, успел схватить ее за локти. Пусти! — вырывалась Сюннива. — Пусти меня! Я выцарапаю глаза этой мерзкой шлюхе, этой гнусной убийце! Предательница!

Она была вне себя, и брат с трудом удерживал ее. Хайделинда побледнела, но не сделала ни одного движения, словно все, что происходило здесь, ее не касалось. Стражники крепко держали руки девушки.

«Ого! — мелькнуло в голове Бьергюльфа. — Предательница… Сильно сказано. Не исключено — эта девчонка что-то знает. Ну ладно, дело терпит. Узнаю после».

— Отведите ее в камеру, — бросил герцог стражникам.

Хайделинда молча позволила себя увести.

— Не плачь, женщина! — Он подошел к рыдающей Гунхильде. — Я выпишу лучших врачевателей, и мы вылечим несчастную девочку.

— Но зачем ты отправил ее в тюрьму? — продолжала всхлипывать герцогиня, в которой, совершенно неожиданно для нее самой, пробудились материнские чувства.

— Она опасна, а камеры можно запереть, там есть решетки на окнах, — веско сказал Бьергюльф. — Но ты не беспокойся, я распоряжусь, чтобы ей там было удобно. Она не какая-нибудь девка, а молодая герцогиня Хельсингерская.

— Девка она, девка! — выкрикнула Сюннива.

Двое служанок помогали Ивару вытащить ее из комнаты, но она отбивалась, извиваясь у них в руках, как безумная.

— Я отомщу этой гадине! — рыдала Сюннива, и ее крики еще долго раздавались в каменных пространствах замка, становясь все глуше и глуше.

Глава четвертая

Конан снял с вертела здоровенный кусок мяса и бросил на блюдо. Он удобно устроился на небольшой полянке в глуши хельсингерского леса и приготовился с аппетитом пообедать. Пока все складывалось хорошо. Интересно, как прошло вручение перстня? Вчера вечером, он, закутавшись в желтую накидку, которой снабдил его Эрленд, вполне правдоподобно разыграл роль монаха, и теперь ждал вестей о результатах закрученного им предприятия. Киммериец взглянул на небо. Пора бы парочке уже и появиться. Они договорились, что Эрленд с молодой герцогиней отправятся на конную прогулку и расскажут варвару о событиях в замке.

Погода стояла отличная: тепло, сухо, и Конан наслаждался бездельем. Нельзя сказать, что он очень мечтал о таком времяпрепровождении, куда лучше было бы посидеть в таверне, держа на коленях какую-нибудь веселую красотку, однако выбирать не приходилось. К тому же здесь все-таки намного лучше, чем в камере городской тюрьмы, где варвару по милости Краутвурста пришлось коротать ночь.

«Пожалуй, надо сказать Эрленду, пусть раздобудет коня, да заняться этим лысым ублюдком, — размышлял киммериец, не спеша откусывая кусок сочного мяса, — не идти же в Сюндбю пешком, все ноги сотрешь».

Крики соек заставили его насторожиться. Он прислушался. Птицы не обманули: кто-то скакал во весь опор по находящейся шагах в ста от него лесной тропе. Судя по топоту лошадиных копыт, раздававшимся из-за зарослей, всадник был один.

«Их должно быть двое». — Варвар быстро прикрыл еду широким листом лопуха и неслышно скользнул в обрамляющий поляну кустарник.

Топот конских копыт стих — видимо, всадник остановился. Затем послышался звук шагов, хруст веток. Кто-то, не таясь, шел по направлению к лагерю киммерийца.

— Конан! Где ты? — услышал он голос Эрленда.

— Здесь я!

Они вышли на поляну одновременно. Лицо аргосца выглядело усталым и встревоженным.

— В чем дело? — спросил варвар, — Почему ты один?

— Хайделинду герцог бросил в темницу! — почти выкрикнул молодой человек, опускаясь на траву.

— За что можно арестовать молодую герцогиню? — удивился Конан. — Он, похоже, совсем спятил. Расскажи подробно, как все произошло.

Рассказ Эрленда варвар выслушал, не перебивая, только иногда вставлял ругательства — восторженные или злые в зависимости от эпизода.

— Рога и копыта Нергала! — хмыкнул он, услышав про несчастье с Гуттормом, — Шустрая тебе досталась девчонка! На моей памяти не так уж много было женщин, умевших метать нож. Надо же, ухлопала старого таракана с одного броска!

— Что ты смеешься? — Эрленд недоуменно воззрился на своего сообщника. — Тут нет

совершенно ничего смешного. Надо спасать Хайделинду! Я спешил к тебе, чтобы все рассказать, но сейчас вернусь в замок и разнесу его по камешкам, но вытащу ее из подземелья!

— Ты прав, конечно, — посерьезнел варвар. — Этим придется заняться. Но, — он поднял палец вверх, — ты не можешь быть в это замешан.

— Почему?

— Да все же ясно, как белый день! Во-первых, вы и убежите вдвоем, то вас будут искать везде, и вряд ли вам удастся уйти далеко. А во-вторых, — Конан немного помедлил, — ты мне нужен в замке, причем важно, чтобы тебя ни в чем не заподозрили.

— Ради каких демонов мне нужно там оставаться если Хайделинда в застенке у этого негодяя?!

— Об этом позабочусь я, — усмехнулся варвар. — От тебя потребуется только помочь мне тайно проникнуть в замок. Это несложно. Ночью сбросишь веревку со стены, — он выложил из обломков веточек подобие чертежа замковых стен, — вот здесь, у этой башни, — ткнул он пальцем. — Это недостаток вашей крепости — из-за крыши башенки не виден кусок стены локтей в двадцать длиной.

Конан за те дни, что он пробыл в Хельсингере, успел досконально осмотреть все его строения и стены. Такая уж у него была привычка, сформировавшаяся за многие годы жизни: никогда не вредно узнать до мельчайших подробностей место, где находишься.

— Скажи, — продолжал варвар, — как охраняются камеры?

— Если в них есть арестанты, то стоят двое стражников, — аргосец, в свою очередь, изобразил из подручных средств план подвальных помещений, — вот здесь и там.

— Тьфу! — сплюнул киммериец. — Считай, бедолагам сильно не повезло. Им придется отправиться на Серые Равнины, а девчонку твою тем же путем, что и пришел, переправлю на волю. Двух коней поставишь у опушки, там, где дубовая рощица. Понял?

Эрленд кивнул.

— Когда смена стражи? — продолжал свои расспросы варвар.

— Эти двое продежурят половину ночи, под утро их сменят.

— Вот и хорошо, клянусь Белом! У нас будет достаточно времени, успеем уйти. Кстати, тебе советую в это время быть на виду, чтобы не возникло никаких подозрений.

— Ночью на виду? — Аргосец почесал подбородок. — Что ж, попробую. А где вы скроетесь?

— Здесь! Чем плохое место? — Конан обвел взглядом поляну. — Но мы поедем не тем путем, каким прискакал сюда ты. Надо будет подсуетиться и сбить собак со следа, но для меня это труда не составит.

— А что потом будем делать? — Эрленд принял план киммерийца с определенным сомнением. — Бьергюльф, несомненно, взбесится от того, что его пленница сбежала, и снарядит большой отряд. Они прочешут все вокруг.

— Не успеет, — усмехнулся варвар. — Пока гости в замке, он поостережется поднимать лишний шум. Герцог как огня боится разговоров о старшем брате, а исчезновение девчонки будет явно с этим связано. Уж я позабочусь. А потом мы ему еще подарочек преподнесем. Ты нашел то, что я просил?

— Совсем забыл об этом. Сейчас принесу, вещи у меня в седельной сумке.

— Давай тащи сюда, — киммериец разлегся на лужайке, щурясь на яркое солнце.

Эрленд вскоре вернулся. В руках аргосца была кольчуга с выкованными на груди пятью

подковами и богато украшенный самоцветами эфес от клинка.

— Хм! — Конан оглядел принесенные вещи, повертел в руках эфес, расправил кольчугу. — Ты уверен, что остальные не догадаются, где ты взял эти штуки?

— Абсолютно! — заверил его аргосец. — У герцога Гюннюльфа было два одинаковых меча. Один клинок почему-то лопнул как раз вот здесь, — он показал киммерийцу место излома, — лет пять назад, когда Бьергюльф находился в Бритунии. Хозяин сначала хотел выковать новый, но потом как-то забыл об этом. А из замка он уехал точно с таким мечом. Кто вспомнит об этом? Герцогиня? Вряд ли. Гутторм мертв. Я нашел этот сломанный меч в кладовке всякого старья, в пыли, валяющимся за сундуком.

— А кольчуга?

— С ней могут быть осложнения, потому что у герцога имелось несколько таких кольчуг.

— Все с подковами?

— Угу, — кивнул головой Эрленд, — но кто-то, может быть даже сам Бьергюльф, мог запомнить ту кольчугу, в которой Гюннюльф покинул замок.

— Хорошо, — решил варвар, — ее отложим напоследок. Как долго эти придурки пробудут в замке?

— Какие придурки? — не понял аргосец, — А-а! — хлопнул он себя по лбу. — Ты имеешь в виду местную знать?

— Их, Нергал им в печень!

— Еще несколько дней.

— Значит, надо торопиться.

— Да, — согласился Эрленд. — Но ты уже не сможешь повторить свое переодевание в монашескую рясу.

— Не учи ученого, — засмеялся Конан. — Сразу все и сделаю: вытащу твою девчонку и подарочек герцогу вывешу на видном месте.

— Ты хочешь?..

— Угадал, — снова захохотал варвар. — Не беспокойся. — Он похлопал аргосца по плечу. — Не первый раз!

Глава пятая

Бьергюльф сдержал свое обещание: он распорядился, и в камеру к Хайделинде принесли деревянную кровать, зеркало, маленький столик и кресло. Гунхильда, в которой остатки совести и материнского чувства боролись со страхом, пыталась защитить дочь перед герцогом:

— Ты ничего не сделаешь с Хайделиндой? Прости ее, она же еще совсем молодая!

— Ничего с ней не будет, — усмехался Бьергюльф, — посидит там, пока не разъедутся наши гости, а потом привезем лекаря. Может быть, и удастся ее вылечить.

— Почему «может быть»? — всхлипнула герцогиня. — Она ведь здорова, ты прекрасно понимаешь это!

— Нормальные девушки, вернувшиеся из монастыря, не убивают просто так управляющих собственного замка, — вперив в жену тяжелый взгляд, ответил Бьергюльф. — Потом посмотрим, что с ней делать. И не перечь мне! — заметив протестующий жест, прикрикнул герцог. — И не будь такой дурой! Если твоя дочь не угомонится, то и мне, да и тебе тоже, — язвительно добавил он, — может здорово не повезти. Ты меня хорошо понимаешь?

Гунхильда лишь подавленно кивнула в ответ.

— Ну вот, — примирительно сказал Бьергюльф, — на том и порешим. Успокойся! Ничего плохого мы не делаем. Верно? — склонился он к герцогине. — Потом ты с ней постараешься поговорить… А пока, — он задумчиво почесал щеку, — я пришлю к тебе сестричек Хольгера… Да перестань лить слезы! — прикрикнул он на Гунхильду, заметив, что она еще всхлипывает. — Попроси девчонок разузнать у твоей дочери, кто ее надоумил. Пусть побеседуют с ней, они все-таки подруги.

— Да, — опустив голову, ответила герцогиня. — Подруги… Видел, что произошло с одной из них?

— Ничего страшного. Вполне естественная реакция на смерть любимого отца.

— Нет, — возразила герцогиня, — тут совсем другое…

— Ты думаешь, Хайделинда могла и ей рассказать?

— Не знаю, — задумчиво произнесла Гунхильда. — Не знаю, — повторила она, по-прежнему не поднимая взгляда на Бьергюльфа, — Только чует мое сердце, что ничего хорошего нас не ждет…

— Это ты брось! — встрепенулся Бьергюльф. — Можно подумать, ты тоже поддалась бредням спятившей девчонки!

* * *

Хайделинду отвели в подземелье и поместили в самую дальнюю камеру. Ей дали какое-то простое платьишко, а ее верховой костюм унесли. Целый день никто не приходил, только два раза приносили еду и убирали тарелки. После этого окованная дверь со звоном захлопывалась, и снова наступала мертвая тишина. Девушку поместили в камеру, окна которой под самым потолком были забраны двойным толстым стеклом, так что никакой шум с замкового двора не проникал в это подземелье. Время тянулось медленно, и Хайделинде казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как ее бросили в подвал.

«Где же Эрленд? — думала девушка, — Неужели он ничего не сможет сделать и спасти меня? Здесь я полностью во власти Бьергюльфа. Что будет со мной дальше?»

Она вспоминала не раз слышанные истории о том, властительные нобили годами держали своих врагов подземельях, и ничто не могло изменить участи несчастных. Многие так и умирали, не увидев больше солнечного света, не услышав пения птиц, не встретив своих Друзей. Проходили годы, и они день ото дня видели только своих тюремщиков — и ничего больше…

Прошло немного времени, лязгнул засов, и в открывшуюся дверь, к огромному удивлению Хайделинды, вошли Ортруда и Артрикса. Девушка жестом пригласила их

присесть на кровать. Сама села в кресло, пристально глядя на подруг.

— Простите, что обстановка не вполне подходящая для достойного вас приема, — усмехнулась она, — но ничего другого предложить не могу… Вас прислал Бьергюльф?

— Ну что ты? — смутилась Трикси. — Мы пришли навестить тебя, скрасить твое одиночество.

— И сообщить неприятное известие, — вставила Труди, не замечая, что сестра толкает ее под локоть.

— Какое еще? — устало спросила Хайделинда.

Страшные события последних дней навалились на нее, и девушка внезапно почувствовала страшное изнеможение.

— Что еще могло произойти в этом осином гнезде? — переспросила она.

— Сюннива… — начала Труди.

— Не хочу о ней и слышать! — резко бросила Хайделинда, вздрогнув всем телом.

— Она выбросилась из окна, — брякнула Трикси, которой надоела медлительность сестры.

— Из окна… — как эхо повторила Хайделинда, словно не понимая смысла сказанного.

Сестры переглянулись.

— Боги! — герцогиня всплеснула руками и опустила лицо в ладони. — Она жива?

Собеседницы только покачали головами.

— Сюннива… Сюннива… — Хайделинда повторяла имя подруги, словно стараясь запомнить незнакомое доселе слово.

Труди и Трикси, сидя рядышком, словно две курицы на насесте, только поводили головами из стороны в сторону, ожидая, пока Хайделинда обратится к ним.

— Как… как это случилось?

— Ей дали успокоительный отвар после того, как… — начали сестры, перебивая друг друга, и замолчали, осекшись, не зная как продолжить.

— После того как я убила отца Сюннивы? — спросила Хайделинда.

Обе кивнули.

— Продолжайте.

— Она заснула, а потом… — начала Трикси.

— Да, потом вдруг прибежал слуга со двора и сказал… — перебила ее Труди.

— Нет, ты все не так говоришь, — шикнула на нее сестра. — Ивар зашел к Сюнниве в комнату и увидел, что ее нет.

Они замолчали, глядя на Хайделинду.

— Ужасно… — глухо сказала молодая герцогиня. — Видят боги, я не хотела этого…

— Твоей вины тут нет, — затараторили сестры. — Герцогиня Гунхильда сказала, что Сюннива потеряла разум. — Они снова замолчали.

— Моя мать… — медленно проговорила Хайделинда. — Она считает, наверное, что все вокруг сошли с ума, кроме нее и Бьергюльфа.

— Зачем ты так говоришь? — упрекнула ее Труди. — Мы вовсе не думаем, что ты… Правда, Трикси? — повернулась она к сестре.

— Правда, — ответила та. — Мы, например, совсем не верим, что они говорят про тебя.

— Неужели? — ехидно спросила Хайделинда, которая все еще не могла прийти а себя после известия о смерти Сюннивы.

Она была очень зла на подругу, но теперь думала, что, конечно, не стоило так грубо

вести себя с ней вчера вечером.

«Напрасно я накричала на нее, — думала девушка, не слушая тараторящих сестер, — Но теперь уже ничего не вернешь… — На нее снова обрушилось чувство глухого одиночества, которое нередко приходило в последние дни, — Еще эти две гусыни». — Она с раздражением взглянула на своих собеседниц.

— Да, да, — поймав ее взгляд, повторила Труди, — мы совсем не верим, что у тебя плохо с головой, как сказал герцог…

— А во что же ты веришь? — перебила ее Хайделинда.

Сестры переглянулись, как бы не решаясь начать.

— Нам кажется, ты имеешь право подозревать твоего дядю, — начала Трикси.

— Ты видела, как он испугался, когда увидел кольцо? — спросила Труди.

«Ничего не понимаю, — пронеслось в мозгу у Хайделинды. — Неужели эти глупые курицы могли сами догадаться о таких вещах? Нет, тут что-то не так!»

— А что думает ваш брат?

— Наш брат? — недоуменно спросила Артрикса.

— Мы не говорили с ним, — нашлась ее сестра. — Мы решили прийти к тебе, потому что хотим помочь.

«Их подослала моя мать или сам Бьергюльф, сомневаться не приходится», — решила Хайделинда.

— Как же герцог допустил вас сюда? — невинно спросила она.

— Мы сказали, что хотим успокоить тебя, — заученно произнесла Труди.

«Ясно, — подумала Хайделинда. — Интересно, что он хочет узнать?»

У нее было тяжело на душе после всего происшедшего сегодня, ужасного известия о смерти Сюннивы давило, мешая дышать. Девушке не хотелось ни думать, ни видеть, ни слышать никого и ничего, а лишь броситься лицом вниз на кровать и забыться. Но Хайделинда собрала в кулак все оставшиеся у нее силы — надо было довести до конца разговор с сестрами,

— Как же вы можете мне помочь? — изображая непонимание, спросила она.

— Мы думаем, что ты не одна, — выпалила Трикси. — В том смысле, что не только ты знаешь об этом, — встретившись с взглядом Хайделинды, неуверенно закончила она.

— О чем?

— Ну, в общем… — замялась Трикси.

— Да, — согласилась молодая герцогиня, усмехаясь в душе. — Есть человек, который сказал мне о событиях, связанных с исчезновением моего отца.

— Вот! — радостно закричали обе сестры. — Скажи, кто он, и мы поможем тебе связаться с ним!

«Как же, ждите, гусыни, — мстительно усмехнулась про себя герцогиня, которой вдруг стало смешно, несмотря на всю обрушившуюся на нее тяжесть, — нашли дурочку. В молчании единственная моя надежда на спасение. Пока этот развратный мерзавец не узнает, кто мне сказал о его причастности к смерти брата, он не посмеет ничего со мной сделать. А Эрленд обязательно придумает что-нибудь и вытащит меня отсюда».

— Нет, девочки, — ответила она, — этого человека нет сейчас в Хельсингере.

— Да-а? — разочарованно протянули сестры.

— К сожалению, — развела руками Хайделинда. — Но все равно спасибо, что не забыли обо мне. Старая дружба — это все-таки не пустой звук, верно?

— Верно, — разом вздохнули ее собеседницы. — Ну, мы пойдем тогда? — Они дружно встали и направились к дверям. — Мы еще навестим тебя.

— Конечно, я буду рада видеть вас. — Хайделинда обняла каждую из них, — Может быть, я скоро поправлюсь, тогда мы сможем увидеться в другом месте.

Глава шестая

Дверь закрылась, и она снова осталась одна. Хайделинда бросилась ничком на постель и долго лежала неподвижно, пытаясь собраться с мыслями, роившимися у нее в голове. Когда в камере стало темнеть, она сообразила, что наступил вечер.

«Почему я должна сидеть в темноте?»

Хайделинда застучала в дверь, призывая стражников принести лампу. Никто не отзывался. Девушка колотила в металл двери, пока не обессилела, но так и не дождалась ответа. Она не знала, что эта камера располагалась в узком боковом ответвлении подземной галереи еще за двумя такими же дверями и звук от ее ударов практически не был слышен в остальной части подземелья.

Разъяренная и подавленная одновременно, она снова бросилась ничком на кровать и, уткнувшись лицом в ладони, зарыдала. Ужас сковывал ее тело, когда приходила мысль о том, что ей придется так провести всю свою жизнь.

«Подожди, — пыталась она успокоить себя. — Это только один день прошел. В замке гости, и матери и герцогу не до меня. Может быть, когда все разъедутся, меня выпустят, и тогда я сразу же убегу отсюда. Или Эрленд поможет мне».

Неизвестно, сколько времени она пролежала так, но когда подняла голову, за окном была полная темень.

«Вот и ночь пришла…» — Девушка села на постель и долго сидела, пока глаза не привыкли к темноте и очертания всех предметов в камере не стали различимыми. Тишина стала совсем невыносимой, и Хайделинда сжала ладонями уши, чтобы защититься от этого безмолвия.

Вдруг ей почудилось, что прозвучал тихий скрип железных петель.

«Не может быть! Это я схожу с ума от тишины», — подумала девушка, вскочив с постели, и прислушалась внимательнее.

Нет, скрип послышался еще ближе, она вроде бы даже различила шаги. Точно! Заскрежетал замок в дверях, и створка стала медленно поворачиваться. Полоска света из коридора заставила Хайделинду зажмурить глаза. Когда она открыла их, то в проеме двери стоял герцог Бьергюльф и за ним — два стражника, державшие высоко над головой светильники. Хайделинда инстинктивно сделала шаг назад.

— Идите! — приказал Бьергюльф стражникам, — Ждите меня в дальнем коридоре. Я сам закрою дверь.

Он поставил лампу на стол и направился к девушке. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Хайделинда сделала еще шаг назад, но уперлась спиной в камень стены. Герцог усмехнулся и сел в кресло, скрестив руки на груди и рассматривая девушку, как

рассматривает живой товар покупатель на невольничьем рынке.

Его взгляд, мгновение задержавшись на лице, переместился на плечи, грудь, чуть задержался на животе и спустился к ногам. Потом он поднял глаза и вновь посмотрел на нее долгим оценивающим взором, словно раздевая. На его губах играла похотливая улыбка. Испытывая редкостное отвращение от масленых глаз герцога, девушка молчала, прислонившись к стене.

— Ну и как тебе здесь нравится? — нарушил молчание герцог.

Хайделинда, вздернув подбородок, не ответила.

— Меня интересует только один вопрос, — усмехнулся герцог. — Нет! — поправился он. — Целых два.

— Какие же? — холодно произнесла Хайделинда.

— Прежде чем задать их тебе, моя дорогая, — сказал Бьергюльф, — я расскажу, что будет, если ты мне не ответишь.

Девушка смотрела на него, с трудом сдерживая отвращение.

— Вижу, вижу, что я тебе не по нутру, — захохотал герцог, его смех гулко отдавался в каменном помещении, — ну уж какой есть. Так вот, — отсмеявшись, продолжал он, — если будешь упрямиться, то никогда не выйдешь отсюда. Всем уже известно о твоей болезни, а смерть Гутторма только лишнее доказательство овладевшего тобой безумия. Ты состаришься здесь, станешь дряхлой старухой. Но это еще не все. — В его голосе появились металлические ноты. — Я так или иначе вытяну из тебя все, что мне нужно.

Хайделинда молчала.

— Не хочешь открыть ротик? — насмешливо спросил герцог. — Так вот, я могу приказать подвергнуть тебя пытке, и когда по твоей нежной спинке запляшет плеть, ты скажешь все. Я уверен, что кожа у тебя нежная. Так? — оскалил он зубы в улыбке.

— Мерзавец! — бросила девушка сквозь сжатые зубы.

— Можешь думать как хочешь, — усмехнулся Бьергюльф, — но чем больше будешь упрямиться, тем хуже тебе придется. Кстати, мы не закончили разговор о твоей коже. Она наверняка не хуже, чем у твоей матери. Ты очень похожа на нее, а мне такие женщины очень даже нравятся! — Он причмокнул языком. — Ну что ж, — поднялся он. — Я вижу, что договориться по-хорошему у нас не получается. Видят боги, я пытался сделать все, что в моих силах. — Он сделал два шага по направлению к девушке.

— Не трогай меня, убийца! — закричала она, пытаясь увернуться от его рук.

— Кричи, кричи, малышка, можешь орать сколько влезет. Мне это даже нравится, а никто другой все равно твоих воплей не услышит, — скрипнув зубами, свистящим шепотом сообщил герцог. — А вот какая у тебя кожа — это я сейчас узнаю.

Хайделинда пыталась вырваться, но Бьергюльф был гораздо сильнее. Он, смеясь, поймал сначала одну ее руку, потом другую и сжал запястья в своей широкой ладони.

— Кричи, девочка! — Он дышал ей в лицо, и от винного запаха из его разинутого рта девушку мутило. — Кричи, кричи, — издевался он, свободной рукой рванув ворот ее платья. — О, да у тебя грудь даже лучше, чем я мог представить…

* * *

Конан, внимательно осмотрев поляну перед замком и убедившись, что все тихо, быстро и бесшумно, как редко кто умел, пробежал краем лужайку и приблизился к первой стене. Эрленд все сделал как надо: двойной конец веревки свисал, почти касаясь редких стебельков травы, пробивающихся в трещинах каменных блоков. Киммериец, не мешкая, начал взбираться вверх, временами оглядываясь по сторонам. Он карабкался очень быстро. Если бы кто видел его со стороны, то мог бы подумать, что по стене скользит громадная ящерица, Добравшись до верха, варвар сделал на веревке петлю, размахнувшись, набросил ее на зубец внутренней стены и, повиснув надо рвом с водой, начал перебирать руками, продвигаясь ко второй стене.

Пока все шло как надо, чему весьма способствовало затянутое тучами небо. Царила почти полная темнота, и только факелы стражников, воткнутые около сторожевых бышен, отбрасывали неяркие круги света на крепостные стены. Киммериец правильно выбрал место, его не могли заметить ни с одной башни. Перебравшись на вторую стену, он протянул веревку через петлю и, сбросив ее конец вниз, через несколько мгновений уже стоял во внутреннем дворе замка. Было тихо, гости и обитатели Хельсингера, угомонившись, улеглись спать, время от времени со стены раздавались голоса — Только в одном из окон горел свет и слышались чьи-то мужские голоса.

Варвар, стараясь передвигаться вдоль стен, неслышными шагами преодолел расстояние до входа в подземелье Е потянул на себя дверь. На его удивление, она легко открылась, и Конану даже не пришлось использовать свое умение вскрывать замки, которое он не потерял со времен бытности вором в Шадизаре. Киммериец просунул голову внутрь и увидел в нескольких шагах от себя полоску света, пробивающуюся откуда-то сбоку. Он скользнул внутрь и, нащупав рукоять кинжала, медленно двинулся по коридору. Пройдя несколько шагов, остановился и прислушался: неподалеку вели разговор два человека. «Стража, — догадался Конан. — Эрленд говорил, что их двое. Большого труда справиться с ними не составит. Но надо постараться не наделать шума».

Он вытащил из-за пояса пару метательных ножей и, прижимаясь спиной к стене, тихо приблизился к боковому проходу, откуда падал свет. Подойдя к повороту коридора, киммериец осторожно выглянул из-за каменной кладки. Двое стражников, один вполоборота к нему, а другой спиной, сидели в небольшом помещении при свете тусклой лампы, увлеченные беседой.

Мало кто мог соперничать с киммерийцем в метании ножей. Товарищ стражника не сразу сообразил, что случилось с вдруг замолчавшим собеседником, а когда увидел у того в шее торчащую рукоятку кинжала и в испуге обернулся, было уже поздно: второй клинок вонзился в его горло. Варвар пошарил у стражников в карманах, но никаких ключей не нашел.

«Наверное, в камеру девчонки пришел посетитель, — подумал Конан. — С этим как-нибудь справимся. Хуже, если герцог держит ключи у себя, — мелькнула еще одна мысль. — Ну что ж, тогда придется попробовать на прочность хельсингерские тюремные замки».

Конан взял стоявшую на столе масляную лампу и пошел по коридору с железными дверями по обеим сторонам. Эрленд сказал, в какую камеру поместили Хайделинду, и киммериец осторожно пробирался в дальний конец подземелья, стараясь не производить никакого шума.

Он подошел к нужной двери. К его удивлению, она оказалась незапертой. Варвар

медленно приоткрыл ее и, войдя в узкий коридорчик, услышал крик Хайделянды и шум борьбы. Он двумя прыжками подскочил к входу в камеру и рывком распахнул дверь. Кто-то, киммериец сразу не разглядел кто, прижав поднятые руки Хайделинды к стене, навалился на нее и шарил другой рукой по телу девушки.

— Слава богам! — вскрикнула Хайделинда, увидев Конана.

Держащий ее человек вздрогнул от неожиданности, но не успел обернуться, как удар кулака по затылку свалил его с ног.

Хайделинда, запыхавшаяся, в разорванном платье, сквозь которое просвечивало тело, бессильно сползла по стене, круглыми от удивления глазами глядя на варвара.

— Что застыла? — усмехнулся он, связывая Бьергюльфа его же собственным ремнем, вырванным из штанов герцога, — Бежим!

Он бросил герцога ничком на кровать и взялся за рукоять кинжала. Мгновение поколебавшись, отдернул руку. Не время! Жаль, но перерезать глотку этому ублюдку придется в другой раз. Схватив Хайделинду за руку, киммериец рывком поднял ее и почти поволок по коридору к выходу из подземелья.

— Быстрее! — прикрикнул он, так как от перенесенного потрясения девушка едва двигалась.

Хайделинда, придя наконец в себя, побежала за киммерийцем по узким галереям подземных проходов.

— Тихо! — Конан приложил к губам палец, когда они выглянули во двор.

— За мной! — убедившись, что никого нет, поманил он девушку, бегом направляясь к стене.

Прыгай мне на спину и держись! — приказал киммериец. — Да покрепче — обидно будет лишиться жизни на пороге свободы!

Хайделинда уцепилась ему за шею, обхватив талию киммерийца ногами, и варвар, напрягая могучие мускулы полез по веревке наверх. Когда они достигли зубцов стены, он оставил Хайделинду наверху, а сам, прихватив что-то лежавшее на кромке, скользнул вниз. Скоро он вернулся и знаком показал девушке, что нужно опять взять его за шею. Киммериец метнул веревку на противоположную стену, закрепил ее и вместе с уцепившейся за него Хайделиндой проделал путь надо рвом. Дальше все было просто, спускаться на землю — это не карабкаться вверх. Спрыгнув на поляну, варвар освободил петлю и сдернул веревку вниз. Смотав ее, он шепнул:

— Теперь бежим по краю поляны к дубам. Пригибайся, чтобы нас никто не заметил. Вперед!

Глава седьмая

За дубовой рощицей беглецов ждали две оседланные лошади. Варвар отвязал повод от ветки и бросил его Хайделинде:

— Садись быстрее!

Он вскочил на своего коня и пустил его мелкой рысью по краю большой поляны.

Девушка поспешила за ним. Они миновали опушку леса и выехали на дорогу, ведущую в Бельверус.

Сбоку на фоне почти черного неба выделялись, подсвеченные факелами на крепостной стене, три белые башни Хельсингера.

— Теперь гони скакуна! — крикнул варвар. — Времени у нас в обрез!

Он пустил свою лошадь галопом, и они поскакали вперед по темной ночной дороге, лишь чуть подсвеченной пробивающимися иногда сквозь облака лунными лучами.

Так они проехали довольно долго в полном молчании. Впереди заблестела вода неширокой реки, они с ходу проскочили ее и помчались дальше. Преодолели еще одну реку, она оказалась чуть глубже, лошади медленно перешли ее вброд, погружаясь так, что вода затекала им на спину. Когда проехали шагов пятьсот от второй реки, Конан вдруг резко осадил своего коня.

— В чем дело? — это были первые слова Хайделинды за все время их бегства.

— Поворачиваем назад!

— Зачем?

— Объясню потом, не мешкай!

* * *

Эрленд, как и велел ему варвар, провел почти всю ночь на виду у людей. Вечером он зашел к Арнстейну Фронденбергскому, зная, что вельможа любит пропустить кувшинчик-другой вина. Так и случилось. Увидев аргосца, барон обрадовался, что нашелся приятный собутыльник, и немедленно предложил ему выпить. Через некоторое время появился Мозес Шоберский, которому что-то не спалось, и застолье продолжили уже втроем. Пошли, как водится, разговоры о битвах, охоте, путешествиях и, конечно, о женщинах. Эрленд, веселясь вместе с сиятельными нобилями и изображая беспечного гуляку, чувствовал себя тем не менее как на иголках. Его ни на мгновение не переставал беспокоить вопрос, как там дела у киммерийца. Несколько раз он подходил к окну, выходящему во двор, и всматривался в темноту. Все было тихо, никаких признаков бегства Хайделинды.

«Что же происходит? — размышлял Эрленд, слушая очередной рассказ барона Арнстейна о его встречах с красотками. — Неужели что-то сорвалось?»

— Что ты какой-то неживой, парень? — окликнул его рассказчик, — Ты вроде и не слушаешь.

— Да что ты, — встрепенулся аргосец, возвращаясь к столу, — очень интересно, продолжай.

— Так вот, — хихикнул вельможа, — я ей и говорю…

Что говорил Арнстейн в тот раз, осталось неизвестным, потому что во дворе раздались крики, заметались огни факелов.

— Подожди, что это? — остановил барона граф Шоберский. — Эрленд, подойди-ка, посмотри.

Того не пришлось просить дважды — словно стрела, сорвавшись с места, он подбежал к окну. По двору бегали стражники, раздавался зычный голос Бьергюльфа.

— Что произошло, месьор? — высунулся из окна аргосец.

— Вот ты где! — заорал герцог. — Тебя не могли найти, а ты мне очень нужен. Спускайся вниз, да поскорее!

— Мы с тобой, — нобили поднялись из-за стола и пошатываясь, направились вслед за Эрлендом.

— В чем дело? — Арнстейн с размаху опустил свою ладонь на плечо герцога. — Пора всем спать, а ты тут устроил шум!

— Иди отдыхай, барон, — сквозь зубы процедил Бьергюльф. — Сами справимся.

— Нет, я хочу знать, что побудило моего друга испытывать такое сильное беспокойство в столь неподходящее время, — заупрямился барон.

— Моя племянница куда-то исчезла, — поморщившись, сказал герцог — удар по затылку кулака варвара давал о себе знать. — Убила двух стражников и исчезла.

Он смолчал, что кто-то помог ей сбежать, да еще оглушил его ударом по голове, связал и оставил в камере, пока явившиеся на смену стражники не обнаружили трупы товарищей и еще не пришедшего в себя герцога.

— Экая шустрая девчонка! — похвалил барон, — Почему бы ей не сбежать, если на страже у тебя лентяй и тупицы! — Он радостно захохотал и, отсмеявшись, спросил герцога: — Может быть, тебе моих людей дать? Помогут в розысках.

— Ты думаешь, мы сможем ее поймать? — с надеждой спросил Бьергюльф, который сомневался, стоило ли пускаться ночью в погоню.

— Конечно, — вмешался граф Шоберский. — Если дать след собакам, то далеко она не убежит. Не успеет рассвет настудить, как твоя красавица будет у нас в руках.

— Бездельники, дармоеды! — заорал Бьергюльф на стражников и появившихся слуг. — Что стойте? Седлать лошадей! Вывести собак! Где егерь, ко мне его! Шкуры спущу, недоноски!

Шума во дворе прибавилось. Многие гости и обитатели замка, чьи окна выходили на эту сторону, проснулись и сонными голосами осведомлялись, что произошло. Наконец погоню снарядили. С десяток собак рвались на поводках, всадники, готовые к скачке, ждали только команды герцога. Прибежал стражник, посланный найти место, где беглянка могла перелезть через крепостную стену.

— Никаких следов, месьор, — запыхавшись, сообщил он.

— Что ты мне говоришь? — гаркнул Бьергюльф. — По воздуху она, что ли, перелетела? Давай вокруг замка! — кивнул он егерю.

Собаке дали понюхать принесенную из покоев Хайделинды какую-то одежду, принадлежавшую молодой герцогине. Бьергюльф, нервно постукивая себя по сапогам рукояткой плети, мерил шагами двор замка, ожидая, пока вернется человек с ищейкой.

— Может быть, она спряталась в замке? — осторожно спросил Арнстейн, который уже успел надеть костюм для верховой езды и готовился развлечься псовой охотой на племянницу герцога.

— Нет! Все обыскали, что возможно, — махнул рукой Бьергюльф.

В этот момент вернулся егерь. Еще на бегу он кричал:

— Нашел! Это на том краю, — он показал рукой на стену. — За башней.

— А, чтоб вас, ублюдки! — Герцог замахнулся плетью на начальника своей стражи. — Запорю, мерзавцы! Спите, как медведи зимой, по сторонам не смотрите! За мной! Факельщиков сюда!

Отряд, численностью человек в двадцать, выехал из замка и рысью поспешил за сворой собак, взявшей след. Уже забрезжило пасмурное утро, небо чуть посветлело. Гончие, обежав поляну, выскочили на бельверусскую дорогу и помчались по направлению к столице. Всадники, пришпоривая коней, бросились за ними.

— Гей! — радостно кричал Арнстейн. — Люблю охоту!

Глава восьмая

Повернув назад, Конан с Хайделиндой поскакали по дороге, вновь почти вплавь преодолели реку и продолжили движение, возвращаясь к замку. Когда впереди опять блеснула первая речка, точнее, широкий ручей, разливавшийся большой лужей на месте пересечения с дорогой, вдали послышался лай собак, крики людей, топот множества конских копыт. Киммериец крикнул:

— Успели, слава богам! Теперь за мной!

Он свернул с тракта и пустил своего коня прямо по воде ручья, направляясь вниз по течению. Хайделинде ничего не оставалось, как последовать за ним. Они достаточно долго ехали по руслу ручья, то выходя на мели, то погружаясь почти до холки коней в заводи, пока наконец варвар не скомандовал:

— Выходим!

Они выскочили на прогалину среди обступившего речушку леса. Уже почти рассвело. Хайделинда и варвар после скачки по воде стали мокрыми с ног до головы. Девушка продрогла и вся дрожала, влажная одежда прилипла к телу, не скрывая его форм.

«Хороша девчонка», — не в силах оторвать от нее взгляда, в который уже раз отметил про себя киммериец.

— Замерзла? — спросил он.

— Д-да, — стуча зубами, ответила молодая герцогиня.

— Осталось немного, — пообещал варвар. — Скоро согреемся.

Но они еще довольно долго скакали по лесным тропам, пока не спустились в небольшую лощину, заросшую по краям густым лесом. У девушки уже зуб на зуб не попадал, настолько она замерзла.

— Вот мы и на месте! — Конан спрыгнул с коня, привязал к деревцу и нырнул куда-то в проем среди зарослей.

Хайделинда последовала его примеру и очутилась на поляне, окруженной таким густым кустарником и молодой стеной елей, что место это было похоже на внутренний двор какого-нибудь замка. Справа от себя герцогиня увидела высокий шалаш, сложенный из веток, уже чуть пожелтевших на концах.

— Раздевайся! — скомандовал киммериец, зажигая костер, заранее сложенный из очень сухого хвороста, чтобы давал поменьше дыма.

Хайделинда остановилась в замешательстве.

— Давай-давай, снимай с себя все, — повторил Конан, сидя на корточках и раздувая огонь. — Простудишься, значит, зря убегали. Помереть и в замке можно было. — Он нырнул

в шалаш и выбросил оттуда черный плащ, — держи, завернешься в него.

Девушка с трудом начала стягивать с себя мокрую одежду, которая прилипла к телу и не поддавалась. Наконец ей удалось скинуть платье, и, завернувшись в плащ, она подошла к огню. Хайделинда присела у яркого пламени, почти не дававшего дыма, и задумчиво смотрела на плясавшие язычки огня.

Когда киммериец неслышными кошачьими шагами вышел из шалаша, она, вздрогнув от неожиданности, оглянулась. Он был почти голым, если не считать обрывка какой-то тряпки на бедрах. Хайделинда до этого видела его только в одежде и, как завороженная, не могла оторвать глаз от мощного торса варвара. Она и представить себе не могла, что человек может быть таким могучим. При каждом движении Конана под его кожей перекатывались бугры мускулов, и на игру волн на сильном теле, казалось, можно было смотреть бесконечно. Когда Конан перехватил ее взгляд, направленный на него, и подмигнул ей, девушка, сама удивляясь себе, не опустила глаз.

— Не бойся, я не замерзну, — понимающе усмехнулся он, развешивая на треноге из длинных жердей одежду. — Хуже, что у тебя платья толкового кет. Дядюшка твой исхитрился разве что не на полоски его разорвать. — Он показал на платье, которое теперь годилась лишь на тряпки. — Экий ублюдок! — покачал он головой.

Варвар вернулся в шалаш и вынес оттуда большой кожаный бурдюк.

— Скоро согреешься самым лучшим образом, — сказал он, наливая вино в глиняный сосуд с плетеной ручкой, который тут же подвесил над огнем, — потерпи немного. А пока возьми, выпей.

Он протянул кружку вина, которое Хайделинда выпила жадными глотками.

— Ничего себе, — хохотнул киммериец, — я гляжу, умеешь хлестать вино почище мужчины! Еще налить?

Девушка кивнула. Огонь мало-помалу согревал ее, и она уже не дрожала, хотя озноб еще не прошел. Она выпила вторую кружку вина и скоро почувствовала, как по телу начинают растекаться горячие волны. Конан бросил в котелок над костром несколько щепоток каких-то трав, и на Хайделинду повеяло дурманящим и терпким запахом.

— Готово, — сообщил варвар, — Он снял сосуд с перекладины над костром и, поставив его на землю, долил туда вина из кружки. Попробовав пальцем жидкость, он произнес: — Нормально, — и повернулся к девушке, — А теперь будь умницей и делай, что я говорю. Хорошо?

— Да, — глядя на него широко распахнутыми фиалковыми глазами, ответила Хайделинда. Ее невероятно утомили события этой ночи, а вино довершило дело.

Глаза девушки стали слипаться, вокруг все как будто плыло.

— Тогда давай плащ, — Варвар в одно мгновение сорвал с нее покров и расстелил его на траве.

Затуманенное сознание Хайделинды восприняло это как совершенно естественный поступок. Она поднялась на ноги, но пошатнулась, и киммериец бережно подхватил ее на руки.

— Не бойся, я знаю, что делаю. Ложись на живот, — скомандовал он, опуская девушку на расстеленный плащ.

Она повиновалась без слов и в то же мгновение почувствовала, как руки Конана сильно растирают ее спину, ягодицы, плечи густой пахучей и горячей жидкостью.

— Теперь на спину, — закончив растирать лодыжки, сказал варвар.

Хайделинда послушно перевернулась, почувствовав, однако, как ее лицо обдает жаркая волна. Она закрыла глаза, чтобы не встречать взгляд киммерийца. Его руки были удивительно нежными, когда он сильно, но ласково растирал ее живот, бедра, грудь. Тело ощущало живительное тепло, и девушка не могла объяснить, следствие ли это жидкости из глиняного сосуда, или же оно исходит из рук варвара. Наконец девушка почувствовала, что ее заворачивают в ткань, и приоткрыла веки.

— Теперь все в порядке, — Варвар протянул ей еще одну кружку вина, — Выпей, и я отнесу тебя спать. Теперь можно не опасаться, что ты заболеешь. А иначе твой Эрленд просто отвернет мне голову, — хохотнул он, осторожно занося девушку в шалаш.

«Эрленд…» — эта мысль, промелькнувшая в голове Хайделинды, была почему-то размытой и неясной. Прижимаясь телом к варвару, она чувствовала, что мягко проваливается в темноту. Через несколько мгновений она уже спала крепким сном на сухой подстилке из мягких и душистых лесных трав.

* * *

Погоня достигла ручья, по которому уходили беглецы. Егерь первым бросился вперед, гоня собак на другой берег. Выбравшись из воды и отряхиваясь, гончие вновь взяли след и, заливисто тявкая, рванулись вперед.

— За мной! — Арнстейн поскакал следом, увлекая за собой остальных участников необычной охоты.

Через некоторое время они перебрались через вторую реку и помчались дальше, но вскоре собаки остановились и заметались по дороге и окружавшему ее кустарнику. Они жалобно скулили, поводя носами, и чуть не рыли землю, но все было тщетно: след потерялся.

— Назад, к реке! — скомандовал Бьергюльф. — Она ушла по воде, чтобы сбить нас с толку.

«Хм-м, — подумал Арнстейн, — интересно, откуда семнадцатилетняя девчонка так сведуща в этих делах. Разрази меня демоны, если ей кто-то не помогает».

Он ничего не сказал вслух, и уже не спеша поехал вслед за остальными, совершенно уверенный в том, что догнать беглянку — или, скорее, беглецов — уже невозможно. Они перехитрили погоню.

«Почему же герцог ничего не говорит о том, что она не одна? — размышлял он, плетясь в конце отряда. Азарт охоты постепенно выветривался из его головы. — Темнит Бьергюльф, темнит. Но почему?»

На берегу ручья герцог разбил охотников на четыре отряда и послал каждый вдоль по берегу в обе стороны.

— Пусть собаки ищут выход из воды! Да и вы смотрите, может, заметите след копыт! — напутствовал он егерей.

Лай собак вскоре затих в отдалении, а господа, спешившись, присели у переправы, ожидая возвращения гонцов.

— Зачем ей было убегать? — спросил Мозес.

— Откуда я знаю? — мрачно ответил Бьергюльф. Внешне он сумел овладеть собой, однако герцога продолжала снедать тревога, — Одно слово — сумасшедшая…

— Да, — протянул Арнстейн, пожевывая губами, — когда у человека с головой плохо, трудно объяснить его поступки…

Они прождали довольно долго, пока не вернулись посланные следопыты.

— Ничего нет, — сообщил старший егерь, — до самого черного камня дошли. Ни на нашем, ни на том, — он кивнул на другую группу, — берегу следов нет. Чисто.

— Ладно, — помрачнел Бьергюльф, — подождем остальных.

Отряды, досланные в другую сторону, тоже вернулись ни с чем.

— В замок! — коротко и зло бросил герцог.

Когда они вернулись, день уже был в разгаре. На дворе толпилась группа гостей, смотревших куда-то вверх на стену и дававших советы человеку с длинным шестом в руках, который стоял на самой ее кромке.

— Что там? — рявкнул Бьергюльф, устремляя взгляд на предмет, который висел на конце палки, воткнутой в щель между камнями стены.

Ему еще не успели ответить, как он уже понял, что это такое: на длинную тонкую палку была надета кольчуга с прикрепленным к ней эфесом от меча или сабли. Противный холодок возник внизу живота герцога. Конечно, от меча, да не просто от меча. Он узнал бы эту рукоять из тысячи других. Она принадлежала его брату Гюннюльфу!

Стражник на верху стены пытался достать кольчугу, чтобы сбросить ее вниз. Пока это у него не получалось. Кто-то воткнул палку на такой высоте, что достать ни сверху, ни снизу было совершенно невозможно.

«Молодец киммериец, — усмехнулся про себя Эрленд, наблюдая, как стражник тщетно водит шестом, — тут, пожалуй полсотни человек соберется, прежде чем она свалится вниз».

— Бьергюльф! — Выбежавшая Гунхильда бросилась к мужу. — Смотри, кольчуга Гюннюльфа!

— Вижу! — процедил герцог, слезая с коня. — Опять подарочек!

Наконец стражнику удалось сбросить кольчугу, и она со звоном ударилась о мостовую.

— Там еще что-то есть! — закричало сразу несколько человек.

Все взоры обратились вверх. Кусок бересты, видимо выпавший из кольчуги, кружась в воздухе, медленно опускался на вымощенный двор замка.

— Оп! — Арнстейн ловко взмахнул рукой и поймал бересту. — Здесь что-то написано! — определил он. — Кто умеет читать? — Он обвел взглядом собравшихся и остановился на Эрленде. — О! Ты у нас большой грамотей. Читай, да погромче! — Барон скрестил руки на груди и с интересом приготовился слушать.

— Один из самых гнусных мерзавцев на земле, брат мой… — начал аргосец и остановился.

Бьергюльф, насупившись, глядел на него, переминаясь с ноги на ногу. Гунхильда, мертвенно-бледная, не сводила глаз с чтеца.

— Читай, что остановился? — поторопил его Арнстейн.

— …брат мой, — повторил Эрленд, — я забрал свою дочь. Скоро приду и за тобой. Рассчитаемся за мою смерть, виновником которой ты являешься.

Стало тихо — так тихо, что было слышно шуршание волос колеблемой ветерком гривы коня.

— Как?! — вскрикнула Гунхильда и, потеряв сознание, осела на руки стоявшего рядом

старца Астриса.

Бьергюльф остолбенело вращал глазами, согнув шею и оглядывая всех вокруг, не поворачивая головы. Люди, встретившись с его взглядом, отворачивались.

— Это происки моих врагов! — хрипло промычал герцог, — Кто-то хочет сгубить меня!

— Может быть, какое-нибудь колдовство? — задумчиво предположил Арнстейн. — Есть маги в твоих землях?

— Нет! — хрипло выдохнул герцог. — Барон Амальрик извел всех чернокнижников.

— Да, — важно закивал головой подошедший человек в желтой рясе. — Уважаемый барон Торский — большой мастер в этом деле. Ни одна тварь от него не ускользнет.

— Но полностью и навсегда магов и чернокнижников извести невозможно, — покачал головой старец Астрис, — На место старых приходят новые, потому что демонические соблазны очень сильны.

— Истину говоришь, уважаемый, — обернулся к нему служитель Митры. — Нам, последователям и верным ученикам Эпимитреуса, всегда есть где приложить свои силы, ибо Змееголовый не дремлет.

Бьергюльф, сгорбившись и посерев лицом, тупо наблюдал за беседой двух мудрецов, за тем, как его жену трое слуг унесли в покои, за всем, что происходило вокруг. Он стоял, не говоря ни слова, как будто превратился в изваяние. Действительно, смертельный страх сковал его с такой силой, которой он никогда еще не испытывал. Наконец хозяин замка, словно очнувшись от сна, подозвал к себе Эрленда:

— Пошли человека за Краутвурстом, — прошептал он, почти беззвучно шевеля губами, — немедленно.

Глава девятая

Конан несколько раз заглядывал в шалаш, но девушка спала беспробудным сном. День близился к концу: небо, покрытое легкими розовыми облачками от света заходящего солнца, приобрело густо-синий оттенок, зажглись самые яркие звезды. Они еще не были видны так ясно, как ночью, но варвар знал, где они находятся и, отыскивая знакомое светило, чуть выделявшееся на фоне неба, радовался ему, как старому другу.

Он лежал на пригорке, подложив руки за голову, и был доволен удачно выполненной работой. Не каждый день удается вытащить человека — да еще такую красивую девушку — из почти неприступного замка с высокими стенами и многочисленной стражей.

«Хоть бы одним глазом взглянуть, как прошло вручение второго подарка, — ухмыльнулся про себя варвар, представляя, сколько усилий потратят люди в замке, чтобы снять нацепленную на палку кольчугу. — Наверное, Бьергюльф вертелся, как карась на сковородке, — хохотнул он, — но так ему и надо, ублюдку!»

Шорох в стороне заставил его повернуть голову. Хайделинда, придерживая одной рукой плащ на груди, выбиралась из шалаша.

— Как дела, красавица? — спросил варвар, поворачивая в ее сторону голову.

Прошедший день оказался очень теплым, и Конан не дал себе труда во что-нибудь

одеться: он был прикрыт только куском ткани, изображавшем набедренную повязку. Молодая герцогиня вновь, как и утром, поразилась совершенным линиям этого могучего тела. Он лежал на траве, подложив под голову согнутую в локте руку, и напомнил Хайделинде царя зверей льва, которого она видела на рисунках в монастырской библиотеке. Вдруг с необычайной ясностью она поняла, что ее влечет к этому сильному и уверенному человеку.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила Хайделинда, — вот только… — Она на мгновение замялась.

— Наверное, — засмеялся киммериец, — ты хочешь есть?

— Как волк, — призналась девушка.

— Совершенно естественно, — проворчал Конан, поднимаясь на ноги. — Слава богам, этому мы помочь можем. Особых изысков нет, но кое-что Эрленд мне принес.

Он вытащил из сумки лепешки, критически посмотрев на них, — хлеб уже слегка зачерствел. За ними последовал здоровенный кусок копченого мяса, орехи, вяленые фрукты и, конечно, бурдюк с вином. Варвар потряс его над ухом.

— Если использовать экономно, на пару дней хватит.

Все припасы он положил на сравнительно чистый кусок ткани и жестом пригласил Хайделинду к трапезе. Девушка, не имевшая ни крошки во рту целые сутки, набросилась на еду так, что варвар хмыкнул про себя с удивлением:

«Такому аппетиту позавидовал бы и настоящий воин».

Он тоже решил не отставать и присоединился к молодой герцогине.

— Вина? — предложил он, наливая две кружки.

Девушка только кивнула, поскольку в этот момент усиленно трудилась над куском мяса. Варвар молча прихлебывал вино, наблюдая за ней. Даже с жадностью поглощая еду, Хайделинда все делала с врожденным изяществом и грацией. Мало у кого из женщин, встречавшихся киммерийцу, он видел такое совершенство во всем — начиная от длинных стройных ног, которые она непринужденно поджала под себя, садясь на траву, и заканчивая движениями тонких пальцев, которыми девушка отламывала очередной кусок лепешки.

«Удивительно хороша девчонка, — подумал варвар, — хотя и остальные были не так уж плохи, — вспомнил он многочисленных подруг своей, как он считал, долгой и, несомненно, богатой событиями жизни, — Каждая из них была хороша по-своему. В этой немедийской герцогине какая-то неуловимая природная грация, а кроме того, как я успел убедиться, она смела, решительна и может постоять за себя. Нет, на самом деле повезло аргосцу! Пожалуй, она напоминает мне кошку… или, скорее, тигрицу!»

Каких только женщин не встречал Конан на сотнях пройденных им за свою жизнь дорог! Если вспомнить всех красавиц, которые дарили ему свои ласки, то получится целая армия. Киммериец усмехнулся про себя такому необычному сравнению.

Вообще-то Конан искренне считал, что забывает каждую свою подругу, стоит новой дороге увести его прочь. Но вот он прикрыл глаза, и перед его мысленным взором одна за другой стали появляться женщины — ослепительные красавицы или симпатичные резвушки с молочно-белой, желтоватой, смуглой или совсем темной кожей, сияющие блеском черных, карих, зеленых, синих глаз, с распущенными по плечам или уложенными в простые или замысловатые прически белокурыми, каштановыми, черными как вороново крыло, медно-рыжими, золотистыми волосами… По-девически стройные или обладающие пышной фигурой, простолюдинки, искательницы приключений, знатные дамы или особы королевской крови… Бритунка Ивэнна, колдунья Лесного Народа Чин, шадизарка Денияра и

три ее прелестные служанки, две заморанские красавицы — ловкая воровка Тамира и аристократка Иондра, одноглазая мстительница Калья… Кинна из Коринфии, шангарка Сиявуш, дочь козгарского вождя Шания, ведунья Самарра, цирковая акробатка Сатильда, юная принцесса Ясбет, дочь правителя Йилдиза Зосара… Поэтесса Ариана из Бельверуса, храмовая танцовщица из Йеэуда Рудабе, чародейка Илльяна и отважная воительница из Боссонских Топей Раина, селянка Вилла и принцесса Пограничного Королевства Чиенна… Королева Куша Тананда, принцесса Офира Оливия, принцесса Хорайи Ясмела, деви Вендии Жазмина… Пастушка из Нехрема Юйсары и дама Когира Зивилла, аристократка Виндра и ануупра Ка Фрей из Вендии, темнокожая дочь озерного народа Айя-Ни…

Коринфянка Мюриэла, Санча из Кордавы, волшебница Дайома, Зийна из Пуантена, стигийка Калла, немедийка Октавия, аквилонка Валерия из Красного Братства… Рина с Жемчужного Архипелага, Мгарс из далекой Зембабве, бритунка Натала, дочери племенных вождей Нанайя и Шейра, дочь колдуна Лизениуса Скира, дочь колдуна Волволикуса Лейла, дочь чародея Кушада Тамина, царица амазонок Акила… Это те, которых он вспомнил, а сколько их было еще?..

Видят боги, он по-своему любил всех этих женщин, но среди великолепного созвездия особенно ярко сверкали три звезды, осветившие его жизнь сиянием искренней, пылкой любви. Заносчивая и своевольная предводительница разбойничьей шайки Карела по прозвищу Рыжий Ястреб — варвар сам не понимал, что связывает его с этой непредсказуемой женщиной: любовь или ненависть, однако и то и другое было пламенным и страстным. Гордая Испарана из Замбулы — любовь к ней тоже выросла из вражды, и, пожалуй, с ней ему было наиболее тяжело расстаться. Почему-то киммериец чаще всего вспоминал именно эту свою подругу. И наконец, королева пиратов Черного Побережья Белит — Конан был готов провести рядом с ней всю свою жизнь, но обстоятельства сложились так, что он своими руками уложил тело прекрасной шемитки в погребальный костер…

А теперь рядом с ним сидит, завернувшись а его плащ, молодая наследница Хельсингерского герцогства Хайделинда, которую без памяти — и он, Конан, очень хорошо понимает аргосца — любит его друг Эрленд.

Он продолжал искоса бросать взгляды на девушку, которая, придерживая одной рукой расползающиеся полы плаща, ловко управлялась с разложенной на салфетке пищей. Временами она поднимала на Конана свои огромные глаза, еще более глубокого синего оттенка, чем у него самого. Хайделинда была слишком занята едой и не слишком тщательно следила за тем, чтобы плащ должным образом прикрывал ее тело. Иногда варвар мог видеть ненароком открывшуюся грудь с нежным розовым соском, круглые гладкие колени, кусочек стройного бедра или даже низ крепкого сильного живота с очаровательной округлостью в том месте, где расположена ямочка пупка. За то время, пока девушка управилась с едой, он увидел ее почти всю, так, как если бы она была совершенно голой.

Насытившись, девушка улеглась на живот, опершись подбородком на подставленные ладони, и наконец взглянула прямо на киммерийца. Глаза ее блестели, щеки разрумянились от вина.

— Где моя одежда, Конан? — спросила она, и это была самая длинная фраза, которую она произнесла за те сутки, что они провели вместе.

— Вон там, — кивнул головой варвар в сторону шалаша. — Но ты, наверное, забыла, что твое платье скорее напоминает решето, чем одежду.

— Что же мне делать? — спросила девушка, но тон ее голоса показывал, что этот

вопрос ее не так уж и волнует.

— Придется тебе ходить в этом плаще…

— Интересно, как это у меня получится? — притворно возмутилась Хайделинда.

— Да думаю, ничего страшного в этом нет, — лениво заметил Конан — тем более что ты в нем чудо как хороша, — добавил он.

— Ты так считаешь? — спросила девушка, с лукавством поглядев на киммерийца.

— Ну ладно, не нравится плащ — дам тебе свою рубаху, — предложил варвар. — Правда, ты будешь чувствовать себя в ней, как свечка в котелке, но другого наряда все равно нет. Закатаешь рукава, подпояшешь чем-нибудь…

— А как же ты?

— У меня останутся штаны, — усмехнулся киммериец. — К тому же мне кажется, что в Сюндбю не будут обращать особого внимания на то, как я выгляжу.

— В Сюндбю? — переспросила Хайделинда. — Мы что, поедем в эту деревню?

— Я туда собираюсь, — киммериец вырвал травинку и покусывал ее, глядя на герцогиню, — и поеду один, а ты пока отдохни здесь.

— А зачем тебе в Сюндбю?

— Хочу встретиться с одним своим приятелем.

— Каким приятелем? — подняла брови Хайделинда.

— Шучу, — засмеялся Конан, наливая себе вина. — Там живет колдун по имени Краутвурст…

— Да, я знаю, Бьергюльф сговорился с каким-то местным колдуном, и они вместе убили моего отца. — Девушка опустила голову, разглядывая травинки, торчащие перед ее глазами. — Значит, это он и есть… Налей мне еще вина, — протянула она варвару свою кружку.

— Ого! — с уважением сказал варвар. — Истинная немедийка! Ты, без сомнения, идешь по стопам своего Дядюшки!

Он налил кружку вина и протянул Хайделинде со словами:

— Будь осторожна с ним. Для молодой девушки оно может оказаться коварной штукой.

— Не напоминай мне про моего дядю, этого развратного ублюдка и убийцу! — воскликнула девушка, — А что касается вина, то что мне может угрожать, если я и выпью его немного больше, чем следует?

— Ну… — протянул киммериец. — Все-таки ты здесь одна с почти незнакомым мужчиной. И совсем еще не старым, между прочим…

— С тобой я чувствую себя в полной безопасности. — Хайделинда бросила на него взгляд, от которого по телу варвара пробежали мурашки. — Ты уже десяток раз мог воспользоваться сложившимися обстоятельствами… — Она сделала глоток вина и засмеялась. — Но раз не сделал этого, то, видимо, я совсем не в твоем вкусе.

«Ну и дела, — усмехнулся про себя киммериец. — Похоже, я на самом деле старею или окончательно одичал, скитаясь по этим немедийским лесам. Намек, по правде говоря, на редкость прозрачный…»

— Так что ты говорил об этом колдуне? — Она внезапно переменила тему, нисколько не смущаясь его зажегшегося взгляда.

— О Краутвурсте? — медленно спросил Конан. — Я должен привезти этого негодяя в замок, пока не разъехалось все ваше благородное собрание. Надо заканчивать это представление — Он одним глотком осушил свою кружку. — А ты подождешь меня здесь.

— Одна?

— Другого выхода нет, — вновь наливая себе вина, ответил киммериец. — Еды здесь достаточно. У меня найдется для тебя меч и кинжал. Я понял, что ты не плохо умеешь с ними обращаться. Пару деньков просуществуешь, — Он с улыбкой посмотрел на нее, — Бояться тебе нечего, здесь тебя не найдут. Мы с тобой как бы на островке посреди двух проток. Посмотри, какой бурелом вокруг. Сам Нергал сломает здесь ногу, если попытается пройти это место.

— А ты справишься один с колдуном?

— Должен, — твердо ответил киммериец.

Сумерки постепенно обволакивали поляну. Варвар поднялся и зажег небольшой костерок. В огне, собственно говоря, не было особой нужды, но он любил сидеть вечером, глядя на пляшущее пламя, ворохи искр, слетающихся от углей. Хайделинда тоже смотрела а огонь, и в душе ее было спокойно и тепло. Она почувствовала прилив счастья, причину которого не могла себе объяснить, да и не хотела задумываться об этом.

— А что делал ты в семнадцать лет? — неожиданно спросила она Конана, который, присев перед костром, подкладывал в него сухие ветки.

— Если перечислять, то пальцев на руках и ногах не хватит, — усмехнулся он, поворачивая к ней голову. — А почему ты спрашиваешь о моем прошлом?

— Не знаю…

— Если тебе так уж интересно, то примерно в твоем возрасте мне пришлось быть гладиатором в казармах Халоги, бежать через обледенелые горы и холодный лес, брести по пустыне, учиться ремеслу вора, убивать… всего было понемногу, — вздохнул он,

— Это оттуда у тебя шрам?

— Который из них? — засмеялся варвар. — Их, наверное, сотни. Те, что получил в молодости, уже почти заросли.

— Вот этот, на груди, — протянула руку Хайделинда.

От резкого движения плащ сполз с ее плеч, но она не спешила его поправить. Конан подошел поближе и опустился на колени. Девушка нежно коснулась его груди:

— Вот этот…

Он прижал руку Хайделинды к своему телу и вытянулся рядом с ней на земле. Она тихо и счастливо засмеялась и перевернулась на спину, окончательно сбросив с плеч плащ.

— Неужели мне нужно специально просить, чтобы ты поцеловал меня, варвар?..

Существовала легенда о последователе Эпимитреуса, жреце Танкате, которого одолевал соблазнами Сет в образе прекрасной женщины. Верный служитель Митры откусил собственный язык и выплюнул в лицо проклятой искусительнице, дабы не изменить заветам Солнцеликого и остаться верным и последовательны» учеником великого бога. Конан, в отличие от священнослужителя, обладал значительно меньшей святостью помыслов, а кроме того, был куда более разумным человеком. Язык он себе откусывать не стал.

Часть шестая

МОЛОДАЯ ГЕРЦОГИНЯ

Глава первая

— Не кажется ли тебе, дорогой граф, что с исчезновением Гюннюльфа на самом деле не все чисто? — Барон Арнстейн, развалившись в кресле, протянул кружку Мозесу Шоберскому, который держал на весу серебряный кувшин огромных размеров, — Конечно, налей, — кивнул он в ответ на вопросительный взгляд собеседника.

Граф не ответил сразу. Он налил вина барону и третьему сотрапезнику — сидевшему вместе с ними служителю Митры, поставил кувшин на стол, осушил залпом свой бокал и только потом, причмокнув от удовольствия, хмуро произнес:

— Я, конечно, слышал подобные разговоры, но…

— Какие могут быть «но»… — слегка заплетающимся языком перебил его священник. — Дело требует непременного разбирательства.

Этот достойный служитель храма Солнцеликого нарушал временами заветы Митры о воздержании от крепких напитков и, случалось, напивался до полного бесчувствия. Храмовое начальство смотрело сквозь пальцы на его выходки, потому что в трезвом виде он был Одним из преданнейших проповедников учения и неистовым искоренителем чернокнижия.

Сейчас митрианец находился в том возбужденном состоянии, когда душа требует немедленных и решительных действий.

— Дело пахнет колдовством, — внушительно начал он. — Появление бывших на герцоге Гюннюльфе вещей — это явный знак! Смотрите, как наш хозяин воспринял происшедшее, да он просто был вне себя! Клянусь именем Подателя Жизни, Бьергюльф серьезно напуган, и любое упоминание о своем исчезнувшем брате встречает…

— Но герцог Хельсингерский — один из благороднейших и уважаемых нобилей Немедии! — не дал ему договорить Арнстейн. Его голос прозвучал так громко, что граф Шоберский в испуге замахал руками:

— Тише ты, тише… — Он оглянулся на раскрытое окно. — Во дворе услышат!

— Это не меняет дела, любезный барон, — продолжал монах. — Если королю станет известно, что происходит здесь, в замке, то он, без всякого сомнения, прикажет провести расследование.

— Ну и правильно! — покладисто согласился Арнстейн. — Король Нимед — наш повелитель и может делать все, что считает нужным.

— Да, — заметил Мозес, который соображал несколько быстрее барона Фронденбергского, — но тогда и нас спросят, почему мы не известили о происшедшем власти. Что тогда?

— Вот, вот, — привстал со своего места монах, но, не удержавшись на ногах, рухнул обратно в кресло, — верноподданный и пекущийся о славе Немедии человек, а не побеспокоился о том, чтобы извести колдовство!

— Ты думаешь, что герцог Хельсингерский связан с магией? — повернулся к нему барон, — У меня тоже возникли подозрения, но…

Он не хотел, чтобы герцог, с которым Арнстейн испытывал истинное родство душ,

попал под подозрения, и завел беседу в надежде склонить собеседников подумать о том, что надо сделать, чтобы события в Хельсингере не приняли опасного для Бьергюльфа оборота. Теперь он жалел, что начал этот разговор, но было поздно: граф и служитель Митры в первую очередь заботились о себе, что было, впрочем, вполне естественно для этих славных личностей.

«Нергал меня дернул за язык! — сокрушался барон. — Теперь Бьергюльфу вряд ли поможешь… Похоже, сейчас следует позаботиться о том, чтобы собственная шкура не получила лишних царапин».

Бравый вояка и кутила, он всегда старался отойти подальше от придворных и прочих интриг, но теперь, без всякого на то желания, попал в самое их пекло.

— Мы должны побыстрее послать в столицу надежного человека, чтобы он передал королю о наших подозрениях, — словно прочитав его мысли, сказал граф Шоберский.

— Да, — закивал головой монах, — и побыстрее, пока другие не сообразили сделать то же самое.

Собутыльники сдвинули поближе лбы и принялись обсуждать, кого лучше послать к королю Нимеду.

— Может быть, рассказать все Астрису Оссарскому? — предложил Арнстейн.

— Не-ет, — протянул служитель храма, — он способен только болтать о высоких материях. Всю печенку мне выел своими занудными рассуждениями!

— Тогда, может быть, пригласить сына бывшего управляющего, как его? — почесал затылок Арнстейн.

— Ивар, — подсказал Мозес. Он наморщил лоб, обдумывая предложение барона. — А что? Пожалуй, ты прав. Он бойкий молодой человек, к тому же королевский оруженосец…

— Да еще пользуется покровительством барона Тореного, — добавил монах. — Но,— замялся он, — может быть, Ивар предан герцогу?

— Пустяки! Сегодня друг, а завтра… — не согласился Арнстейн. — Знаю я придворных хлыщей. Он все сделает быстро и ловко, потому что понимает, что это будет ему полезно для продвижения на королевской службе.

— А если наши подозрения не подтвердятся? — спросил осторожный Мозес.

Собеседники, вытаращив на него глаза, умолкла. Действительно, а если на самом деле случившееся лишь происки врагов Бьергюльфа? Поверить в подобное труд. но, но все же? Было над чем почесать голову.

— Он, безусловно, крайне испугался, — зашептал служитель Митры. — Я был совсем рядом, когда поднесли кольцо, и видел, как герцог изменился в лице и долго не мог прийти в себя.

— Мы все были рядом, — заметил Арнстейн, — и я тоже видел его замешательство.

— А сегодняшний случай с кольчугой и гардой от меча? — вставил Мозес.

— Конечно, — поддержал его барон. — Еще я вам вот что скажу. — Он наклонился поближе к собеседникам. От важности дела хмель почти выветрился из голов, и даже монах сидел присмирев, и его глаза обрели некоторую ясность. — Слушайте, — продолжил Арнстейн. — Мне кажется, что эта девчонка…

— Молодая герцогиня? — спросил монах, облизав губы языком. У верного служителя богов и по части женщин тоже не все было в порядке с исполнением заветов.

— Да, — кивнул барон. — У меня сложилось впечатление, что ей стало что-то известно, поэтому герцог так и стремится спрятать племянницу подальше от посторонних глаз. Чтобы

она не проговорилась кому-нибудь…

— Согласен, — перебил его Мозес, — на Бьергюльфе просто лица не было, когда погоня за девчонкой вернулась ни с чем.

— Да, — откинулся на спинку кресла барон, — герцог весь день сам не свой ходит. Но мы не должны показать наших подозрений. Завтра турнир молодежи, потом Большой Совет. Надо, чтобы все прошло на должном уровне, — вздохнул он.

— Верно, — поднял вверх палец монах, внимательно слушавший разговор нобилей, — но следует поторопиться. Кроме нас, и другие могут заметить неладное. Но я не уверен, что Ивар согласится поехать в Бельверус. все-таки в его семье две смерти за день…

— Подумаешь, какие нежности, он, в конце концов, он мальчик, должен привыкать, что дело — превыше всего, — поморщившись, отмахнулся Арнстейн Фронденбергский. — Мы расскажем ему о наших подозрениях. А ты, — он ткнул пальцем в монаха, — напишешь от меня письмо королю Нимеду.

Послали за Иваром. Он не очень удивился тому, что ему поведали вельможи, и, не ломаясь, согласился выполнить поручение. Скоро юноша в сопровождении двух человек из свиты Астриса уже скакал по дороге в столицу.

Глава вторая

Этим утром ничто не могло испортить настроение киммерийца. С первыми лучами солнца он поспешил оказаться в седле и, выбравшись из своего логова, погонял коня по лесной дороге, ведущей в Сюндбю.

«Ну и девчонка! — вспоминал он подробности прошедшей ночи. — Если не в монастыре, где же ее всему этому научили? Пожалуй, я начинаю склоняться к тому, чтобы полностью принять заветы Эпимитреуса… — усмехался про себя варвар. — Аргосцу не придется скучать остаток жизни с такой подругой!»

К полудню, выехав из леса на обширное поле, он увидел вдали купол храма и черепичные крыши домов Сюндбю. Конан свернул с дороги и дальше поехал, скрываясь за деревьями, здраво рассудив, что лучше подобраться к селению незамеченным. Вряд ли Краутвурст обрадуется, если увидит его гарцующим на коне посредине деревенской улицы. К тому же он не знал, где находится дом старосты деревни, коим являлся этот ублюдок. Конан рассчитывал встретить кого-нибудь из местных крестьян, работающих в поле, и разузнать у того все, что можно. Он подобрался почти к самому селу, до которого оставалось шагов пятьсот по открытому лугу, но навстречу так никто и не попался.

«Укроюсь за этим кустарником и подожду», — решил варвар, спрыгивая на землю.

Он отпустил коня попастись на лесной лужайке, а сам прилег у большой сосны, высматривая сквозь прореху в густых кустах, не появится ли кто в поле. Трава на лугу радовала глаз сочным ярким цветом молодой зелени. Ждать пришлось недолго. Сперва киммериец слышал позвякивание колокольчика, а потом и звук женского голоса, напевавшего незамысловатую песенку. Конан осторожно раздвинул ветки и попытался рассмотреть, что творится на лугу. Звуки приближались, к ним прибавилось блеяние, и скоро

прямо перед варваром показалось небольшое стадо коз, которое погоняла хворостиной молодая женщина, одетая в простую крестьянскую одежду: просторную белую рубаху с низким вырезом, схваченным на шее шнурком, и длинную широкую юбку. Голова крестьянки была покрыта белым платком, концы которого завязывались на затылке, оставляя открытыми уши.

Женщина присела в тени раскидистого дуба, посматривая на коз и лениво отмахиваясь веткой от редких в это время мух.

«Главное — не дать ей опомниться, — подумал киммериец, — иначе завопит на весь лес, и все мои предосторожности пойдут прахом».

Он бесшумно, прячась за стволами деревьев, начал подкрадываться к женщине. Селянка, беспечно расположившаяся на опушке, прислонясь спиной к старому дубу, была почти скрыта от глаз киммерийца. Только по взмахам ее руки, временами мелькавшей из-за ствола дерева, варвар знал, что она все еще там. Конан почти достиг того места, где сидела крестьянка, но в это время сухой сучок предательски хрустнул под его ногой. Женщина выглянула из-под дубовой ветки и увидела киммерийца, который был уже в трех шагах от нее. На ее лице появилось чувство непередаваемого ужаса, и, стремительно вскочив, она бросилась в поле. Конан в два прыжка настиг беглянку и успел одной рукой зажать ей рот, чтобы крики не всполошили деревню, а другой плотно обхватил талию. Женщина пыталась вырваться, но тщетно, железные объятия варвара могли удержать и не такого противника.

— Тихо! — повернув ее к себе, предупредил киммериец. — Я тебе ничего плохого не сделаю. Мне только нужно узнать…

Он не мог понять по расширенным от страха глазам селянки, понимает ли она его слова. Времени на особые раздумья не было, и, подхватив пленницу, Конан нырнул в лес, не собираясь торчать посреди открытого поля. Он аккуратно протиснулся сквозь заросли кустарника а побежал дальше, обхватив женщину правой рукой и прижимая к своему боку. Левая рука варвара продолжала зажимать ей рот. Достигнув поляны, где щипал траву конь, киммериец поставил крестьянку на ноги и отнял ладонь от ее губ. Она тяжело дышала и смотрела на киммерийца широко раскрытыми серыми глазами, полными страха. Конан взял ее за плечи и легонько встряхнул.

— Не бойся, — сказал он, стараясь придать своему голосу как можно больше дружелюбия. — Я просто хочу поговорить с тобой.

Женщина наконец сообразила, что произошло. Она все еще дрожала от пережитого испуга, но в глазах уже появилось нечто осмысленное. У нее было простоватое крестьянское лицо, но свежая кожа и яркие полные губы делали его вполне привлекательным. Рубаха сползла в сторону, и сквозь вырез ворота виднелась ложбинка между грудей и белое округлое плечо.

— Ты понимаешь меня? — спросил Конан.

«Уж не немая ли мне попалась? — подумал он. — Экая незадача!»

Женщина ничего не ответила, но ее глаза обежали фигуру склонившегося к ней киммерийца. Во взгляд: крестьянки варвар прочел что-то похожее на удивление, смешанное с восторгом.

— Не убивай меня! — вдруг взмолилась она, падая перед ним на колени.

— Слава богам! — воскликнул киммериец. — Ты не немая. Никто тебя не собирается убивать, — Он нагнулся и, подняв ее с травы, снова поставил на ноги. — Вставай мне нужно…

— Я согласна! — Она отступила на шаг и, совершенно превратно поняв намерения стоявшего перед ней гиганта с падающей на плечи спутанной гривой черных йлос, быстро стянула с себя рубаху и, сбросив юбку, осталась совершенно обнаженной. — Только быстро! — Она переступила маленькими ступнями босых ног. — Потом отпустишь? — Она умоляюще заглянула в глаза Конана.

Одежда служит не только защитой тела от холода. Для женской половины человечества то, чем они прикрывают свою плоть, еще и важная часть жизни. Удачное платье, подчеркивающее достоинства фигуры и скрывающее кое-какие ее недостатки, способно принести женщине если не счастье, то по крайней мере, большую радость и хорошее настроение на долгое время. Простая крестьянская одежда, которую носила стоявшая перед варваром селянка, выполняла лишь свое основное предназначение и ничего не представляла собой с точки зрения красоты: она скорее скрывала фигуру, делая тело бесформенным. Освободившись от грубых покровов, пленница киммерийца выглядела намного лучше, чем в своих тряпках. Она была невысокого роста, с крепкой, задорно торчащей грудью, чуть полноватой талией и стройными ногами с округлыми крепкими икрами. Солнце успело позолотить ее тело там, где платье оставляло кожу открытой: ее лицо и шея, ноги до середины лодыжек загорели и резко отличались от молочной белизны груди, живота и бедер. Киммериец, несколько оторопевший от стремительности ее поступков, молча стоял, разглядывая женщину прищуренными синими глазами.

Та, видя, что варвар не предпринимает никаких действий, понимающе усмехнулась и, подняв руки, развязала узел белого платка, покрывавшего голову. Освобожденная масса темно-русых волос, словно водопад, заструилась по ее телу. Пряди были такой длины, что доставали до бедер и совершенно скрыли от глаз киммерийца ее плечи и грудь. Женщина, вздернув голову и дерзко глядя на Конана, обеими руками отвела волосы за спину.

— Я тебе не нравлюсь?

Сбросить одежду для варвара тоже было недолгим делом. Селянка опустилась на траву и поманила его к себе плавным движением руки…

Конан, как всегда, не подкачал, и совершил столько, сколько она смогла пожелать. Единственное, чего он не смог, — это сделать все быстро, как она попросила. Но, во-первых, он не любил торопиться в таких делах, а во-вторых, его пленница сама вошла во вкус и успокоилась, лишь когда силы совсем оставили ее, и она лежала, тяжело дыша, и не могла даже пошевелиться.

— Боги! — увидев, что низкое солнце едва пробивается сквозь верхушки деревьев, прошептала она. — Уже вечер! Мои козы!

Конан, приподнявшись на локте, прислушался.

— Да не переживай, они не успели далеко разбежаться. Слышишь? — Он приподнял ее плечи, поворачивая в сторону, откуда доносилось позвякивание колокольчиков.

— Угу! — Голова женщины бессильно откинулась назад.

— Но мы не решили главный вопрос, — осторожно укладывая ее на траву, усмехнулся варвар, — Ты мне ничего не рассказала.

— А ты так ничего и не спросил, — улыбнулась селянка, с восхищением глядя на киммерийца потемневшими от усталости глазами.

— Ну вот, — засмеялся Конан, поглаживая ее тело, — я только хотел тебя спросить кое о чем, а ты не совсем правильно меня поняла…

— Я очень удачно ошиблась. — Женщина положила ладонь на его руку, добравшуюся до

ее груди. — Остановись… Что ты хотел услышать от меня?

— Я хочу знать, где дом вашего старосты.

— Я могу его показать.

— Еще расскажи мне все, что знаешь про него, про его дом, кто с ним живет, в общем — все, понимаешь?

Селянка вместо ответа прикрыла веки.

— Сейчас, — потянулась она всем телом, — дай прийти в себя… — Женщина облизала языком пересохшие губы. — Хорошо бы воды, пить очень хочется.

— Нет проблем. — Киммериец поднялся и вытащил из седельной сумки бурдючок с вином — это будет получше воды…

Они, поочередно прикладываясь к сосуду, почти опустошили его, после чего селянка рассказала Конану все, что знала про старосту своего села, про его большой каменный дом с высоким забором, про его богатство, про то, как люди не любят и побаиваются Краутвурста.

— Почему так?

— Поговаривают, что он в ладах с магией и может запросто погубить человека, если тот ему не приглянется.

— А зачем тогда его выбрали старостой?

— Никто не выбирал, его назначил сам герцог Бьергюльф.

— Понятно, — протянул варвар. — Вспомни еще что-нибудь.

— Вроде бы и все… — задумалась женщина. — Ах нет, совсем забыла. — Она виновато взглянула на киммерийца. — Он завтра утром должен уехать в Хельсингер. За ним прислали человека.

— Точно? — встрепенулся киммериец.

— Точно, — подтвердила селянка, — Он заходил к моему отцу, и я слышала их разговор.

«Хм! — подумал варвар. — Может быть, его лучше Подстеречь на дороге?»

Он задумался, откинувшись на траву и глядя, как по небу неспешно проплывают кучерявые облачка.

«Нет! Возьму его в доме, когда он ничего не подозревает».

— Собак держит? — спросил варвар.

— Нет, — ответила женщина. — Он часто отлучаете из селения, и за ними некому смотреть.

— А у него нет слуг или домоправителя, на худой конец?

— Нет. Раньше был слуга, но теперь нет. Да он вообще редко с кем-то общается. Заходит только к ближайшим соседям.

— Как же он не боится оставлять свой дом?

— Что ты! — испуганно проговорила женщина к этому дому наши люди просто подойти боятся. Редко кто из Сюндбю даже бывал у него. Что ты! — повторила она. — Ни за какие деньги не найдешь смельчака, кто захотел бы побывать там в его отсутствие.

— Понятно… — усмехнулся киммериец.

Он вспомнил, как во времена своей молодости, будучи вором в Шадизаре, покусился на ограбление подобного колдовского логова. Очень неприятное было приключение. Ему еще повезло. Еле ноги унес, но жив-здоров и по сей день. Повернись все немножко по-другому, и он сам, и его подельник Нинус до сих пор, наверное, стояли бы в виде маленьких, величиной с воробья, глиняных болванчиков на полке в комнате чародея. Киммериец представил себе довольную улыбку Горбатого Лиаренуса, с которой тот снимал бы с полки и рассматривал их

в компании еще десятка превращенных бедолаг. Теперь он никого рассматривать не может — разорвали на мелкие куски колдуна выпестованные им ужасные темно-зеленые создания. А болванчики, наверное, так и стоят на полке, или, скорее всего, кто-нибудь продал фигурки на рынке и ими теперь играют детишки.

«Надо же, два десятка лет тому назад это было, — прикинул варвар. — Даже больше, пожалуй… Все равно — славные были денечки!»

Однако для воспоминаний времени не было. Они оделись, и женщина проводила его опушкой леса к краю деревни, где показала на черепичную крышу, чуть выступавшую из-за кромки высоченной каменной изгороди.

— Вот он. Видишь, какой богатый? В прошлом году построил, — прошептала она, словно кто-то мог подслушать ее слова. — И откуда у людей берутся такие деньги? — пожала селянка плечами. — Но берегись Краутвурста, это очень опасный человек. Все у нас так считают.

Варвар поцеловал ее на прощание. Она обхватила его шею руками:

— Ты еще придешь к нам когда-нибудь?

— Все в руках богов, — ответил киммериец, с сожалением отпуская ее.

— Я вон там живу, — указала она на дом из серого камня, отстоявший шагов на двести от дома Краутвурста. — Меня зовут Ренхальда.

— Хорошее имя, — улыбнулся киммериец, но себя не назвал. — Никому не говори, что видела меня.

— Зачем? — рассмеялась женщина. — Я не хочу, если тебя вновь занесет в наши края, чтобы ты достался другим женщинам из нашей деревни! Удачи тебе!

Она взмахнула хворостиной, и козы, заблеяв и толкая друг друга боками, заспешили вперед по узкой тропинке. Когда женщина оглянулась, варвар уже исчез, словно его никогда здесь и не было. Только сомкнутый строй зеленых веток и замшелых стволов, освещенных красноватыми лучами заходящего солнца, тянулся в обе стороны, окаймляя деревню и поля вокруг нее.

Глава третья

Киммериец выждал наступления сумерек и только тогда приблизился к ограде, окружающей дом колдуна. Забор оказался высоким, даже гигантского роста варвар не доставал головой до его кромки. Конан подтянулся на руках и осторожно заглянул за ограду. Перед ним открылся обширный и пустынный двор. Кучка невысоких деревьев росла по правой от варвара стороне ограды. Сам дом располагался ближе к деревенской улице.

Здание стояло внушительное — локтей десять в высоту и шагов двадцать в длину по стене, что находилась перед глазами киммерийца. Два окна темнели, прорезанные в каменной кладке, но Конан увидел свет, который падал на листья деревьев, растущих рядом с домом. В левой части двора виднелось низкое каменное строение — по всей видимости, амбар или конюшня. Остальное пространство между оградой и домом было вымощено каменными плитами, оставлявшими место для небольших круглых островков зелени и

распустившихся цветов.

Киммериец внимательно осмотрел двор, не поджидает ли его там какая-либо неожиданность, — все-таки хозяин здесь не простой крестьянин, а достаточно умелый чародей. Однако ничего не обнаружил.

«Надо рискнуть, — решил варвар и направился к левой стороне ограды, — лучше проникнуть в этом месте, потому что амбар закроет меня от того, кто находится в доме».

Он взобрался на кромку каменного забора. Теперь сам дом не был виден, а перед его глазами стояла только каменная стена хозяйственного строения и чуть возвышающаяся над оградой крыша, сложенная из такой же добротной черепицы, как и покрытие дома.

«Богатый ублюдок, Нергал ему в задницу, — подумал Конан. — Не каждый может себе позволить такие постройки».

Он еще раз оглядел узкую полоску земли, шириной пять-шесть локтей, между стеной и амбаром.

«Может быть, лучше прыгнуть на крышу? — мелькнула мысль, но, подумав, он отверг ее. — Проломлю или собью черепицу, будет шум, а этого мне совсем не надо».

Киммериец еще раз оглядел узкий проход и мягко спрыгнул на землю. Прислушиваясь к каждому шороху, он добрался до угла здания и выглянул во двор. Все тихо. Конан сделал два шага, чтобы пройти вдоль короткой стены амбара, как вдруг что-то полыхнуло перед его глазами. Вспышка оказалась настолько яркой, что на одно мгновение варвар потерял способность видеть, а когда вновь обрел зрение, то различил прямо перед собой в пяти шагах какой-то клубок то ли тумана, то ли дыма грязновато-зеленого цвета. Облачко змеилось и переливалось, словно огромный пчелиный рой, и через несколько мгновений превратилось в огромного, выше варвара на целую голову, бритого человека в белых шароварах, подпоясанных широким кушаком и с огромным туранским ятаганом в руках. Бугристые мускулы на его руках и груди были чудовищных размеров, как будто могучего бойца раздули изнутри. Огромные глаза без век неподвижно уставились на варвара, в темных зрачках затаилась угроза. Конан выхватил меч и приготовился к защите.

«Значит, колдунишку охраняет этот монстр». — Напружинив ноги и чуть согнувшись, киммериец ждал нападения противника.

Однако монстр — а сомнения в том, что это не чело-век, у варвара не было— стоял неподвижно, а точнее висел в воздухе, чуть касаясь земли носками загнутых туфель. У киммерийца было такое впечатление, что призрачный страж держится в воздухе, как бычий пузырь, наполненный дымом. Сходство усиливалось струйками зеленоватого тумана, выходящего из ушей жуткого создания и поднимающегося вверх, словно дымок из трубы. Киммериец замер. Не шевелился и монстр.

«Может быть, это просто призрак, созданный для того, чтобы напугать непрошеного гостя?» — подумал варвар и решительно двинулся вперед.

В то же мгновение гигант, зашлепав толстыми губами, будто произнося что-то, поплыл навстречу Конану, взмахнув клинком. Варвар отбил его выпад, но не услышал звона стали, как будто бил по мягкой перине, — хотя мог поклясться, что удар ятагана был невероятно силен, и только стремительность действий Конана спасла его от серьезных неприятностей. Киммериец сделал, в свою очередь, ложное движение к зеленоватому бойцу и, отпрянув назад, одновременно далеко выбросил вперед правую руку с мечом, отводя его ятаган. Монстр, двигаясь, наткнулся на его клинок, и варвар почувствовал, как острие меча входит в плоть чуть пониже широкого пояса противника. Толстогубый рот раскрылся в безмолвном

крике, ноги противника пошли вверх, и он, на мгновение зависнув в воздухе, рухнул на землю. Конан на всякий случай отскочил назад, держа меч наготове.

Монстр, несколько мгновений полежав на земле, вновь выпрямился, словно колодезный журавль, поднимающий ведро, и теперь как ни в чем не бывало болтался в пяти шагах от варвара. Из низа его живота текла струйка зеленоватой жидкости. Она заляпала его белоснежные шаровары и вышитые сафьяновые туфли. Конан ждал, но монстр снова не двигался.

«И где он откопал такого? — усмехнулся киммериец. — Подобные попадались мне в последний раз далеко отсюда, на Востоке».

Варвар сделал шаг вперед, намереваясь нанести зеленому призраку еще один удар, но тот снова поплыл навстречу, размахнувшись ятаганом. Варвар отступил на шаг, монстр остановился и чуть отплыл назад.

«Что за чушь? — удивился Конан. — Ничего не понимаю!*

Он сделал еще пару шагов назад, и зеленоватый боец как бы повторил его действия. Все движения проходили почти в безмолвной тишине, лишь изредка хрустел гравий под сапогами киммерийца.

«Нергал мне в кишки! — выругался варвар. — Проверим-ка мы тебя вот так…»

Он стремглав бросился на монстра, и тот так же быстро ринулся навстречу. Конан попытался ударить его мечом по ногам, но тот ловко отбил удар. Варвар отпрыгнул в сторону, но толстогубый противник чуть сдвинулся и опять торчал прямо перед ним. Киммериец сделал еще пару выпадов, но бритый гигант успешно отбивал его удары, каждый раз преграждая путь к дому колдуна. Он, словно привязанный к невидимой очерченной линии, сохранял расстояние между собой и варваром неизменным и не позволял приблизиться к цели ни на шаг, Конан сделал несколько попыток двинуться вправо или влево, чтобы перехитрить монстра, но тот быстро и ловко смещался в ту же сторону. Нечего было и думать победить его в схватке на мечах, и хотя варвар сумел нанести ему рану, но это было скорее случайной удачей. Зеленый боец, вращая выпученными глазами, мгновенно реагировал на каждое движение противника в направлении к невидимой черте.

«Как от него избавиться? — лихорадочно соображал киммериец. — Так можно стоять друг перед другом всю ночь, пока мне не надоест и я не уберусь отсюда — или же пока меня кто-нибудь не заметит…»

Поглядывая на монстра, он прикидывал, как можно обмануть это чудовище. Неужели нет выхода? Ага! Ножи! Как же он забыл о них? Стараясь не делать резких движений, варвар вытащил из-за пояса один из своих метательных клинков. Переложив меч в левую руку, он стремительным взмахом правой метнул нож в монстра. Расстояние было плевым для такого мастера, как Конан, поэтому нож вонзился точно туда, куда он метил, — в левый глаз противника. Рот монстра раскрылся в немом крике, а Конан, не давая тому опомниться — если у зеленого стража действительно что-нибудь было внутри черепа, — метнул второй нож в правый глаз. К струйкам дыма из ушей добавилось такое же облако изо рта. Сейчас бритая голова монстра, зеленая и круглая, как арбуз, походила на какого-то чудовищного жука-рогача с торчащими вперед рукотками ножей.

Варвар прыгнул вправо, противник не двинулся, продолжая висеть в воздухе.

«Ослеп, зеленая задница! — возликовал киммериец и, метнувшись к нему, рубанул клинком по основанию шеи монстра. — Вот тебе, получай!»

Голова чудовищного создания, отделившись от туловища, не упала на землю, а

продолжала висеть рядом с ним, извергая из обрубка шеи фонтан зеленоватой жидкости. Такой же поток из туловища, словно водопад, хлынул на грудь монстра. По телу пробежала дрожь, и оно стало уменьшаться на глазах, съеживаясь и теряя свой цвет. Скоро сгущающиеся сумерки совершенно поглотили остатки недавнего противника варвара. С легким стуком на землю упали выпавшие из глазниц ножи.

«Ну что ж, — удовлетворенно подумал киммериец, — удачно поработал. Даже оружие вернулось, спасибо Солнцеликому!»

Глава четвертая

Он пошел к дому колдуна, прижимаясь к стенке амбара, потом, оглянувшись вокруг и с каждым мгновением ожидая какого-нибудь нового подвоха, в несколько прыжков пересек свободное пространство и двинулся вдоль дома, сгибаясь, чтобы не быть замеченным изнутри. Киммериец обогнул здание и пополз дальше, направляясь к двум освещенным окнам.

«Нет! Так нельзя! — почти приблизившись к цели, решил он. — Надо спрятаться за деревьями — так будет надежнее».

Конан отполз немного назад и, прижавшись к камням, мостившим двор, как ящерица, юркнул к группе низких деревьев, растущих у самой стены. Он прислонился спиной к забору и, беспрестанно поглядывая по сторонам, дабы не напороться на очередной сюрприз Краутвурста, мелкими шагами приблизился к освещенным окнам. Осторожно раздвинув ветки, варвар попытался разглядеть, что же происходит внутри дома. Двое трапезничали за столом в большой комнате. Один располагался лицом к окну, и варвар узнал по кирасе на груди стражника герцога Бьергюльфа. Второго рассмотреть не удавалось, он сидел боком к киммерийцу. Была видна только его рука, которую человек протягивал, беря пищу с блюда. Варвар сглотнул слюну. При виде стоящего на столе обильного угощения сразу захотелось и поесть, и выпить. Он сдвинулся чуть вправо и убедился, что второй сотрапезник действительно колдун Краутвурст. Маг самодовольно развалился в кресле и что-то втолковывал своему собеседнику.

«Подожду чуток, — решил варвар, — не будут же они сидеть так всю ночь, обязательно выйдут наружу».

Он уже определил по доносившемуся запаху, что деревянная будочка, прилепившаяся в конце зарослей у самого забора, есть именно то помещение, без которого не могут прожить долгое время ни король, ни нищий, если, конечно, не предпочитают гадить прямо себе под ноги. Конан подвинулся чуть правее, чтобы не упустить из виду окно, и стал ждать.

Киммериец оказался прав. Через некоторое время собеседник Краутвурста встал и направился к выходу из комнаты. Конан сделал несколько мягких и бесшумных шагов вправо и притаился за ветвями. Хлопнула дверь, раздались торопливые шаги по каменным плитам. Через мгновение из-за угла появился человек, почти бегом устремившийся к вожделенному помещению. Варвар дал ему возможность подойти поближе и в тот момент, когда стражник схватился за ручку двери, резко метнулся вперед и ударил его ребром ладони по шее.

Раздался чавкающий звук, похожий на шаги по трясине. Варвар успел подхватить падающее тело. Голова несчастного свесилась набок, словно у зарезанной курицы.

«Отбегался, бедолага, — вздохнул Конан, усаживая стражника в будку. — Мальчиком больше, мальчиком меньше — какая разница!»

Конечно, верзилу стражника можно было назвать мальчиком только с большой натяжкой, но киммериец, успешно выполнив первую часть своей задачи, позволил себе пошутить. В давние времена, по молодости и неопытности Конана, подобный удар неизменно сопровождался хрустом переломанных позвонков. С годами он научился соизмерять силу и бил в соответствии с толщиной шеи своих жертв, и теперь все происходило почти бесшумно. Варвар снял с мертвеца кушак и заткнул себе за пояс.

«Посиди здесь, пока за тобой не придут демоны, чтобы проводить на Серые Равнины», — еще раз усмехнулся Конан, прикрывая дверь в заведение.

Теперь предстояло решить, как обойтись с колдуном. Подождать, когда он выйдет в поисках пропавшего собутыльника? А если он насторожится, заподозрив неладное? Все же маг, а не простой выпивоха. Нет, брать этого ублюдка лучше в доме, тем более что, надеясь на своего зеленого губастого сторожа, он вряд ли ожидает неприятностей. Киммериец подождал некоторое время и, мягко ступая, направился к дому.

Когда варвар осторожно приоткрыл дверь, она не заскрипела. В общем-то это было неважно, но Конан хотел незаметно приблизиться к колдуну на возможно меньшее расстояние. Он прошел небольшое помещение, направляясь к двери, из-под створки которой падала на пол полоска света. Варвар мгновение постоял, еще раз прокрутив в мозгу очередность своих действий, потом, резко распахнув створку, бросился вперед. Одним прыжком он преодолел расстояние от порога до стола. Краутвурст успел только поднять голову и, увидев вместо своего собутыльника летящего на него киммерийца, ойкнул и стал поднимать руку, торопясь сотворить колдовской знак. Но не успел. Конан стальной хваткой схватил обе его руки, развернул кресло вместе с седоком перед собой и коленом нанес чувствительный удар в основание грудной клетки. Краутвурст икнул и сполз вниз. Киммериец, не теряя ни мгновения, связал ему Руки кушаком стражника и, оторвав рукав рубахи Колдуна, взнуздал его, как лошадь, чтобы тот не мог Произнести ни слова. Теперь варвар чувствовал себя в безопасности от его магических штучек.

Конан приложил ухо к груди Краутвурста и, убедившись, что чародей жив, уложил его на стоящую у окна лавку. Сам киммериец сел в кресло и принялся продолжать трапезу, прерванную его вторжением.

«Мир должен находиться в равновесии, — хохотнул он, наливая себе бокал вина, — ведь вину и закуске все равно, кто их использует. Важно, чтобы пища была съедена, а вино выпито». Вот таким образом, своеобразно трактуя заветы богов, Конан не спеша доел и выпил все, что было на столе. Иногда он поглядывал на распростертого на лавке Краутвурста. Тот пару раз застонал, но еще не пришел в себя.

«Ну и хорошо, — наливая очередную порцию, подумал варвар, — можно поужинать без помех».

Опрокинув в себя последний бокал вина, киммериец подошел к пленнику и плеснул на него водой из кувшина. Краутвурст застонал и открыл глаза. Сначала его взор был мутным, как у новорожденного младенца, но вскоре колдун пришел в себя, и в глазах его появилось чувство неподдельного ужаса.

— Сообразил, что с тобой приключилось, хорь вонючий? — осведомился варвар,

наклонясь к нему поближе. — Ты, кажется, имел желание встретиться со мной?

Колдун только вращал глазами и мычал сквозь тряпку, которая врезалась ему в рот. Он попытался спустить ноги на пол, пытаясь встать, но Конан придержал его левой рукой, в то время как здоровенный кулак правой приблизился к носу пленника.

— Полежи, отдохни, — грозно предложил киммериец. — Сейчас я буду говорить, а ты слушать. Если согласен, моргни глазами, если нет, мотни головой. Но предупреждаю: можешь вытворять что угодно, но я тебя не развяжу. Знаю я ваши колдовские штучки! Так мне будет спокойнее. А если мне что-нибудь не понравится, о, клянусь Митрой, брошу в сортир. Поплаваешь там, пока не захлебнешься в дерьме. Понял, ублюдок?

Колдун отчаянно заморгал глазами.

— Молодец, — похвалил его варвар. — Быстро соображаешь. Пошли дальше. Ты опоил Гюннюльфа зельем по наущению его брата?

Краутвурст согласно моргнул.

— Ты можешь доказать, что герцог — твой соучастник?

Колдун отчаянно замотал головой.

— Конечно, — усмехнулся киммериец. — Как я сразу не догадался, что вы не стали подписывать договор на пергаменте! Денег он тебе много дал? Где они?

Колдун повел глазами по комнате.

— Ах да! — хлопнул себя по лбу Конан, — Совсем забыл. Ты хочешь сказать, гнида ползучая, что построил себе на эти деньги новый дом?

По глазам Краутвурста варвар понял, что не ошибся.

— Хрен с тобой, охвостье Нергала! — принял он решение, поняв, что вряд ли найдет какие-нибудь улики преступления. — Я отвезу тебя в Хельсингер, там все и расскажешь.

В глазах колдуна заплескался страх.

— Ты же собирался туда! — удивился варвар. — Вот я тебя и отвезу. А если не расскажешь сам, то тебя будут долго и со вкусом пытать люди из Гвардии Золотого Леопарда. Уж они-то вытряхнут из твоего поганого нутра все подробности. Вместе с кишками, — усмехнулся киммериец, — В гвардии, знаешь ли, большие мастера по этой части!

Колдун заворочался на лавке и что-то замычал.

— Если сделаешь какую-нибудь попытку вырваться, — зловеще произнес Конан, то, клянусь всеми богами, я вырву твою печень и швырну псам! Понял?

Колдун заморгал глазами. Варвар покрепче привязал его к скамье.

— Чтобы не упал ненароком, — засмеялся он. — Как рассветет, по холодку и поедем, чтобы побыстрее добраться, да и лишние зеваки нам ни к чему. Ты полежи пока, а я пройдусь по твоему роскошному дому.

Глава пятая

Король Нимед наморщил лоб, вновь, в который уже раз, вчитываясь в строки, каллиграфически выведенные на свитке, который доставил Ивар. «Неприятная ситуация!» — Монарх потер переносицу, его неудержимо тянуло чихнуть.

— Ап-чхи! — не удержался он, и Ивар, почтительно ожидавший, когда король обратится к нему, вздрогнул.

— Позови Тараска! — приказал король одному из слуг, стоявших у входа в зал.

Посланный исчез за дверью, а Нимед, оторвавшись наконец от послания, поднял глаза на своего оруженосца:

— Кто-нибудь еще знает об этом?

— Я не говорил с остальными гостями замка, — торопливо ответил Ивар. — Когда у меня появились подозрения, то я сразу же пошел к самым уважаемым нобилям наших мест. — Ушлый юноша попытался выставить себя перед королем в самом выгодном свете.

— Ты поступил правильно, — отмахнулся король, — я этого не забуду. Расскажи подробнее, как все происходило?

Ивар, приосанившись и напустив на себя деловой вид, подробно рассказал Нимеду, каким неожиданным образом нашелся перстень Гюннюльфа и как появились другие вещи исчезнувшего герцога. Король внимательно выслушал его, временами прерывая вопросами.

— Все так и описано в письме барона Арнстейна, — кивнул он головой. — Теперь расскажи мне про молодую герцогиню, — неожиданно переменил правитель тему беседы. — Она действительно сошла с ума? Мне она показалась чрезвычайно милой и воспитанной девушкой. Очень жаль, если это на самом деле так.

Ивар лихорадочно соображал, что сказать королю. Он помнил, каким милостями Нимед осыпал Хайделинду, и не знал, как ему вести себя.

— Я не могу сказать наверняка, — начал он медленно, поглядывая на короля и стараясь прочесть на его лице малейшее движение монаршей мысли, — но так сказал герцог.

— А вот барон пишет, что она убила твоего отца!

— Да, господин, — согласился Ивар, ожидая, что последует дальше.

— Удивительно, как молодая женщина могла справиться с таким крепким и умелым бойцом, каким был Гутторм, — взглянув в послание, уточнил король. — Впрочем, как указывает барон Арнстейн, она уложила его броском кинжала?

— Да, — кивнул молодой человек, не понимая, куда клонит король.

— И ты, несмотря на это, не обвиняешь ее? — спросил Нимед. Уперев руки в бедра и подавшись вперед, он сверлил Ивара пронзительным взглядом.

— Она сделала это ненамеренно, — хрипло ответил Ивар, решив наконец не занимать сторону Бьергюльфа и в этом вопросе. Мало ли еще чего понаписали нобили в послании…

— Молодец, — похвалил его Нимед, — несмотря на столь тяжелую утрату, ты не медлишь, чтобы донести своему королю сведения о подозрительных событиях в Хельсингере.

Ивар утер рукой пот, обильно струившийся по лбу.

— Да, я понимаю, тебе тяжело, — кивнул головой король, — но мы не забываем тех, кто предан трону Дракона. Иди, но оставайся во дворце. Возможно, ты еще мне понадобишься.

Оруженосец, сделав глубокий поклон, поспешил ретироваться, ликуя в душе, что ни в чем не обвинил молодую герцогиню. По-видимому, король питал к ней какое-то пристрастное чувство и боги предостерегли его, Ивара, от неверного шага.

«Бьергюльфу крышка, — решил он, задумчиво шагая по галерее дворца, — Надо постараться, чтобы другие не вспоминали, что я служил ему. И предупредить барона Амальрика о том, что происходит! — спохватился он. — Как я мог забыть об этом?»

Он ускорил шаги и чуть не вприпрыжку бросился в помещение королевской канцелярии,

торопясь написать послание своему покровителю. Ласковый теленок двух маток сосет! Надо быть полезным и там, и тут. Сегодня Нимед король, а завтра, смотришь, и другой кто-нибудь. Все люди смертны! Надо всегда быть готовым к тому, чтобы вовремя сменить коня.

* * *

— Послушай, братец. — Нимед внимательно посмотрел на одутловатое и как будто расплющенное лицо Тараска, приобретшее подобный вид от беспрерывных кутежей, коим распутник последнее время предавался почти круглые сутки. — Я получил послание от нашего верного и преданного друга барона Арнстейна Фронденбергского.

— Знаю, достойный человек, — сонно кивнул поднятый с постели и невыспавшийся принц, — но ты не мог бы прочесть его попозже? Горит, что ли?

— Горит! — повысил голос король, — Ты, вместо того чтобы пьянствовать и предаваться блуду, мог бы иногда и поучаствовать в государственных делах!

— Ладно! — выставил вперед ладони Тараск, видя, что его венценосный брат не на шутку встревожен. — Не сердись, ты же видишь, что я по первому твоему зову тут как тут!

— Мне нужно посоветоваться с тобой, — хмуро сказал Нимед.

Тараск тоскливо смотрел на короля. Опять какие-то пела! Уж если что и интересовало принца по настоящему, так это где достать побольше денег на развлечения. Нимед был весьма скупым и прижимистым властителем, и те крохи из казны, что отпускались на содержание принца, совершенно не устраивали Тараска. Иногда его охватывало жуткое уныние при виде короля, и принцу казалось, что никогда не наступит то желанное время, когда он сам займет трон и будет распоряжаться немедийскими богатствами.

— Дело в том, — Нимед отложил свиток пергамента, который все еще держал в руках, — что письмо написано не только с пожеланиями мне хорошего здоровья и долгого правления. В нем говорится о странных событиях, происшедших в замке Хельсинтер.

— Хельсингер? — откликнулся Тараск. — У тебя на приеме была молодая герцогиня из этих земель! — Он не мог удержаться, чтобы не сделать умильное выражение лица и не причмокнуть губами. — Роскошная девушка!

— У тебя одно на уме! — раздраженно бросил Нимед. — В письме, кстати, и о ней кое-что любопытное, но главное то, что герцог Хельсингерский Бьергюльф обвиняется в убийстве своего старшего брата.

— Постой, постой, — оживился принц, — того самого, что исчез бесследно года два назад?

— Именно, — отозвался король. — Вот мне и нужен твой совет.

Нимед тоже не был в восторге от сообщения барона Фронденбергского и того, что рассказал Ивар. Ему очень не хотелось будоражить это осиное гнездо воинственных и спесивых северных нобилей. Слава богам, мир, заключенный с Аквилонией, позволял жить спокойно и без лишних треволнений. Если бы не эти северяне! Монарху не раз доносили, что там имеются недовольные его правлением — они считают, что негоже немедийцу вести себя, словно медведь в зимней спячке, что король пренебрегает заветами благородных отцов, и скоро весь цвет нации выродится в торговцев и лощеных придворных хлыщей, вместо того чтобы показать всему миру силу немедийского меча. Герцог Бьергюльф являлся одним из влиятельных и знатнейших нобилей, и открыть дело против него… Тут требовалась большая осторожность и тонкий подход.

— Какой совет ты хочешь получить? — усмехнулся Тараск. — Ты повелитель всех своих подданных и вправе делать, что считаешь нужным. Если обвинения достаточно серьезны, то пусть этим займутся твои гвардейцы.

В душе Тараск был рад, что его братцу приходится ломать голову над этой проблемой. Он, поднаторевший с младых ногтей в дворцовых интригах, прекрасно понимал, в чем дело, но не собирался и пальцем пошевелить, чтобы помочь королю. Другое дело, нельзя ли из этого извлечь какую-нибудь выгоду?

Нимед между тем обстоятельно и скучно излагал содержание письма преданного барона Арнстейна.

— Я считаю, надо обязательно отправить туда гвардейцев Золотого Леопарда, — твердо сказал Тараск. — Обвинения представляются мне достаточно серьезными.

«Понятно, — подумал Нимед. — Тебе страсть как хочется столкнуть меня лбом с северной знатью и попытаться ослабить королевскую власть».

— А если все это не больше чем мыльный пузырь? — король жестко посмотрел на принца. — Чьи-то козни, придуманные с целью опорочить преданного трону человека?

— Но ведь письмо написал не какой-нибудь конюх или крестьянин, а знатный и тоже преданный тебе барон Фронденбергский!

— Вот я и хочу с тобой посоветоваться, как поступить наилучшим образом.

— Жалко, что барон Амальрик покинул Бельверус, — зевнул принц. — Ты мог бы получить от него прекрасный совет, он совсем недавно был в тех местах.

Тараск, зная характер Нимеда, уже представлял, как может пойти дело. Король постарается приглушить разгорающийся скандал или по крайней мере будет как можно дольше оттягивать решение вопроса, не желая принять ненароком неверное решение. Но на этот раз ему вряд ли удастся поступить таким образом. Слишком много людей видели происходящее в замке, и так или иначе скоро слухи достигнут столицы и определенного решения Нимеду будет не избежать.

«А не прогуляться ли мне в Хельсингер? — мелькнула мысль у принца. — Там праздник, развлекусь хорошенько, да и денег на дорогу можно вытянуть побольше, — Тараск взглянул на короля, — под предлогом того, что занимаюсь важным государственным делом».

— Отправь меня туда, — предложил Тараск. — Я на месте во всем как следует разберусь.

— Вижу, что дела государства тебе не безразличны, — ехидно заметил Нимед.

«Вот чего я не сделаю ни в коем случае, — подумал он тем временем. — Спишь и видишь, бездельник, как бы подстроить мне какую-нибудь гадость. Нет! Я пошлю туда своих людей, кому имею возможность доверять».

— Ты меня убедил. — Король встал с кресла и прошелся по залу. — Надо послать туда гвардейцев. Все-таки дело непростое. Требуется все досконально выяснить.

Глава шестая

Варвар взял со стола светильник и огляделся по сторонам. В этой комнате больше

дверей не было. Он еще раз взглянул на связанного Краутвурста и вышел в прихожую. Несколько дверей вели из нее в другие помещения. Приоткрыв одну из них, варвар увидел кладовую. Первым, что бросилось ему в глаза, оказалась пара великолепных окороков, висящих на перекладине, и несколько бочонков с вином, стоящие друг на друге в углу помещения.

«Да, еды у старого ублюдка достаточно! — подумал он, бегло оглядывая полки, на которых стояли глиняные горшочки с припасами. — Но это потом, — заспешил он, закрывая створку, — надо поискать, нет ли у него где-нибудь золота!»

Оставались еще две двери, и киммериец открыл одну из них. В просторной комнате, по стенам которой громоздились длинные деревянные полки с флакончиками, шкатулками, разными металлическими приспособлениями, хрустальными шарами и зеркальными пирамидами, почти всю середину занимал длинный стол с мраморной столешницей. На столе стояла жаровня в виде черепахи с разинутой пастью и лежало десятка два книг в потертых кожаных переплетах. Стены комнаты, кроме полок, были еще увешаны пучками сухой травы, связками костяных бус и волчьих клыков, нанизанными на металлические вертела кусочками обугленных деревяшек и прочими, как определил варвар, принадлежностями для чародейства. Конан осторожно обошел помещение, но ни к чему не прикоснулся, опасаясь воздействия колдовских сил. Он вышел из комнаты, плотно прикрыл за собой дверь и прошел еще дальше по прихожей ко входу в следующее помещение.

Там, по-видимому, находилась спальня колдуна. Во всяком случае в комнате стояла огромная кровать, покрытая цветастым шерстяным одеялом, огромный дубовый шкаф с затейливой резьбой на широких дверцах, кованый сундук с увесистым, величиной с кулак киммерийца, замком с какими-то значками на его поверхности, почти стертыми от времени. Довершали обстановку спальни резной столик с двумя выдвижными ящичками и деревянное кресло, на которое был накинут чехол, сделанный из той же материи, что и одеяло. На стене висело небольшое бронзовое зеркало в затейливой раме.

— Хм! — усмехнулся варвар, — Однако наш Краутвурст большой любитель красиво пожить!

Он бегло пошарил в шкафу, где висело множество различных костюмов, от простого крестьянского платья до черного бархатного камзола, какой носили придворные в королевском дворце. Конан проворно обшарил карманы, но ничего полезного для себя не нашел.

«Где же этот мерзавец хранит деньги? — недоумевал киммериец. — Ему они скоро все равно будут ни к чему, а вот мне очень даже пригодятся».

Конан выдвинул один ящичек стола, потом другой. Денег там не оказалось, но зато он обнаружил большой потемневший ключ. Он вставил его в скважину замка на сундуке, ключ подошел и, сделав два оборота, киммериец уже вытаскивал дужку замка из проушины в петле. Открыв крышку, варвар в первую очередь осмотрел несколько маленьких отделений сбоку внутри сундука, но ни монет, ни драгоценностей не нашел. Он перерыл все содержимое, но, кроме связок старинных пергаментов, лоскутков материи и двух небольших ларчиков, там ничего не было. Киммериец вытряхнул содержимое ларцов на столик, из них посыпались какие-то металлические крючки и петельки, пуговицы, ворох цветных лент, огрызки гусиных перьев, несколько костяных безделушек.

— Нергалово отродье! — выругался варвар. — Барахла, как у старой карги, а толкового ничего нет.

Он пнул ногой сундук, тот чуть сдвинулся в сторону, и киммериец увидел, что под ним доски пола имеют совершенно другой цвет, чем посреди комнаты.

«Ход в подвал, — догадался киммериец. — Вот где он хранит свои сокровища! А говорил, что ничего нет. Ха! Так я и поверил старому хрычу!»

В предвкушении большого барыша киммериец одним махом сдвинул сундук в сторону и в самом деле обнаружил крышку люка с позеленевшей бронзовой ручкой.

«Вот уж действительно скряга, — усмехнулся варвар. — Дом новый, а эту крышку, ублюдок, наверное принес из своего старого логова. Очень старое изделие».

Он был прав. Доски крышки потемнели от времени, а зелень на металле указывала, что ручке по меньшей мере несколько десятков лет. Киммериец потянул на себя крышку люка, и она неожиданно легко пошла вверх. Посветив прихваченной со стола масляной лампой сквозь образовавшееся отверстие, Конан обнаружил ступени, ведущие вниз. Там было темно, и только пахнувший в лицо варвару затхлый холодный воздух показал, что это действительно подвал.

— Чем Нергал не шутит… — Киммериец начал спускаться по крутым деревянным ступенькам.

Однако Конана ждало немалое разочарование: подвал оказался пустым, вернее, почти пустым. По правде говоря, кое-какие вещи там были, но совсем не те, на находку которых рассчитывал киммериец. В каменной стене торчали два кольца с пропущенными через них цепями, в углу приткнулась небольшая тренога с листом металла на ней, рядом лежали железные клещи и увесистая многохвостая плеть. Возле жаровни стоял большой и валялись несколько тонких поленьев. Под саам потолком виднелось отверстие, по всей видимости, ля притока воздуха вниз. Конан поднес к нему лампу, язычок пламени заколебался, движимый потоком. В дальнем углу варвар заметил пластину, вмурованную в пол, с чуть выступающей вверх рукояткой.

— Экий мерзавец! — выругался Конан. — Камеру для пыток устроил, не иначе. С размахом построился, нетопырь. А это что за рычажок?

Он подошел к позеленевшей медной пластине и, наклонив лампу, попытался разобрать надпись, которая почти стерлась от времени.

— По… поверх… нет! — Знаки были едва видны, и надпись читалась с трудом. Варвар повернул лампу так, чтобы гравировка стала видна резче. — Поверну… повернуть вправо, — наконец осилил он старинную вязь букв.

Киммериец, недолго думая, повернул рукоять вправо, рассчитывая, что можно будет вытащить пластину из каменных плит. Что-то заскрежетало, потом послышался шорох за спиной киммерийца. Он мгновенно повернулся назад: проем лестницы, по которой он спустился сюда, уже больше чем на две трети задвинулся железной плитой.

— Разрази меня гром! — Конан прыгнул к закрывающемуся проходу, выдергивая из ножен меч, чтобы подставить его в щель, которая стремительно сужалась.

Поздно! Кончик меча только царапнул по металлу Щита, и варвар оказался в западне. Он опять метнулся к проклятой медной пластине и повернул рычаг влево, но ничего не произошло: плита как закрывала проход, так и осталась на месте.

— Нергал мне в печень! Любопытный идиот! Мало меня жизнь учила! — ругал себя киммериец. — Попался, как сопливый щенок!

Он дергал рукоятку в разных направлениях, надеясь, что устройство сработает и он сможет выбраться отсюда, но все было тщетно: он сам себя замуровал в тесном подвале.

Конан присел на пол, стараясь собраться с мыслями и придумать, что делать дальше.

«Приподнять плиту кончиком меча… сломается?.. еще неизвестно… вырвать эту Нергалову пластину и добраться до рычагов… надо попробовать… поискать что-нибудь покрепче меча… — Варвар оглянулся вокруг — ничего нет. — Скоро кончится масло в лампе? — он потряс сосуд — пока еще много. — Кричать?.. кому? Краутвурсту?.. ждать?.. чего ждать? сдохнешь тут, как крыса… попробовать расшатать плиты стен… это фундамент… не получится… а что же получится?»

Он вытер со лба неожиданно выступивший холодный пот. До него вдруг дошло, что он обрек себя здесь на неминуемую медленную смерть. Колдун лежит связанный наверху. Очень крепко связанный. К нему вряд ли кто зайдет, и Краутвурст сдохнет там через несколько дней, а потом умрет и он, Конан, которого алчность загнала в этот проклятый подвал. Никто и не подумает искать его здесь, да и никто не знает, что он в доме колдуна.

Конан мрачно обхватил руками колени.

«Доигрался, жадюга! — мрачно выругал он себя. — Неужели нет выхода? — Киммериец, прищурившись, еще раз оглядел стены, сложенные из больших, квадратных, примерно локоть на локоть, каменных плит. — «Не торопись нести голову на плаху, если приговор еще не вынесен», — вспомнил он поговорку, слышанную в Шадизаре. — Верно! — встрепенулся варвар. — Надо сначала поискать выход, а уж потом спешить к себе на похороны».

Он обошел стены, внимательно разглядывая каждый шов и иногда простукивая плиты. Звук был глухой, это говорило о том, что каменные блоки уходят далеко в толщу земли. По крайней мере две стены этого подземелья должны служить основанием дома. Конан наморщил лоб, стараясь вспомнить расположение спальни колдуна по отношению к стенам дома и как стоял сундук в комнате.

— Так, так. — Он взял валявшиеся в углу клещи и концом их ручки царапнул по одной из стен, потом по предельной, — Эти, по всей видимости, наружные. Тогда вот эти две должны быть внутри дома. Краутвурст не сличался излишней щедростью, значит, стенка возможно, земляная и просто обложена плитами. Тогда, может быть, еще не все потеряно.

Киммериец повеселел и, поднеся треногу поближе, начал осторожно, кончиком ножа, процарапывать щель между двумя плитами. Шов был твердым, но все-таки помаленьку поддавался. Скоро у ног варвара выросла горка серой пыли. Он работал, не давая себе отдыха, и только время от времени смахивал пот со лба. Хотелось пить, но откуда здесь возьмется вода?

«Кувшин!» — вспомнил он.

Он подошел к стоявшему в углу кувшину. Заглянул внутрь, понюхал. Там действительно была вода. Она стояла здесь давно, и запах от нее был, как на болоте, но все-таки если сильно мучает жажда, то будешь рад и такой. Несколько глотков затхлой жидкости придали киммерийцу сил, и он, погасив лампу, чтобы не расходовать зря масло, на ощупь продолжал выскребать шов между плитами.

Глава седьмая

Бьергюльф, как разъяренный тигр в клетке, метался из угла в угол своих покоев. Этот проклятый Краутвурст должен был приехать еще вчера вечером, и вот уже ночь прошла, а мерзавца все нет.

— Эрленда ко мне! — крикнул он слуге, просунув голову в прихожую. — Найти где угодно — и срочно сюда!

Он ждал приезда колдуна с нетерпением и надеждой. Появление вещей, принадлежавших Гюннюльфу, испортило все торжества, которые проводились в Хельсингере. А тут еще смерть Гутторма и бегство Хайделинды. Конечно, смерть управляющего не ахти какой повод для расстройства, но, разумеется, положение нисколько не улучшала.

Многие из гостей были сильно обескуражены этими неожиданными, неизвестно от кого, подарками, и турнир молодежи на поляне перед замком прошел как-то вяло и скованно. Иногда герцог ловил на себе подозрительные взгляды людей, которые, впрочем, немедленно отводили глаза, если он вдруг поднимал свои. Некоторые гости уехали после появления кольчуги Гюннюльфа на крепостной стене, объяснив это страхом перед возможным колдовством. Герцог, однако, прекрасно понимал, что это лишь отговорка, они просто не хотят иметь дела с ним, пока так или иначе не разрешится эта неприятная ситуация.

Среди нобилей поползли слухи о смерти его брата. Никто, конечно, открыто не осмеливался говорить об этом, а некоторые лучшие друзья, как, например, Арнстейн, Мозес и еще несколько знатных особ, советовали ему плюнуть на все и постараться разыскать своего недоброжелателя, чтобы по душам побеседовать с ним без свидетелей в пыточных подвалах. Бьергюльф кожей чувствовал, как сжимается петля вокруг его горла. Если колдун не приедет до послезавтра и не придумает, как снять с него тяжесть подозрений, то потом будет очень трудно восстановить уважение соседей. Слухи поползут еще дальше. Тогда Нимед, чего доброго, может передать дело о гибели Гюннюльфа в королевский суд. Где же шляется ублюдок Краутвурст? И молодую герцогиню, эту проклятую девчонку, до сих пор не нашли, хотя он приказал охотникам прочесывать окрестные леса, пока не сотрут ноги. Все против него! Бьергюльф чуть не завыл от подступившей к горлу смертельной тоски и ужаса.

— Наконец! Вечно тебя нет на месте, когда ты нужен! — Воскликнул герцог, увидев входящего Эрленда. — Ты послал гонца за Краутвурстом?

— Сразу же, как ты и сказал, месьор, два дня назад. Он что, еще не приехал?

— Нет!

— Хорошо, — сказал Эрленд. — Тогда я пошлю двоих гонцов с запасными лошадьми, чтобы могли скакать день и ночь. Они вернутся завтра, к вечеру, — уточнил он. — Ты уверен, месьор, что этот Краутвурст в Сюндбю?

— Где же ему быть? — рявкнул герцог. — Я велел ему никуда не отлучаться. Иди, я сам обо всем распоряжусь.

Эрленд вышел, учтиво поклонившись своему хозяину.

— Старшего егеря ко мне! — услышал он голос герцога.

«Все ищет Хайделинду, даже план всех владений приготовил, — усмехнулся, покинув покои герцога, аргосец, — весь позеленел от страха. Похоже, и мне перестает доверять. Надо быть настороже. Но где же Конан? Где Хайделинда?» — эта мысль не давала ему покоя. Он съездил вчера на то место, где они условились встретиться с варваром, но тот не пришел. Эрленд попытался сам найти логово киммерийца, но, кроме старого кострища, не обнаружил

ничего, что указывало бы на какие-то следы. Наверное, осторожный варвар сменил место стоянки, не успев предупредить его. Теперь оставалось только ждать и наблюдать за Бьергюльфом. Аргосец раскланялся со старшим егерем, который стрелой летел по галерее к покоям хозяина, и направился к выходу во двор замка, занятый своими невеселыми думами.

— Рассказывай! — потребовал герцог, когда убедился, что егерь плотно закрыл за собой дверь. — Проследили?

— Да, месьор. Вчера он ездил в лес по дороге в сторону Сюндбю и долго ждал кого-то на поляне.

— Кого?

— Там никто не появился…

— В каком это месте?

— Вот здесь, — егерь подошел к карте, расстеленной на столе, и, мгновение приглядевшись, ткнул пальцем, — где река расходится на два рукава. Недалеко оттуда.

— Немедленно возьми десяток людей с собаками и прочешите весь лес в этом месте до последнего кустика. Давай! — Он широко взмахнул рукой, словно командовал войском. — Если найдете, — остановил он бросившегося к дверям егеря, — доставить тихо, чтобы никто девчонку не видел. Связать, сунуть в мешок и в рот — кляп. Понял?

Егерь кивнул и бросился вон из герцогских покоев. Крутой нрав своего хозяина он уже не раз испытал на себе за время службы.

«Так, так, — удовлетворенно потер руки Бьергюльф, — все-таки аргосец не остался в стороне от этого дела. Так я и думал. Ну что ж, с ним поквитаться еще успею».

* * *

Десять всадников в черных доспехах со щитами, на которых был выгравирован Золотой Леопард, выехали утром из столицы и пустили коней рысью по дороге, ведущей на север. Во главе отряда ехали два человека: капитан гвардии Штальхорст и оруженосец короля Ивар. Гвардейцы направлялись в замок Хельсингер, чтобы на месте выяснить справедливость подозрений, изложенных бароном Фронденбергским в письме к Его Величеству королю Немедии. Всадники скакали молча, не обращая внимания на деревенских девушек, провожавших кавалькаду восхищенными взглядами, на встречных путников, да и вообще на все, что происходило вокруг. В Гвардию Золотого Леопарда брали людей серьезных и закаленных в боях, там не служили юнцы, у которых, кроме исполнения королевских поручений, могли возникнуть другие увлечения, столь свойственные молодой и пылкой душе. Капитан намеревался на следующий день к вечеру добраться до замка, стремясь успеть застать всех гостей Хельсингера, которые должны были разъехаться на следующее утро.

— Ты, кажется, служил у Бьергюльфа? — спросил капитан Ивара, когда они остановились на ночлег на постоялом дворе.

— Последние два года, — с достоинством ответил молодой человек, — а раньше я служил герцогу Гюннюльфу.

Ивар постарался произнести это так, чтобы чувствовалась дистанция между ним и, возможно, опальным в недалеком будущем нынешним хозяином Хельсингера.

— Да мне все равно, — словно не заметил его тщательно выверенных интонаций Штальхорст, — я имел в виду, что ты, конечно, хорошо знаешь всех в замке.

— Да, — подтвердил Ивар, — я рос там с самого детства.

— Кроме слуг, много благородных людей живет в замке?

— Остался только доверенный человек герцога Эрленд, — помрачнев, ответил оруженосец. — Как ты знаешь, мой отец и сестра мертвы…

— Да, негусто, — заметил капитан. — И толком узнать не у кого. С черни спрос какой, — он ткнул острием ножа в столешницу, — их хоть сожги, ничего не узнаешь. Тупы и непонятливы. Будут нести всякую чушь.

— Еще в замке сейчас находятся несколько наемных солдат, — вспомнил Ивар, — Правда, их командир куда-то исчез, но солдат ты сможешь допросить. Народ тертый и опытный. Не крестьяне.

— А, — махнул рукой Штальхорст, — они вряд ли что скажут. Знаю я этих псов войны. Сражаться они мастера, а остальное их не касается. Отрабатывают только то, за что им платят. Хозяин! — крикнул он.

Хозяин двора, двигаясь бочком, робко приблизился к столу гвардейцев.

— Молодая женщина не проезжала в сторону столицы дня два назад?

— Да несколько проехали, — испуганно ответил тот.

— Меня интересует женщина верхом в сопровождении одного или двух мужчин.

— Нет, не припоминаю, — покачал головой хозяин. — Были путешественницы в колясках. Благородные женщины, сразу видно. Сейчас посмотрю в подорожной книге.

— Не надо, — усмехнулся капитан. — Она вряд ли потрудилась записаться. Иди, — махнул он рукой.

— Ты молодую герцогиню хорошо знаешь? — снова продолжил он разговор с Иваром. — Я спрашиваю не просто так, — добавил он, видя, что молодой человек нахмурился. — Король приказал мне опираться на твою помощь. Он сказал, что тебе можно доверять.

— Я знаю ее с детства, — польщенный оказанным ему доверием, ответил Ивар, — но последние два года мы не виделись, потому что она воспитывалась в монастыре и совсем недавно вернулась из Пуантена.

— В монастыре? — переспросил удивленный капитан. — Там что же, учат метать кинжал? Ведь она ухлопала твоего отца одним ударом, — с восхищением произнес он, но, взглянув на собеседника, поперхнулся, — извини, я не хотел…

— Ладно. Я не знаю, где она этому научилась, — снова помрачнел молодой человек, — но помню, что Эрленд еще в детстве учил ее многим приемам военного дела: скакать на коне, фехтовать, стрелять из лука.

— Эрленд, Эрленд… — задумчиво повторил капитан. — А почему он учил ее?

— Как почему? — не понял Ивар. — Его и взяли в свое время воспитателем герцогини.

— Вот в чем дело, — хмыкнул Штальхорст. — Они до сих пор в хороших отношениях?

— Полагаю, да.

— Тогда вызовешь его ко мне сразу же, как прибудем в замок, — сказал капитан. — А сейчас всем спать! — обратился он к своим солдатам. — Завтра встаем очень рано — к вечеру мы должны быть Хельсингере.

Глава восьмая

Дверь в дом Краутвурста была открыта. Двое слуг Бьергюльфа осторожно заглянули внутрь. — Эй! Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, и они, вытащив сабли, вошли в прихожую. В доме стояла мертвая тишина.

— Есть кто? — повторил один из приехавших, постучав в дверь. — Никого, — сказал он спутнику, — войдем?

Он раскрыл дверь и сразу же увидел привязанного к лавке полузадохнувшегося Краутвурста.

— Давай быстро. — Он поманил своего товарища.

Они развязали пленника, я, поскольку колдун не держался на ногах, усадили его в кресло.

— На, выпей. — Один из слуг протянул Краутвурсту флягу с вином.

Колдун жадно глотал из фляги. Его руки дрожали, и жидкость текла по подбородку, пачкала рубаху, но Краутвурст этого не замечал. Его кадык под тощей слипшейся бороденкой двигался в такт глоткам с равномерностью ткацкого станка.

— Где он? — хрипло спросил колдун, тяжело дыша, как после долгой работы.

— Кто? — одновременно спросили посланцы герцога. — Мы здесь никого не видели.

— Ну и ладно. — Краутвурст решил не посвящать прибывших в происшествия, случившиеся прошлым вечером. — Герцог послал вас?

— Он велел сразу же возвращаться, — сказал один из слуг. — Сразу же, — твердо подчеркнул он, — так что будем скакать ночью.

— Хорошо. — Колдун с трудом поднялся на ноги. — Подождите немного, я соберусь.

Краутвурст, насколько ему позволяли занемевшие от длительной неподвижности ноги, поспешил в другие комнаты дома. Увидев отодвинутый сундук в спальне, он все понял, и на его тонких губах зазмеилась улыбка. Но тут же спохватился и, открыв сундук, ощупал его заднюю стенку.

Затем выпрямился и вытер пот с лица: варвар не обнаружил тайник! Приоткрыв люк, колдун убедился, что сработала его тайная задвижка, перекрывавшая вход в подземелье. Внутри у него все ликовало: птичка сама залетела в западню!

— Эй! — отодвинув зеркало, крикнул он в образовавшееся отверстие. — Киммериец! Ты еще не сдох там в подвале?

Ответа не последовало, потому что варвар решил не вступать в разговор с колдуном, потихоньку продолжая скрести шов.

Одну плиту он уже вынул, и осталось совсем немного, чтобы довершить дело со второй. Тогда можно будет прорыть ход в земле и выбраться через пол какой-нибудь из комнат.

«Только бы не вздумал спускаться сюда, — думал варвар. — Превратит в курицу или ошметок дерьма, и все пропало».

— Я знаю, что ты здесь! — захохотал довольный колдун. — Через деньков пять вернусь, сделаю из тебя чучело, киммерийская собака!

— Заткнись, ублюдок! — раздалось из отверстия. — Я тебя намотаю на палку от метлы, только попадись мне в руки!

— Ха-ха-ха! — залился довольным смехом Краутвурст. — Отдохни теперь ты, мешок с дерьмом! Только отдыхать-то тебе осталось недолго…

Он быстро собрал необходимые вещи и не отказал себе в удовольствии еще раз подойти к отверстию, чтобы насладиться властью над пленником.

— Эй, варвар! — позвал он. — Подожди несколько дней, киммерийская крыса, и я сделаю тебя счастливым!

Внизу молчали. Краутвурст, махнув рукой, вышел из спальни.

«Пусть сидит там, пока не сдохнет, — удовлетворенно подумал он, — И руки пачкать не надо, сам отправится на Серые Равнины!»

Слуги Бьергюльфа с удивлением вытаращили глаза на вошедшего к ним веселого, довольного колдуна, который лишь некоторое время назад с трудом передвигал ноги и имел весьма бледный вид.

— Вперед! — бодрым голосом позвал он своих сопровождающих. — Герцог не любит ждать!

* * *

Два дня прошло, а ни Конан, ни Эрленд не появлялись. Хайделинда почти не покидала поляны, где киммериец устроил свой лагерь. Она изредка углублялась в лес, подходя к ручью и прислушиваясь, нет ли движения на той стороне протоки, но только шелест веток, колышущихся под порывами ветра, журчание воды и пение птиц нарушали тишину леса. Хайделинда уже начала беспокоиться, когда вдруг за шуршанием листьев различила треск ветвей и, как ей показалось, голоса людей. Это насторожило девушку, тем более что в общем шуме ей послышался лай собак. Крадучись, Хайделинда пробралась сквозь кустарник к берегу речки, русло которой в этом месте слегка изгибалось. Слух ее не подвел. Через мгновение она увидела мелькнувшее на другом берегу рыжее пятно, потом еще и еще — это сквозь нависавшие над водой ветки ив были видны мелькающие в зарослях псы. Они лаяли, подгоняя друг друга и временами останавливались, поджидая хозяев. Скоро в просветах между растительностью девушка увидела и несколько человек, в одном из которых узнала старшего егеря герцога Бьергюльфа.

«Ищут меня. — У Хайделинды не было сомнений, что вся охотничья свора направлена в лес, чтобы отыскать ее и привести обратно в замок, — Но как они нашли это место? Конан сказал, что сам Нергал не смог бы разнюхать наше убежище!»

Времени на особые раздумья на оставалось. Хайделинда бросилась к противоположной стороне островка. Вскоре охотники с собаками переберутся сюда, и тогда ее ничто не спасет. Лай и крики несколько удалялись от нее вниз по течению ручья, но девушка знала, что это ненадолго: достигнув места, где обе протоки сливаются в одном русле, охотники неминуемо захотят обыскать весь островок. Что делать? Она преодолела пригорок, пробежала поляну, где стоял шалаш, и, с трудом продравшись сквозь поваленные давней бурей стволы гигантских елей, выглянула из зарослей густого кустарника на противоположный берег островка. Здесь русло речушки расширялось, образуя нечто вроде маленького озерца. По берегам заводи в изобилии росли водяные растения, высокий тростник почти скрывал другой

берег.

Лай собак вновь послышался где-то позади нее. Хайделинда в растерянности спустилась к длинному песчаному берегу заводи.

«Перебраться на ту сторону? — пыталась найти выход девушка. — Бесполезно… Мне не убежать от своры собак, идущих по следу. Да и десяток здоровых мужчин, опытных охотников, вряд ли оставят мне шанс на спасение»,

— Она была здесь! — услышала герцогиня совсем недалеко радостный возглас.

— Прочесать весь островок! — раздалась команда. — Девчонка не могла уйти далеко. Она где-то рядом.

Решение, как всегда, пришло неожиданно. Хайделинда вошла в воду и, сделав несколько шагов, поплыла через протоку, направляясь к тростникам, занимавшим большую половину заводи у противоположного берега. Вода была прохладная и свежая, ее мягкие струи обволакивали тело, принося успокоение. Девушка, оглядываясь на покинутую песчаную косу, и напрягая все силы, чтобы успеть, поплыла к зарослям. Меч, с которым она не рассталась, тянул ее вниз, но молодая герцогиня прекрасно плавала. Заводь раскинулась широко, до тростников оставалось локтей пятьдесят, а то и больше, и она торопилась скрыться за спасительной стеной зеленовато-желтых растений. Последний гребок, и под ногами почувствовалось песчаное дно. Еще два-три шага — и вот они, упругие и скользкие на ощупь стебли. Хайделинда успела протиснуться в глубь зарослей и застыть там без движения, когда на покинутую ею песчаную косу выбежали собаки и несколько охотников. Частокол стволов закрывал от нее происходящее, но она хорошо слышала крики людей:

— Здесь ее нет!

— Значит, перебралась на тот берег, — ответил другой голос. — Троим прочесать островок, остальные — со мной!

Хайделинда похолодела. Весь план мог провалиться. Сейчас охотники найдут ее. Вода вдруг показалась жутко холодной, девушку охватил озноб. С криками и плеском погоня бросилась в воду. Мерный шум десятка плывущих людей приближался, послышался совсем рядом, потом она услышала голоса за спиной, вновь раздался лай собак: отряд переправился через заводь. Часть охотников, судя по их крикам, раздававшимся где-то справа, прошла островок и переправилась на другой берег в узком месте протоки.

«Неужели пронесло?!» — обрадовалась Хайделинда.

Она решила не выходить из зарослей, чтобы погоня ушла подальше. Однако ее радость оказалась преждевременной.

— Карстен! — вновь послышался крик старшего егеря.

— Я здесь!

— Пошарь в камышах! Понял?

— Понял!

Чавкающие звуки, раздавшиеся совсем близко, мгновенно заставили девушку сжаться от страха. Шаги неумолимо приближались, она вся съежилась, пытаясь скрыться за густой порослью. Человек прошел вперед, она услышала плеск воды, ругань — видимо, охотник угодил в яму.

— Что там у тебя? — Голос прозвучал чуть ли не над ухом молодой герцогини.

— Отрыжка Нергала! — не сразу ответил егерь. — Оступился!

— Да я не про это, мешок с дерьмом! — вновь заорал старший. — Пройди еще пару раз вот здесь.

Шаги и шуршание камыша приближались. В этом месте было глубоко, Хайделинда стояла почти по грудь в воде. Человек шел медленно, звуки хлюпающей под его сапогами воды пропали, слышалось только шуршание раздвигаемых стеблей и иногда — треск ломаемых растений. Охотник неумолимо приближался к месту, где затаилась девушка.

— А, чтоб ее! — услышала она голос совсем рядом, чуть впереди. — Тут глубоко!

— Не утонешь, придурок! — крикнули с берега. — Ищи!

— А я что делаю! — Шуршание приближалось.

Хайделинда увидела, что совсем рядом с ней уже качаются верхушки стеблей. Она набрала воздуху и опустилась в мутноватую темную заводь. Лучи света с трудом пробивались сквозь заросли, и в воде ничего не было видно, только ближайшие от нее тростинки. Она ждала, стараясь продержаться как можно дольше. В голове гудело, в ушах словно стучал огромный молот, но девушка, стиснув зубы, продолжала скрываться под водой. Какая-то темная масса приблизилась, но потом взяла чуть вправо, и Хайделинда увидела в желтой почти непрозрачной воде фигуру человека, с трудом продвигавшегося среди переплетения стволов тростника. От нехватки воздуха девушку мутило, и ей казалось, что сейчас она потеряет сознание. Напрягая последние силы заставила себя подождать, пока фигура человека вновь не превратится в расплывчатую тень, и только тогда решилась высунуть голову на поверхность воды. Хайделинда жадно хватала воздух широко раскрытым ртом и слышала в нескольких шагах от себя сопенье удалявшегося охотника.

— Ну что там, сын коровы?

— Нет никого!

— Ладно! Наверное, убежала куда-нибудь дальше в лес! — Властный голос вновь загремел над головой девушки. — Вылезай оттуда!

Она слышала по крикам, что погоня удалилась в глубину чащи, но еще довольно долго просидела в тростниках, опасаясь, что слуги герцога могут вернуться. Когда Хайделинда вернулась на косу, то не могла унять дрожь от озноба — или от пережитого страха. Она оглянулась по сторонам, но все вокруг было тихо и спокойно, слышался только шум ветвей и голоса птиц, как и прежде. Крадучись она вернулась к лагерю. Ветки шалаша валялись разбросанные по всей поляне, но другого предмета, чтобы выместить свою досаду, охотники не нашли. Хайделинда кинулась к старой липе и, карабкаясь по веткам, словно белка, достигла неприметного дупла в старом, корявом стволе. Конан хранил здесь все съестные припасы, чтобы лесные зверушки не могли растащить пищу. Девушка вытащила бурдючок с вином, остатки мяса и лепешек в берестяном коробе, сбросила все на полянку и спустилась вниз. Настало время отдохнуть, успокоиться и высушить одежду. Она развесила плащ киммерийца на ветвях дерева и улеглась на траву, подставив тело согревающим лучам солнца.

«Слава богам, им не удалось найти меня! Но где же Конан? — размышляла Хайделинда. — Не случилось ли что с ним?»

Девушка вспоминала варвара, его могучее тело, ласки, от которых и сейчас еще кружилась голова. Ее лицо вспыхнуло, когда она представила, как сама предложила себя киммерийцу. Почему она так поступила? Хайделинда и теперь не могла объяснить причину, толкнувшую ее в объятия наемника. Ведь она любит Эрленда, она уверена в этом так же, как в том, что живет на свете! Но здесь было что-то совсем другое, словно мгновенное наваждение. Это должно пройти, и она будет счастлива со своим возлюбленным, но пока образ киммерийца занимал все ее мысли.

Его отсутствие начинало серьезно беспокоить девушку. Сколько времени она сможет просуществовать в лесу одна, без пищи, которой осталось совсем немного, и, самое главное, не зная, что происходит в замке?

Глава девятая

Конан пошевелил плиту еще раз, и она наконец подалась. Полдела сделано! Он зажег лампу, и некоторое время его глаза привыкали к свету. Хорошо, что предположение оказалось верным: колдун пожалел средства, чтобы выложить весь подвал из блоков, иначе сидеть бы тут варвару до скончания времен. Теперь все было проще. Киммериец согнул на колене железный лист, служивший жаровней для этой камеры пыток и, действуя им как скребком, принялся выгребать землю из образовавшегося проема. Временами он подходил к кувшину и делал глоток застоявшейся, но, слава богам, все же не полностью протухшей воды. Работа спорилась, и скоро Конан смог постучать рукояткой кинжала по доскам пола. Расчистив себе побольше места, варвар лег на спину и попытался ногами выдавить доски наружу. После пары попыток раздался скрип, и в подземелье проник луч дневного света. Дальше все пошло как по маслу, и вскоре он вновь очутился в спальне Краутвурста.

— Спасен, слава Митре! — Конан потянулся, с хрустом расправляя натруженные плечи и руки.

Досталась ему работенка, ничего не скажешь! Но ничего не поделаешь, сам виноват, нашел развлечение, на свою голову. Хорошо еще, что все закончилась именно так… Киммериец вышел в прихожую, где в первое свое посещение приметил ведро с водой. Он с невероятным наслаждением пил свежую влагу, обливаясь и фыркая. Утолив жажду, умылся и только тогда с осторожностью приотворил дверь наружу. Во дворе было пусто, видимо, колдун давно уехал. Солнце стояло высоко в небе.

— Ого! — протянул варвар. — Долго же я возился, уже и полдень на носу.

Он еще раз оглядел комнату. Не может быть, чтобы во всем доме не было хоть какого-нибудь тайника. Что, он колдунов не видывал, что ли? Он слишком поспешно осмотрел все вчера вечером! Конан остановился в нерешительности. Надо бы поторопиться к молодой герцогине, девчонка заждалась, да и с Бьергюльфом самое время покончить. С другой стороны, ему очень хотелось как следует пощипать запасы мерзавца Краутвурста. Вот только как их найти? Варвар все же решал еще некоторое время — совсем небольшое! — посвятить поискам. Он принялся за дело с решимостью, сноровкой и присущей ему невероятной энергией. Обстучал стены спальни. Глухо! В щепы разнес кровать колдуна и распорол матрас. Ничего! Потом, помогая себе клещами, которые вытащил из подвала, разворотил богатый резной шкаф, но тайника и там не обнаружил. Ага! Сундук! Варвар приподнял его над головой и шарахнул об пол. Дерево оказалась крепким, к тому же железные полосы оковки надежно держали доски. Варвар повторил свою попытку и увидел, что в задней стенке образовалась щель. Тайник? Помогая себе кинжалом, он отщепил кусок дерева, и действительно, задняя стенка оказалась двойной. Вот оно где! Но повозиться пришлось изрядно, потому что киммериец нигде не мог найти устройства, открывавшего тайник.

— Чтоб тебя разорвали на части Нергал и вся свора его демонов! — честил он колдуна, выламывая по щепкам крепкие доски сундучка.

Наконец варвар достиг желаемого, но здесь его поджидало разочарование: никаких монет или драгоценных камней в узком тайнике не было. Выпала какая-то тонкая книжица, сшитая из листов пергамента, а всего лишь одна небольшая золотая вещица в виде фигурки человечка с впалым животом, выступающими ребрами и головой змеи на тонкой длинной шее.

— Амулет Сета, — Варвар с отвращением поглядел на подвеску, опасаясь колдовских штучек, но потом, хмыкнув, сунул его в кошель, — Пригодится, все-таки золото…

Больше в тайнике ничего не было.

— Отрыжка Нергала! — выругался Конан, рассматривая тетрадь из листов пергамента. — На что мне эта книга?

Тем не менее он перелистнул несколько страниц.

— Хм! Да это его записи по денежным делам! Аккуратен, отродье Сета!

Варвар быстро просмотрел начало текста. Краутвурст скрупулезно заносил в книгу все свои мало-мальски значительные доходы и расходы. Первые записи были сделаны почти два десятка лет назад. Киммериец просмотрел последние строчки, и они привлекли его внимание. Он даже присвистнул от неожиданной удачи: это стоило многого! Что там золото и самоцветы! «Заплачено Асхильде за зелье для Гюннюльфа и его людей — 20 монет», и дата, как раз совпадающая со временем исчезновения герцога Гюннюльфа. Чуть позже Конан прочел: «Получено от Бьергюльфа — 200 золотых», еще позже были записи о выплате каменотесам, плотникам, снова: «Получено от Бьергюльфа — 50 золотых» — в общем, аккуратность Краутвурста показывала внимательному чтецу всю подноготную преступного деяния мага.

— Ха! — обрадовался киммериец. — Это действительно дорого стоит! Вот где ваши жизни, вонючие червяки! — воскликнул он, потрясая книгой и грозя кулаком в сторону и, видимо, имея в виду колдуна и герцога, — А теперь — в путь!

Он быстро собрался, не забыв прихватить с собой кое-что из припасов колдуна.

— Жратва никогда слишком не оттягивает руки… Выбравшись задами из селения, он отыскал своего коня, который мирно щипал травку.

— Как же это тебя не сожрали лесные звери? — ласково потрепал его Конан по холке. — Тоже удача, благодарение Солнцеликому!

Оседлать жеребца и пристроить сумку было делом мгновения. Вскоре варвар уже скакал по лесной дороге, направляясь к месту, где оставил молодую герцогиню.

* * *

Краутвурст со своим провожатыми добрался в замок к полудню. Соскочив со взмыленного коня, колдун бросил поводья слуге и почти бегом бросился в покои герцога. Эрленд, ожидавший его приезда не меньше, чем сам хозяин Хельсингера, решил по возможности не спускать с негодяев глаз. Он старался все время находиться поближе к покоям Бьергюльфа и по суете слуг попытаться хоть как-то понять намерения господина.

Конечно, лучше всего было постараться подслушать, о чем поведется беседа двух ублюдков, но такой возможности аргосцу не представлялось. Через некоторое время он увидел, как герцог и колдун вышли вместе из приемной и направились в сопровождении слуги в винный подвал.

«А это еще зачем? — удивился про себя Эрленд. — Что им там понадобилось?»

Он притаился в одной из галерей так, чтобы видеть выход из винохранилища, и стал ждать. Вскоре слуга выбежал из подвала и быстрыми шагами направился к кухне.

«Они остались там вдвоем, — сообразил Эрленд. — Зачем? Неужели? — Догадка обожгла его. — Они хотят подмешать в вино какое-то зелье!»

Через некоторое время слуга вернулся в сопровождении главного повара герцога и еще троих дюжих слуг. Опасаясь, что его заметят, Эрленд отступил подальше за ряд колонн. Краутвурст вышел из подвала один и, зевнув, неспешно проследовал к дверям господского крыла замка и скрылся внутри. Вскоре появился и герцог, на его лице сияла торжествующая улыбка. Думая, что за ним никто не наблюдает, он потирал ладонями, словно торговец после чрезвычайно выгодной сделки. За последние дни Эрленд ни разу не видел своего хозяина в таком прекрасном расположении духа. Герцог покинул двор, и вскоре слуги выкатили на мостовую две винные бочки. Аргосец как будто случайно прошел мимо, потом обернулся я небрежно спросил:

— Хозяин выбрал какое-то особое вино?

— Да, господин, — ответил слуга, вытирая пот со лба, — он велел подать именно это…

«Обычно этим делом занимался Гутторм, — припомнил Эрленд, — или, на худой конец, старший повар, но что-то я не замечал, чтобы сам герцог спускался в подвал. Он ведь вино умеет только хлестать, а так совершенно в нем не разбирается. Неспроста все это. Пожалуй, к вину я сегодня притрагиваться не буду».

Глава десятая

Прощальный ужин съезда благородных нобилей начался в несколько натянутом настроении, но постепенно гости разошлись, тосты следовали один за другим, послышались шутки, смех — все было как раньше, до той поры, когда череда событий в замке не поселила в душах хозяев и гостей тоску и мрачные подозрения. Бароны и герцоги вновь почувствовали себя одной большой семьей настоящих немедийцев, и герцог Бьергюльф, несомненно, был самым гостеприимным и хлебосольным хозяином.

«Что за чушь влезла мне в башку пару дней назад? — с изумлением подумал барон Арнстейн, чувствуя необычайный прилив веселья и бодрости. — Подозревать такого человека в ужасном преступлении только благодаря непонятным дурацким шуткам, подстроенным его недоброжелателями…»

Настроение у барона слегка испортилось, и он, поднявшись из-за стола, подошел к графу Мозесу, который рассыпал комплименты в кругу нескольких знатных дам.

— Извините, дражайшие, — галантно склонился перед ними барон Фронденбергский, — вы позволите на пару слов похитить вашего кавалера?

Дамы в изумлении пооткрывали рты, так как впервые слышали из уст барона что-то учтивое и приятное. Обычно от него исходили либо скабрезные солдатские шутки, либо длинные сентенции о том, как женщины должны знать свое место.

— Послушай, Мозес! — зашептал барон, отводя графа в сторону. — Тебе не кажется, что мы поспешили с письмом к королю?

— Наплевать! — похлопал его по плечу граф. — Смотри проще на события и веселись, когда есть возможность. Конечно, ты написал дурацкое письмо, но что теперь поделаешь — ошибки бывают у всех!

— Но мы же вместе… — начал было Арнстейн.

— Ха-ха-ха! — захохотал граф Шоберский. — Кто писал письмо — ты или я? А? — Барон помрачнел еще больше, а Мозес опять залихватски хлопнул его по плечу. — Не грусти! Если король и придаст этому письму какое-то значение, — он наклонился поближе к собеседнику, — в чем я сомневаюсь, по правде говоря, то можешь сказать в свое оправдание, что был сильно пьян. Все знают — ты любишь крепко погулять, так что посмеются над тобой, и только.

— Ты думаешь, Бьергюльф не затаит на меня обиду, когда узнает обо всем?

— Да брось ты! — заверил его граф. — Герцог — душевный и веселый человек, ты только посмотри на него, — Он махнул рукой в сторону Бьергюльфа, который, обняв порядком захмелевшего старца Астриса, что-то шептал ему на ухо, отчего ученый муж вытаращил глаза, а потом разразился громким хохотом. — Видишь? — повторил граф Шоберский. — Веселись! Что-то ты кислый сегодня.

«Тебе-то что, — с раздражением подумал барон, отпуская рукав Мозеса. — И подтолкнули меня демоны под руку написать это идиотское письмо…» Он вернулся на свое место, рядом с герцогиней Гунхильдой.

— Сегодня ты не похож на себя, друг мой, — засмеялась она. — Неужели тебя расстроили эти дурацкие шутки? Не обращай внимания. Посмотри на моего мужа. Даже он не придает им никакого значения! Так ведь, Бьергюльф?

— Давай выпьем хорошенько, Арнстейн, — услышав последние слова, повернулся к ним герцог, оставив старика Оссарского. — Все-таки редко столько настоящих немедийцев собирается вместе за одним столом. Взгляни. — Он обвел рукой шумный сонм своих гостей. — Я имею в виду настоящих нобилей славной Немедии, а не лощеных обезьян из придворных. Так, Астрис? — вновь обратился он к королевскому посланнику.

— Да здравствует Немедия! — вместо ответа заорал старик, вскакивая на ноги.

Ответный рев сотни глоток вознесся над стенами замка. Все поднялись со своих мест, размахивая кружками и выкрикивая слова похвалы королю и державе. Грянула музыка, потом вновь кто-то выкрикнул тост во славу Немедии. Словом, веселье било ключом.

«Да, — делая вид, что пьет вместе со всеми, подумал Эрленд, — Краутвурст неплохо потрудился. Теперь вряд ли герцогу может что-либо угрожать. Благодаря подсыпанному колдуном зелью нобили все забыли. Неужели навсегда? — Его пронизала холодная дрожь. — Выходит, что нам с Хайделиндой придется бежать из замка. И хорошо, если удастся это сделать. Но где же она? Где киммериец? — Эрленд встал со своего места, прошел вдоль рядов веселившихся гостей. — Надо срочно искать его. Завтра утром, как только рассветет, сразу и отправлюсь».

Аргосец был не на шутку встревожен происходящим. Исподтишка наблюдая за герцогом, он заметил, что тот не пьет вина. Это окончательно укрепило его уверенность: колдун

подмешал в вино какое-то зелье. Зная характер Бьергюльфа, он не льстил себя надеждой, что все на этом закончится. Когда гости разъедутся и лишних свидетелей не будет, Хайделинде будет угрожать смертельная опасность. Хорошо еще, что егеря не нашли ее в лесу.

«Может быть, — мелькнула мысль, — ее с Конаном уже и нет здесь? Но куда киммериец мог отвезти Хайделинду? В Бельверус или в Нумалию? Ничего себе положение!»

Он взял себя в руки, стараясь не показать другим своего беспокойства, и придал лицу выражение легкого и беззаботного веселья, как у остальных гостей.

— Эрленд! Эрленд! ~ услышал он голоса из группы молодежи. — Иди к нам!

Ему совсем не хотелось веселиться среди отпрысков знатных нобилей, но он присоединился к ним, чтобы не выдать себя Бьергюльфу или взгляду колдуна, который — аргосец был в этом абсолютно уверен — откуда-нибудь внимательно следит за поведением гостей. Ради того, чтобы спасти свои шкуры, двое убийц, без сомнения, могут пойти на все.

Праздник уже катился к завершению, некоторые гости разошлись по своим покоям, кое-кого унесли слуги, и только самые стойкие и здоровые продолжали веселиться. Эрленд переходил от одной группы гостей к другой, нигде особенно не задерживаясь. Он старался быть на виду и в то же время не оставаться ни с кем рядом.

Он громко смеялся, шутил, изображая слегка подвыпившего, и на предложения выпить еще неизменно отвечал, что находится на службе, и герцог должен видеть его трезвым. При этом он как бы терял равновесие и под хохот сотрапезника двигался дальше. В один из таких моментов он краем глаза увидел, что к Бьергюльфу подбежал стражник замка и что-то возбужденно сказал хозяину. Лицо герцога на глазах стало менять свое выражение, и он принялся озираться по сторонам, ища кого-то.

«Что произошло?» — мелькнуло в голове аргосца, и он стал потихоньку выбираться из толпы гостей.

Тут на него наткнулся взгляд герцога, и Бьергюльф движением руки подозвал его к себе. Эрленд, продолжая изображать пьяного, не спеша направился к хозяину.

— Тебе придется пойти к воротам и встретить капитана Штальхорста из Гвардии Золотых Леопардов. Постарайся разузнать, куда они едут. — Слова герцога звучали отрывисто, и, как тот ни старался скрыть волнение, они выдавали его тревогу.

— Бу-будет исполнено, хозяин! — Эрленд пошатнулся и нарочито твердым шагом направился к воротам.

— Постой! — остановил его Бьергюльф. — Ты совсем пьян и до ворот не дойдешь. Иди спать, я сам его встречу.

Аргосец, довольный тем, что сумел провести герцога, справился к дверям здания, но, оглянувшись и увидев,

го владелец Хельсингера не смотрит на него, вновь смешался с толпой гостей. Бьергюльф тем временем дошел к внутренним воротам, через которые уже въезжало несколько всадников в черной форме с золотыми леопардами на щитах. Среди них герцог, к своему удивлению, увидел Ивара.

— Приветствую тебя, герцог Хельсингерский. — Офицер, ехавший первым, соскочил с седла и спокойно стонам, ожидая, когда Бьергюльф подойдет ближе.

— Приветствую тебя, капитан. — Герцог овладел собой и широким жестом указал на пиршественный стол. — Присоединяйтесь!

— Благодарим тебя, герцог, но прибыли сюда по серьезному делу, — без улыбки ответил капитан Штальхорст. — Король прислал нас провести расследование в Хельсингере.

— У меня? — Брови герцога поползли вверх. — Но что случилось?

— Приступим завтра, — не отвечая на вопрос, учтиво произнес капитан. — Сейчас прошу распорядиться о нашем постое.

С Гвардией Золотого Леопарда в Немедии шутить Было не принято. Герцог знаком подозвал слуг и приказал им разместить гвардейцев.

— Посланник короля здесь? — спросил капитан.

— Да, — коротко ответил Бьергюльф, для которого, несомненно, прибытие гвардейцев не являлось загадкой. — Проводи, — столь же кратко бросил он одному из слуг. — Только боюсь, капитан, — усмехнулся герцог, — что разговора у вас может не получиться: старец мертвецки пьян и вряд ли его удастся хотя бы разбудить.

— Спасибо, — поклонился Штальхорст. — Как-нибудь справлюсь. А ты, — повернулся он к одному из своих гвардейцев, — утром сменишь стражников у ворот на двоих наших. Герцог, — обратился он к Бьергюльфу, — надеюсь, ты не будешь возражать против этого?

— Мои люди в твоем распоряжении, — сухо ответил владелец Хельсингера. — Мы все подданные Его Величества…

Он резко развернулся и пошел обратно к гостям, предоставив слугам разбираться с капитаном и его гвардейцами.

«Кто-то донес королю! — билась в его голове тревожная мысль. — Кто? Киммериец? Племянница? Или этот повеса Ивар? Пусть расследует, — усмехнулся он, — Краутвурст уже все предусмотрел».

Бьергюльф не покинул своих гостей до конца праздника, но послал слугу предупредить колдуна, чтобы тот пришел к герцогу сразу, как разойдутся гости. Краутвурст, действительно наблюдавший весь вечер за весельем из полузашторенного окна отведенной ему кельи, видел почти все и уже готовился к завтрашнему дню. Страх, почти отпустивший его, вновь сжал горло железными тисками.

Глава одиннадцатая

Капитан Штальхорст расположился в большом зале. По его приказу с раннего утра никого не пропускали через замковые ворота ни внутрь, ни наружу. Эрленд, слышавший распоряжение капитана, еще до рассвета успел покинуть Хельсингер и в то время, пока обитатели замка сладко нежились в своих постелях, мчался, нахлестывая коня, к месту, где они условились встречаться с киммерийцем. У него не было никакого решения на тот случай, если встреча с Конаном и Хайделиндой вновь не состоится, но аргосец твердо знал, что возвратиться в Хельсингер в этом случае ему будет невозможно. Эрленд прискакал к опушке леса и остановил коня возле обломка скалы, полузаросшей мхом и лишайниками. Именно здесь они договорились ждать друг друга, если по каким-то причинам киммерийца не будет на прежней стоянке.

— А вот и наш друг, — раздался знакомый голос из густых ветвей прямо над ухом аргосца.

Эрленд взглянул вверх. Послышался шум обрываемых листьев, и с соседнего дерева спрыгнул варвар. Аргосец бросился к нему и вместо приветствия тревожно спросил:

— Где Хайделинда?

— Экий ты беспокойный! — ответил киммериец. — Ничего не сделалось с твоей герцогиней, сейчас появится.

Он заложил два пальца в рот и оглушительно свистнул, спугнув пару каких-то птиц, которые снялись с насиженного места и, отчаянно махая крыльями, пересекли опушку в поисках более спокойного убежища. Вдалеке послышался стук копыт, и вскоре на опушке появилась молодая герцогиня верхом на коне. Вторую лошадь она вела за собой. На ней была надета рубашка Конана с закатанными рукавами, длинными полами почти прикрывавшая колени девушки.

— Хайделинда! Наконец-то! — воскликнул Эрленд, бросаясь к ней.

Девушка спрыгнула с седла прямо в объятия молодого человека, и они оба долго не разжимали рук.

— Ты не догадался привезти герцогине какую-нибудь подходящую одежду? — прервал их приятное времяпровождение киммериец. — Ей следовало бы явиться в замок в более подобающем виде.

— Вот об этом я не подумал, — расстроился аргосец.

— Да ладно! — расхохотался Конан. — Нас теперь примут хоть голых. Тем более что Хайделинда прекрасно выглядит, даже если на ней надета просто рваная тряпка. — О том, что, на его взгляд, еще лучше молодая герцогиня смотрится вообще без одежды, варвар, разумеется, благоразумно промолчал. — Главное, что мы едем не с пустыми руками, — продолжал киммериец, — Как, кстати, обстоят там дела? Благородные гости, надеюсь, еще не разъехались?

— Событий произошло… — вздохнул Эрленд и коротко пересказал варвару и Хайделинде, что случилось в замке за последние дни.

— Капитан Штальхорст? — переспросил Конан. — Знаю, встречал его в Бельверусе еще во времена… — Он не договорил, махнув рукой. — Старый служака, сравнительно честный и преданный.

— Как это — «сравнительно»? — не понял аргосец.

— У каждого из нас есть своя цена, — усмехнулся киммериец. — Я имею в виду, он настолько честен, что подкупить его стоит довольно дорого. Но нам надо поспешить в Хельсингер. Самая интересная часть сегодняшнего представления без нас не состоится.

Они пустили коней галопом по вьющейся между стволов лесной дороге.

* * *

Первым, кого захотел увидеть рано утром капитан Штальхорст, должен был стать Эрленд, но, сколько ни искали аргосца по всему замку, найти его не смогли.

— Хм! — почесал бороду капитан. — Тогда начнем с автора послания, если он проснулся. Ты, Ивар, — повернулся он к королевскому оруженосцу, — будешь помогать мне.

Барон Фронденбергский вошел в зал с неуверенным видом крайне озабоченного чем-то человека.

— Барон, — обратился к нему Штальхорст, — я приехал по приказу короля, чтобы

расследовать события, которые ты описал в своем послании.

— А-а, — развел руками Арнстейн, — Его Величество должен меня простить… чего не померещится от лишнего бокала доброго немедийского вина…

— Не понимаю. — Капитан перевел недоумевающий взгляд на Ивара, у которого от слов барона отвисла нижняя челюсть.

— Чего тут понимать? — Барон плюхнулся в кресло и вытянул ноги, словно прибыл сюда после дальнего и тяжелого пути. — Ошибся я…

— Ты хочешь сказать, что ничего того, что ты описал, не было? — нахмурился Штальхорст.

— Было… — уныло подтвердил барон, который чувствовал себя совершенно не в своей тарелке из-за своего дурацкого письма. Теперь он, владетельный нобиль, вынужден отвечать на дотошные вопросы какого-то там капитанишки. — Было, но это чья-то злая шутка.

— А граф Шоберский и этот почтенный священнослужитель, — спросил капитан, — они тоже так думают?

— Угу, — смущенно кивнул Арнстейн. — Я говорил с ними вчера.

Ивар, слушая разговор, ерзал на своем стуле. Не поторопился ли он откреститься от герцога? Неужели дело повернется так, что капитана заставят поверить что все случившееся — лишь злые шутки Хайделинды и Бьергюльф прав, что у молодой герцогини не совсем в порядке с головой?

— Ты говоришь странные вещи, барон, — угрюмо протянул Штальхорст. — Я доложу об этом королю Нимеду.

— Не хотелось бы мне выглядеть полным дураком в глазах Его Величества… — Арнстейн с некоторым усилием выговорил эту фразу, кося глазом на Ивара и гвардейца с пером и листом пергамента, готового записать все, что прикажет офицер. — Может быть, капитан, мы поговорим с глазу на глаз?

— Хм! — оглянулся офицер. — Ивар, попробуй еще раз поискать твоего друга, как его?

— Эрленда? — с готовностью подхватил молодой человек.

— Вот-вот, — кивнул головой Штальхорст. — А ты иди и разыщи мне начальника замковой стражи, — приказал он своему писцу.

Капитан гвардии и барон Фронденбергский остались одни. Ивар, продолжающий терзаться сомнениями, мрачно прошествовал по галерее к комнате Эрленда, но, разумеется, никого там не нашел. Он возвращался в большой зал, опустив голову и погрузившись в тяжелые раздумья, что с ним вообще-то случалось нечасто, и чуть не налетел на герцога, который стоял на его пути, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

— Месьор? — вздрогнув от неожиданности, сказал Ивар.

— А ты кого хотел здесь встретить? — усмехнулся Бьергюльф. — Я смотрю, у тебя весьма короткая память. Быстро же ты забываешь своих друзей!

— Каких друзей? — тупо спросил Ивар.

— Нас, например.

В другое время Ивар задохнулся бы от счастья, если бы услышал, что владетельный герцог числит его среди своих друзей, но сейчас он только мрачно усмехнулся:

— Ты шутишь, месьор? Разве могу я претендовать на такую честь?

— Поверь мне, — герцог отечески положил руку на плечо молодого человека, — я очень опечален тем, что случилось с твоей семьей и чувствую в том долю своей вины. Ты вырос здесь, в Хельсингере, и я отношусь к тебе, как к родному.

Ивар разинул рот. Никогда Бьергюльф не говорил с ним так.

«К чему он клонит?» — насторожился молодой человек.

— Я понимаю, что служба у короля почетна и в будущем сулит хорошие возможности, — продолжал герцог, — но ведь и расходы у тебя будут большие.

«Это верно, — быстро сообразил Ивар. — Хочет предложить мне денег? За что, интересно?»

— Ты ездил к королю сам или тебя кто-то попросил об этом?

— Астрис Оссарский приказал отвезти послание, — не моргнув глазом, соврал Ивар.

— Старец Оссарский? — удивился герцог.

— Я не знаю, что было в письме, — продолжал вдохновенно лгать Ивар, — но король почему-то прислал капитана Штальхорста.

— А как ты думаешь, почему? — вкрадчиво спросил Бьергюльф.

— Мне кажется, кто-то строит против тебя козни, — ответил Ивар, стараясь говорить спокойно и равнодушно.

— Да, и я так думаю, — вздохнул герцог. Он доброжелательно посмотрел на молодого человека. — Вот хочу посоветоваться с тобой…

«Ну и дела! — подумал Ивар. — Надо быть настороже».

— Я весь внимание, — взглянул он в глаза Бьергюльфу, постаравшись изобразить как можно большую преданность.

— Моя падчерица без всякой причины возненавидела меня, — начал герцог. — Такое впечатление, что пребывание в монастыре несколько неблагоприятно отразилось на ее уме.

Сын управляющего молча смотрел на Бьергюльфа ожидая продолжения.

— Я думаю, что это она пыталась выставить мою особу в дурном свете перед гостями и, наверное, сообщила королю что-то порочащее меня. — Герцог говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Но она еще совсем юная девочка, и мне жаль ее. Может быть, если ее выдать замуж за достойного человека, который увезет ее подальше от Хельсингера, она придет в себя.

«Фью! — присвистнул про себя Ивар, — Да ты, никак, пробуешь посватать за меня молодую герцогиню?»

У него на мгновение закружилась голова, когда он представил себя зятем владельца Хельсингера.

— В вашей семье всегда принимали правильные решения, — осторожно, в тон герцогу, сказал Ивар.

— Вот я и подумал, — продолжал герцог, чуть усмехнувшись. — Ты, похоже, дружен с девочкой…

— Ты хочешь сказать?.. — не выдержал молодой человек.

— Да, — кивнул головой Бьергюльф. — Хотя ты не так знатен, как наш род, но в тебе тем не менее течет кровь благородных немедийских нобилей. Конечно, поначалу тебе с ней будет нелегко, но по прошествии времени, я уверен, Хайделинда полностью придет в себя. Не сомневаюсь, что столичная обстановка этому поспособствует.

У молодого человека все плыло перед глазами. Кто бы мог подумать! Сам герцог Хельсингерский предлагает ему в жены свою племянницу. Тут не то что голова закружится, тут вообще разум можно потерять!

— Я… — Ивар не мог найти нужного слова.

— Я знаю, как ты предан нашей семье, — похлопал го по плечу Бьергюльф. — И

герцогиня Гунхильда, и мой покойный брат, и я сам всегда ценили твоего отца и тебя, — вздохнул он. — Ты достойный его сын.

«Что же он хочет получить взамен?» — подумал Ивар, несколько придя в себя после столь неожиданных и многообещающих слов Бьергюльфа.

— Ты в хороших отношениях с капитаном Штальхорстом, как я понял? — дружески обнял его за плечи герцог.

— Не то чтобы очень, — важно сказал Ивар, — но…

— Вот и хорошо, — кивнул головой герцог. — Ты мог бы подсказать ему неплохую мысль для передачи королю. Он пытливо посмотрел на молодого человека. — Понимаешь меня? Молодая герцогиня немножко не в себе, нервы пошаливают, за что-то обижена на мать и ее мужа… В общем, я думаю, ты догадаешься, что надо сказать.

— Непременно! — горячо подхватил Ивар. — Я и сам ему говорил уже примерно об этом.

— Очень хорошо! — В глазах герцога мелькнула радость. — Я никогда не сомневался в тебе! «Не сомневался, значит? — ухмыльнулся про себя Ивар. — А в общем-то мне плевать, как ты смотрел на меня раньше. Важно, что будет теперь. А я уж постараюсь!»

— Иди, — ласково подтолкнул его Бьергюльф. — Капитан, наверное, заждался тебя!

«Поторопился я все-таки и сболтнул лишнее у короля. Ну да ладно, как-нибудь выкручусь, — подумал Ивар. — Герцогство стоит того. Пожалуй, теперь я куда ближе к верхушке колпака судьбы, нежели к ее подошвам!»

И он, чуть ли не приплясывая, направился по галерее в большой зал.

Глава двенадцатая

Краутвурст после ночного разговора с герцогом не почувствовал облегчения, хотя вроде бы все пока шло гладко. Что-то засело в мерзкой душонке и не давало покоя. Напрасно он поторопился и не покончил с киммерийцем сразу, когда тот попался в ловушку, и оставил живым в подземелье. Вернувшись под утро в свою келью, он попытался вызвать при помощи колдовских приспособлений образ варвара, но почему-то не смог получить нужную ему картинку. Пламя в чаше плясало, не хотело ровно гореть, и видения, что возникали в потоке горячего воздуха, тоже были нечеткими и расплывчатыми.

Когда же Краутвурст наконец увидел то, что хотел, у него волосы встали дыбом! Проклятый киммериец каким-то образом выбрался из подземелья и скачет в направлении Хельсингера! Колдун заметался по маленькой келье, лихорадочно пытаясь найти выход из ужасного положения. Необходимо немедленно покинуть замок. Пусть герцог сам выпутывается — он, Краутвурст, сделал для хозяина все, что мог, пора и о своей шкуре побеспокоиться.

Колдун уже начал собираться, чтобы незаметно покинуть замок, когда в его келье появился герцог Бьергюльф. Краутвурсту вновь пришлось вызывать видения, только на сей раз молодой герцогини. То, что они увидели в зыбком колеблющемся пламени, не добавило им уверенности. Хайделинда ехала верхом, ведя на поводе еще одну лошадь.

— Где это? — спросил герцог.

— Совсем недалеко, сейчас проверим, — подбросив щепоть порошка в пламя, отвечал колдун. — Да,— подтвердил он, — это в лесу на дороге в Сюндбю. Ты хочешь, чтобы я остановил ее?

— А ты сможешь?

— Для этого мне надо выбраться из замка, — поспешно ответил Краутвурст.

— Но на воротах стража Гвардии Золотого Леопарда!

— Это мелочи, — ответил колдун. — Предоставь все мне.

— Иди, — сказал Бьергюльф, — пока капитан гвардейцев с остальными в большом зале. Не надо, чтобы при этом были лишние глаза.

Краутвурст облегченно вздохнул и, закрыв за герцогом дверь, продолжил поспешно собирать свои пожитки. Похоже, тут скоро заварится такая каша, что сам Сет ему не поможет! Неизвестно еще, где сейчас этот киммериец. Времени на то, чтобы еще раз вызвать его образ, у колдуна просто не было. Подхватив свой мешок, он бегом помчался по лестнице во двор замка. Во дворе сновало множество людей, седлали лошадей, запрягали экипажи — сегодня почти все гости собирались покинуть гостеприимный замок Хельсингера. Краутвурст, ругаясь про себя на задержавшего его Бьергюльфа. проскользнул к воротам, стараясь сделать это как можно более незаметно.

— Ты куда это собрался? — грубо спросил его один из трех гвардейцев, расположившихся у ворот. — Без разрешения капитана Штальхорста никто не имеет права покидать замок.

— Он и послал меня к вам с тайным поручением, — быстро сказал колдун, — Отойдем за будку, чтобы никто нас не видел.

Краутвурст юркнул к деревянной будке, где обычно Помещались привратники.

— Что ты там выдумываешь? — проворчал, следуя за ним, стражник.

Колдун мгновенно начертил в воздухе магический знак, и неведомая сила швырнула солдата в стену. От удара с его головы слетел и шлепнулся на землю шлем Сам стражник с сипением корчился рядом.

— Эй! — крикнул колдун, высунувшись из-за будки и подзывая остальных гвардейцев. — Помогите мне!

Солдаты, с недоумением на лицах, двинулись к нему не ожидая никакого подвоха от невзрачного коротышки. Они завернули за угол, и Краутвурст проделал с ними те же манипуляции, что и с их товарищем. Оглянувшись на двор, он увидел, что никто не обратил внимания на то, что происходило всего в ста шагах от них. Колдун, нашарив в кармане стражника ключи, открыл калитку в воротах и прошел во внутреннее пространство между стенами крепости. Спустившись по выщербленным ступенькам в подвал, он стал вращать рукоятку ворота, опускающего подъемный мост.

* * *

— Глядите-ка! — усмехнулся Конан, указав на ворота замка. — Нас встречают!

Действительно, подъемный мост медленно опускался, открывая проход в высоких

воротах замка. Всадники подъехали ближе и остановились, ожидая, когда мост опустится совсем и перекроет ров с водой, тянущийся между внутренним и внешним кольцом стен. Огромный пролет, сколоченный из толстых дубовых бревен опускался очень медленно. Киммериец начал терять терпение.

— Что вы там, шакальи задницы, заснули? — загрохотал его мощный голос. Однако колдун не услышал из подвала крик варвара и не стал быстрее крутить ворот,

Наконец пролет опустился, но никто из охраны, как обычно это бывает в крепости, не появился перед внутренними воротами. Конан со спутниками проехали уже половину моста, как вдруг из входа в подвал появился какой-то человечек и, быстро поднявшись по каменным ступеням, поднял голову.

— Ты подумай! — захохотал киммериец. — Какая встреча!

Он птицей слетел с седла и ринулся к Краутвурсту, надеясь, что успеет до того, как колдун вытворит какую-нибудь свою чародейскую штучку. Варвар опасался не зря: Краутвурст показал себя не по возрасту проворным. Он отступил на шаг назад и быстро начертил в воздухе магический знак. К его немалому удивлению, никакого действия сие не возымело — киммериец ни на мгновение не замедлил своего бега и был уже рядом.

— Ай! — непроизвольно вскрикнул колдун, когда стальные руки Конана вцепились в его запястья.

— Смотри-ка, ты что, разучился колдовать со страха? — Киммериец и сам удивился, но времени даром терять не стал.

Продолжая движение вперед, он ударил Краутвурста спиной о кованые ворота. Колдун взвизгнул и сполз на землю. С помощью подбежавшего Эрленда варвар связал ему руки и взнуздал колдуна так же, как и в прошлый раз.

— Ну вот, теперь не будешь пакостить, клянусь Белом! — удовлетворенно пробормотал Конан.

Все произошло настолько быстро, что он не успел ни о чем подумать. Однако чувство удивления от неудачи магических действий колдуна не покидало его.

«Наверное, опять повезло. Может, и в самом деле я чем-то приглянулся богам?» — Киммериец незаметно привык к разным чудесам в своей жизни.

Он поднял спеленутого колдуна, взвалил на плечо, словно бревно, и махнул рукой спутникам:

— Пошли!

Он протиснулся в калитку в воротах, за ним последовали Хайделинда и Эрленд. Люди во дворе оставили свои занятия, дивясь на странную процессию, шествовавшую к галерее замка: впереди шел загорелый, голый по пояс гигант, несший на плече связанного человека, за ним — девушка с распущенными волосами в странном коротком одеянии, в котором при ближайшем рассмотрении можно было узнать мужскую рубаху, замыкал же шествие всем известный доверенный человек герцога Бьергюльфа Эрленд. Многие узнали в девушке молодую герцогиню. По толпе пронесся шелест голосов. Все застыли, словно завороженные, провожая троицу изумленными взглядами.

— Где капитан? — окликнул варвар гвардейца, выходящего из дверей и, видимо, очень спешившего куда-то.

— В большом зале, — ответил тот, не глядя, и совсем было собирался идти дальше, однако, подняв глаза на спрашивавшего, так и застыл с открытым ртом.

— Капитан Штальхорст занят, — преградили путь киммерийцу двое гвардейцев,

стоявшие у дверей.

— Ты что, никак, не признал меня? — Киммериец остановил на одном из них тяжелый взгляд. — Иди докладывай!

— Конан! — внезапно осипшим голосом воскликнул стражник. — Сейчас доложу!

Через мгновение он распахнул дверь:

— Входи!

Глава тринадцатая

Варвар, герцогиня и Эрленд вошли в зал. При виде направлявшихся к ним людей Ивар, сидевший рядом с седобородым крепким мужчиной, раскрыл рот, будто увидел воплощение Сета. Сидевший спиной к дверям герцог, взглянув на королевского оруженосца, повернул голову и с криком вскочил с места.

Один только капитан Штальхорст сохранял спокойствие и ждал, пока вошедшие не приблизятся. Киммериец, не говоря ни слова, подошел к столу и сбросил свою ношу на пол.

— Узнаешь? — спросил он хозяина, который застыл, словно изваяние, не в силах разжать пальцы, вцепившиеся в спинку кресла.

— Кто это? — спросил капитан, приподнимаясь со своего места.

— Краутвурст, — ответил Ивар, — староста одного из селений Хельсингерского герцогства.

— Но зачем?.. — начал было капитан, но варвар перебил его:

— Если бы только староста! Мерзавец промышляет черной магией. А кроме того, он помог убить герцога Гюннюльфа и его людей. Не так ли, Бьергюльф?

— Ложь! — закричал герцог. — Это ее штучки, капитан! — он протянул трясущийся палец в сторону молодой герцогини, — Теперь ты убедился?!

— Послушай, Конан, — недовольным голосом начал Штальхорст, — мы уже во всем разобрались, а ты являешься с каким-то старостой и начинаешь плести неизвестно что!

— Арестуй их! — заорал герцог, повернувшись к капитану.

— А ты сначала выслушай меня до конца, — усмехнулся киммериец, не обращая внимания на вопли герцога, — Ведь король Нимед прислал тебя, чтобы провести детальное расследование?

— Я еще раз тебе говорю, — скрипнул зубами капитан, — мы уже во всем разобрались…

— Неужели? — скептически произнес варвар, протягивая книгу. — Но вот эта вещь, как мне кажется, еще не попадалась тебе на глаза. А в книжице, между прочим, записано множество прелюбопытных вещей. Как ты думаешь, Бьергюльф, что там написано? — обратился Конан к хозяину замка.

Герцог не отвечал, не в силах вымолвить ни слова. Его глаза налились кровью, как у бешеного кабана. Киммериец махнул рукой и вновь повернулся к капитану.

— Ну что там еще? — буркнул тот.

— Прочти ему, Хайделинда.

Девушка взяла книгу и, отыскав нужное место, прочла записи Краутвурста. Герцог, слушая ее звонкий молодой голос, вдруг почувствовал подступающую к горлу дурноту и слабость в ногах. Он рухнул в кресло, черты его залила мертвенная бледность, и лицо резко осунулось, теперь напоминая наполовину опорожненный бурдюк из-под вина.

— Ну как, впечатляет? — осведомился варвар, беря из рук девушки книгу и передавая ее капитану. — Хочешь, допросим колдуна?

Капитан молчал, переворачивая листы. Он был в растерянности. До прихода варвара гвардеец принял определенное решение, и теперь вновь открывшиеся обстоятельства дела совершенно сбивали его с толку.

— Воды! — обернувшись к дверям, гаркнул киммериец. — V меня есть еще доказательства, — вновь повернулся он к капитану, — но, думаю, пока и этого хватит.

Вслед за стражником, несшим ведро воды, в зал вошел человек в желтой рясе.

— Капитан! — подходя к столу, сказал он. — Мне передали, что обнаружилось какое-то колдовство…

— Верно! — Внезапно в голове варвара мелькнуло решение. Он догадался, почему не сработала магия Краутвурста. — Посмотри-ка, почтеннейший, на эту штучку.

Он пошарил в кошельке и протянул священнику фигурку Сета.

— Боги! — воскликнул тот, держа ее на весу за цепочку, подальше от себя. — Змееголовый!

Конан тем временем вылил воду из ведра на голову колдуна. Тот заворочался и попытался сесть.

— Очухался? — Варвар взял его за воротник рубахи и приподнял. — Скажи-ка, любезный, этот человек заплатил тебе за смерть герцога Гюннюльфа? — Киммериец указал свободной рукой на Бьергюльфа.

Герцог вскочил на ноги, но тут же вновь рухнул в кресло, с ненавистью глядя на варвара. Капитан Штальхорст повернулся к Ивару и хотел что-то сказать, но тот круглыми от изумления глазами напряженно следил за разворачивавшимися перед ним событиями. Краутвурст тем временем медленно приходил в себя, моргая и, кашляя.

— Говори! — Конан тряхнул его, словно мешок. — Или, клянусь Митрой, вышибу из тебя мозги, ублюдок!

— Да ты ему развяжи сначала рот, — указал капитан на кляп во рту Краутвурста.

— Ты прав, — усмехнулся варвар и устранил свою оплошность, освободив пленника от тряпки, затыкавшей рот.

— Это все он, он! — затрясся в руках киммерийца колдун. — Я не хотел, он заставил меня… — Краутвурст извивался и, словно кхитайский болванчик, беспрестанно кивал головой в сторону сжавшегося в кресле Бьергюльфа. — Он заплатил мне деньги, много денег, и я…

— Это твоя вещь? — вдруг выступил вперед служитель Митры, держа в руках амулет.

Увидев золотую фигурку, Краутвурст вздрогнул и жалобно застонал. Он обмяк в руках варвара, потеряв всякую способность сопротивляться, бороться за свою жизнь и вообще двигаться.

— Это несложно проверить, — важно произнес священник. — Ты,— повернулся он к варвару, — можешь разломать ее на части? — Он протянул варвару фигурку Сета, держа ее так, словно она могла его ужалить.

— Легко! — Киммериец одним движением двух пальцев левой руки — на правой все

еще висел колдун — сломал фигурку.

В то же мгновение он почувствовал, как тело Краутвурста затряслось в конвульсиях и стало терять свой вес. Раздался вскрик Хайделинды, она указывала на колдуна. Все видели, как он уменьшается на глазах, обращаясь при этом в синеватое облачко. Затем раздался легкий треск. Конан изумленно взглянул на свою ладонь. Она была пуста.

— Это все их колдовские штучки, капитан! Неужели ты не видишь? Все она, она устроила! — вдруг взревел Бьергюльф, вскакивая с кресла и выдергивая из ножен меч. — Ты, мерзавка, с самого первого дня хотела избавиться от меня! — Он взмахнул клинком и бросился к Хайделинде.

Присутствующие на мгновение оцепенели. Меч герцога был направлен прямо в грудь девушки. Еще одно мгновение, и острие неминуемо вонзилось бы в ее сердце. Но вместо этого послышался звон стали. Это путь стремительному броску Бьергюльфа преградил клинок киммерийца.

— Эта девушка тебе не по зубам, ублюдок! — взревел Конан, отбивая удар. — Попробуй сразиться со мной, если ты мужчина!

Бьергюльф, отброшенный назад мечом варвара, вновь взмахнул оружием и бросился вперед, теперь уже на нового противника. Ярость захлестнула его, и он, наверное, мог бы сейчас броситься на кого угодно, оказавшегося на его пути. Зрители схватки отпрыгнули в стороны, освобождая соперникам место для поединка. Клинки встретились, высекая искры. Кован, краем глаза наблюдая за остальными, сделал два-три шага назад, отступая от Бьергюльфа: киммерийцу хотелось увести его подальше от молодой герцогини.

— Ага, презренная тварь! Боишься меня! — гаркнул герцог, неверно истолковав маневр варвара.

Бьергюльф был неплохим бойцом, но, разумеется, не мог равняться по мастерству фехтования с Конаном, тем более что его глаза и разум застилала безумная ярость. Герцог, размахивая мечом, вкладывал в удар столько силы, словно не фехтовал, а, как каменотес, рубил скалу. Конан, легко и плавно двигаясь вокруг своего противника, уклонялся от ударов, но сам пока не пускал в ход свой разящий клинок, лишь иногда отбивая меч противника.

— Я тебя разрублю на куски, грязный варвар! — брызгая слюной, ревел Бьергюльф.

— Разве могу я рассчитывать на подобную честь? — откровенно издеваясь над ним, ответил киммериец, вновь ловко уклоняясь от удара.

Конан, чуть согнувшись и выставив вперед правую руку с мечом, легко переступал ногами, слегка раскачиваясь перед герцогом и зорко следя за его движениями. Отбив очередной выпад противника, он сделал неуловимый и мягкий шаг в сторону, пропустив герцога чуть вперед, и нанес молниеносный и сокрушительный удар сверху, захватив рукоять своего меча обеими руками. Клинок с хрустом вошел в плоть и располосовал Бьергюльфа от шеи до бедра. Ноги герцога еще продолжали нести его вперед, но тело уже оседало вниз, словно сброшенный с телеги куль с мякиной. Все было кончено в один миг. Верхняя часть тела Бьергюльфа с глухим стуком ударилась о каменные плиты пола. Искаженное гримасой предсмертной боли лицо герцога застыло, глядя вверх тускнеющими глазами. Раздался всеобщий вскрик зрителей, наблюдавших за схваткой. Конан спокойно отер клинок об одежду противника и поднял глаза на остальных.

Поединок был скоротечным. Штальхорст все еще сидел за столом, держа в руках злополучную книгу колдуна. Хайделинда, Эрленд и служитель Митры стояли чуть в стороне, напряженно глядя на варвара. Ивар, вскочивший со своего места в начале схватки, так и

стоял, вцепившись руками в столешницу. Костяшки его пальцев побелели от напряжения. Он, как и герцог несколько мгновений назад, кипел от едва сдерживаемой ярости. Все рухнуло в один миг!

Воцарившееся молчание нарушил пронзительный женский крик, заставивший вздрогнуть даже киммерийца. Гунхильда, вбежавшая в зал, упала на труп своего мужа.

— Боги! — кричала она. — За что?!

Конан бросился к ней, чтобы поднять обезумевшую от горя женщину. Но даже его проворства не хватило, чтобы предотвратить еще одну смерть в этом замке. Герцогиня, выхватив из-за пояса Бьергюльфа кинжал, вонзила клинок себе в грудь.

— Вы отняли у меня все, зачем мне жизнь… — успел услышать варвар слова, сорвавшиеся с губ Гунхильды вместе с последним вздохом.

«Горячий народ, даже странно для северян… Но по мне, пожалуй, здесь чересчур много ненормальных, — подумал, усмехаясь про себя, Конан. — Пора запрягать коней и — подальше от Хельсингера! Тут, я вижу, и без меня будет чем заняться его молодым хозяевам. Но сначала…»

— Захлопни рот, а то свернешь себе челюсть! — обратился он к капитану гвардейцев, который, все еще сидя за столом, с изрядным недоумением наблюдал за происходящим. — Тебя зачем сюда прислал король?

— Расследовать… — начал было Штальхорст.

— Ну тогда все в порядке, — перебил его варвар. — Доложишь, что расследование успешно завершено, и события повернулись вот таким образом. В Хельсингере теперь новая герцогиня. Какие могут быть вопросы?

Зал понемногу наполнялся людьми. Вновь прибывшим шепотом пересказывали происшедшее. Не успевшие покинуть к этому времени замок нобили собирались группами, взволнованно обсуждая события, развернувшиеся в Хельсингере. Все с уважением поглядывали на могучего варвара, выделявшегося своим ростом и статью даже среди северян, которые считались самыми крупными и сильными жителями Немедии.

— Тихо! — Киммериец подошел к столу, и сдержанный гул голосов, наполнявший зал, умолк.

— Благородные немедийцы! — продолжал варвар, беря за руку Хайделинду и выводя ее на середину образовавшегося круга. — Думаю, вы все должны поприветствовать новую повелительницу Хельсингера, герцогиню Хайделинду. Так уж случилось, что ее родители мертвы, и теперь власть в замке принадлежит ей по праву.

Среди собравшегося в зале народа раздались взволнованные восклицания, но потом все замолчали, глядя на варвара и стоявшую рядом с ним Хайделинду в странном наряде, мало подходящем для властительницы столь могущественного герцогства.

— Была бы герцогиня, а платье для нее найдется, — засмеялся Конан, правильно поняв причину недоумения аристократов и разряжая тем самым повисшее в воздухе напряжение. Толпа, словно сбросив с себя давящую ношу, последовала его примеру, облегченно расхохотавшись. — И еще я думаю, — варвар посмотрел на стоявшего неподалеку барона Фронденбергского, — что почтеннейшие нобили помогут нашему капитану в изложении событий — так, чтобы Его Величество король Нимед мог ясно представить, что здесь произошло.

Из толпы нобилей раздались приветственные крики: каждый спешил засвидетельствовать свое почтение новой хозяйке обширных северных владений. Ивар так и

стоявший возле стола, заметил влюбленные взгляды, которыми обменялись Эрленд и Хайделинда. Конан, стоявший рядом, глядя на счастливую пару, довольно ухмылялся. Оруженосец почувствовал, как гнев закипает в груди. Только что, до прихода этого киммерийца, Ивар уже ощущал себя будущим владельцем Хельсингера — и вот такой ошеломляющий поворот судьбы!

Внезапно пришло решение: уж если он теряет и богатую жену, и ее владения, никто из присутствующих их тоже не получит! Если Хельсингер лишится наследницы, земли перейдут к королю Нимеду. И монарх вряд ли забудет человека, поспособствовавшего этому: он, Ивар, непременно получит и титул барона, и соответствующие титулу земли! Но сначала надо убить молодую герцогиню, и так, чтобы…

Острота ситуации придала мыслям оруженосца несвойственную им изворотливость. Затеять драку, втянуть в нее и нобилей, и гвардейцев, Эрленда, Конана… И в суматохе вонзить кинжал в сердце ставшей вдруг ненавистной женщины!

— Суда и справедливости! — закричал Ивар, кидаясь к герцогине.

Как бы забывшись, молодой человек наполовину извлек из ножен свой меч, и этот жест заставил киммерийца и Эрленда сделать шаг вперед, прикрыв собой Хайделинду. Казалось, замысел Ивара вот-вот осуществится: еще немного, и варвар с аргосцем кинутся на него, а тогда можно будет кликнуть гвардейцев, вступятся нобили… Оруженосец почти обнажил клинок, когда за спинами стоящих перед ним мужчин раздался холодный властный голос новой хозяйки замка:

— Расступитесь, месьоры! Владетели Хельсингера никогда не отказывают своим подданным в справедливом суде!

Уверенная сила, с которой прозвучал этот приказ, заставила Конана и Эрленда сделать шаг в сторону, и Ивар оказался лицом к лицу с молодой герцогиней.

— Ты просишь суда, оруженосец, но я не вправе творить его, ибо я сама убила твоего отца, и хотя, видят боги, казню себя за это гораздо суровей, чем могут то сделать люди, приговор себе вынести не могу. А справедливость… Высшая справедливость — в руках Митры!

Собравшиеся удивленно ахнули, поняв, что молодая женщина предлагает решить дело Божьим Судом и вызывает Ивара на поединок.

Кривая улыбка чуть тронула губы юноши: он понял, что лишь удачный выпад отделяет его от заветной цели. Если он убьет герцогиню в честном поединке, никто не вправе будет его осудить!

Клинки скрестились. Вскоре всем стало ясно, что Хайделинда гораздо лучше владеет клинком, чем ее противник: уроки фехтования, преподнесенные аргосцем, не пропали даром. Ее манера вести бой была жесткой и стремительной. Она не давала Ивару перевести дух, все время заставляя двигаться по кругу и отбивать ее выпады. Оруженосец сбил дыхание и стал делать одну ошибку за другой.

Уклоняясь от очередного удара, Ивар вдруг поскользнулся, и герцогиня ловким движением выбила оружие из его рук. Острие ее клинка тут же оказалось возле горла молодого человека, щеки которого залила! мертвенная бледность.

— Я могу простить тебя, — негромко произнесла владетельница Хельсингера, — если попросишь пощады.

Ивар хотел ответить, но не мог вымолвить ни слова: страх сковал его губы. Он только кивнул, испуганно и жалко оглядываясь на безмолвную толпу нобилей.

— Говори! — потребовала герцогиня.

— Пощады! — прохрипел Ивар. — Я хочу жить!

Хайделинда опустила клинок и, повернувшись, медленно пошла к столу, за которым сидел капитан гвардейцев и стоял большой кувшин вина. Гости разразились приветственными криками.

Внезапно судорога ярости исказила красивое лицо оруженосца. Подхватив с пола свой меч, он метнул его в спину удалявшейся женщины.

Все произошло так быстро, что никто не успел опомниться: гибель, казавшаяся неотвратимой, второй раз за сегодняшний день грозила Хайделинде…

Вдруг раздался оглушительный рев, стены замка сотряслись, и на пути мелькнувшей в воздухе смертоносной стали возникла огромная темная туша. Клинок ударил в нее и отскочил, со звонам упав на каменные плиты.

Гигантский медведь поднялся на задние лапы и, нависая над скорчившимся в ужасе Иваром, сделал к нему пару шагов. Заверещав, словно заяц, юный хлюст заметался, пытаясь нырнуть в толпу придворных, — тщетно. Люди стояли плотной стеной, оцепенев, словно в каком-то внезапном наваждении.

Туша медведя росла на глазах, голова его с задранной мордой, казалось, вот-вот коснется невидимых сводов зала… Ивар вдруг застыл, в ужасе глядя на эту картину. Глаза его вылезли из орбит, губы посинели… Схватившись за горло, оруженосец рухнул как подкошенный.

Он был мертв.

Торжествующий рев чудовища огласил стены залы, медведь стал быстро уменьшаться, очертания его тела менялись. Миг — и перед изумленными взорами предстал пропавший герцог Гюннюльф. Молча повернувшись, он зашагал к трупу брата, ногой отпихнул тело Гунхильды и, ухватив мертвеца за воротник камзола, поволок к выходу…

Киммериец первым поборол сковавшее всех колдовское оцепенение, но, когда он во главе ринувшейся на двор толпы оказался на замковой площади, там было пусто.

Куда девался герцог-медведь, навсегда осталось тайной.

* * *

На следующее утро пятерка всадников покидала Хельсингер. Конан распрощался с Эрлендом, который, несмотря на ранний час, вышел проводить их за крепостные стены.

— Пусть боги даруют тебе удачу, — похлопал он по плечу аргосца. — Пока, как я вижу, они благоволят к тебе.

— Без тебя и боги вряд ли были бы способны помочь нам, — серьезно ответил Эрленд. — Не знаю, как я могу отблагодарить тебя, но помни: ты всегда можешь на меня рассчитывать!

— Пустяки! — беспечно отмахнулся варвар, — Желаю счастья! А с такой женой его у тебя будет достаточно!

Кавалькада вытянулась вдоль края опушки дубовой рощи, где проходила дорога. Киммериец еще раз оглянулся на замок и увидел на вершине крепостной стены женскую

фигурку, взмахнувшую белым платком. Вот и закончилась еще одна история, а на его жизненном небосводе появилась еще одна маленькая, но яркая звездочка…

Он ответил прощальным жестом правой руки и повернулся к спутнику:

— Давай, старина, споем, что ли!

Седой ветеран усмехнулся и хриплым голосом затянул:

Среди людей, степенных и уверенных,

Все знающих и наперед решивших,

И смирной жизнью их шагов размеренных,

Неторопливых, как вода во льдах застывших,

Лишь изредка мелькают те, которые,

Как меч, резки, блестящи и стремительны,

К превратностям судьбе всегда готовые.

Их не пугает непредсказанность события.

Дорога манит нас, копытами коней избитая,

Огонь костра, наш дом под пологом ветвей,

И сабель звон, и встречи, скоро позабытые…

Вот так! И не завидуем мы судьбам королей!

Прохладный утренний ветерок ласково обвевал лица всадников, прислушивавшихся к

словам песни и думающих каждый о чем-то своем. Конан еще раз оглянулся назад, но стены замка уже скрылись за поворотам дороги, и лишь над вершинами деревьев вырисовывался силуэт трех сомкнутых белых башен Хельсингера, похожий на сахарную голову.

WWW.CIMMERIA.RU